А. Ф. Прасол

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЯПОНИИ

ТОЁТОМИ ХИДЭЁСИ

ВКН

А.Ф. Прасол

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЯПОНИИ

ТОЁТОМИ ХИДЭЁСИ

ВКН
Москва
2016

УДК 94(520).02
ББК 63.3(5Япо)4
П70

Прасол А. Ф.

П70 Объединение Японии. Тоётоми Хидэёси / А. Ф. Прасол. — М.: Издательство ВКН, 2016. — 464 с. — Ил.

ISBN 978-5-9906061-7-3

Эта книга — вторая часть трилогии, посвящённой объединению Японии в конце XVI века. Центральное место в ней занимает жизнь и деятельность Тоётоми Хидэёси, одного из самых популярных персонажей японской истории. Сын простого крестьянина, в 17 лет примкнувший к воинскому сословию, он за счёт личных качеств сумел победить своих более именитых соперников и стать первым единовластным правителем страны. Книга рассказывает о том, как это произошло.

Важную часть издания составляют сведения о культуре, быте и нравах эпохи междоусобных войн. О том, как жили и воевали японцы в XVI веке, что думали о жизни и смерти, чести и позоре, верности и предательстве. Автор даёт читателю возможность заглянуть в эту уже далёкую от нас эпоху и получить представление о некоторых малоизвестных реалиях японского общества того времени. Книга написана в жанре живой истории и будет подарком для тех, кто её любит. Текст снабжён множеством рисунков, гравюр и картографических схем, которые помогут читателю лучше разобраться в том, что происходило в Японии четыре с половиной столетия назад.

© А. Ф. Прасол, 2016
© ООО «Издательство ВКН», 2016

Оглавление

Часть первая. ЭПОХА И ЛЮДИ 5

Военно-политический ландшафт 5
Общество 18
Города и форты 26
Семейная стратегия и тактика 36
Боевые реалии 43
Перед походом 55
В походе 68
Поощрения и наказания 86
Оружие 101
Жизнь и смерть самурая 113

Часть вторая. ТОЁТОМИ ХИДЭЁСИ 125

Безымянный воин 125

Полководец 144
Гибель Нобунага 171

Преемник Нобунага 177
Акэти Мицухидэ 177
Сибата Кацуиэ 195
Замок Осака 222
Токугава Иэясу 228
Повстанцы Икко 241

Придворная карьера 247
Остров Сикоку 250
Восточное партнёрство 254
Остров Кюсю 258
Столичное событие 280
Последние противники на востоке 284
Сэн Рикю 304

Правитель 311
Подготовка к войне 311
Агрессия в Корее: начало 328
Перемирие 359
Проблема наследника 366
Война в Корее: заключительный этап 380
Восстановление отношений 403
Несостоявшаяся династия 412
Итоги 439

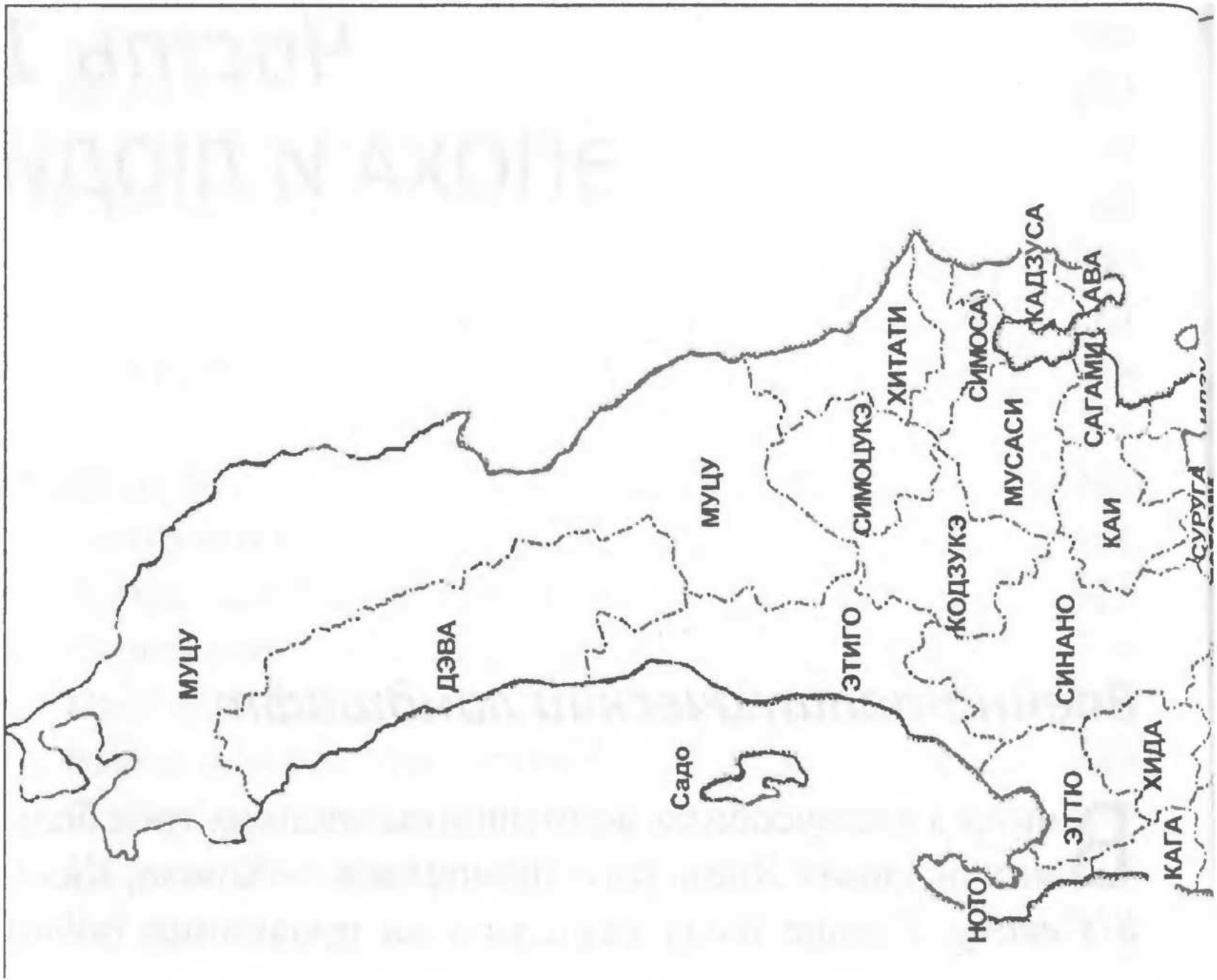
ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ 443

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ 451

Часть 1
ЭПОХА И ЛЮДИ

Военно-политический ландшафт

В эпоху междоусобных войн японцы жили на трёх больших островах Японского архипелага — Хонсю, Кюсю и Сикоку. Страна была разделена на провинции (*куни*), провинции состояли из уездов (*гун*), а уезды — из волостей (*го*). В период ранней государственности губернаторы провинций (*сюго*) назначались из числа столичных аристократов, а после прихода к власти воинского сословия их место заняли руководители крупных кланов, состоявших в родстве с императорской фамилией или ведущими воинскими домами. Приближённые к сёгуну военачальники занимали должности в военном правительстве (*бакуфу*) и проводили много времени в «полевой ставке» — сначала в Камакура, а затем в Киото. Некоторые жили в столице постоянно, лишь время от времени наезжая в свои уделы, управляемые вассалами в ранге наместника (*сюгодай*). У губернаторов, владевших несколькими провинциями, в каждой был свой наместник. Со временем они закреплялись на местной почве, обзаводились собственными вассалами и создавали свою пирамиду власти. И если губернатор по каким-то причинам утрачивал влияние в провинции, наместники прибирали к рукам его владения.


МУЦУ
ДЭВА
МУЦУ
СИМОЦУКЭ
ХИТАТИ
СИМОСА
КАДЗУСА
АВА
ЭТИГО
ЖОДЗУКЭ
МУСАСИ
САГАМИ
КАИ
СИНАНО
Садо
ЭТТЮ
ХИДА
КАГА
НОТО

Карта Японии в XVI веке

А нередко и сами устраивали заговоры и свергали бывшего сюзерена. По этой причине к XV веку в провинциальной воинской иерархии сложилась изрядная неразбериха: в каждой провинции был свой номинальный губернатор, но далеко не каждый в ней доминировал. Чаще всего *сюго* делил власть и влияние с одним или несколькими *сюгодай*. Иногда это были его родственники, иногда — местные выдвиженцы, отвоевавшие себе часть провинции. На большей части страны, состоявшей из 60 провинций, почти постоянно шли боевые действия; по их результатам местные военачальники либо расширяли свои земли и влияние, либо теряли их.

В середине XVI века самыми обширными землями владели воинские дома Симадзу, Амаго, Мори, Отомо, Миёси на западе страны и Такэда, Ходзё, Имагава, Уэсуги на востоке. Несколько десятков кланов контролировали меньшие территории, от уезда до провинции, им подчинялись местные предводители, владевшие одной-двумя волостями. Эта ситуация сложилась после нескольких десятилетий междоусобных войн, начало которым положила смута годов Онин (1467–1477). Она началась с конфликта в ближайшем окружении восьмого сёгуна Асикага Ёсимаса (1436–1590) и продолжалась десять лет. В столице и её окрестностях шли бои между западной и восточной группировками, каждая из которых стремилась назначить сёгуном своего ставленника. После того как лидеры обеих группировок умерли естественной смертью, вражда стала затихать и к 1477 году сошла на нет. Однако смутное десятилетие не прошло даром — влияние центрального правительства в провинциях упало, и местные военачальники стали жить по своим уставам, не оглядываясь на столицу. Локальные междоусобные войны продолжались ещё более ста лет, поэтому период с 1477 по 1590 год в японской истории называется эпохой воюющих провинций (*сэнгоку дзидай*).

Названия провинций, упоминаемых в этой книге, на карте современной Японии найти невозможно. В 1868 году административное деление страны изменилось, и на смену провинциям пришли префектуры, не совпадающие с ними ни по названию, ни по границам. Сегодня это сильно затрудняет задачу тем, кто хотел бы побольше узнать о той эпохе. Приводимая ниже таблица может в этом помочь[1].

Провинция	Современная префектура	Провинция	Современная префектура
Ава	Токусима	***Дэва***	Ямагата, Акита
Ава	Южная часть Тиба	***Ивами***	Западная часть Симанэ
Аки	Западная часть Хиросимы	***Ига***	Западная часть Миэ
Бидзэн	Юго-восточная часть Окаяма	***Идзу***	Сидзуока, округ Токио
Бинго	Восточная часть Хиросимы	***Идзуми***	Округ Осака
Биттю	Западная часть Окаяма	***Идзумо***	Восточная часть Симанэ
Будзэн	Восточная часть Фукуока, северная часть Оита	***Иё***	Эхимэ
Бунго	Оита	***Инаба***	Восточная часть Тоттори
Вакаса	Южная часть Фукуи	***Исэ***	Миэ, Аити, Гифу

[1] Названия провинций приводятся в алфавитном порядке.

Продолжение таблицы

Провинция	Современная префектура	Провинция	Современная префектура
Кавати	Округ Осака	***Ното***	Северная часть Исикава
Кага	Южная часть Исикава	***Овари***	Западная часть Аити
Кадзуса	Центральная часть Тиба	***Оми***	Сига
Каи	Яманаси	***Осуми***	Восточная часть Кагосима
Кии	Вакаяма и южная часть Миэ	***Сагами***	Канагава
Кодзукэ	Гумма	***Сануки***	Кагава
Микава	Восточная часть Аити	***Сацума***	Западная часть Кагосима
Мимасака	Северо-восточная часть Окаяма	***Симоса***	Тиба, Ибараки, Сайтама, округ Токио
Мино	Южная часть Гифу	***Симоцукэ***	Тотиги
Мусаси	Округ Токио, Сайтама, Канагава	***Синано***	Гифу, Нагано
Муцу	Аомори, Иватэ, Мияги, Фукусима, Акита	***Суо***	Восточная часть Ямагути
Нагато	Западная часть Ямагути	***Суруга***	Сидзуока

Окончание таблицы

Провинция	Современная префектура	Провинция	Современная префектура
Сэццу	Округ Осака	***Хида***	Северная часть Гифу
Тадзима	Северная часть Хёго	***Хидзэн***	Сага, Нагасаки
Тамба	Центральная часть округа Киото	***Хитати***	Ибараки
Танго	Северная часть округа Киото	***Хоки***	Западная часть Тоттори
Тикуго	Южная часть Фукуока	***Хюга***	Миядзаки
Тикудзэн	Западная часть Фукуока	***Этиго***	Ниигата
Тоса	Коти	***Этидзэн***	Фукуи, Гифу
Тотоми	Сидзуока	***Эттю***	Тояма
Харима	Юго-западная часть Хёго	***Ямасиро***	Южная часть округа Киото
Хиго	Кумамото	***Ямато***	Нара

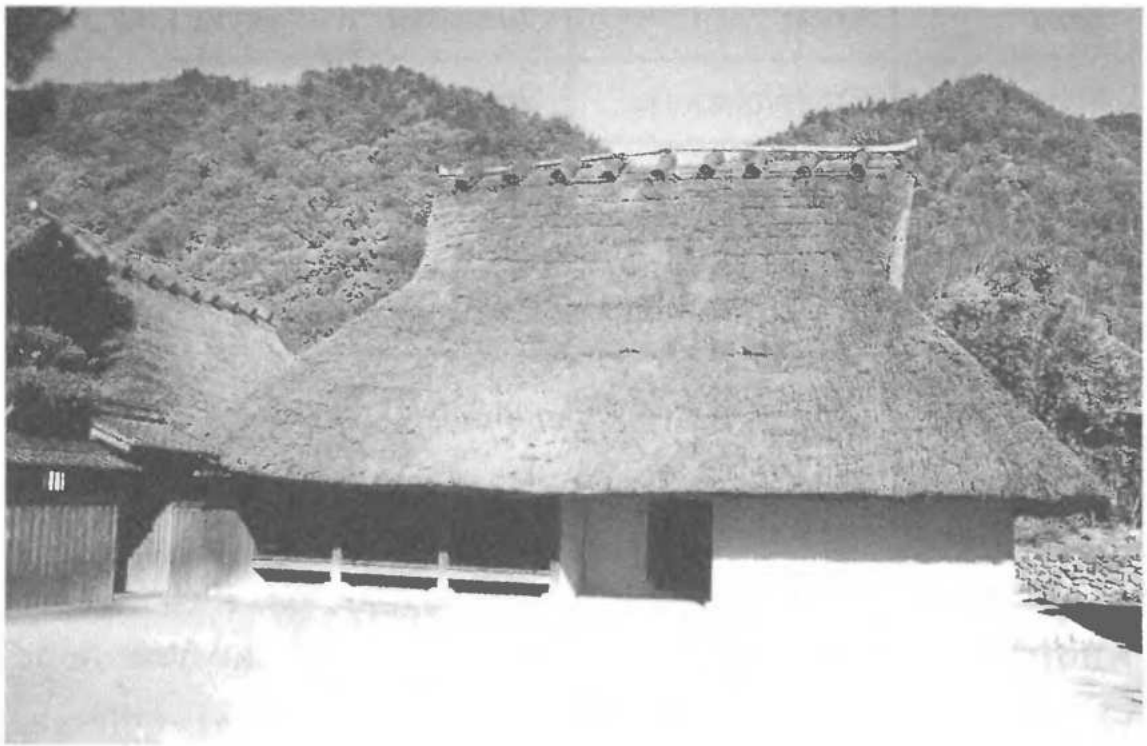
* *Без пяти островных территорий (Авадзи, Ики, Цусима, Оки, Садо).*

Военное правительство переехало из Камакура в Киото в 1338 году. К тому времени оно давно уже перестало быть «полевой ставкой» (*бакуфу*) и превратилось в военно-бюрократическое учреждение, где служили крупные военачальники в ранге *сюго*. С Асикага Такаудзи

(1305–1358) началась династия сёгунов Асикага, 15 поколений которых занимали высший воинский пост. Их правление в общей сложности длилось 237 лет. Первая столичная резиденция сёгунов Асикага располагалась в квартале Муромати, давшем название этой исторической эпохе.

В XIV веке выезды в столицу составляли важную часть воинской службы, и провинциальные кланы регулярно её несли. Это обеспечивало присутствие рядом с сёгуном военной силы и способствовало поддержанию порядка. Систему правления, при которой страной руководило военное правительство *бакуфу* во главе с сёгуном, называют *сёгунатом*.

Служившие в *бакуфу* губернаторы *сюго* имели в столице собственные усадьбы и проводили в них большую часть времени. Эти усадьбы называли словом *самураи-докоро* (буквально «место службы»). До середины XV века ключевые посты в *бакуфу* занимали главы воинских до-



Дом военачальника среднего ранга (реконструкция)

мов Хосокава, Хатакэяма, Сиба, Ямана, Акамацу, Иссики и некоторые другие. В отличие от них военачальники из удалённых провинций в столице бывали редко. Например, клан Симадзу из провинции Сацума с 1336 по 1410 год вообще ни разу не отправлял своих представителей в Киото. Этот случай исключительный, но в целом удалённость региона сильно влияла на частоту визитов, и в *бакуфу* с этим считались.

Как уже говорилось, ситуация резко изменилась после смуты годов Онин — теперь уже не только удалённые, но и ближние воинские кланы стали всё реже появляться в столице. В 1493 году в правительстве вспыхнул очередной конфликт вокруг сёгунской должности (*Мэйо но сэйхэн*), спровоцировавший усиление междоусобных столкновений. Центр оказался в ещё большей изоляции, губернаторы постепенно ликвидировали свои столичные усадьбы и разъехались по провинциям. Их визиты в Киото стали совсем редкими и теперь, наоборот, привлекали повышенное внимание, замешанное на подозрении — с чего это вдруг тот или иной провинциальный военачальник надумал идти в столицу?

Со временем такие визиты превратились в большое событие и разделились на два типа — мирные и военные. Первые совершались с небольшими отрядами в несколько десятков или сотен человек и носили ритуально-этикетный характер. Их участники шли в Киото окружными путями, не вступая в конфликты с хозяевами земель, через которые проходили. Прибыв в столицу, наносили визиты вежливости сёгуну и императору, дарили подарки и жертвовали деньги. В ответ получали повышение в воинском или придворном ранге и грамоту, отмечавшую их воинскую доблесть, а затем возвращались домой в ореоле паломников, приобщившихся к центральной власти. В материальном плане такие походы обходились недёшево, но способствовали росту авторитета визитёров в местных кругах —

вассалы охотнее шли к ним на службу, а соседи больше уважали. В 1526 году с таким мирным визитом столицу посетил Китабатакэ Харутомо (1503–1563) из провинции Исэ, в 1528 году — Анэкодзи Такацуна (?–1576) из провинции Хида, в 1530 году — Ода Нобутомо (?–1555) из провинции Овари, родственник Ода Нобунага. Нобутомо пришёл в столицу с большим отрядом в 3 тысячи человек, за что удостоился упоминаний во многих хрониках.

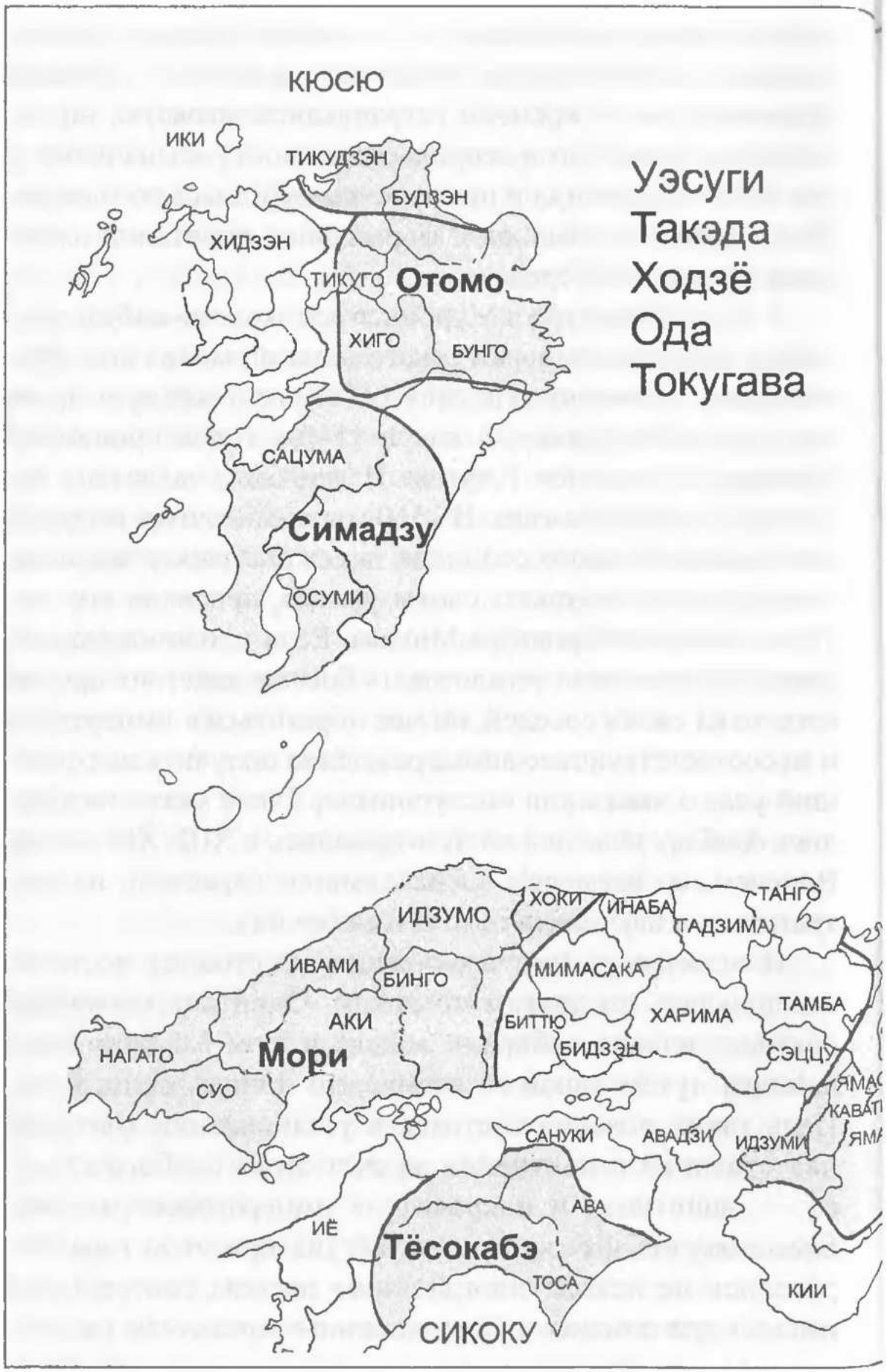
Классическим паломничеством в столицу стал поход Уэсуги Кэнсин (1530–1578) из провинции Этиго в 1553 году. Особенно запомнилась современникам личная аудиенция, которой император удостоил провинциального предводителя. Во время этой встречи Уэсуги Кэнсин, тогда ещё носивший имя Нагао Кагэтора, был возведён в неполный пятый ранг низшей ступени и получил в подарок от императора столовый набор для *сакэ* и самурайский меч. Оглашённый во время аудиенции императорский указ гласил: «Выполняя Нашу волю, Нагао Кагэтора изгнал из своих владений враждебные силы. За сим повелеваю: править Кагэтора многие лета, приумножая воинские доблести и побеждая врагов своих во благо императорского трона» (Иматани, 2001). «Враждебные силы», которые победил Уэсуги Кэнсин в борьбе за пост главы семьи, состояли преимущественно из его родственников, и императорский указ формально закрепил его победу. Впрочем, визит молодого военачальника в столицу имел и практическую цель — недавно появившееся в Японии огнестрельное оружие. Наняв в столичном районе оружейников, клан Уэсуги вскоре наладил его производство у себя в провинции.

После того как в 1192 году власть перешла в руки воинского сословия, жизнь императорского дома и столичной аристократии сильно изменилась. Японские императоры в мирских делах ничего не решали и постоянно нуждались в деньгах, но сохранили свой сакрально-символический

статус и неприкосновенность — никто не пытался ликвидировать императорскую династию как институт. Против сёгунов время от времени устраивались заговоры, но освящённая волей богов неприкосновенность «сына неба» и его потомков никогда и никем не подвергалась сомнению. Неизменным оставалось и формальное почитание императора в воинской среде.

В эпохи Камакура и Муромати все сколько-нибудь значимые действия императорского дома оплачивались просителями, и эти поступления составляли важную часть его дохода. Например, в конце 1540-х годов провинция Микава, где родился Токугава Иэясу, была захвачена соседним кланом Имагава. В 1560 году император, получив от Имагава Ёсимото солидное денежное пожертвование, утвердил этот результат своим указом, присвоив ему титул военного губернатора Микава. Если провинциальный предводитель хотел легализовать боевые действия против кого-то из своих соседей, он мог обратиться к императору и за соответствующее вознаграждение получить высочайший указ о наказании «ослушника». Такие указы назывались *дзибацу риндзи* и часто издавались в XIII–XIV веках. Впрочем, со временем военачальники перестали на них тратиться и научились обходиться без них.

В отличие от мирных походов на столицу военные совершались по другим правилам. Один или несколько союзных кланов собирали войско и шли в Киото кратчайшим путём, воюя со всеми, кто попадался на пути. Цель таких походов состояла в установлении контроля над столицей и получении за счёт этого особого статуса — защитника и покровителя императорского дома. Благополучие и безопасность сёгуна при этом гарантировались не всегда; иногда такие походы совершались именно для замены одного военного правителя на другого. Или, наоборот, для защиты действующего сёгуна от какой-либо угрозы.



Крупнейшие кланы Япони

владения
крупнейших кланов
Мори
Тёсокабэ
Симадзу
Отомо
ДЭВА
Садо
ЭТИГО
НОТО
Уэсуги
МУЦУ
ЭТТЮ
КАГА
ХИДА
КОДЗУКЭ
СИМОЦУКЭ
СИНАНО
ЭТИДЗЭН
МИНО
ХИТАТИ
Ода
Такэда
МУСАСИ
СИМОСА
Ходзё
КАИ
ОВАРИ
САГАМИ
Токугава
СУРУГА
КАДЗУСА
ИГА
МИКАВА
ТОТОМИ
АВА
ИДЗУ
СИМА

(1570–1572)

В 1508 году такой военный поход организовал Оути Ёсиоки (1477–1529) из удалённой западной провинции Суо для восстановления в должности десятого сёгуна Асикага Ёситанэ (1466–1523). Выполнив задачу, Ёсиоки следующие десять лет бессменно занимал пост столичного губернатора. В 1549 году Миёси Нагаёси (1522–1564) из провинции Ава на острове Сикоку вмешался в семейный конфликт, вспыхнувший в клане Хосокава, приближённого к дому Асикага, и под предлогом защиты одного из родственников с большим войском предпринял поход на Киото, также завершившийся успехом.

В 1568 году то же самое сделал Ода Нобунага (1534–1582), посадив на воинский трон пятнадцатого сёгуна Асикага Ёсиаки (1537–1597). Нобунага пришёл с востока, через провинцию Оми, и его покорение столицы стало последним в XVI веке.

Общество

Эпоха междоусобных войн завершилась в конце XVI века объединением страны. Его заключительный этап длился 24 года: первые 14 лет (1568–1582) главным действующим лицом был Ода Нобунага, а последние 10 лет (1582–1592) — Тоётоми Хидэёси. Элиту воинского сословия составляли военачальники трёх категорий: *сюго*, *сюго даймё* и *сэнгоку даймё*. Официальный ранг *сюго* присваивался указом сёгуна, а неофициальные звания *сюго даймё* и *сэнгоку даймё* добывались на полях сражений. Они появились позднее, в эпоху Токугава, а в XVI веке глава клана Уэсуги, например, не знал, что входит в число *сэнгоку даймё*. Авторитет и влияние военачальника определялись двумя взаимоопределяющими факторами: численностью вассалов и площадью землевладений. Нижестоящий

командир обычно поставлял своему начальнику одного воина с каждых 6–7 *каммон* дохода[2]. Таким образом, при доходе, например, в 400 *каммон* он должен был в случае мобилизации отправить на службу 60–70 пехотинцев. В начале 1570-х годов в Японии насчитывалось около 100 крупнейших воинских домов с годовым доходом более 10 тысяч *коку*[3] риса, а через 30 лет, в 1600 году, их число возросло уже до 270.

Военачальник XVI века

В количественном отношении больше всего было обладателей ранга *сюго*, контролировавших от одного до двух-трёх уездов. К категории *сюго даймё* относились владельцы более крупных территорий — от нескольких уездов до провинции среднего размера. В высшую категорию *сэнгоку даймё* входили военачальники, владевшие самыми обширными землями, от одной до нескольких провинций. Рядовых военных губернаторов, последовательно прошедших путь от *сюго* до *сэнгоку даймё*, было немного, около десяти на всю стра-

---

[2] В пересчёте на современные деньги один *каммон* приблизительно равнялся 80 000 иен (700–800 долларов США). Несколькими десятилетиями позже, уже в эпоху Токугава, 60 *каммон* были эквивалентны 400 *коку* рисового дохода.

[3] Один *коку* — мера веса, равная примерно 150 кг. Считалось, что именно столько риса производит один крестьян за год работы и столько же требуется для пропитания взрослому мужчине на год.

ну (Сатакэ, Имагава, Такэда, Асакура, Роккаку, Симадзу и др.). На заключительном этапе объединения страны потерпели поражение и выбыли из воинской элиты крупные воинские дома Китабатакэ, Адзаи, Асакура, Такэда, Ходзё, Ода, Отомо и многие другие.

Постоянным источником пополнения для этих трёх категорий служила огромная масса местных предводителей самого разного происхождения (их называли *кунидзин рёсю* или *кунисю*), которые пробивались наверх исключительно за счёт личных качеств, объединяя вокруг себя местных командиров. Самые известные примеры — вышедшие из низов главы домов Датэ, Мори, Тёсокабэ.

Японское общество XVI века отличалось большой текучестью и подвижностью сословных рамок — подтверждением тому служат биографии военачальников. Например, известный Сайто Досан (1494–1556) начинал в провинции Мино торговцем рыбьего жира для светильников, а затем, последовательно свергая вышестоящих, стал её хозяином. Не менее известный Ходзё Соун (1456–1519) в молодости бродяжничал, а закончил жизнь на посту главы крупного клана. В XV–XVI веках выдвижение из низов в гораздо большей степени зависело от личных качеств человека, чем в последующую эпоху Токугава. Социальная подвижность и смена рода занятий были характерны для всех слоёв японского общества. Крестьяне регулярно брали в руки оружие, а низкоранговые и рядовые самураи — мотыгу. Меч, лук и копьё имелись в каждом крестьянском доме. Регулярные военные мобилизации, конфликты с соседями, коллективная самооборона и охота без них были немыслимы. С другой стороны, одним только воинским ремеслом могли прокормиться лишь крупные военачальники, а всем остальным так или иначе приходилось работать на земле. Например, пока малолетний Токугава Иэясу содержался в заложниках у Имагава Ёсимото, его будущие вассалы более десяти лет занимались крестьян-

ским трудом, время от времени принимая участие в походах Имагава.

Столь же размытым было деление на торговцев, монахов и рядовых самураев. Социальное происхождение человека определялось занятием, которым жила его семья, поэтому воином считали того, кто родился в семье воина. А поскольку занятия человека в течение жизни часто менялись, то менялась и его социальная принадлежность. Например, Тоётоми Хидэёси родился в крестьянской семье, в молодости торговал вразнос прядильными спицами, а затем вступил на воинский путь, который и привёл его на вершину власти. Согласно хронике «Записки о великом регенте» (*Тайкоки*), Хидэёси в молодые годы перепробовал множество профессий — он не только торговал, но и работал подручным бондаря, кузнеца, плотника, красильщика тканей.

В воинских семьях отцовское дело наследовал старший сын, а его младшие братья, как правило, уходили в монастырь. В монашеской келье провёл свои молодые годы известный полководец Цуцуи Дзюнкэй (1549–1584); такой же путь из монахов в воины проделал Экэй (1539–1600). И наоборот, в конце карьеры многие военачальники снимали с себя доспехи и брили головы. В роду сёгунов Асикага это вообще считалось самым достойным завершением жизненного пути. А если глава клана умирал, когда старший сын по каким-то причинам не мог его заменить, то один из младших братьев покидал монастырь и занимал его место. В этом отношении типичен пример Имагава Ёсимото (1519–1560). Молодые годы он тоже провёл в буддийском храме, где принял монашеский сан и имя Байгаку Сёхо, а после смерти старшего брата Удзитэру вернулся в семью и возглавил её, победив в борьбе с родственниками.

Что касается торговцев, то они вообще не выделялись из воинского сословия, как в последующую эпоху

Токугава. Сохранившиеся описания чайных церемоний, которые проводили Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, позволяют говорить о том, что присутствовавшие на них состоятельные купцы имели такой же статус, как военачальники с доходом от 50 до 100 тысяч *коку* риса (урожайность средней по размерам провинции).

Ни один из трёх объединителей Японии — Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу — изначально не входил в воинскую элиту. Нобунага и Иэясу родились в воинских кланах среднего уровня, их отцы не имели даже ранга *сюго*, а Хидэёси — выходец из крестьян.

Общественные отношения также имели свою специфику. Верность и служба, основанные на чувстве долга, стали основой межличностных отношений позже, в эпоху Токугава, а в XVI веке их заменяли кровнородственные связи. В период междоусобных войн отношения между выше- и нижестоящими отличались большей свободой и вариативностью. В хронике «Записи о деяниях и высказываниях великих полководцев» (*Мэйсё гэнкороку*) есть эпизод встречи Тоётоми Хидэёси с «вассалом его вассала» Ханабуса Мотоюки (1549–1617), командиром среднего звена из отряда Укита Хидэиэ (1572–1655). Мотоюки прибыл в ставку Хидэёси в качестве курьера и передал ему письмо от своего непосредственного начальника. При этом он не снял головного убора и не сошёл с лошади. А Хидэёси к тому времени уже имел придворный титул регента (*кампаку*) и фактически был главным военачальником страны. В хрониках содержится много упоминаний о спорах, которые вели младшие по званию со своими командирами. В последующую эпоху Токугава с этим было покончено.

Эти дисциплинарные вольности объяснял в своём семейном наставлении Ходзё Удзиясу (1515–1571): «Как господин набирает себе вассалов, так и вассалы выбирают господина. Воюя с соседями, не должно забывать об инте-

ресах своих подчинённых, иначе они найдут себе другого покровителя» (Исии, 2011). Из этого следует, что за подчинённым признавалось право на уход от своего начальника, если тот не соответствовал его представлениям.

О том, как часто совершались такие переходы и насколько переменчива могла быть судьба воина того времени, говорит пример низкорангового командира по имени Кани Сайдзо (1554–1613). Выходец из провинции Мино, он начал воинскую карьеру в замке Инабаяма, на службе у Сайто Тацуоки. После его поражения от Ода Нобунага в 1567 году Сайдзо перешёл на службу к Сибата Кацуиэ, одному из полководцев Нобунага. Через некоторое время он ушёл от него и нанялся к Акэти Мицухидэ, также служившему Нобунага. Мицухидэ в 1582 году в сражении при Ямадзаки потерпел поражение от Тоётоми Хидэёси и погиб. Кани Сайдзо перешёл в отряд Ода Нобутака, третьего сына Нобунага. В 1583 году Нобутака тоже погиб, и Сайдзо оказался в отряде Тоётоми Хидэцугу, племянника Хидэёси. Здесь он задержался на долгие 12 лет, но в 1595 году после смерти Хидэцугу на некоторое время стал *рониномом*[4], а затем был принят в отряд Маэда Тосииэ, соратника Тоётоми Хидэёси. Ещё через несколько лет он перешёл к Фукусима Масанори, где и закончил свою службу. Таким образом, за свою жизнь Кани Сайдзо сменил восемь командиров и не раз выходил на поле боя против бывших соратников. Его судьба хотя и не вполне типична, но хорошо иллюстрирует популярное выражение того времени *буси ва ватаримоно* («самурай — что перекати-поле»). Судьба воина в эпоху междоусобиц тоже заметно отличалась от стандартов последующей эпохи Токугава, когда в обществе доминировало представление о том, что «у самурая двух господ не бывает» (*буси ва никун ни мамиэдзу*).

[4] Безработный самурай, не имеющий господина.

Доспехи и экипировка

Следует оговориться, что судьба Кани Сайдзо и его востребованность были обусловлены не только особенностями эпохи, но и его личными качествами. Отлично владевший мечом, он брал на поле боя столько голов, что не мог унести их за один раз, и трофеи приходилось собирать в несколько заходов. В то время для сбора голов использовались специальные мешки (*кубибукуро*), во многих кланах входившие в список обязательной воинской экипировки. Командование признало этот атрибут полезным, поскольку считало, что пустой мешок на поясе лучше всяких слов расскажет окружающим о воинских качествах его хозяина и, следовательно, будет стимулировать его на поле боя. Кани Сайдзо дополнительных стимулов не требовалось, а его трофеи в мешок обычно не помещались, поэтому он пошёл другим путём — отмечал тела поверженных противников, вставляя им в рот лист бамбука. В таких случаях убитым обычно отрезали нос, но Кани Сайдзо проявил экологическую смекалку и упростил приём, в результате чего за ним закрепилось прозвище «Сайдзо Бамбуковый Лист». Согласно сохранившимся записям, в крупном сражении на равнине Сэкигахара (1600 год) 46-летний Сайдзо участвовал на стороне Токугава в составе отряда под командованием Фукусима Масанори и лично убил 16 человек.

После боя немолодой уже воин, как обычно, предъявил боевые трофеи и был соответственно вознаграждён.

В хронике «Сказание о Тоса» (*Тоса моногатари*) приводятся слова главы клана Тёсокабэ Мототика (1539–1599), прямо объяснявшего военную экспансию необходимостью поощрять подчинённых ему командиров новыми землями (Овада, 1993). Наём союзников и вассалов, не связанных с кланом родственными узами, осуществлялся фактически на контрактной основе, хотя самого понятия контракта ещё не существовало. По этой причине командиры среднего и низшего звена часто переходили на сторону победителя уже в середине или даже в начале кампании, если её исход был для них ясен. Это ещё одна особенность междоусобных войн XVI века, известных большим количеством измен и предательств. Стоило крупному военачальнику удачно начать кампанию на чужой территории, как местные командиры один за другим

Переноска голов

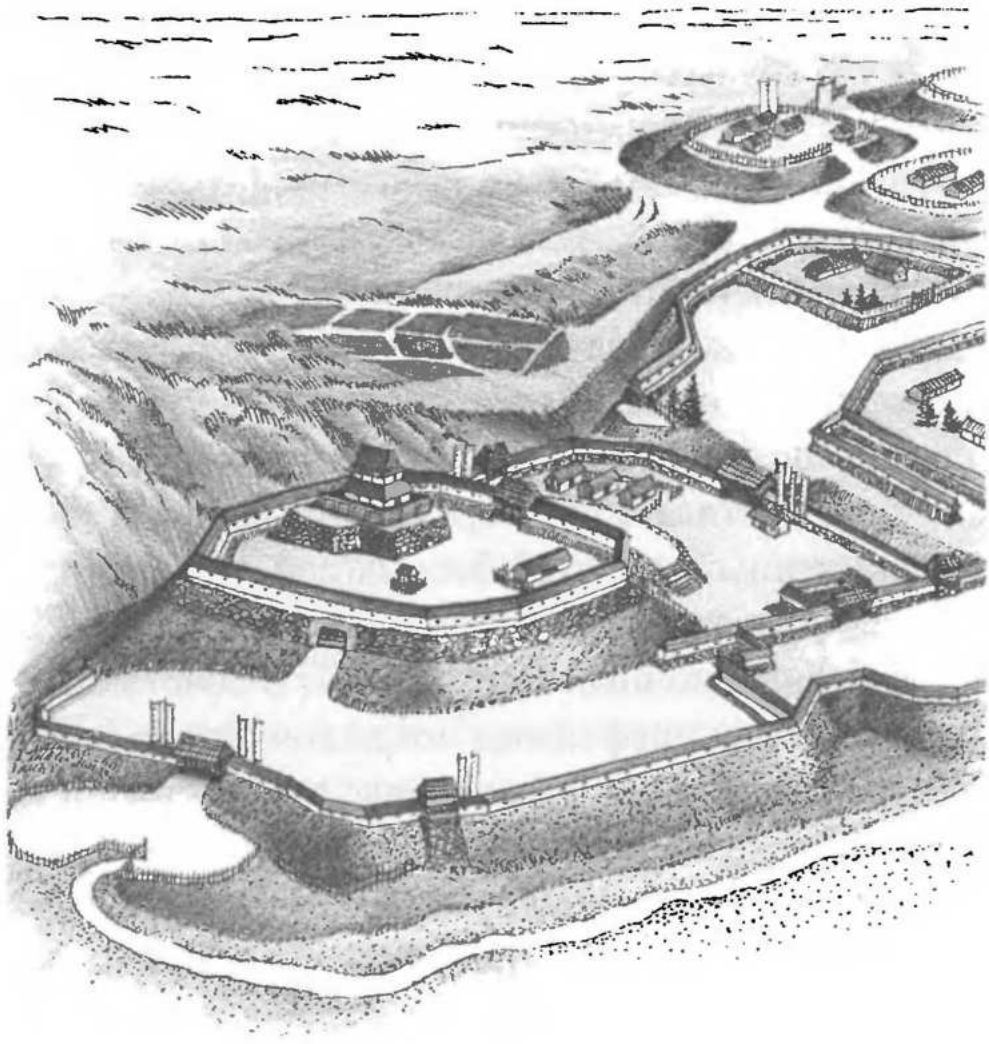
переходили на его сторону, увеличивая тем самым его войско и уменьшая численность противника. В таких случаях соотношение сил между воюющими сторонами могло резко измениться за очень короткое время. Поэтому умение полководца удовлетворять запросы идущих за ним командиров и не допускать измен считалось важнейшим качеством. Подчинённый, недовольный отношением к нему вышестоящего военачальника, либо уходил к другому, либо свергал его и занимал его место. Популярное в то время выражение *гэкокудзё* («низший свергает высшего») довольно точно отражало суть взаимоотношений в воинской среде.

Города и форты

В Средние века Япония представляла собой малозаселённую территорию с поселениями четырёх типов: 1) призамковые города; 2) портовые посёлки; 3) храмовые поселения; 4) постоялые дворы. С поправкой на эпоху призамковые города можно считать образованиями городского типа, все остальные — сельского. Рыбацкие посёлки располагались вдоль побережья и в устьях рек, а храмовые поселения — вокруг крупных монастырей. Почти все современные японские города выросли из поселений, располагавшихся вокруг крупных замков. Окружённые земляными насыпями и деревянным частоколом со стрелковыми вышками укрепления были неотъемлемой частью любого населённого пункта. Все фортификационные сооружения делились на большие, средние и малые. Большие назывались замками (*сиро*) и служили семейными резиденциями для военачальников высокого и среднего ранга. Население самых больших призамковых городов могло достигать нескольких тысяч человек. Менее крупные укрепления на-

зывались крепостями или фортами (*торидэ*). Их строили и содержали местные предводители, владевшие одной-двумя деревнями. Классификационных различий между замками и фортами не существовало — они отличались лишь размерами и качеством защитных укреплений. Замок мог обветшать, потерять своё значение и превратиться во второстепенный форт, а удобно расположенный форт, наоборот, мог стать замком, если переехавший в него военачальник перестраивал его и дополнительно укреплял. Типичный форт в среднем имел размеры 300 × 300 метров.

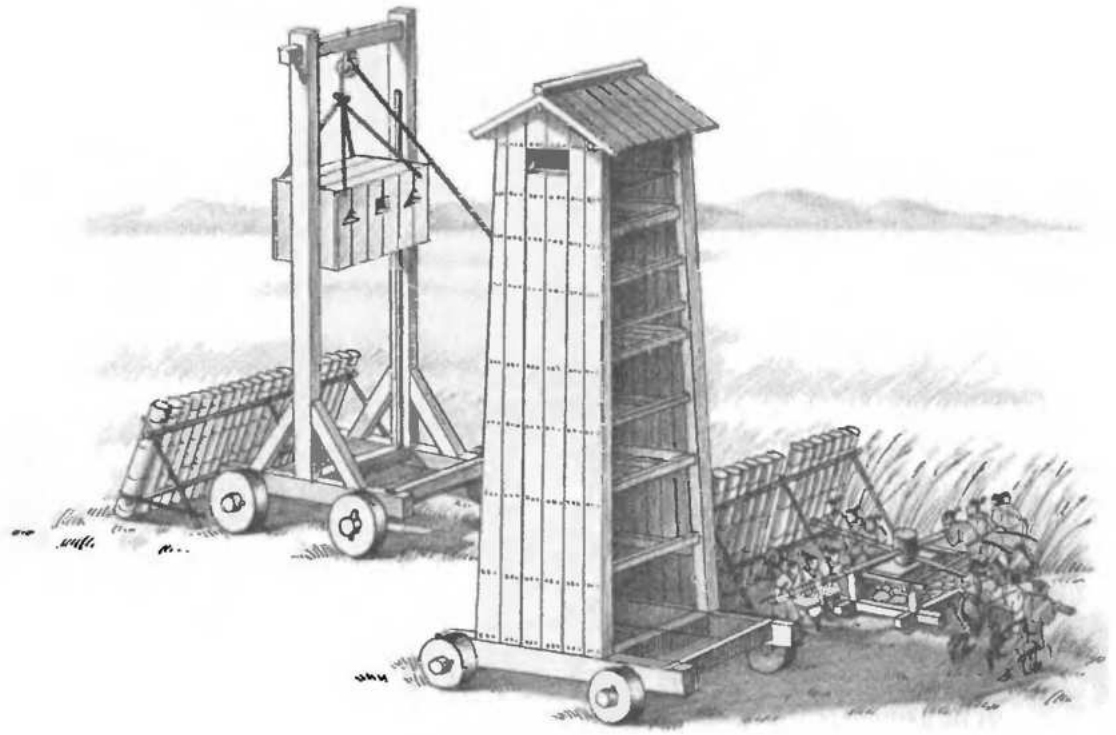
Крупные призамковые поселения выполняли роль современных городов, а небольшие форты служили



Замок

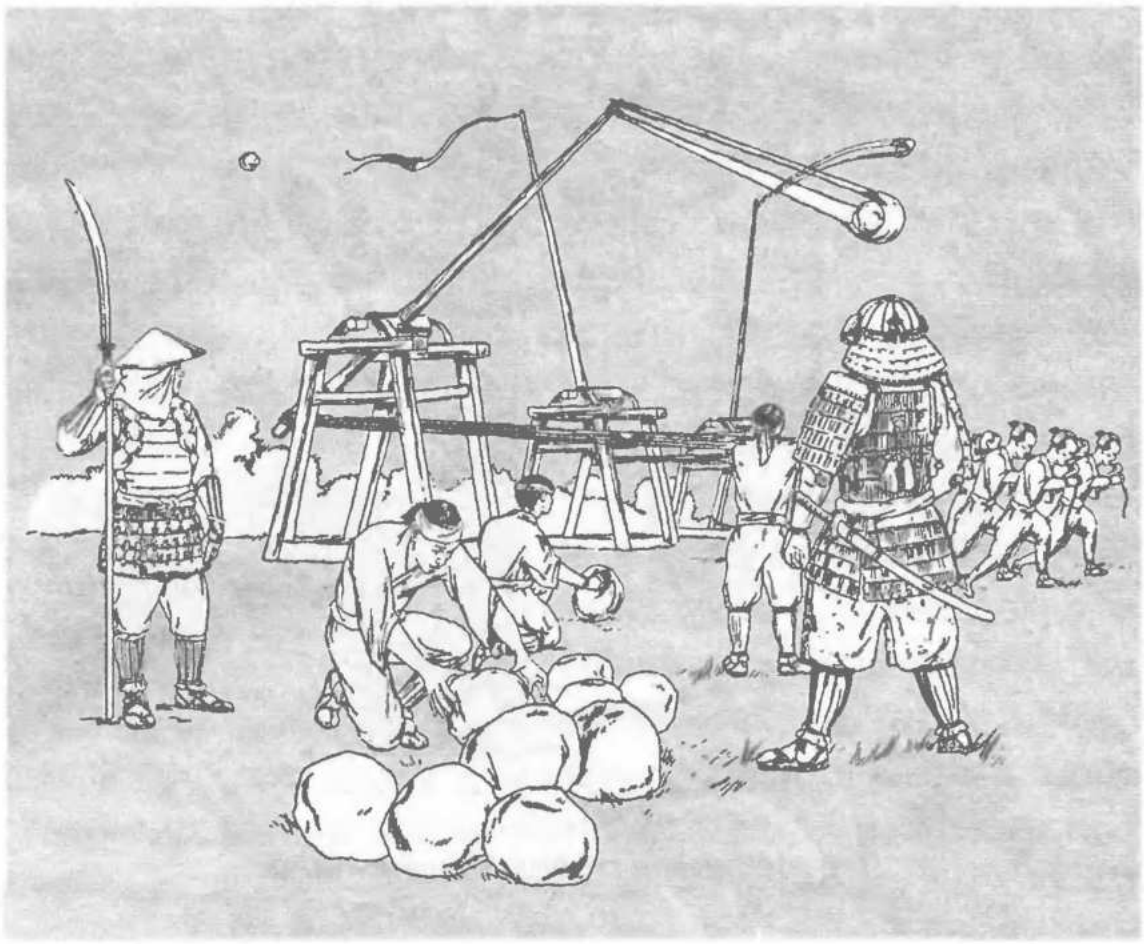
опорными пунктами для контроля над прилегающей территорией. Военачальники проводили много времени в разъездах между замками и фортами, поэтому большая часть записей в семейных хрониках посвящена тому, кто и когда откуда уехал и куда приехал. Любое укрепление независимо от размера и значимости имело своего начальника, отвечающего за его содержание и оборону. Должность такого командира называлась словом *дзёсю* (буквально «хозяин форта») и одновременно служила воинским званием. В эпоху Муромати его обладатели составляли подавляющее большинство всех военачальников страны, поскольку её территория была густо покрыта сетью замков, храмов с крепостными стенами, защитных и осадных фортов всех видов и размеров. Крупный военачальник, контролировавший обширную территорию, принимал *дзёсю* к себе на службу вместе с принадлежавшим ему фортом, а в захваченные чужие укрепления назначал кого-либо из своих вассалов. Многие форты по несколько раз переходили из рук в руки, соответственно, менялись их начальники и названия. В мирное время гарнизон среднего по размерам форта составлял несколько десятков человек, а в крупном замке мог доходить до нескольких сотен, но при угрозе нападения он получал подкрепление, и тогда численность защитников могла достигать двух-трёх тысяч человек.

Ограниченный масштаб боевых действий и малая поражающая сила холодного оружия обусловили большую роль фортификационных сооружений. В сочетании с преимуществами ландшафта они могли компенсировать многие слабости той или иной стороны, в том числе и самую главную — нехватку живой силы. Укрепления помогали отразить атаку превосходящих сил противника и защищали в тех случаях, когда победить его в открытом бою не представлялось возможным. Потерпевшие поражение бежали под защиту крепостных стен, чтобы сохранить остатки войска.



Передвижные стрелковые вышки

Захватить укрепление можно было двумя способами — быстрым штурмом или долгой осадой. В обоих случаях его окружали по периметру изгородью или засекой из поваленных деревьев (*сакамоги*), а вдоль изгороди ставили стрелковые вышки (*ягура*), с которых было удобно вести наблюдение и обстреливать противника. Перед штурмом укрепления определялись его наиболее уязвимые места и готовились подходы, по которым должна была развиваться атака. Если форт был окружён сухим рвом, то в намеченных местах в него набрасывались камни, ветки или солома. При наличии сухостоя рядом с крепостной стеной пускали низовой пал в надежде поджечь ограждение и стрелковые вышки противника. Если же замок был хорошо укреплён, то выбирался осадный вариант, и тогда объём строительных работ многократно возрастал. Прежде всего нужно было построить один или несколько осадных лагерей (*цукэдзиро*), в которых можно было есть, спать и укрываться от непогоды. При



Средневековая катапульта

длительной осаде окружённый форт обводили ещё и земляной насыпью.

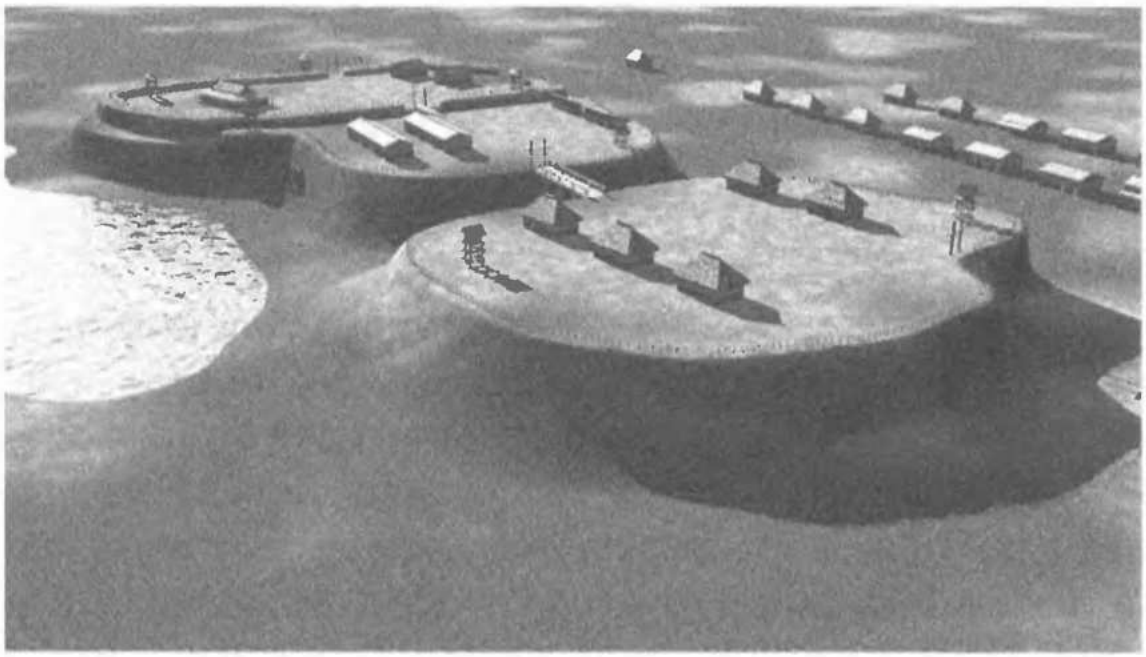
По правилам эпохи междоусобных войн штурм укреплённого сооружения требовал не менее чем трёхкратного преимущества в живой силе, и чем крупнее был объект и чем лучше защищён, тем большее требовалось превосходство. В любом случае штурмовая атака была сопряжена с большими потерями, поэтому крупные замки чаще брали осадой. В таких случаях главным врагом защитников становилась жажда. Хозяева фортов это учитывали и строили их только там, где можно было добыть воду; на территории крупных замков, как правило, было несколько колодцев. Вторая проблема — голод. Чем больше было защитников, тем быстрее заканчивались запасы еды и начинались болезни, вызванные скученностью и анти-

Голод в замке

санитарией. Обычная осадная практика состояла в том, чтобы перед нападением на крупный замок сжечь прилегающие к нему поселения, захватив в плен как можно больше местных жителей. Оставшиеся бежали либо в леса, либо под защиту крепостных стен замка, увеличивая число его защитников, но одновременно добавляя лишние рты. В большинстве случаев съестных припасов хватало на два-три месяца, но если осада была организована недо-

статочно хорошо (что тоже бывало) и замок тайком снабжался, то она могла длиться многие месяцы и даже годы. Такая осада становилась настоящим испытанием не только для защитников форта, но и для нападавших. Кроме строительства осадных лагерей и изолирующих заграждений, они тоже должны были позаботиться о снабжении продовольствием и боеприпасами. Кроме того, осаждённые гарнизоны время от времени совершали боевые вылазки, поэтому осадные лагеря и форты также обносились защитным заграждением.

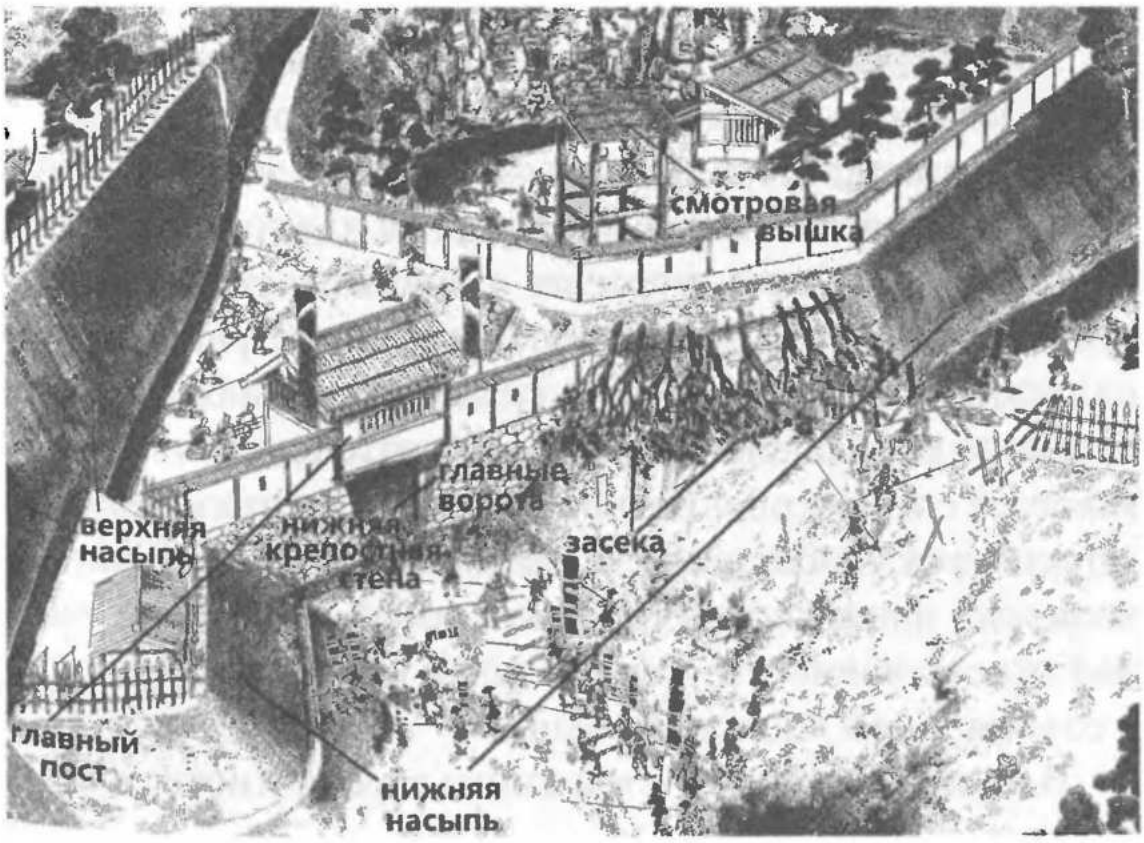
Важнейшие укрепления, с помощью которых осуществлялся контроль над прилегающей местностью, рано или поздно становились объектом нападения, поэтому в непосредственной близости от них (обычно на расстоянии двух-трёх километров) было принято строить несколько вспомогательных фортов. В случае нападения на основной форт ему отправлялось подкрепление, которое располагалось снаружи и занимало позицию для атаки, если нападавшие шли на штурм. Этот манёвр (он назывался *годзэмэ*, буквально «атака с тыла») считался средством



Осадный лагерь (цукэдзиро)

первой очереди при защите укреплённых сооружений. До тех пор пока существовала угроза нападения с тыла, нападавшие не решались идти на штурм. Поэтому к главному замку сразу никогда не подступали — сначала зачищали окрестности, уничтожая или захватывая его вспомогательные форты и рассеивая местное население. Если это удавалось, то лишённый внешней поддержки и окружённый замок попадал в трудное положение и рано или поздно капитулировал. Эта несложная, но эффективная тактика повсеместно соблюдалась и, как правило, давала хорошие результаты.

Однако самый лёгкий способ овладеть фортом всё-таки состоял в том, чтобы договориться с его хозяином и одержать победу без боя. В этом случае подчинённые вновь приобретённого союзника вливались в ряды нападавших и увеличивали их численность. В тактическом плане это было гораздо выгоднее, поэтому в большинстве



Штурм замка

случаев перед нападением коменданту форта или хозяину замка сразу предлагалось добровольно сдаться и перейти на сторону нападавших с сохранением всего, что ему принадлежит, а в некоторых особо важных случаях — даже с расширением земель за счёт его бывшего господина. Если командир отказывался, то вместе с подчинёнными должен был защищаться до последнего, а в случае неудачи покончить с собой. В последний момент, когда дальнейшее сопротивление становилось бесполезным, у него ещё оставался шанс спасти жизни своих подчинённых, объявив о капитуляции, но его собственная судьба к тому моменту уже была решена. Если же гарнизон сопротивлялся до конца, то погибал вместе с командиром или попадал в плен.

Эти многократно повторявшиеся ситуации утвердили в воинской среде представление о том, что старший военачальник несёт личную ответственность за исход любой операции, а за наиболее важные решения расплачивается жизнью. Вместе со многими самурайскими ценностями это представление со временем распространилось на другие слои японского общества и прочно вошло в их жизнь. Именно в эпоху междоусобных войн сложилась характерная для современного японского общества формула личной ответственности руководителя группы. Впоследствии она распространилась и на рядовых членов группы, отвечающих за то или иное направление групповой деятельности. Те, кто знает об этой особенности японского менталитета, не удивляются сообщениям о самоубийствах сотрудников японских фирм, покончивших с собой из чувства личной ответственности. Такие случаи всё ещё не редкость в современной японской жизни.

В ноябре 2013 года в магазины города Киото попала партия мяса с вредными химическими добавками. За его предпродажную подготовку отвечала компания «Тамба

вайн», расположенная в небольшом городке с 70-тысячным населением. Некондиционным мясом никто не отравился, но партия попавших в магазины ростбифов и сосисок составила более двух тонн, и случай получил большую огласку. Двадцать пятого ноября фирма публично принесла извинения и отозвала из розничной торговли всю партию мяса, вернув покупателям деньги. Однако ещё за пять дней до этого, 20 ноября, сотрудник фирмы «Тамба вайн», отвечавший за контроль качества, покончил жизнь самоубийством. В предсмертной записке он написал, что совершил непростительную ошибку.

В последние десятилетия случаев «самоубийства из чувства ответственности» (*сэкинин дзисацу*) становится меньше — сказывается общая гуманизация жизни. В случаях, подобных вышеописанному, японцы чаще попадают на приём к психиатру и пьют антидепрессанты, чем решаются на крайнюю меру. А самым распространённым способом взять ответственность на себя стала добровольная отставка с занимаемой должности. Здесь японская традиция органично вписалась в тенденции современного менеджмента и стала основным способом выхода из кризисных ситуаций. Самый наглядный тому пример — частая смена премьер-министров и их кабинетов в послевоенной Японии, не имеющая аналогов в экономически развитых странах. За 69 лет (с 1945 по 2014 год) в Японии сменилось 35 глав кабинетов, каждый из которых провёл на этом посту в среднем менее двух лет. Традиционное представление о личной ответственности первого лица, сложившееся в период междоусобных войн XVI века, имеет к этому самое прямое отношение.

Семейная стратегия и тактика

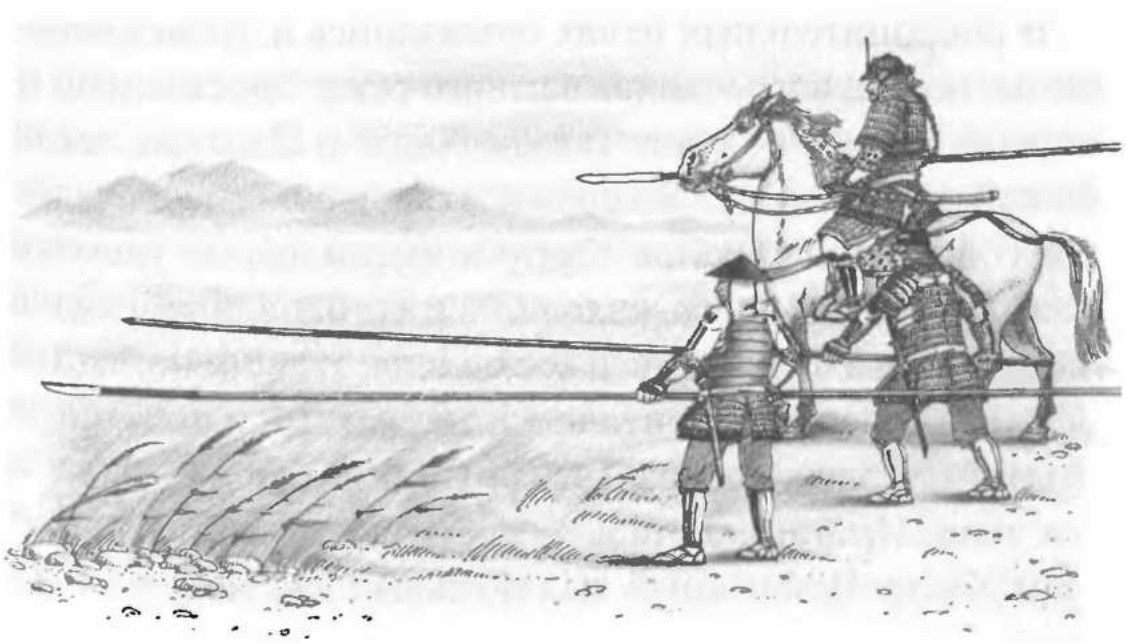
В условиях многолетней борьбы воинских кланов между собой их ближайшая тактическая задача состояла в том, чтобы победить в конкретном противостоянии, а стратегическая — в том, чтобы выжить и сохранить семейную линию. И то, и другое было связано с территориальной экспансией. Такие крупные кланы, как Ода, Миёси, Ходзё, Такэда, хорошо справлялись с тактическими задачами и часто побеждали соседей, но достичь стратегической цели и выжить они в конечном счёте не сумели. Другие, наоборот, время от времени терпели поражения, но всё-таки сохранились и обеспечили выживание своим потомкам. Среди наиболее известных примеров — дома Мори, Токугава, Симадзу, Тёсокабэ и др.

Провинциальные воинские кланы всех уровней сами решали вопросы войны и мира, приобретений и потерь, жизни и смерти. В таких условиях нападение на ослабевшего соседа стало первой заповедью любого успешного военачальника. Если глава соседнего клана умирал от болезни или погибал на поле боя в молодом возрасте, когда наследник ещё не подрос, семья подвергалась большому риску. Соседи, если только они не были давними союзниками, не упускали своего шанса и незамедлительно атаковали владения ослабевшего хозяина. А если состояли в союзе, то брали его под свою защиту, не очень отличавшуюся от захвата. По этой причине в эпоху междоусобиц в военных домах сложился определённый алгоритм наследования. Идеальным считался вариант, при котором отец в 40–45 лет назначал преемником своего старшего сына и передавал ему управление делами семьи. Но при этом оставался фактическим хозяином положения, а сын состоял при нём и на практике постигал науку управления. Ближайшее окружение получало время, чтобы привыкнуть к моло-

дому хозяину, и когда отец достигал преклонного возраста, фактическая передача власти проходила спокойно. Воинские дома, которым удавалось придерживаться такого порядка на протяжении нескольких поколений, как правило, добивались успеха.

Преждевременная смерть главы клана помимо внешней опасности порождала ещё и внутреннюю — она провоцировала внутренние конфликты, чаще всего между старшим сыном-наследником и младшими братьями главы клана, уже достаточно зрелыми для того, чтобы его возглавить. После таких конфликтов представители проигравшей стороны нередко переходили на службу к соседям и начинали воевать против своих. Соседи, в свою очередь, внимательно отслеживали такие ситуации и не упускали случая переманить на свою сторону кого-либо из недовольных родственников. На этот счёт можно было бы привести десятки примеров.

Воюющие между собой кланы располагали довольно ограниченными ресурсами — лишь самые крупные воинские дома могли выставить на поле боя больше 10 тысяч человек одновременно; в местных же столк-



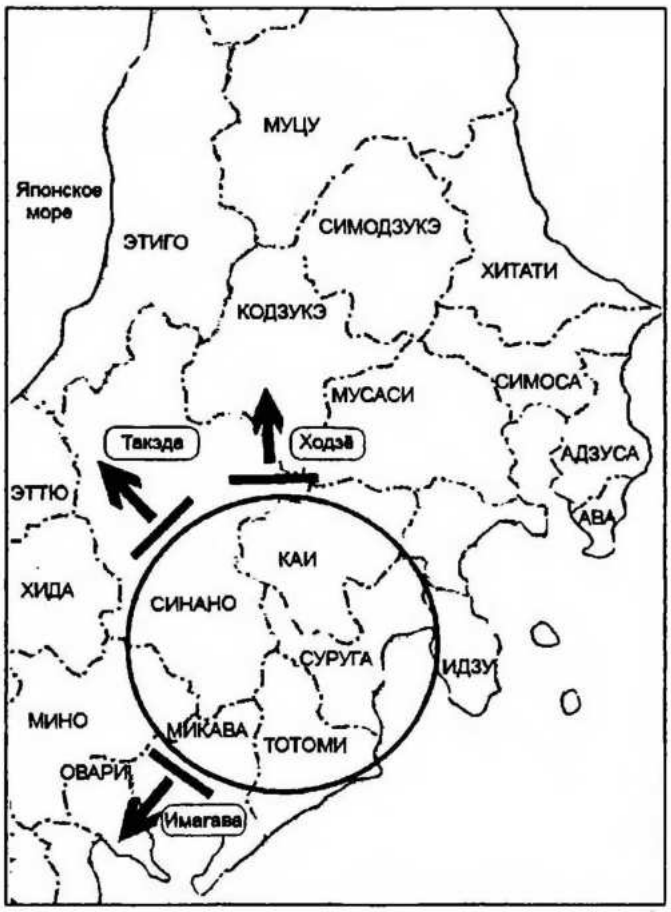
Всадник и пехотинцы

новениях обычно участвовало по 2–3 тысячи воинов с каждой стороны, а во внутрисемейных конфликтах — и того меньше.

Большая раздробленность сил предопределяла роль военных союзов. Они делились на два типа: ближние и удалённые. Ближние союзы заключались между соседями с оборонительной целью, чтобы обеспечить безопасность границ на том или ином направлении и избежать войны на два фронта. Как два бойца встают спиной к спине, чтобы защититься от нападения сзади, один клан заключал союз со своим восточным соседом, чтобы напасть на западного, или с южным, чтобы напасть на северного. Или наоборот. В эпоху междоусобиц это был самый распространённый вариант соглашений. Воинские дома Ода и Токугава, Имагава и Ходзё, Адзаи и Асакура, Роккаку и Миёси, Ходзё и Датэ — этот список можно долго продолжать. Оборонительные союзы соседей нередко бывали довольно прочными и могли длиться десятилетиями. Пожалуй, самый известный среди них — союз Ода Нобунага и Токугава Иэясу, которые поддерживали друг друга 22 года и продолжали бы делать это и дальше, если бы не смерть одного из партнёров.

В оборонительных целях создавались и тройственные союзы, но они встречались намного реже. Здесь самый известный пример — союз Такэда, Ходзё и Имагава, заключённый в 1554 году. Владения этих кланов включали в себя современный район Канто и имели форму треугольника, внутри которого находились сегодняшняя столица Японии и гора Фудзи. Как и все прочие, этот тройственный союз был скреплён политическими браками и приёмными детьми. Старшая сестра Такэда Сингэн была выдана замуж в дом Имагава, а старшая сестра Имагава Ёсимото — в дом Ходзё. Безопасный тыл позволял каждому из союзников сосредоточиться на своём направлении: Имагава воевал на западном против Мацудайра и Ода (провинции

Микава и Овари соответственно), Такэда много лет выяснял отношения с Уэсуги на севере, в провинции Синано, а Ходзё вёл боевые действия на северо-востоке, в Кодзукэ и Симоцукэ. Но чем больше участников, тем больше интересов, а значит, и выше вероятность их столкновения. В союзе Такэда — Ходзё — Имагава первые трения появились через 6 лет, а ещё через восемь, в 1568 году, он распался: Имагава сблизился с Уэсуги, многолетним противником Такэда, который почувствовал в этом угрозу и напал на бывшего союзника.



Тройственный союз Имагава — Такэда — Ходзё

В отличие от ближних союзов удалённые имели агрессивный характер — они заключались для нападения на того, кто оказывался между двумя договаривающимися сторонами. Самые известные примеры: Ода из Овари и Адзаи из Оми против расположенной между ними провинции Мино во главе с Сайто Тацуоки. Такие же соглашения заключил Такэда Сингэн с храмом Исияма-хонган, домами Мори, Адзаи и Асакура против Ода Нобунага; этот многосторонний союз превратился в коалицию. Имагава после разрыва отношений с Такэда создал направленный против него союз с Уэсуги, чьи владения располагались за спиной Такэда.

Удалённый союз Ода и Адзаи против Сайто

Удалённые союзы часто оказывались краткосрочными и утрачивали актуальность сразу после достижения цели, ради которой создавались. Их агрессивная направленность оборачивалась слабостью в ситуации, когда один из союзников подвергался нападению, поскольку его партнёр мог находиться в дружеских отношениях с третьим участником и в этом случае вставал перед нелёгким выбором, кого ему поддерживать. Такие ситуации возникали довольно часто. Например, после нападения Ода Нобунага на клан Асакура главе дома Адзаи, дружившему с обоими, пришлось делать трудный выбор, результатом которого стала гибель всей семьи.

Тактика, которой придерживались японские военачальники эпохи междоусобиц, не содержала ничего принципиально нового по сравнению с войнами Древнего мира. В Японию она попала непосредственно из Китая и имела китайские названия; то же самое относится и к военным союзам[5].

Субъектом союзного договора выступал глава воинского клана, но все приготовления, в том числе предварительные переговоры и подготовку итогового документа, осуществляли его доверенные лица (*торицуги*). Это были

---

5 *Энко кинко* (*токи то мадзивари тикаки о сэмэру*, «договор с дальним, нападение на ближнего»).

люди из его ближайшего окружения, знавшие воинский этикет и владевшие письменным стилем, — военачальники, священники, столичные аристократы. К итоговому документу обязательно прилагалось сопроводительное письмо ответственного переговорщика, тоже составленное по определённым правилам. Без него договор считался недействительным. Сопроводительные письма были обязательны для любого послания, в том числе и для обычного поздравления по случаю военной победы.

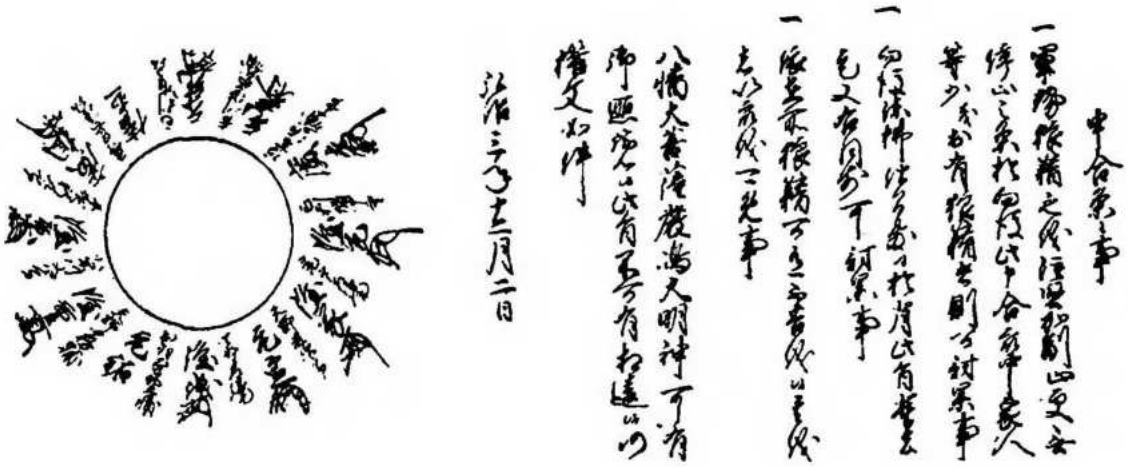
Основу союзного договора составляли обычно три-четыре пункта, в которых говорилось о взаимной помощи и ненападении. Текст завершала ритуальная фраза «да постигнет меня кара небесная, если я нарушу клятву» с указанием имени самого почитаемого подписантом божества. Клятву заверяли личной печатью, смоченной в крови. Для этого на деревянную печать наносили несколько капель крови из проколотого пальца и прикладывали печать к бумаге. Эта процедура всегда выполнялась в присутствии представителя второй стороны. Ставить такие печати приходилось часто, поэтому оружейники делали для кровопускания специальные иглы.

Текст соглашения (*кисёмон*) писался на листе бумаги с одной стороны, а на его обороте ставилась большая квадратная печать. Такие заранее проштампованные листы можно было купить в местных храмах, но некоторые крупные военачальники имели собственные печати. Процедура подписания проходила обычно в храмах или перед местными святынями, например под священным деревом *сакаки* (Cleyera japonica). Единого ритуального стандарта на этот счёт не существовало, поэтому наблюдалось большое разнообразие вариантов. Например, руководители клана Такэда в последней фразе клялись не именем божества, а родовым штандартом *михата*, одной из семейных святынь. Это знамя, кстати, по рисунку полностью совпадало с современным государственным флагом Японии — красный круг на белом фоне.

Индивидуальная клятва верности

О том, насколько тесно клятва была связана с религиозным мировоззрением подписантов, говорит случай, произошедший в 1585 году во время примирения между домами Арима и Симадзу на острове Кюсю. В связи с тем, что Арима Харунобу (1567–1612) принял христианство и поклонялся чужеземному богу, Симадзу Ёсихиро (1535–1619) отказался писать для него *кисёмон* по установленной форме. В результате его обязательство было составлено как обычное письмо, без традиционной последней фразы.

Вообще, невзирая на простоту воинских нравов, формальному этикету уделялось чрезвычайно большое внимание. Военачальник, стоявший ниже в табели о рангах, не мог обращаться письменно напрямую к вышестоящему. Писать можно было только равным по статусу или нижестоящим. Примеров тому много. Такэда Кацуёри (1546–1582), когда хотел связаться со своим отцом Такэда Сингэн (1521–1573), писал письмо его советнику Атобэ Кацутада. Точно так же через получателей-посредников



Групповая клятва верности (главе дома Мори)

общались со своими влиятельными отцами сыновья Мори Мотонари (1497–1571) и Ходзё Удзиясу (1515–1571). Поэтому в современной литературе ссылки на личную переписку того времени выглядят так: «в письме такого-то автора от такого-то числа, адресованном такому-то адресату для такого-то военачальника, говорится, что...»

Боевые реалии

Традиция человеческих жертвоприношений существовала во всех древних цивилизациях, от Индии до Центральной Америки. Пожертвовать жизнью одного из своих членов ради выживания остальных во все века почиталось делом благородным и абсолютно оправданным. И чем чище и невиннее была жертва, тем больше она ценилась и людьми, и богами. Японцы довольно рано отказались от ритуальных жертвоприношений, но система заложничества в Средние века процветала, а междоусобные войны превратили её в один из главных инструментов междоговорных отношений.

В крестьянских общинах, составлявших большую часть населения страны, все конфликты разрешались

с применением принципа групповой ответственности. Например, если житель одной деревни грабил, убивал или калечил жителя другой, то примирение достигалось выдачей виновного пострадавшей стороне, где его наказывали по своим законам. Кроме того, семья нарушителя обычно выдавала пострадавшим кого-либо из самых слабых своих членов — старика или ребёнка. В большинстве случаев пострадавшая сторона принимала заложника (его называли *гэсюнин* или *гэсинин*) и через некоторое время возвращала обратно целым и невредимым. Отправкой заложника виновная сторона признавала факт нанесения ущерба и гарантировала примирение. Но если возникала угроза возобновления конфликта, то заложника вполне могли убить.

Если же преступник скрывался и наказать его не удавалось, то вместо него семья или община выдавала пострадавшей стороне одного или двух его родственников, чаще всего жену и ребёнка (их называли *мигавари*, буквально «заместитель»). Европейских миссионеров очень удивляло, что в Японии детей активно использовали в разрешении взрослых конфликтов. В воинских семьях их с 10-летнего возраста уже разрешалось отправлять в качестве парламентариев и одновременно заложников, чего никогда не практиковалось в Европе (Фройс, 1977). Отчасти этому обычаю способствовала средневековая японская норма, в соответствии с которой несовершеннолетние дети, женщины и старики не считались полноценными членами общества — они не могли занимать никаких формальных должностей и не несли личной ответственности за свои поступки. Эти три категории обособлялись в основной массе населения и считались своего рода прослойкой между обычными людьми и богами, которых на картинах как раз и изображали в облике стариков, женщин и детей. По этой же причине их использовали в качестве заложников — по сравнению с простым смертным жизнь приближённого к богам человека считалась

более весомой гарантией и придавала клятве сакральный оттенок, возвышавший её над бренным миром. На основе этих представлений сложилась практика, в соответствии с которой заложниками чаще всего становились ближайшие родственники главы клана из числа социально недееспособных членов семьи.

Заложничество имело множество форм и использовалось в самых разных целях. Помимо добровольной отправки заложников широко практиковался их насильственный захват. В эпоху, когда боевые действия являлись одним из главных занятий для большинства населения, этот приём считался особенно действенным. В дневниковых записях придворного аристократа Кудзё Масамото (1445–1516) содержится описание событий местной жизни в провинции Идзуми. По данным источника, с 1501 по 1504 год в этой маленькой провинции произошло 13 случаев захвата заложников. В большинстве случаев объектом похищений становились крестьяне и торговцы, обычно в сезон сбора урожая и сдачи риса, а в нападениях чаще всего участвовали вассалы правящего в провинции дома Хосокава и монахи крупного храма Нэгоро (Фудзики, 2008). Заложников содержали в плетёных бамбуковых корзинах, связанными по рукам и ногам, так же как арестованных преступников. В большинстве случаев они возвращались живыми после выполнения выдвинутых требований, но в случае побега и поимки заложников могли убить.

Воинское сословие придерживалось таких же социальных норм и установлений. Воевавшие между собой кланы обменивались заложниками в нескольких стандартных ситуациях. Во-первых, при капитуляции в обмен на сохранение жизни всем оставшимся — для гарантии, что проигравшая сторона не возобновит войну. Во-вторых, при заключении союзного договора или принятии вассалитета — как обещание выполнять оговорённые условия. Политические браки между детьми договаривающихся

военачальников представляли собой более мягкую разновидность заложничества с использованием кровнородственных связей — рождавшиеся в таких браках дети дополнительно скрепляли отношения сторон. В политических браках в залог тоже отдавалась жизнь более слабого, в данном случае женщины. Мягкость этой формы заложничества состояла в том, что дочери военачальников имели в чужом доме высокий статус хозяйки, а в случае разрыва отношений их не убивали, а возвращали в отчий дом, в то время как формальных заложников в таких случаях казнили.

В истории междоусобных войн было немало примеров, когда политические браки оказывались самым действенным фактором, решавшим судьбу альянсов и обширных землевладений. Не сумев одолеть Токугава Иэясу в прямом столкновении, Тоётоми Хидэёси едва ли не насильно женил его на своей сестре и тем самым вынудил принять вассалитет. Ода Нобунага сначала породнился с Адзаи Нагамаса, отдав ему в жёны младшую сестру Оити, а затем с его помощью завоевал провинцию Мино. Если отец или брат отданной замуж женщины начинали воевать с её мужем, то обычно её разлучали с детьми — сама она возвращалась в отчий дом, а дети оставались с отцом. Потерпев поражение, глава клана совершал самоубийство, и члены семьи, в том числе дети, как правило, разделяли его судьбу.

В эпоху междоусобиц жизнь заложников зависела от того, насколько добросовестно их гарант выполнял взятые на себя обязательства. По разным причинам гаранты часто меняли свои решения, и тогда заложники погибали. Иногда ими жертвовали вынужденно, в силу обстоятельств, иногда — сознательно. С июня 1578 года по январь 1580 года Тоётоми (в то время Хасиба) Хидэёси вёл трудную осаду замка Мики в провинции Харима. Вступив

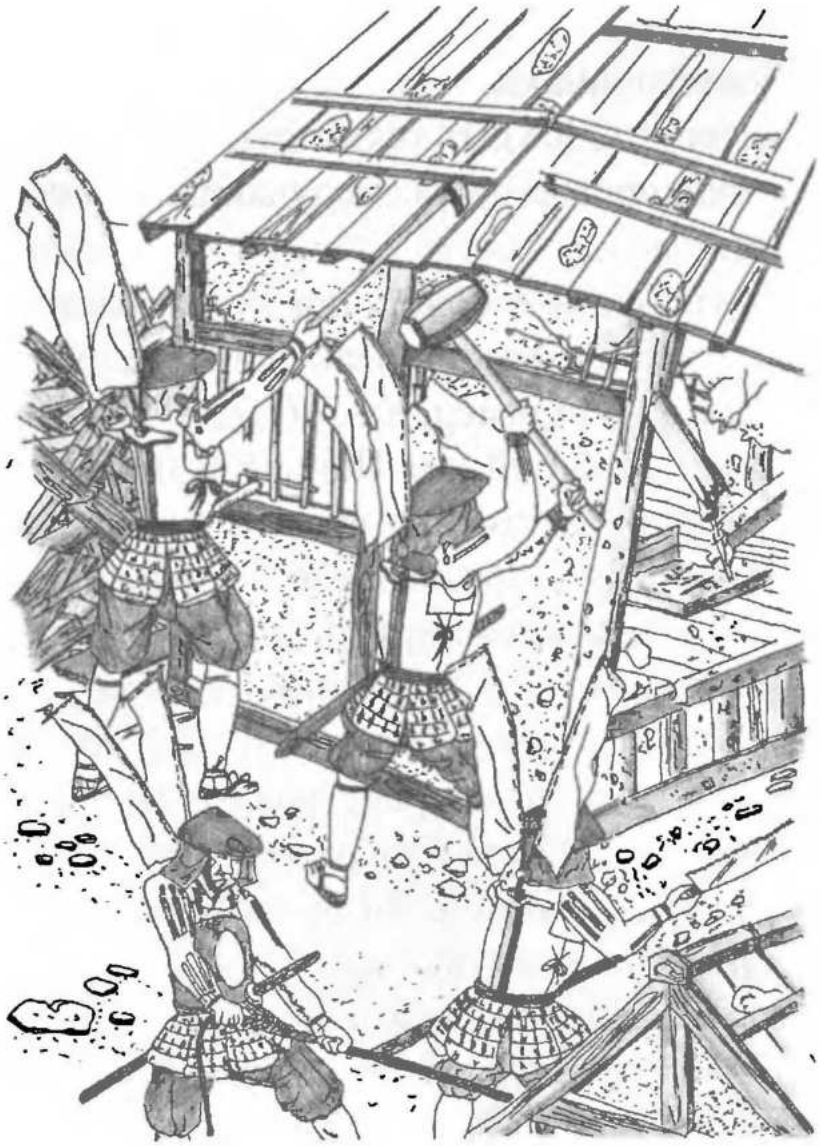
в тайную переписку с Накамура Тюгоро, одним из защищавших замок командиров, Хидэёси склонил его к измене. Тюгоро пообещал в нужный момент открыть главные ворота и в подтверждение своих слов отправил к Хидэёси родную дочь. В условленное время ворота замка открылись, и нападавшие бросились на штурм, но попали в засаду и были уничтожены. С самого начала Тюгоро вёл двойную игру, чтобы заманить людей Хидэёси в ловушку, и ради этого пожертвовал собственной дочерью. Девушка была казнена.

Осенью 1582 года Ода Нобутака, третий сын Нобунага, выступил против Хидэёси, но потерпел поражение и капитулировал. Его мать и дочь были отправлены к победителю в качестве заложниц. Однако уже весной следующего года Нобутака нарушил клятву и снова поднял оружие против Хидэёси, на этот раз в союзе с Сибата Кацуиэ. Чем подписал смертный приговор своей матери — её казнили на кресте. О судьбе дочери сведений не сохранилось. Со смертью на кресте женщине ещё повезло, поскольку в то время заложников было принято казнить самыми лютыми способами — специально,

Знатная женщина XVI века

чтобы удержать гаранта от измены. Обычно осуждённого привязывали к кресту и медленно протыкали снизу копьём от ягодиц до горла. Эта казнь (*кусидзаси*, буквально «нанизать на шампур») применялась в Японии со времён эпохи Хэйан и считалась самой жестокой разновидностью смерти на кресте. Таким способом Имагава Удзидзанэ (1538–1615) в 1560 году казнил одиннадцать заложников, чтобы удержать Токугава Иэясу от разрыва отношений с его семьёй. В то время 17-летняя жена Иэясу и его новорождённый сын находились в руках Удзидзанэ, и в случае его измены их казнили бы таким же способом.

Во время бунтов и боевых действий широко практиковался прямой «коммерческий» захват заложников. В дальних походах и на чужих землях захватчики вообще не церемонились — деревни грабили и сжигали, домашний скот, имущество и продовольствие забирали с собой. Мобилизованные крестьяне даже рис на корню с чужих полей собирали, а дома местных жителей разбирали на строительство укреплений. Живые рабочие руки представляли собой универсальную и при этом самую доступную ценность, поэтому на людей велась самая настоящая охота. Особенно большой удачей считалось захватить в плен состоятельного купца, квартального городского или деревенского старосту и прочих зажиточных граждан — за них с родственников можно было получить хороший выкуп. Но это бывало редко, а в основном захватчикам приходилось довольствоваться беднотой, попадавшей в плен десятками и сотнями человек. Военные хроники сообщают о множестве таких фактов. Пленных за небольшие деньги продавали в рабство в соседние провинции: мужчин — на рудники или на полевые работы, женщин — в служанки или проститутки. На острове Кюсю людей часто продавали в Китай или Корею. Европейские миссионеры, сообщавшие о работорговле в своих записках, сами охотно покупали себе рабов, что в разговоре с Хидэёси в 1587 году при-



Разборка дома

знал португальский иезуит Гаспар Коэльо (1530–1590). На вопрос Хидэёси, почему они это делают, пастор скромно ответил: «Так ведь сами японцы предлагают их купить» (Фройс, 1977).

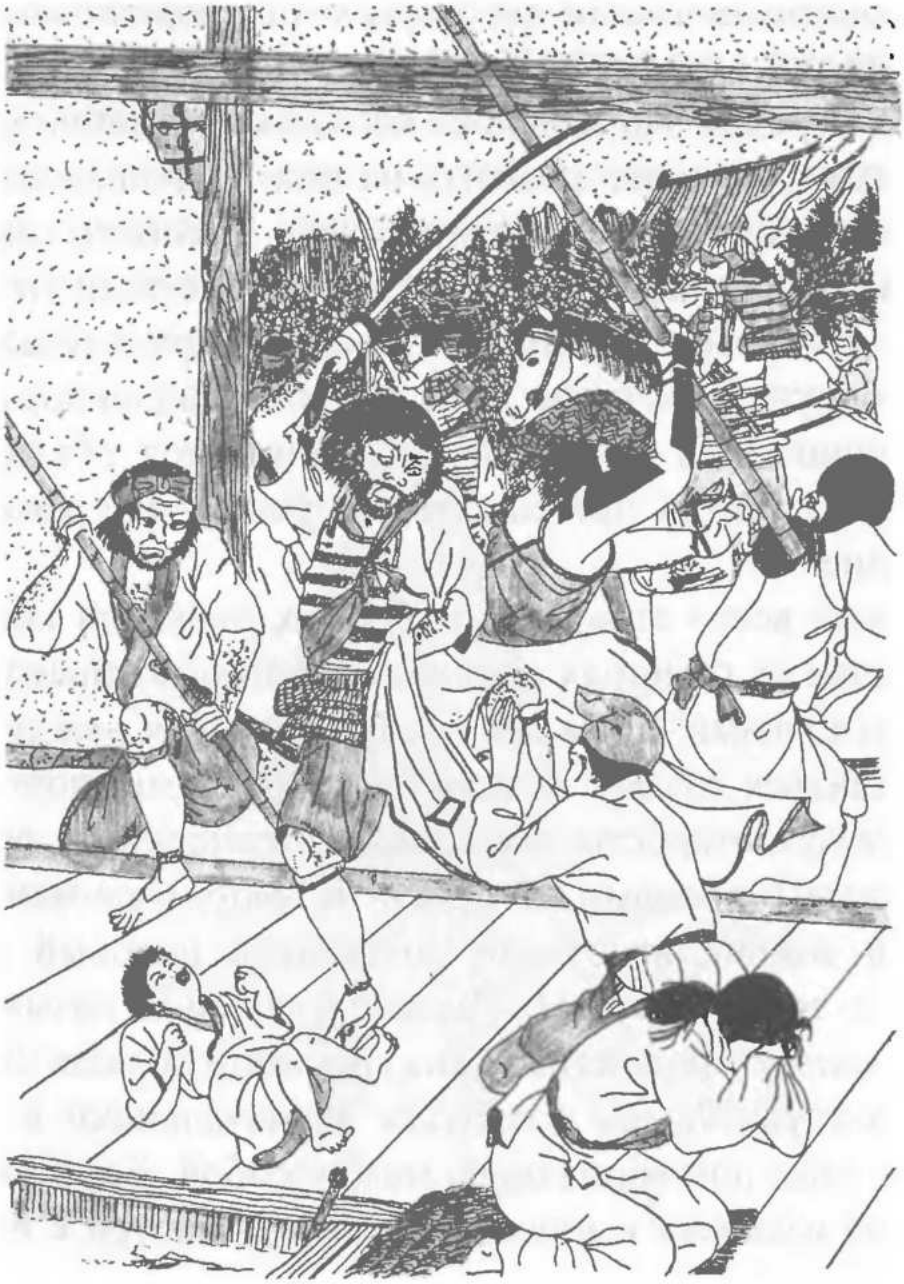
Этим промыслом занимались преимущественно низшие категории воинского сообщества — рядовые крестьяне-пехотинцы и «чернорабочие воины», для которых торговля людьми составляла важную часть боевого дохода. Согласно хронике *Кацуямаки*, на невольничьих рынках минимальная стоимость одного раба составляла 2 *каммон* серебром (на современные деньги около полу-

тора тысяч долларов США). При выкупе заложника родственникам приходилось платить больше — от 2 до 8 *каммон* (Фудзики, 2008). В таких сделках посредниками обычно выступали торговцы, получавшие за содействие свой процент.

Но это в городе и в более или менее благополучное время. В других обстоятельствах цены на рабов могли сильно меняться. Например, в 1566 году Уэсуги Кэнсин, в то время ещё носивший имя Нагао Кагэтора, взял замок Ода в провинции Хитати. По его распоряжению в призамковом городе был организован невольничий рынок, на котором с февраля по март того же года шла бойкая торговля захваченными в плен жителями по цене от 20 до 30 *каммон* за человека. Столь высокая норма прибыли объяснялась тем, что свирепствовавший в северо-восточном регионе голод резко сократил местное население, и рабочих рук катастрофически не хватало. Тот факт, что такие известные полководцы, как Такэда Сингэн, Уэсуги Кэнсин, Имагава Ёсимото, совмещали военные подвиги с банальной работорговлей, особенно не афишируется, и в сегодняшней Японии об этом мало кто знает.

Некоторые крупные полководцы на словах её осуждали и время от времени даже издавали соответствующие распоряжения, но особенно ей не препятствовали. Системное наступление на этот средневековый пережиток первым начал Тоётоми Хидэёси. Получив в июле 1585 года назначение на высокую должность регента императорского двора (*кампаку*), он весной следующего года письменно запретил продавать людей в рабство. Окончательно этот запрет оформился в государственный документ двумя годами позднее, весной 1588 года. Всех захваченных к тому времени мирных жителей надлежало вернуть по домам, а за торговлю людьми была установлена смертная казнь. Это было уже не первое распоряжение такого рода, поэтому нельзя сказать, что оно получило всеобщее понимание

и поддержку — реалии междоусобных войн складывались столетиями, и быстро отменить их было невозможно. Однако наступивший в 1591 году мир постепенно уменьшил общее число мятежей и беспорядков, а вместе с ними и число запрещённых деяний. После прихода к власти Токугава Иэясу издал собственный указ о запрете работорговли, но прошло ещё немало времени, прежде чем общественные нравы пришли в соответствие с требованиями мирного времени.



Разбой

В годы междоусобиц массовый захват людей происходил не только в боевых походах, но и во время городских беспорядков, в том числе и в столице. Горожане, в том числе и купцы, уже имевшие опыт посредничества в сделках с живым товаром, сами или через наёмников похищали сограждан, а затем с выгодой продавали.

В сельской местности тоже регулярно случались набеги и боевые действия, поэтому крестьянские общины принимали свои меры безопасности. Деревенские старосты и настоятели храмов заранее заключали с окрестными военачальниками договоры о неприкосновенности своих угодий (*киндзэй*). По условиям соглашений самурайским отрядам запрещалось не только разбойничать на этих землях, но даже заходить на них и останавливаться на ночёвку. За такие гарантии селяне и монахи платили военачальникам хорошие отступные, но всё-таки это было лучше, чем грабёж и полное разорение. Гарантийные грамоты с поручительствами местных военачальников обычно вывешивались на приспособленных под объявления деревянных щитах при въезде в деревню или храмовое поселение.

Больше всего страдали от боевых действий крестьяне, жившие на границах провинций, которые управлялись разными кланами. Вражда и боевые действия между ними могли длиться годами и даже десятилетиями, поэтому в таких уездах старосты заключали соглашения с обеими воюющими сторонами. В обмен на неприкосновенность полей и жилищ крестьяне поставляли рисовый оброк (*нэнгу*) и тем, и другим. Такие соглашения назывались словом *хантэ* («половина руки») и давали больше шансов на спокойную жизнь, поскольку военачальники в таких случаях тоже договаривались между собой. Если же враг приходил издалека и никаких договорённостей с ним не существовало, то единственным способом избежать тотального уничтожения оставалось собрать большой вы-

куп, сопоставимый с доходом захватчиков от разорения деревни. Такие случаи тоже были.

Кроме мирных способов самозащиты существовали и военные. Каждая деревня, каждый храм имели собственные вооружённые силы, составленные из мужчин молодого и среднего возраста. Воевали в основном с соседями, а против самурайских отрядов выходили редко — когда поблизости случалось крупное сражение. Такие вылазки назывались «охотой на побеждённых» (*отидокари* или *отибусякари*) и представляли собой одну из форм мародёрства. «Охотой» занимались не только сельские, но и городские жители. Нападая на остатки отрядов, проигравших сражение и бежавших с поля боя, крестьяне людей убивали, а себе забирали оружие, лошадей, доспехи и другие материальные ценности. Если среди убитых попадались командиры, то за их головы можно было получить

Крестьянин-пехотинец

хорошие деньги от победителя, поэтому их тоже с собой прихватывали. После боёв не только в деревнях, но и в городах часто бывали погромы, жертвами которых становились случайные люди, которых принимали за сторонников проигравших.

Перед нашествием крупного войска или началом вооружённого мятежа жители городов и деревень бежали в леса и горы. Бегство в горы называлось словом *яманобори*, которое существует в современном языке и сегодня — так в Японии называют популярные у населения оздоровительно-любительские восхождения по горным тропам. Покидая дома, жители забирали с собой лишь самое ценное, что могли унести, а остальное закапывали в землю и маскировали, чтобы противник не мог обнаружить. Под жилыми домами погреба не копали, потому что если дом сгорал, то их заваливало обломками. Да и мародёры легко обнаруживали такие схроны. А вот выкопанную в лесу и хорошо замаскированную яму найти было труднее. Соседи по кварталу часто делали это общими усилиями; некоторые даже строили в каком-нибудь глухом углу рассчитанные на оборону мини-укрепления, обнесённые насыпью и бамбуковой изгородью, а в деревнях специальные наставники писали для крестьян руководства, как следует укрывать имущество при срочном бегстве.

Как часто это происходило? В первой половине XVI века на границе провинций Идзуми и Кии несколько лет шла война между военным губернатором Хосокава, с одной стороны, и вооружёнными отрядами храма Нэгоро и так называемых «людей из Сайка» (*сайкасю*)[6] — с другой. Согласно местной хронике, расположенные в зоне конфликта четыре деревни подвергались нашествию с той или иной стороны в среднем раз в два месяца, и каждый раз их жители покидали свои дома (Фудзики, 2008).

---

6 Самоуправляемая местность в провинции Кии.

В некоторых местностях жители перед уходом из деревни готовили противнику неприятные сюрпризы, сливая, например, в колодцы нечистоты в расчёте на массовую дизентерию. Командиры об этом знали, поэтому запрещали подчинённым брать воду из колодцев на захваченных территориях. Но если реки поблизости не было, то волей-неволей приходилось рисковать. В таких случаях воду предварительно обеззараживали, опуская в неё мешочек с косточками абрикоса. При такой дезинфекции более или менее пригодным к употреблению становился только самый верхний слой воды, и то без гарантии.

Перед походом

В годы междоусобиц основу любого войска составляли рядовые самураи и крестьяне-пехотинцы. Различия между ними легко определялись даже на глаз: крестьяне не имели полноценных доспехов и шлемов (вместо них соломенные зонтики-шляпы), не могли воевать верхом и быть знаменосцами. По крайней мере такие правила существовали в армиях Такэда и Ходзё. Тем, кто не имел собственного оружия, его выдавали на время из запасов вышестоящего командира, поэтому крупные военачальники хранили в домашних замках запасные арсеналы. Например, воинский дом Ходзё в 1569 году имел на складах запас в 500 единиц огнестрельного оружия для раздачи набранным по деревням пехотинцам (Сэнряку, 2011).

Часть крестьян участвовали в боевых действиях постоянно, а часть привлекались только при всеобщей мобилизации. В менее заселённых и удалённых от центра провинциях на западе и востоке страны такие мобилизации объявлялись гораздо чаще. В семейных хрониках Мори, Уэсуги, Такэда, Ходзё содержится много упоми-

наний о сборе всего мужского населения в возрасте от 15 до 60 лет. В эпоху междоусобиц численность войска оставалась главным фактором победы, что нашло своё отражение в популярной пословице того времени, по смыслу противоположной известному выражению Александра Суворова — *хэй оки га кацу* («армия побеждает числом»). Существенного превосходства в живой силе можно было добиться только за счёт массового набора крестьян, и этот фактор играл решающую роль в организации боевых действий, включая выбор времени и сроков их проведения.

Мобилизации мужского населения в тёплое время года опустошали деревни и срывали полевые работы, поэтому в период посевной и уборки урожая крестьян к боевым действиям старались не привлекать. В более тёплой западной части страны снимали по два урожая в год, что сокращало время привлечения крестьян к боевым действиям до трёх-четырёх месяцев в году. Но зимой резко возрастали расходы на походное содержание армии (тёплая одежда, дрова, строительство временных сооружений и т. п.), поэтому в зимние месяцы здесь старались не воевать.

Но так было не везде. Приведём только один пример, показывающий влияние природных условий на выбор времени для ведения боевых действий. В провинции Этидзэн (современная префектура Ниигата, которую в Японии и сегодня называют «снежной страной») в силу более холодного климата снимали только один урожай в год; снег здесь выпадал в конце осени и лежал до самой весны. Население провинции, разбросанное по маленьким горным деревушкам, зимой хронически голодало: при одном урожае в год никаким героическим трудом в летние месяцы создать на зиму достаточных запасов еды было невозможно. Как и сегодня, конец зимы и весна были самым тяжёлым временем, когда смертность от болезней и постоянного недоедания резко возрастала. Поэтому каждый год после сбора урожая мужчины из горных селений

спускались в долины и промышляли кто чем мог — занимались отходным промыслом, нанимались на любую работу, а то и просто выходили грабить на большую дорогу. Для таких людей наём в войско местного правителя в зимнее время был самым желательным вариантом. Во-первых, они переходили на казённое довольствие, тем самым избавляя свои семьи от лишнего рта, а во-вторых, получали возможность заработать, пограбив на чужой территории.

С учётом этой потребности правивший провинцией клан Уэсуги начал практиковать военные походы против соседей в зимнее время. В этом случае глубокие снега, накрывавшие провинцию, становились его союзником. Провинция Этиго граничила с владениями сильных кланов Ходзё и Такэда, с которыми дом Уэсуги вёл многолетнее соперничество, поэтому любой поход в одном направлении был чреват нападением с другого. Соседи отслеживали перемещения друг друга и не упускали случая совершить набег на чужую территорию в отсутствие хозяина. Уходя в зимний поход, Уэсуги Кэнсин мог быть уверен, что непроходимые снега не позволят соседним кланам воспользоваться его отсутствием.

От расположенной южнее плодородной равнины Канто его провинцию отделял горный хребет[7], служивший погодно-климатическим рубежом, и это тоже имело значение. Когда в Этиго выпадал первый снег, в Канто ещё шла уборка урожая, что сулило нападавшим богатую добычу. Этот горный хребет, кстати, остаётся и сегодня таким же погодным рубежом в зимнее время: курсирующий между Токио и Ниигатой скоростной экспресс «Синкансэн» входит в 11-километровый тоннель Канъэцу с южной стороны под лучами яркого солнца на фоне голубого неба без единого облачка, а через три минуты вылетает из него в снегопад,

[7] Один из отрогов Северных Японских Альп.

исторгаемый низко нависшим небом свинцового цвета. Этот погодный контраст производит большое впечатление на иностранцев, впервые приезжающих на лыжные курорты в районе Юдзава. Сохранившиеся датировки 26 военных походов Уэсуги Кэнсин в соседние провинции показывают, что больше половины из них были совершены именно в зимнее время, по графику осень — весна (Фудзики, 2008).

Сроки предстоящего похода обычно определялись заранее, а выбор конкретной даты обставлялся рядом обязательных процедур. Ближайшими советниками главы дома в этом вопросе выступали его начальник штаба (*гунси* или *гункан*, букв. «военный наставник») и синтоистский священник-предсказатель (*китоси*). С помощью специальных гадательных палочек *гунси* определял оптимальный день для начала похода, а затем посещал местный храм и получал от него прогноз на выбранный день. Затем он сверялся с предсказанием штатного священника, и если воля неба оказывалась благоприятной, то дата представлялась на утверждение главному военачальнику. При наличии негативных моментов дату либо пересматривали, либо «очищали» от плохой кармы ритуальным выстрелом из лука в исполнении того же *гунси* или *китоси*. Стрела в этом случае направлялась в сторону будущего противника. Некоторые даты считались однозначно несчастливыми для начала похода — в эти дни влияние тёмных сил было невозможно преодолеть никаким ритуалом, поэтому походы на них не назначались. Они равномерно распределялись по сезонам: весной — седьмое, четырнадцатое и двадцать первое числа каждого месяца; летом — восьмое, шестнадцатое и двадцать четвёртое; осенью — девятое, восемнадцатое и двадцать седьмое; зимой — десятое, двадцать первое и тридцатое числа. Кроме того, во многих воинских домах существовали и свои собственные неблагоприятные числа, которые тоже принимали во внимание.

Определившись с датой, военачальник издавал соответствующий приказ (*дзимбурэ*) и доводил его до подчинённых. Тех, кто жил поблизости, извещали ударами в большой колокол, барабанным боем или морскими раковинами. К удалённым поселениям отправлялись пешие или конные гонцы. Оповещение проходило в алфавитном порядке, по заранее заготовленным спискам. Обычно в мобилизационном предписании скрупулёзно перечислялось всё, что воин должен был иметь при себе: доспехи, оружие, боеприпасы, лошади, провиант и т. д. Сельским старостам предписывалось проследить, чтобы подопечные крестьяне не забыли взять с собой всё необходимое,

Командир отряда

от соломенной шляпы до нескольких пар сандалий (на каждый день, походных, боевых и т. д.). Одним из самых подробных документов такого рода считается предписание, разосланное вассалам и союзникам дома Ходзё в 1591 году перед сражением с Тоётоми Хидэёси. Помимо всего прочего оно содержало подробный перечень форм и размеров шлемовых украшений (*татэмоно*) и боевых наспинных флагов (*сасимоно*).

Три основные части, из которых состояло любое японское войско, оставались неизменными в течение многих веков. Первую составляли близкие и дальние родственники главы клана, вторую — его вассалы, третью — добровольно примкнувшие союзники. По степени благонадёжности они следовали именно в таком порядке. Вассалы и союзники давали главе клана подписанную кровью клятву верности, но, несмотря на это, часто изменяли, особенно вторые. Строго говоря, абсолютной верности не приходилось ожидать ни от кого, в том числе и от родственников, — изменить мог кто угодно, но всё-таки члены семьи делали это реже, чем вассалы, а вассалы — реже, чем союзники. Сведениями об изменах буквально переполнены военные хроники начиная с эпохи Нара. В древности эти группы назывались *дзюруй* (родственники), *сёмон* (вассалы) и *ханруй* (союзники), но со временем единообразие в обозначениях было утрачено.

Рядовые самураи и мобилизованные крестьяне относились к союзникам низшего ранга. Кроме них в боевых походах участвовали представители широких народных масс самого разного происхождения: купцы и сельские старосты, зажиточные горожане и селяне, а также монахи. Некоторые из них были экипированы не хуже самураев, сражались верхом и могли командовать отдельными отрядами. Все затраты по доставке оружия, продовольствия и других грузов к месту общего сбора ложились на плечи командиров низшего и среднего звена, а они собира-

ли средства с крестьян на подконтрольных территориях. Нормативы по части воинской повинности в разное время и в разных местах сильно различались. Например, согласно податным росписям 1185 года, Минамото Ёритомо определял сельским старостам норму сбора в 5 *сё*[8] риса с одного *тамбу*[9] посевной площади. В привычных для нас единицах это составляло около 14 кг риса с каждых 11 соток земли. В Средние века норму воинской повинности стали рассчитывать в денежном эквиваленте, и судить о ней можно по устойчивому выражению того времени *хяккан икки* («сто *каммон* — один всадник»). Это означало, что с каждых ста *каммон* дохода подчинённый должен был выставить одного полностью экипированного конного воина. Сам по себе всадник — это элитная боевая единица, ему полагалась свита как минимум из 4 человек: охранник-адъютант, оруженосец, интендант и конюх. Впрочем, в разных кланах эти нормы могли сильно различаться. Например, в XVI веке клан Ходзё с каждых 50 *каммон* дохода требовал предоставить одного всадника в сопровождении знаменосца, аркебузира и двух копьеносцев. Со временем из-за отсутствия единой системы денежных единиц воинскую повинность снова начали рассчитывать в мерах риса, приравняв 1 *каммон* серебра к 5 *коку* (750 кг) риса.

На начальном этапе сборов эти расходы ложились на плечи командиров низшего и среднего звена, но по прибытии к месту назначения они компенсировались главным военачальником. В срочных случаях, когда времени на подготовку всего необходимого не хватало, войско отправлялось в поход с минимальными запасами, а интендантская служба получала приказ в кратчайшие сроки заготовить провиант и догонять основные силы. В таких

---

[8] Один *сё* = 1,8 л (1,5 кг).

[9] Один *тамбу* = 1134 квадратных метра.

Молитва

ситуациях исход всей операции во многом зависел от того, насколько быстро и чётко она действовала. Правда, в хрониках имена начальников тылового обеспечения почти никогда не указывались — все победы и поражения записывались на счёт главного полководца.

За долгие годы сражений переменчивая воинская удача научила самураев уважительно относиться к разного рода знакам и приметам, поэтому перед каждым походом исполнялся специальный ритуал, призванный обеспечить благосклонность неба и отвести неудачу. Он начинался

ещё дома, где каждый идущий на войну индивидуально совершал определённые процедуры, и продолжался на месте общего сбора, непосредственно перед отправлением. Главным действующим лицом выступал здесь главнокомандующий. Предпоходный ритуал совершался перед воротами его замка или в главном местном святилище. Церемониальная площадка заранее обносилась воткнутыми в землю шестами и обтягивалась материей, отгораживаясь таким образом от остального невоенного мира.

Центральное место в череде ритуальных действий занимало «тройное подношение» (*сангон но ги*). Главнокомандующий усаживался перед собравшимися лицом к югу, за его спиной выстраивались ближайшие соратники. Перед ним ставили переносной столик, и три помощника поочерёдно подавали ему пиалы с морским моллюском *аваби*[10], каштанами и морской капустой. Выбор блюд объяснялся их японскими названиями — каждое состояло из двух иероглифов, первые компоненты которых составляли последовательность смыслов «удар» (*ути*), «победа» (*кати*), «радость» (*ёрокоби*). О том, чтобы события развивались именно в таком порядке, молились священники, и главный военачальник им в этом помогал. Во время исполнения процедуры было множество мелких, но чрезвычайно важных деталей. Например, число каштанов во второй и число листиков морской капусты в третьей пиале должно было равняться трём или пяти. Отведав поднесённое блюдо, военачальник выпивал чашку *сакэ*. Всего получалось три блюда, три чашки. Все движения вассалов в ходе процедуры — медленные, торжественные и отточенные — были тщательно выверены и отрепетированы, любое отклонение считалось плохим предзнаменованием. По возвращении из успешного похода церемония *сангон но ги* повторялась, но уже в другом порядке: первыми под-

[10] Морское ушко.

носились каштаны (*кати*, «победа»), затем моллюск (*ути*, «дом») и, наконец, морская капуста (*ёрокоби*, «радость»). По сравнению с первым разом компоненты «радость» и «победа» оставались без изменений, а иероглиф *ути* «удар» менялся на отличный по начертанию, но одинаковый по звучанию иероглиф «дом». Со временем обряд «тройного подношения» широко распространился среди населения и утратил свой военно-походный смысл — его стали проводить перед дальними путешествиями, серьёзными делами, а также по праздникам.

Предпоходный ритуал должен был исполняться в условиях полной телесной чистоты и здоровья, поэтому на него не допускались больные или раненые — считалось, что их присутствие может навлечь болезни, ранения, смерть. В запретную категорию попадали также женщины, родившие ребёнка в течение последних 33 дней перед ритуалом или в период менструаций. Накануне по-

Тройное подношение

хода с женщинами вообще было связано много запретов. Например, им не разрешалось прикасаться к оружию или доспехам воина, равно как и к нему самому (половое воздержание). Все эти правила вступали в силу сразу после приказа о военном походе.

В воинском варианте предпоходный ритуал должен был исполняться с непокрытой головой, а после его окончания главнокомандующий вставал и надевал шлем. В левую руку ему подавали лук, в правую — боевой веер. Полностью его раскрыв, он широко расставлял ноги коленями наружу, делал глубокий полуприсед (сегодня это стандартная стойка борцов *сумо* перед началом схватки) и бросал войску призывный клич *ээ-ээ-ээ-й*. Воины отвечали ему дружным *оо-оо-оо*, демонстрируя полную боеготовность и силу духа. Некоторые полководцы, облачившись в доспехи, тут же обрезали концы шнура, стягивавшего нагрудные пластины. После этого развязать шнуровку было невозможно — только разрезать. Это означало, что главнокомандующий не может больше снимать и надевать доспехи, то есть готов биться до победного конца. Последним актом церемонии он возлагал к святилищу ветку священного дерева *сакаки*[11] и возносил молитву о воинской удаче.

На этом предпоходный ритуал заканчивался, и войско отправлялось в путь. Перед главными воротами клали нож остриём к выходу, через который старший командир должен был переступить. Это гарантировало безопасность замка в его отсутствие. Первые движения всадников также регламентировались ритуалом. В уставе воинского дома Имагава (*Имагава одзоси*) говорилось: «Садясь в седло, воин должен обратить коня головой к востоку и сделать на лошади три левых оборота, не пользуясь поводьями» (Сасама, 2014).

---

[11] Клейера японская, синтоистское священное дерево.

Стороны света имели для японцев большое значение, и с ними было связано множество суеверий и воинских привычек. Прежде всего они делились на дружественные человеку юг и восток и враждебные север и запад. По этой причине дома в деревнях ставили в ряд с востока на запад, а вход или главные ворота в них выходили только на юг. В крупных усадьбах внутренний двор планировался так, чтобы боковые ворота были обращены не на запад, а на восток. Первый шаг лошади, с которого начинался воен-

Предпоходный боевой клич

ный поход, тоже полагалось делать только в южном или восточном направлении. Эти представления распространялись и на посмертный ритуал: погибших хоронили головой к северу, а трофейные головы противника закапывали севернее того места, где проходила церемония их идентификации. Истоки предубеждённого отношения к северному направлению не вполне понятны; скорее всего они восходят к религиозным верованиям, существовавшим задолго до появления воинского сословия. Среди современных объяснений встречаются самые разные, в том числе и такое: в Средние века иероглиф «север» имел чтение *нигу*, совпадавшее с одной из форм глагола *нигэру* («бежать, отступать»), поэтому всё связанное с поражением воины как бы переадресовывали противнику. По этой же причине суеверные самураи при хранении доспехов никогда не обращали их передней частью к северу.

Приметы распространялись буквально на всё, что окружало воинов, в том числе и на лошадей. Если перед походом боевой конь проявлял беспокойство и шарахался от людей, это считалось плохим предзнаменованием. Успокоив животное, нужно было нейтрализовать влияние дурных сил и провести обряд очищения *кудзикири* (букв. «девять знаков-сечений»)[12] или прочитать оберегающую молитву. Неблагоприятных примет было много, поэтому проводить очищающие процедуры приходилось часто. Например, если собака перебегала дорогу перед воинской колонной справа налево, то это считалось хорошим предзнаменованием, а если слева направо, то дурным. Или если стая птиц летела по ходу марша, в сторону противника, то это к удаче, а если навстречу — то опять надо звать священника. Про приметы не забывали даже во

[12] Аналог крестного знамения в христианстве. По форме — набор вертикальных и горизонтальных движений рукой в воздухе, повторяющих начертание священных иероглифов. По сути — сакральное действие, направленное на нейтрализацию злых сил.

время боя. Если раненый конь падал на левый бок, то у всадника оставалась надежда на благоприятный исход, а если на правый — то гораздо хуже. Или если дуга лука переломилась выше захвата, то это ещё не беда, а вот если ниже — то не к добру. И так далее.

В походе

На марше в целях безопасности воинский караван делился на три части: авангард (*маэдзороэ*), середина (*накадзороэ*) и арьергард (*атодзороэ*). В случае нападения на любую из них две остальные имели возможность перегруппироваться и прийти на помощь. Чаще всего с неожиданными нападениями сталкивался авангард, поэтому его командирам предписывалась особая осторожность, особенно на чужой территории. В биографии Тоётоми Хидэёси (*Тайкоки*) говорится о том, что Акэти Мицухидэ в ночь на 2 июня 1582 года по пути в столицу приказал убивать всех крестьян, которые попадались ему на пути, чтобы не оставлять свидетелей своего передвижения. Марш-бросок, от которого зависел успех операции по ликвидации Ода Нобунага, совершался в глубокой тайне, и информация о нём не должна была попасть в столицу раньше времени.

Авангард первым обнаруживал выставленные противником препятствия. В лесной местности это могли быть засеки из поваленных деревьев, а на речных переправах — вбитые в дно деревянные колья, связанные между собой верёвками (*рангуй*). Если головной отряд обнаруживал такое препятствие, то был вынужден остановиться и восстановить проходимость маршрута; противнику это давало возможность для внезапной атаки. Если же, например, безопасность переправы предварительно не была

проверена, то отряд мог наткнуться на *рангуй* уже в воде, и это было ещё хуже. На узких лесных дорогах на пути отряда выкапывались присыпанные сверху землёй волчьи ямы (*могари*) с острыми бамбуковыми кольями на дне.

По своей территории, где можно было не опасаться внезапного нападения, участники похода передвигались налегке, без шлема, доспехов и остальной экипировки. Низкоранговые командиры и рядовые несли всё на себе, а военачальники с годовым доходом более 200 *коку* риса имели специальных носильщиков-адъютантов. Боевая амуниция складывалась в походный сундук и на плечах носильщика следовала за своим хозяином. У самых крупных военачальников за сохранность большого меча, шлема и доспехов отвечали три разных адъютанта. На должности оруженосцев и хранителей доспехов обычно брали надёжных воинов не юного уже возраста и с боевым опытом, имевших собственных вассалов. На ходу оруженосец нёс меч господина на правом плече, в сидячем положении клал себе на колени, придерживая обеими руками, а когда стоял, мог пристегнуть его к поясу справа. В случае опасности он должен был первым делом защитить оружие господина или быстро его передать, поэтому всегда располагался слева от него. Собственное оружие меченосца (лук или копьё) за ним носил его собственный слуга, а меч он всегда имел при себе. В походе крупного военачальника сопровождал также конюх с одной или двумя запасными лошадями.

Вертикальные флаги (*сасимоно*) появились одновременно с воинским сословием много веков назад. В эпоху междоусобных войн, когда армии состояли из множества разных отрядов со своими штабами и командирами, особое значение получила сигнальная функция флагов. Каждый командир среднего звена имел адъютанта-знаменосца (*хатасаси*), который должен был всегда находиться рядом с ним и указывать его местонахождение подчинён-

ным. Самое большое в армии знамя принадлежало главнокомандующему и было украшено его фамильным гербом. В походе оно устанавливалось рядом с главным штабом и служило ориентиром для всех подчинённых командиров. Один человек с таким крупным полотнищем справиться не мог, поэтому его перевозили на лошади в сопровождении трёх адъютантов-хранителей.

Во время боя командирское знамя видели не только свои, но и чужие, а поскольку захват головы командира ценился очень высоко, то знаменосцы часто оказывались в центре самых ожесточённых схваток. Хранитель знамени должен был везде следовать за своим начальником, и если он бросался в горячую точку, то *хатасаси* делал то же самое. Флаги имели вертикальную прямоугольную форму и привязывались к бамбуковым шестам длиной полтора-два метра, а шест крепился на спине знаменосца в двух местах — на вшитом в наплечники металлическом кольце и на поясе, поэтому руки у него оставались свободными. Вся конструкция весила 5–8 килограммов и во время боя затрудняла движения знаменосца, особенно в ветреную погоду, когда флаг превращался в парус. Сильным боковым порывом ветра знаменосца вообще могло сбросить с лошади, поэтому помимо отваги и бесстрашия от него требовалась ещё и изрядная физическая сила.

На воинских флагах обычно изображался фамильный герб, какой-либо священный символ или популярный лозунг. Например, на флагах повстанцев Икко, воевавших против Ода Нобунага, был начертан призыв их духовного лидера Коса Кэннё: *сусумаба одзё гокураку, сиридзокаба мугэн дзигоку* («вперёд идущих ожидает рай, бегущим — бесконечный ад»). Объявив войну Ода Нобунага, предводитель повстанцев таким образом призвал последователей учения Чистой земли подняться на войну с узурпатором.

Перед началом сражения флаги разворачивались, а в конце — сворачивались. Сигнал к атаке подавался бара-

банным боем или морскими раковинами[13], а отступление обычно начиналось спонтанно, без команды, поэтому сворачивание флагов становилось единственным формальным признаком окончания боя. Знаменосцы делали это для того, чтобы не давать ориентиров противнику, который, как правило, начинал преследование проигравшей стороны. Знаменосцы победителей этого не делали, поэтому выражение «свернуть флаги» (*хата о маку*) было синонимичным поражению, а «подъём флагов» (*хатаагэ*) означал начало похода или объявление войны. Впрочем, эти значения остались у них и сегодня.

В военных хрониках эпохи междоусобиц главное место занимают сведения о том, какой командир на каком участке кого победил или кому проиграл, а о причинах этих побед и поражений почти ничего не сообщается. Но ясно одно — для победы требовалась большая и кропотливая подготовка к сражению, предполагавшая слаженную работу всех служб обеспечения. В боевых походах сами сражения занимали абсолютно меньшую часть времени, а большая его часть уходила на разведку, составление плана действий, строительство укреплений, обеспечение провиантом, приготовление пищи и т. п. Вся эта неромантическая черновая работа, выполняемая руками низшего воинского контингента, осталась за рамками дошедших до нас документов. Этих «разнорабочих невидимого фронта» называли по-разному, но чаще других встречаются названия *дзимпу* и *бумару*. На марше они несли на себе грузы, на привале ставили шатры, перед сражением рубили деревья, разбирали дома местных жителей и строили из них укрепления, копали землю, сооружали ограждения и т. д. Этих «разнорабочих войны» на-

---

[13] Раковины морского моллюска тритонов рог (*хорагаи*) первыми начали использовать буддийские монахи задолго до появления воинского сословия. В горных лесных районах, где обычно строились храмы, с их помощью сообщали о своём приближении и отпугивали диких зверей.

нимали в качестве тягловой силы из низших слоёв, которые ничего не имели и ничего не умели. Многие нанимались добровольно, но если рабочих рук не хватало, то брали в приказном порядке. За набор отвечали сельские старосты, и с ними можно было договориться о замене мобилизации натуральным продуктом, сдав по 6 *го* (около килограмма) риса и 1 *сё* (полтора килограмма) соевых бобов за один рабочий человеко-день.

Зажиточные селяне могли откупиться от мобилизации продуктами или деньгами, на которые староста нанимал бедняков, бродяг и разбойников, во множестве обитавших в любой местности. Доверия они, конечно, никакого не вызывали, но при надлежащем контроле с обязанностями носильщиков и землекопов вполне справлялись. Эти парии войны в сражениях обычно не участвовали, но в трудных ситуациях им тоже выдавали оружие, самую простую амуницию и выпускали на поле боя. По окончании похода всё полученное нужно было вернуть.

Земляные работы

Многие из тех, кто нанимался на черновую работу, имели тёмное прошлое и неопределённое будущее. Жили они впроголодь, и их жизненные планы редко простирались за пределы следующего урожая, до которого ещё нужно было дожить. Для этого были все средства хороши, в том числе и наём в боевой поход в качестве рабочей силы, поскольку он давал возможность практически безнаказанно грабить и мародёрствовать на чужой территории. Как уже говорилось, всё движимое и недвижимое имущество местного населения в районе боевых действий, включая само население, по умолчанию считалось добычей победителей. Захватив в чужой деревне пару-тройку женщин и детей и продав их в рабство, отдельно взятый носильщик-уборщик-землекоп вполне мог обеспечить себе несколько месяцев вольной жизни.

Решения о боевых операциях и тактические планы принимались на военных советах, которые могли проводиться как в помещении, так и под открытым небом. В последнем случае место сбора обтягивали прямоугольными лоскутами белой материи и крепили её на шестах, а позади втыкали в землю флагштоки со знамёнами, указывавшими на состав участников. Заседания военного совета перед крупными операциями могли быть довольно многолюдными. Полный состав участников такого совета указан в приводимой ниже таблице.

Воинские звания и должности эпохи междоусобных войн

Звание	Должность	Функции
Тайсё	Глава клана или командующий операцией	Общее руководство

Продолжение таблицы

Звание	Должность	Функции
Гункан (гунси)	Старший военный советник	Планирование и подготовка операций, командование ими, обучение личного состава
Каро	Старейшина	Советник и личный консультант главы клана, исполнитель важнейших поручений. Мог командовать отдельными операциями
Самурай дайсё	Начальник самурайской части войска	Общее руководство всеми самурайскими отрядами
Асигару дайсё	Начальник несамурайской части войска	Общее руководство пехотинцами, набранными из крестьян
Мэцукэ (гунмэцукэ)	Начальник тайной службы	Надзор за личным составом
Мономи банто	Начальник разведки	Сбор информации о противнике
Рёмацу бугё	Старший интендант	Снабжение войска фуражом и продовольствием
Конида бугё	Начальник транспортной службы	Доставка боеприпасов, амуниции и продовольствия
Юхицу	Штабной писарь	Написание и рассылка документов
Татимоти	Личный адъютант-меченосец	Хранение и переноска большого меча главы клана или командующего операцией

Окончание таблицы

Оумадзиру-симоти	Хранитель большого знамени	Хранение и перевозка личного знамени главнокомандующего
Коумадзи-руси	Хранитель малого знамени	Хранение и перевозка малого знамени, которое должно было находиться рядом с командующим текущей операцией
Хондзин но хатамоти	Хранитель общевойскового знамени	Хранение и перевозка знамени штаба (полевой ставки)
Хатасаси	Знаменосцы отрядных командиров	Хранение и перевозка именных знамён командиров-вассалов и командиров-союзников
Китоси	Синтоистские священники	Астрология, гадание, воинский и религиозный церемониал. Личного оружия не имели
Якуси	Лекари	Приготовление снадобий и обработка ран. Личного оружия не имели
Хатамото	«Подзнамённые», союзники среднего ранга	Не состояли в родстве с главой клана и не были его вассалами, воевали на договорной основе
Цукаибан	Курьеры	Обеспечение связи между ставкой и командирами отрядов

На раннем этапе становления воинского сословия военные советы обычно проходили в походах, под открытым небом. Образ руководящего органа настолько за ними закрепился, что первое военное правительство, учреждённое в 1192 году, по традиции продолжали называть полевой ставкой (*бакуфу*). Это название закрепилось, и в течение семи столетий, пока страной правили самураи, их главный административный орган называли словом *бакуфу*.

Главным источником информации, на основе которой составлялись оперативные планы, служили наблюдатели и разведчики (*мономи*), следившие за действиями противника. Первые занимали позицию в пределах дислокации своего войска, а вторые выдвигались на нейтральную территорию или в зону расположения вражеских частей. Кроме разведчиков-самураев командиры пользовались услугами вольнонаёмных гражданских лиц, никому постоянно не служивших и потому неизвестных разведке противника. Их нанимали временно, для выполнения одного-двух заданий, после чего они возвращались по домам и продолжали жить обычной жизнью. В разных провинциях их называли по-разному, одно из самых известных названий — *камари*. Этих наблюдателей-шпионов не следует путать с широко известными сегодня *ниндзя*: в отличие от них *камари* не владели никакими особыми приёмами и навыками, ни от кого не прятались и выполняли задания за счёт своей неприметности. Смешиваясь с местным населением, они смотрели по сторонам, слушали, собирали информацию и распространяли ложные слухи, в отдельных случаях подбивали население на какие-либо действия в соответствии с заданием.

В отличие от них *ниндзя* (буквально «тайный человек») нанимались для активных и скрытно выполняемых диверсий, чаще всего для убийств или поджогов. Специфика заданий требовала от них умения незаметно проникать в помещения и покидать их, знания особых приёмов и спе-

Военный совет

циальной амуниции, в том числе орудий убийства. Как правило, *ниндзя* действовали тайком, под покровом темноты, а в остальное время одевались и вели себя так же, как *камари*, — не выделяясь среди окружающих. Да и на тайные операции они ходили в своей обычной одежде. Роковые чёрные одеяния, маски и прочая романтическая атрибутика появились недавно, в эпоху телевидения и массовой культуры. Доведись средневековому *ниндзя* увидеть свой современный киношный облик — он бы себя не узнал.

Отношение к этой категории воинов тоже было не таким однозначным, как сегодня. Их услугами охотно пользовались и хорошо их оплачивали, но многие потомственные самураи считали тайные приёмы вроде отравления или убийства из-за угла недостойными настоящего воина и относились к *ниндзя* как к разновидности разбойников. Главным фактором их последующей романтизации стало мирное токугавское время с его ностальгией по военным подвигам и приключениям, а современная массовая культура лишь усилила и распространила этот стереотип.

Другой прозаический, но очень важный аспект жизни в боевом походе — питание. Командирам низшего и среднего звена еду готовила прислуга, набираемая из тех же разнорабочих *бумару*, делавших в походе всё, что при-

Повседневный рацион рядового (слева), *военачальника* (справа)

кажут. Крупному полководцу полагался начальник личной интендантской службы (*годзэн бугё*) со своим штатом подчинённых. Во второй половине XVI века, то есть во времена Ода Нобунага и Тоётоми Хидэёси, это было уже общим правилом. В разных источниках говорится о том, что на эту должность назначались командиры низшего и среднего звена с годовым доходом от 30 до 200 *коку* риса. В их обязанности входил весь перечень работ, связанных с питанием главнокомандующего, от заготовки продуктов и приготовления еды до её доставки к столу.

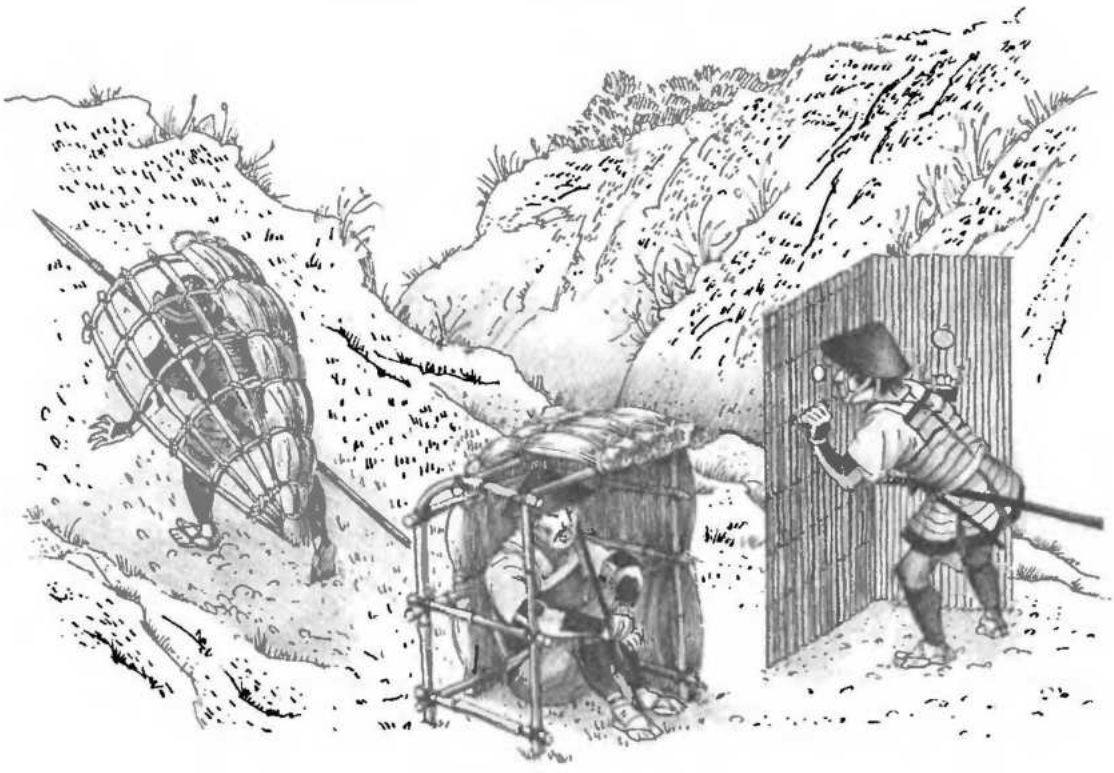
Питались в то время два раза в день. Причём не только крестьяне и рядовые самураи, но и военачальники. Повседневный рацион мирного времени вряд ли вдохновил бы современных гурманов. Стандартный набор блюд состоял из миски бобового бульона *мисо*, в который добавляли соевый творог *тофу*, пшено или чечевицу, а также съедобные травы. Военачальники питались лучше: им полагался отварной рис, к нему маринованные овощи и пара-тройка зажаренных рыбок с чашкой зелёного чая в конце трапезы.

Во время боевых действий питались три раза в день и более калорийно: при заготовке провизии интенданты обычно исходили из расчёта 100–160 граммов сухого риса и 30 граммов *мисо* на человека в день[14] (Сасама, 2014). Война отнимала много сил и требовала физической выносливости: войска совершали многокилометровые пешие марши, копали рвы, строили укрепления. Верхом передвигалась лишь самурайская конница, составлявшая не более 10% любого войска, остальных лошадей использовали для перевозки провианта и амуниции. Сила и выносливость были чрезвычайно важны и на поле боя. Управляться с холодным оружием нелегко даже без тя-

[14] В японских мерах ёмкости: от шести *го* до одного *сё* риса и два *го* мисо на десять человек (1 *го* = 160 г, 1 *сё* = 1,6 кг). Варёный рис примерно в 2,5 раза тяжелее сухого. — А. П.

жёлых доспехов, а японские воины отнюдь не были богатырями. Средний рост мужчины составлял в то время 156–157 сантиметров. По сохранившимся доспехам было установлено, что Ода Нобунага и Токугава Иэясу, например, имели рост 157 см, а Тоётоми Хидэёси — 154. Такие гиганты, как Уэсуги Кэнсин (180 см) или Маэда Тосииэ (182 см), были редким исключением.

Влажный японский климат тоже приходилось учитывать. Сегодня в Японии за год выпадает 170 см осадков, это в два раза больше, чем в среднем на планете, а в некоторых районах острова Кюсю уровень осадков достигает 230 см. Более влажный климат только в тропиках. В XVI веке доспехи делали из металлических пластин, покрытых кожей и несколькими слоями лака. Шлем, защищавший голову и шею, состоял из таких же пластин и был довольно тяжёл. Его надевали непосредственно перед боем, поэтому у старших командиров были специальные адъютанты-шлемоносцы (*кабуто докорояку*), повсюду



Защитные приспособления

следовавшие за ними. Во время боя шлем хорошо защищал от стрел и слабых ударов, но не спасал от тяжёлых ударов мечом, копьём или камнем. Потеряв от сотрясения ориентацию всего на несколько секунд, воин становился лёгкой добычей противника. Поэтому со временем шлем стали обшивать изнутри амортизирующими материалами, что ещё больше увеличило его вес и размер. Воевали в основном в тёплое время года, поэтому голова под шлемом сильно потела, во время боя пот заливал глаза и сильно мешал. Это стало одной из причин, по которым самураи начали брить себе лбы. Впоследствии эта воинская привычка распространилась на всё мужское население страны, и со временем выбритый до затылка лоб стал отличительной чертой любой мужской причёски.

В годы междоусобных войн деньги как платёжное средство играли бóльшую роль, чем в последующую эпоху Токугава, — они начали сдавать позиции только в конце 1570-х годов. Поэтому, отправляясь в поход, рядовые и командиры брали их с собой в обязательном порядке. Боевые действия часто затягивались и осложнялись неожиданными обстоятельствами, поэтому во многих кланах воинский устав требовал иметь при себе деньги. Их хранили в шёлковых мешочках, которые крепились в укромных местах под доспехами. Обнаружение такого мешочка было большой удачей для местных жителей, занимавшихся «охотой на проигравших» (*отибуся кари*). В этом случае их добычей становились не только оружие и доспехи воина, но и его деньги.

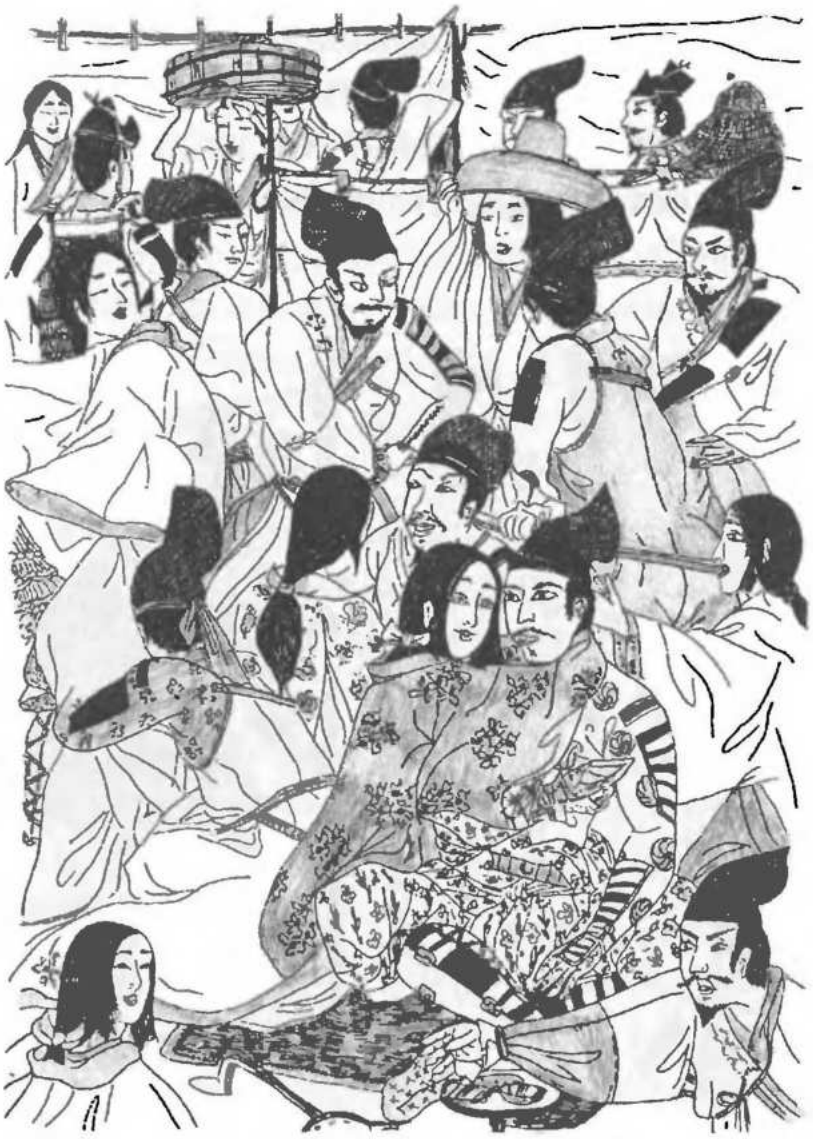
Крупные военачальники в боевой поход брали с собой целую казну. Деньги были нужны на закупку провианта, боеприпасов и амуниции, на поощрение особо отличившихся командиров, для подкупа потенциальных перебежчиков и на другие благородные цели. Тоётоми Хидэёси, например, при подготовке к осаде Тоттори в 1581 году потратил огромные средства на скупку мест-

ного риса по завышенным ценам. Организовав таким образом искусственный голод, он лишил гарнизон замка возможности запастись впрок продовольствием. Действовавшие от имени Хидэёси купцы заявили в Тоттори такую цену на рис, что свои домашние запасы им продали даже некоторые защитники замка. По такой же схеме этот полководец действовал в 1590 году против Ходзё во время осады Одавара. Скупив рис по высокой цене, он перепродал его своим потенциальным союзникам дешевле и с убытком для себя, но зато завоевал их глубокие симпатии и привлёк на свою сторону. Так что в военных победах того времени деньги играли далеко не последнюю роль.

Но они же создавали владельцам и проблемы. Во многих источниках говорится о том, что в походных условиях было чрезвычайно распространено воровство, в том числе и денег. Личные взаимоотношения, наличие в одном войске отрядов из разных уездов и провинций, подчинявшихся разным командирам, создавали для этого благоприят-

Удар в спину

ную почву, особенно в низовых звеньях. Командиры среднего и низшего уровня часто переходили от одного военачальника к другому вместе со своими подчинёнными, поэтому на поле боя друг против друга нередко сходились вчерашние союзники или, наоборот, вместе шли в атаку недавние противники. Временный характер боевых союзов оказывал большое влияние на взаимоотношения и снижал моральные барьеры. В военных хрониках содержатся упоминания о хищениях денег и ценностей среди соратников, случаях подмены оружия и амуниции (колчанов, ножен, наконечников стрел, копий и т. п.). Неприятного, да ещё и удачливого соратни-



Полевая любовь

ка вообще могли убить ударом в спину ради присвоения его имущества или трофеев, в том числе и снятых голов противника, чтобы хорошо отчитаться и получить вознаграждение. Такое присвоение чужих трофейных голов даже имело своё название (*байкуби*). В общем, как на любой войне, доблесть и героизм одних соседствовали с подлостью и мародёрством других.

Если боевой поход затягивался, то жизнь в лагере насыщалась элементами мирного быта. Из окрестных деревень подходили крестьяне и торговцы с товарами, а постоялые дворы отправляли большими группами девушек. Так было во все века. Упоминания о разгульных вечеринках в полевых условиях содержатся в *Хэйкэ моногатари* («Повесть о доме Тайра», эпизод 1181 года), в *Тайхэйки* («Повесть о великом мире», эпизод 1332 года), *Ходзё годайки* («Хроника пяти поколений Ходзё», 1590 года) и других известных источниках. Во второй половине XVI века,

Торговля вразнос

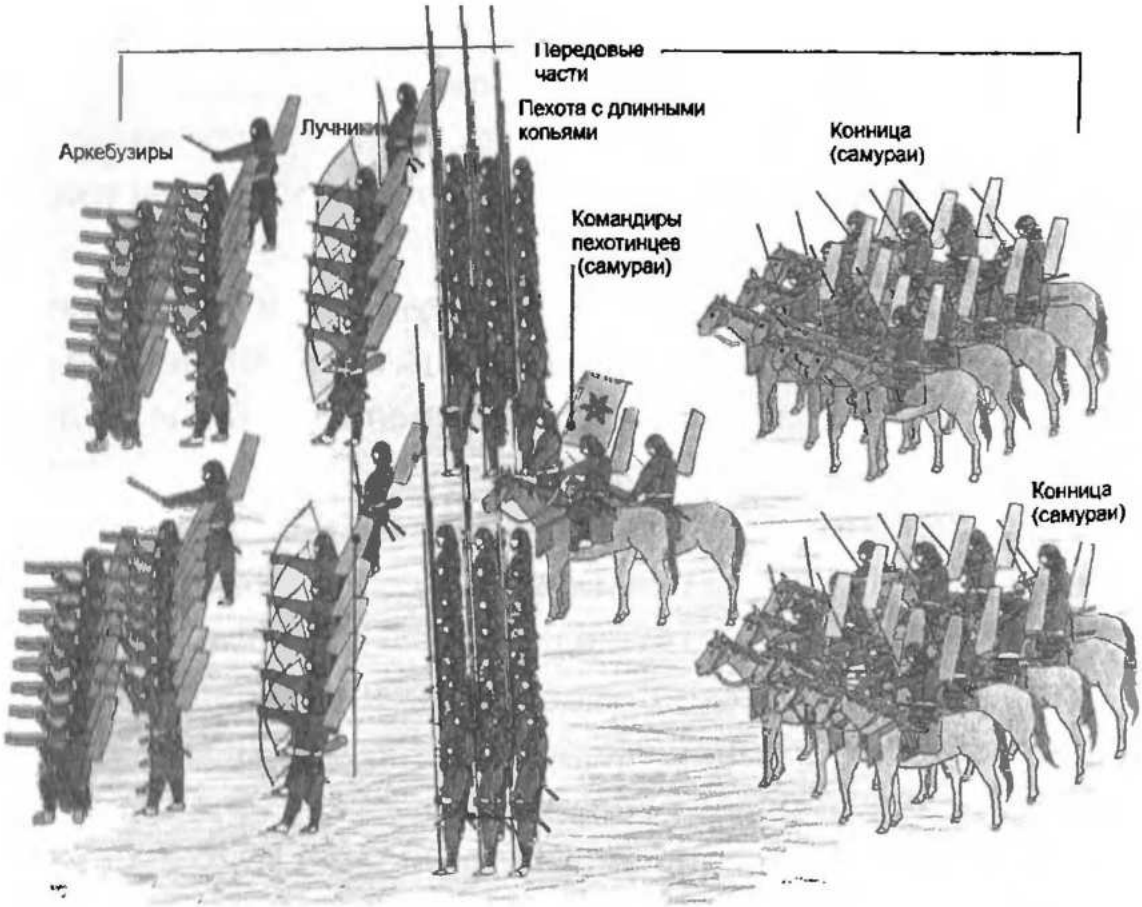
когда численность армий и длительность походов заметно возросли, рядом с военными лагерями вырастали целые городки из заезжих торговцев, предлагавших весь ассортимент товаров и услуг, которые могли понадобиться участникам боевых действий. Например, в 1590 году Тоётоми Хидэёси во время длившейся несколько месяцев операции против дома Ходзё разрешил своим полководцам пригласить в походные лагеря жён и детей и сам вызвал к себе любимую наложницу Ёдо.

Присутствие торговцев в районе боевых действий поощрялось командованием, поскольку помогало решать вопросы снабжения армии. Торговцы вразнос привозили на продажу рис, овощи, рыбу, мясо птицы, *сакэ*, а мастеровые люди из ближайших деревень чинили вышедший из строя рабочий инвентарь, сбрую, оружие, доспехи. В общем, война войной, а жизнь кипела. Услугами торговцев пользовались обе воюющие стороны, позволяя им свободно перемещаться между позициями. Конечно, не обходилось и без происшествий — низовое воинство с обеих сторон не упускало случая ограбить, а то и убить визитёров, предлагавших услуги и товары, поэтому торговцы тоже не теряли бдительности.

Затягивание сроков похода, неопределённость ситуации и длительное бездействие подрывали боевой дух войска и нередко провоцировали необдуманные вылазки со стороны командиров низшего звена. Иногда это дорого обходилось, поэтому при планировании операций полководцы старались учитывать этот фактор. Пожалуй, последовательнее других это делал Ода Нобунага. Операции, которыми он сам командовал, отличались скоротечностью: ни одна из них не длилась дольше двух месяцев. Его полководцы могли подолгу осаждать замки, форты или вести бои за контроль над провинциями, но сам Нобунага в длительных кампаниях не участвовал, предпочитая руководить ими на расстоянии.

Поощрения и наказания

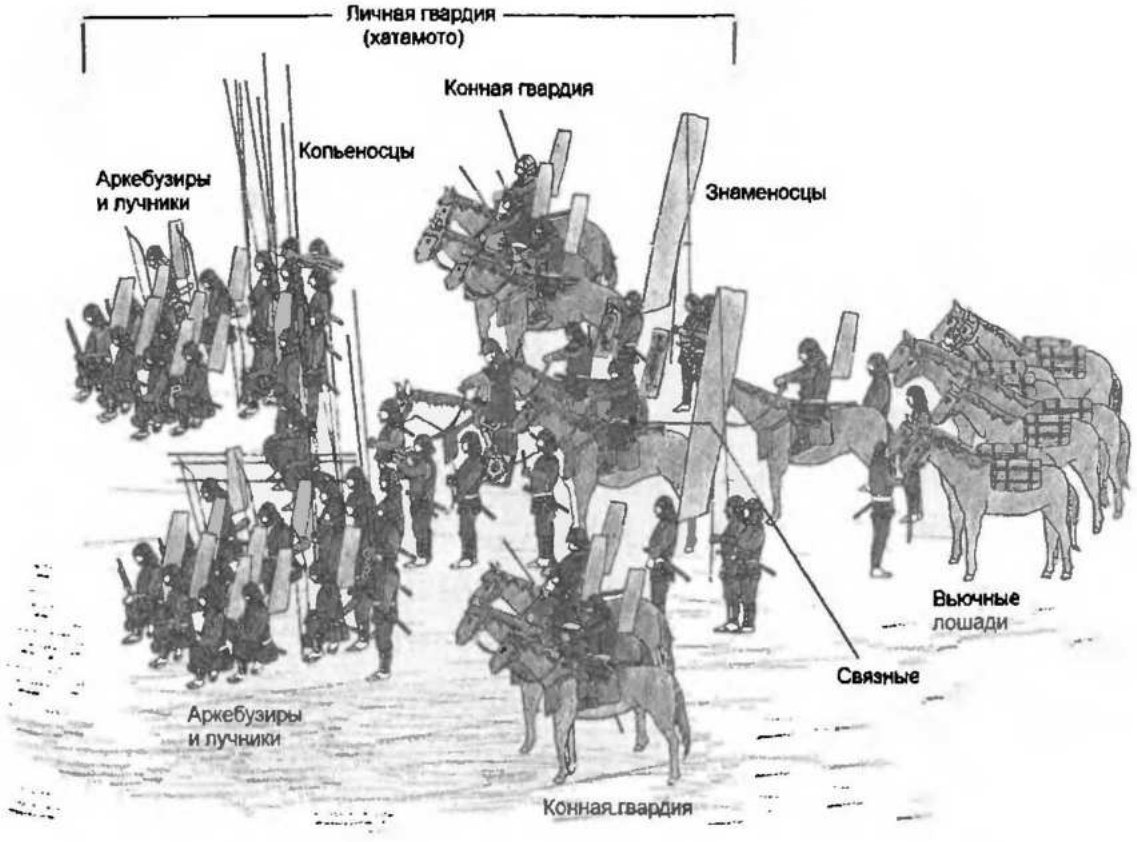
Для поддержания в армии боевого духа существовали свои приёмы и правила. Ещё в IX–X веках, когда самурайские сражения происходили на окраинах страны, сложилась система поощрения воинов, первыми добивавшихся успеха на поле боя. Чаще всего это был первый поверженный враг и его снятая голова. Удачное начало боя чрезвычайно вдохновляло соратников и придавало им уверенности, что очень ценило командование. После сражения таких героев чествовали, награждали и присваивали почётное звание *дайити нори* («первый всадник»), поскольку именно всадники чаще всего первыми шли в атаку. Позднее, когда основным оружием на поле боя стало копьё, героическая номинация изменилась и стала называться *дайити яри* («первое копьё»). Посмертно эта



Стандартный боевой

награда не присуждалась, поэтому претендент на звание «первого копья» кроме горячего воинского сердца должен был иметь ещё и холодную голову, потому что, вклинившись в одиночку в ряды противника, рисковал оттуда уже не выбраться. В эпоху Хэйан такая же героическая номинация существовала у лучников — её присваивали стрелку, первым сразившему соперника, но поскольку стрельба велась на большом расстоянии и риск лучника не шёл ни в какое сравнение с поединком на копьях, эта награда со временем отошла на второй план.

Со временем в некоторых кланах были введены звания «второго» и «третьего копья» (*нибан яри*, *самбан яри*), но по значимости они сильно уступали первому. «Вторым копьём» могли признать не только кого-то из копьеносцев, но вообще любого воина, добившегося какого-либо примечательного успеха. Позже кое-где появились номинации «первый меч»,



«второй меч», а также «первая голова» (*дайити куби*), «вторая голова» и так далее. Награда за *дайити куби* вручалась воину, который первым снял голову противника. Этот успех тоже воодушевлял соратников, поэтому отмечался начальниками штабов на церемонии *ронко косё*[15].

Крупные воинские кланы жили по своим собственным уставам, поэтому традиции и правила поощрения в разных местностях сильно различались. Например, награда за «первую голову» во многих кланах вручалась не тому, кто первым одолел противника, а тому, кто сумел добыть голову самого именитого командира независимо от очерёдности. При определении заслуг учитывалось много разных факторов. Например, головы, взятые во время преследования отступавшего противника, ценились меньше. Все понимали, что бегущий с поля боя — лёгкая добыча, поэтому взятые таким образом головы (их называли «бросовыми», *сутэкуби*) не приносили большой славы. То же самое можно сказать о головах рядовых крестьян-пехотинцев и разнорабочих. Но кроме официального признания, которое фиксировалось штабными писарями и попадало в анналы, в среде низового воинства существовал своего рода неофициальный зачёт, устный и далеко не всегда достоверный. Рядовые самураи, крестьяне-пехотинцы и разнорабочие тоже вели счёт личным достижениям и, подражая командирам, увлечённо рассказывали друг другу об одержанных победах.

На официальной церемонии *ронко косё* определялся вклад каждого воина в победу и проводилась раздача наград сразу после главного сражения. Это было важное мероприятие, к которому готовились заранее. Важнейшим моментом было представление доказательств своих действий — их получали от бывших противников, пере-

---

[15] Смысл названия по иероглифам: *ко о рондзитэ, сё о оконау*, «обсудить заслуги и раздать награды».

шедших в лагерь победителей, или от пленных. Большое значение имели вещественные доказательства, и первое место здесь занимали снятые головы противника. Их ранжировали по знатности и готовили к публичному освидетельствованию, которое называлось *куби дзиккэн*. Эта процедура обычно предшествовала *ронко косё* и служила основанием для признания заслуг того или иного воина. Проводилась она в практических целях, но поскольку была связана со смертью, то со временем приобрела ритуально-обрядовый характер и стала выполняться по определённым правилам. Главным из них считалось уважительное отношение к смерти вообще и к поверженному противнику в частности. Добытые в бою головы следовало представлять в достойном виде, поэтому женщины и дети обмывали с них кровь и грязь, причёсывали волосы, собирали их в пучок и перевязывали лентой. На лицо убитого наносили растительную косметику или пудру из толчёно-

Подготовка голов

го риса, кое-где чернили зубы. Тщательность, с которой была обработана и подготовлена голова, демонстрировала достоинство победителя. Многие самураи считали правилом хорошего тона перед боем нанести на лицо косметику и втереть в кожу травяной настой с приятным запахом, чтобы не вызывать неприязни у тех, кто, возможно, будет заниматься их головами. Такая предусмотрительность не считалась слабостью духа или пораженчеством.

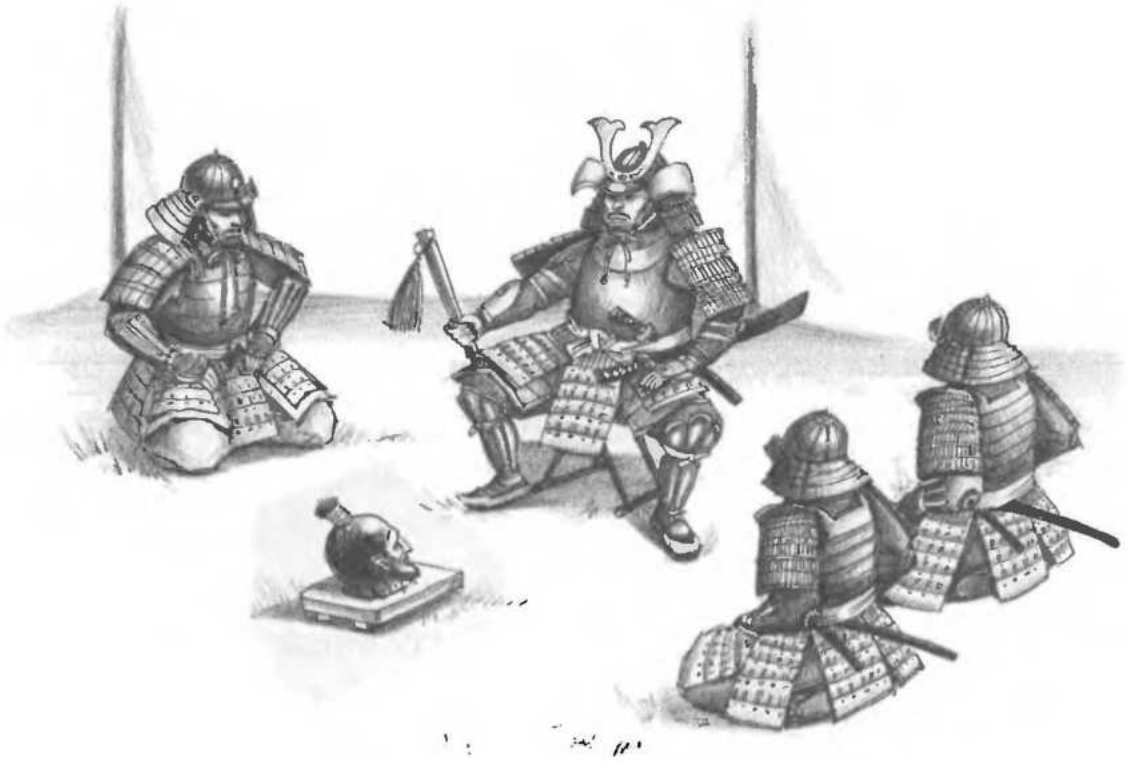
Процедура представления голов восходит к ритуалу заупокойной службы. Над телом умершего человека издавна производили разного рода ритуальные манипуляции; в эпоху междоусобиц эта традиция органично слилась с необходимостью подвести итоги сражения и наградить отличившихся. С головами работать было намного удобнее, чем с телами, поэтому обычай быстро закрепился и обрёл собственный алгоритм.

Представление голов обычно проходило в буддийском храме или рядом с ним. Головы самых именитых противников представлялись на столиках определённой высоты и с ножками, низкоранговым командирам ножек не полагалось, но их статус обозначался толщиной подставки, которую вырезали из цельной кипарисовой доски; чем выше ранг, тем толще подставка. На представлении голов должны были присутствовать все участники сражения, в доспехах и при оружии. Это объяснялось тем, что сначала церемонии проходили в полевых условиях, а впоследствии оружие и экипировка стали просто символом воинского характера процедуры.

Представление голов обычно принимал начальник штаба (*гунси*, букв. «военный наставник»), второе лицо после главы клана или назначенного им командующего операцией. Он располагался в центре площадки, слева от него садился глашатай. Обладатель боевого трофея представлял голову, преклонив одно колено. Взяв голову за волосы, он приподнимал её с подставки и показывал

начальнику анфас справа. Тот должен был привстать и в знак уважения к погибшему немного вынуть меч из ножен, показав основание лезвия. Затем он возвращал его на место, бросал на голову быстрый взгляд и отводил глаза. Внимательно рассматривать лицо умершего не полагалось. В это время глашатай громким голосом нараспев объявлял имя и воинское звание погибшего. Затем наступал черёд следующего представления. В конце процедуры *гунси* брал в правую руку лук, а в левую — веер, показывая, что церемония окончена. После этого трофейные головы выставляли за воротами храма лицом в ту сторону, где находились владения погибших. К мертвым губам подносилась ритуальная чарка *сакэ*, и на этом церемония завершалась — головы уносили и закапывали севернее того места, где она проходила.

Все эти посмертные почести предназначались только командирам не ниже среднего ранга; рядовых пехотинцев-самураев и крестьян хоронили в общих могилах. Сегодня



Представление голов

в разных уголках Японии разбросано множество неприметных холмиков с вертикальным камнем посередине, на котором выбиты три стёртых временем иероглифа — «сражение», «человек» и «холм». Это *сэнниндзука*, братские могилы воинов эпохи междоусобных войн. В них хоронили головы или тела погибших, своих и чужих, когда позволяли обстоятельства. Головы рядовых бойцов противника (процедура называлась *куби кэнти*) принимал не начальник штаба, а кто-либо из подчинённых командиров по его поручению. Их представляли все вместе, выставив в один ряд.

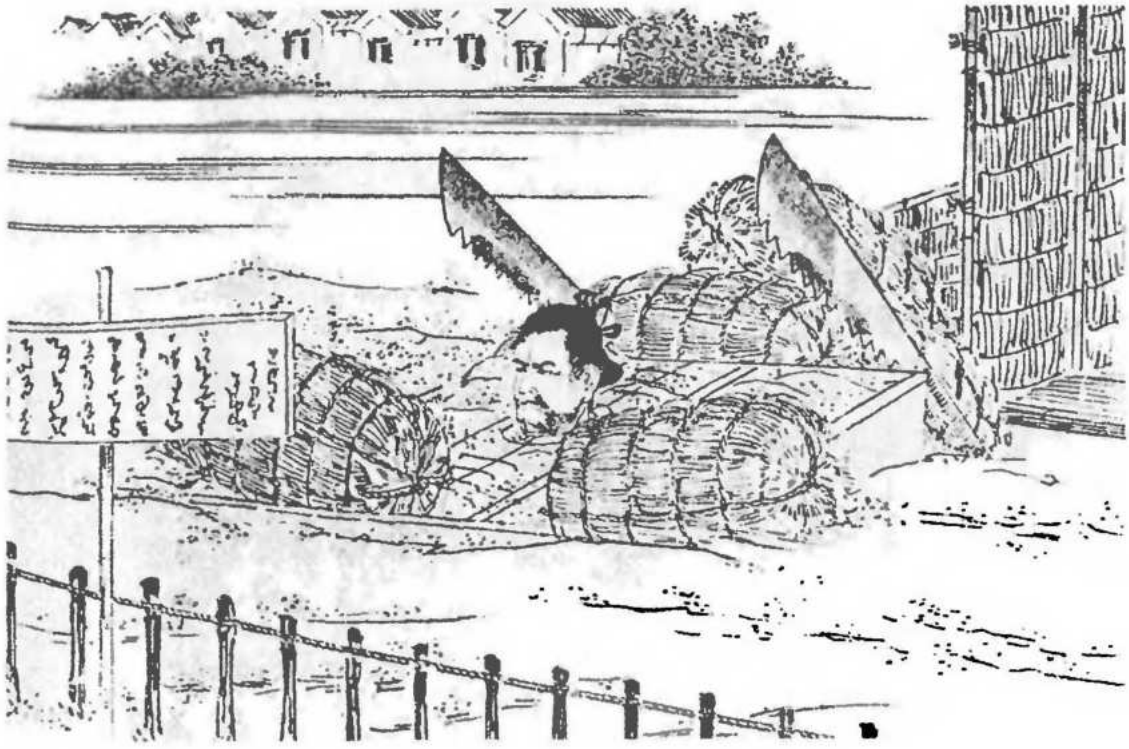
Головы крупных военачальников после идентификации выставляли на всеобщее обозрение. Это было продолжением церемонии *куби дзиккэн* с той лишь разницей, что она проводилась в интересах полководца, одержавшего победу над крупным противником, а его голова предъявлялась общественности как доказательство этой победы. Так произошло с головами Адзаи Нагамаса, Асакура Ёсикагэ, Мацунага Хисахидэ, Цуда Нобудзуми, Акэти Мицухидэ и многих других крупных военачальников. Иногда голову именитого противника отправляли его родственникам, если он погибал вдали от дома; например, так поступил Ода Нобунага после победы над Имагава Ёсимото в 1560 году.

Публичному предъявлению подлежали также головы тех, кто объявлялся изменником или преступником. Их выставляли на всеобщее обозрение на три дня, а потом закапывали в тайном месте. Таким образом власть извещала широкую общественность об очередной победе над нехорошим человеком.

Наряду с поощрением за заслуги существовала система наказаний за провинности. В средневековых армиях их тоже было предостаточно. В основном выносились наказания трёх типов: выговор, денежный штраф и смертная казнь. Первые два назначались за мелкие проступки, они адресовались военным и гражданским лицам низкого

происхождения, а смертные приговоры выносились часто и повсеместно, причём независимо от воинского или социального статуса. По сравнению с последующей эпохой Токугава отличие было только в одном: не применялось такое наказание, как ссылка с конфискацией имущества. Причина достаточно очевидна: наказанный таким образом неизбежно оказывался в лагере противника, и с ним ещё предстояло воевать. Ссылку с конфискацией земель первым начал практиковать Ода Нобунага в отношении своих полководцев на последнем этапе объединения страны — сильных противников к тому времени у него уже не осталось, а переходом опального командира на сторону слабого можно было и пренебречь. Но и в то время провинившихся чаще приговаривали к самоубийству, чем ссылали.

В воинской элите смертью наказывали за серьёзные преступления, среди которых первое место занимали тайные контакты с противником. В 1574 году в замке Окадзаки за это был казнён один из вассалов Токугава Иэясу по име-



Отпиливание головы

ни Ога Ясиро. Согласно семейной хронике, сначала он был наказан лишением земли за какую-то провинность, но посчитал взыскание несправедливым и вступил в тайные переговоры с Такэда Кацуёри, за что и был приговорён к смерти. Расправились с ним демонстративно сурово: сначала на его глазах казнили жену и четверых детей, а затем закопали по шею в землю и долго убивали медленным отпиливанием головы. Пять лет спустя по подозрению в контактах с тем же кланом Такэда был приговорён к самоубийству 20-летний Мацудайра Нобуясу, старший сын и наследник Токугава Иэясу.

В связи с приговорами к самоубийству следует иметь в виду, что это был самый почётный вид казни, как прави-

Незаконный сбор трофеев

ло, доставшийся родственникам или ближайшим соратникам крупного военачальника. Давая воину возможность умереть как бы по собственному желанию, его отделяли от обычных преступников, которых лишал жизни палач. Однако посланцы, сообщавшие приговорённому окончательное решение, всегда имели предписание на тот случай, если он не подчинится, убить на месте, лишив возможности сохранить своё имя для потомков. Так что добровольность ухода из жизни была довольно относительной.

Людей из простых сословий тоже часто приговаривали к смертной казни, но обычной, не добровольной. Среди преступлений, заслуживающих такого наказания, большое место занимали связанные с покушением на права и собственность воинского сословия. О том, что в той или иной местности состоится сражение, обычно становилось известно заранее, и местные жители в связи с этим строили собственные планы. Для многих бой представлял зрелищное событие, на которое стоило посмотреть. Жители окрестных деревень собирались на склонах гор или взбирались на деревья, чтобы наблюдать за ходом сражения. После его окончания тоже происходило много интересного: победители собирали трофеи, уносили раненых соратников, хоронили погибших. С наступлением темноты поле боя пустело, и тогда на нём появлялись бывшие зрители, да и не только они. Всё ценное, что можно было продать, собиралось. Если же сражение заканчивалось бегством и преследованием проигравших победителями, то поле боя на какое-то время вообще могло остаться в полном распоряжении зрителей.

По правилам все боевые трофеи переходили в собственность победителей, поэтому за мародёрство на поле боя казнили, не разбираясь, но это не особенно пугало местное население. В конце концов вся жизнь так или иначе была связана с риском: одним больше, одним меньше — невелика разница. Уже упоминавшаяся «охота на

проигравших» являла собой наиболее активную форму мародёрства, но при этом содержала и некий оправдательный аспект. Преследуя проигравших, убивая их и забирая имущество, местные жители как бы присоединялись к победителям, которые на законном основании занимались тем же самым. Поэтому отряд местных крестьян или монахов из соседнего храма, «помогающих» победителям добить врага, всегда мог оправдать свои действия союзническими намерениями.

Преследование отступавшего противника действительно переходило в разбой, поскольку в число его объектов автоматически попадали все, кого можно было причислить к сторонникам или хотя бы к сочувствующим проигравшей стороне. Например, легко могли разграбить и сжечь дом купца или священника, просто состоявшего в дружеских отношениях с кем-либо из командиров проигравшей стороны. Грабежи часто сочетались с местью за предыдущие обиды и унижения. В этом отношении характерны масштабные беспорядки в столице, начавшиеся 2 июня 1582 года сразу после гибели Ода Нобунага. Город 14 лет находился под его контролем, и многие жители так или иначе были связаны с созданной им системой власти. Во время конфликта с сёгуном Асикага Ёсиаки в 1573 году Нобунага сжёг половину города, чем восстановил против себя многих его обитателей. Поэтому после его смерти в Киото начались погромы невиданного масштаба. Его первыми жертвами стали все известные сторонники Нобунага и его столичного наместника Мураи Садакацу, вместе с семьями, дальними родственниками и даже соседями. Затем вошедшие во вкус мародёры начали грабить всех подряд. В течение первой недели после смерти Нобунага император дважды лично обращался к Акэти Мицухидэ с просьбой остановить грабежи и восстановить порядок в столице.

Одним из результатов войны всех против всех было большое число убитых и раненых. Крупные военачаль-

ники имели в походном штате лекарей и синтоистских священников, в обязанности которых входила работа с телами и душами воинов, получивших ранения на поле боя. Как правило, надежда на выздоровление оставалась лишь у тех, кто получал лёгкие травмы. Удалив из раны наконечник стрелы или копья, лекарь её промывал, присыпал растёртыми в порошок травами и перевязывал материей, пропитанной лечебным раствором из тех же трав и другой органики. Как видно из гравюр эпохи Нара, наконечники стрел вынимались из тела с помощью обычного гвоздодёра. Если остриё вонзалось глубоко и для его выемки требовалось большое усилие, раненого жёстко фиксировали, привязывая к дереву. Тяжелее всего приходилось тем, кто по каким-то причинам не мог сразу удалить орудие из раны. Через некоторое время ткани вокруг неё опухали, и сделать это становилось намного труднее. Глубоко вошедшие в тело ружейные пули, даже если они не задевали жизненно важных органов, доставать не умели, поэтому такие раненые, как правило, погибали.

После обработки раны лекарь призывал синтоистского священника. Тот читал молитву о выздоровлении, и теперь оно зависело только от силы духа раненого воина и правильности молитвенного ритуала. Врачеватели, состоявшие на службе в крупных воинских домах, в то время делились на специалистов по внутренним и внешним болезням — об этом говорится уже в *Адзума кагами* («Восточное зерцало»). Первый правительственный указ, обязавший удельных князей иметь при себе штатного лекаря, был издан только в 1649 году, через 60 лет после окончания междоусобных войн. Это говорит о том, что профессия врача в то время больше ассоциировалась с лечением от болезней, чем с заживлением ран.

За 36 лет до этого правительственного указа был переведён на японский язык и издан корейский медицинский

Обработка ран

трактат *Тои хокан* («Сокровищница восточной медицины»), что стало заметным событием в лекарской практике. Правда, изложенные в нём рецепты были известны в Японии и раньше. Среди них встречались и довольно экзотические. Например, для остановки кровотечения из раны трактат рекомендовал обильно обмазывать её экскрементами. В годы междоусобиц этот метод широко использовался японцами наряду с травяными компрессами. Эти знания пришли в Корею, а затем и в Японию из Китая, где выделения человеческого организма с незапамятных времён использовались как в диагностике (их пробовали на язык), так и в лечении различных заболеваний — наружно и внутрь.

Вслед за индийскими врачами древние китайцы считали, что вместе с выделениями из человеческого организма уходит жизненная сила, поэтому для её восстановления необходимо вернуть их внутрь. Так что современных поклонников уринокалотерапии — как в нашей стране, так и в Африке — можно считать последователями этой древней медицинской теории. В Японии в Средние века их было ещё больше, а их рецепты — ещё разнообразнее. Например, для уменьшения кровотечения из раны тогдашние врачеватели часто прописывали пациентам пить мочу лошадей, но не любых, а только гнедой масти.

А пока раненые выполняли полученные предписания и поправлялись, начальники штабов подводили итоги и определяли размер материальной компенсации семьям погибших и искалеченных. Забота о вассалах входила в перечень добродетелей любого успешного военачальника, и многие из них на деле её проявляли. Размер вознаграждения семьям пострадавших определялся специальным документом (*кандзё*, букв. «благодарственная грамота») за подписью первого лица. Чем выше был ранг погибшего или раненого, тем больше внимания уделялось его семье. Иногда глава клана посещал её лично и сам вручал грамоту и денежную награду, но в большинстве случаев это делал его начальник штаба или кто-то из старейшин. Рядовым пехотинцам и разнорабочим дополнительных выплат за победу не полагалось, если только кто-то из них не совершал чего-то действительно экстраординарного. После поражения компенсации никому не выплачивались, даже героям. В область компенсационных выплат эпоха междоусобных войн не внесла ничего нового — действовали те же правила, что и в предыдущие столетия.

Тела своих командиров, погибших в бою, старались отправлять домой для захоронения по установленному обряду. В походе это не всегда получалось; в таких случаях хоронили на месте. Погибших клали головой к северу,

ногами к югу. Как уже говорилось, северное направление вообще считалось неблагоприятным для воина, что проявлялось во многих действиях и приметах. Низший воинский контингент, если позволяли обстоятельства, тоже хоронили, но без всякого ритуала, в общих могилах. Если и такой возможности не было, то тела просто сбрасывали в реку или оставляли на поле боя.

Благодарность и компенсация

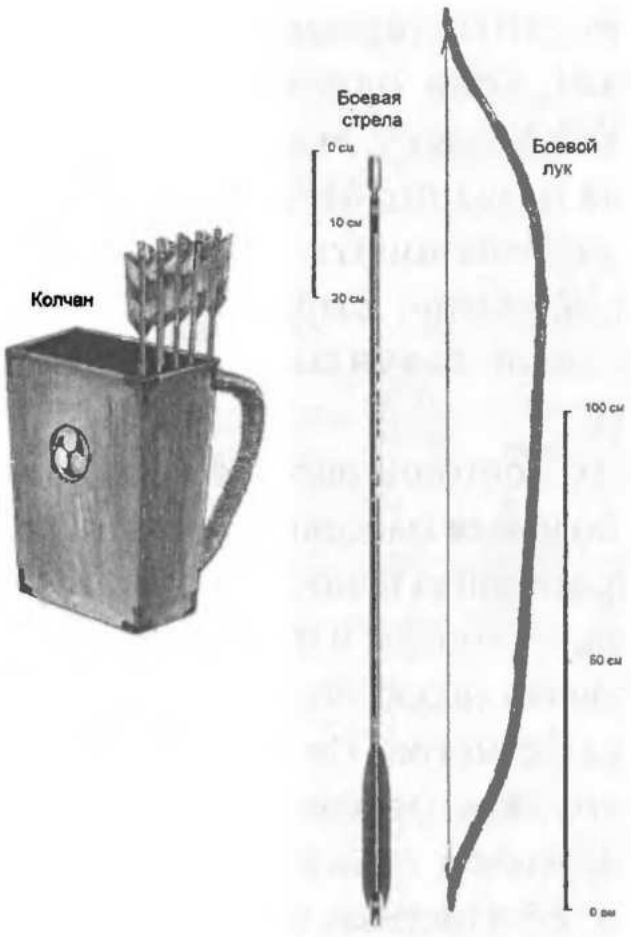
Оружие

В течение столетий основным оружием японских воинов были лук, меч и копьё. Для конного самурая большой меч не являлся главным оружием — копьё и лук были эффективнее, поэтому лучники и копьеносцы воевали как верхом, так и в пешем строю. Ценность меча возросла позднее, в XVII веке, когда он стал символом самурайской чести. Примерно за 200 лет до эпохи междоусобных войн размеры меча и техника его использования несколько изменились. Лезвие меча укоротилось, и в ножны его стали вкладывать остриём не вниз, а вверх — это давало выигрыш во времени. При положении меча остриём вниз атакующий удар выполнялся в три движения: вынуть из ножен, сделать замах, нанести удар. Положение остриём вверх позволяло слить первые два движения в одно — выхватывая меч, воин одновременно замахивался им для удара. К XVI веку эта техника стала повсеместной и получила название *нукиути* (от глаголов *нуку* «вынимать» и *уцу* «наносить удар»). За счёт длительных тренировок её можно было отшлифовать так, чтобы выигрывать доли секунды, необходимые для опережающего удара.

Однако при всех своих достоинствах меч оставался оружием ближнего боя, а во время массовых сражений основной урон живой силе противника наносился на расстоянии, недоступном для меча, — копьём и стрелами. Размах дуги лука в среднем составлял около полутора метров, а длина стрелы — чуть больше метра. На самых больших луках дуга могла достигать двух метров. Дальность выстрела обеспечивалась оперением стрелы, уменьшением её веса и упругостью дуги. Её измеряли силой, необходимой для сгибания дуги при натяжении тетивы; обычно это делали два или три человека.

Для изготовления стрел лучшим материалом считался двухлетний бамбук, срезанный в определённое время года. Обычная стрела весила 50–70 граммов и пролетала 200–300 метров. Попав в незащищённую часть тела, она наносила серьёзную травму на расстоянии до 100 метров, а с 15 метров пробивала даже кожаную кирасу, усиленную металлическими кольцами. Все лучники делились на пеших и конных; стрельба на скаку требовала особой сноровки, которая достигалась долгими упражнениями. Для верховых лучников подбирали специальных лошадей — не самых быстрых, но с ровным бегом. Перед боем в колчане у каждого из них находилось не менее 20 стрел.

По числу единиц оружия, использовавшегося в сражениях, безусловное первое место занимало копьё, поэтому его можно считать главным оружием эпохи междоусобных войн. Это подтверждается и гравюрами XVI века, на которых чаще всего изображены копьеносцы. Долгое время обычная длина копья составляла 2,7–3,6 метра, пока Ода Нобунага не внедрил в своей армии сверхдлинные 6-метровые копья. Со временем это новшество, изменившее тактику боя, переняли и другие военачальники. Длинные



Лук и стрелы

Верховой лучник (гравюра)

Смерть самурая

копья (*нагаяри*) не отменили и не вытеснили применявшиеся до этого более короткие пики (*мотияри*), а лишь расширили диапазон применения этого вида оружия.

Умелое обращение с копьём, особенно со сверхдлинным, также требовало долгих тренировок. Копьеносцы отрабатывали на них три основных приёма — один защитный и два атакующих. Первый заключался в том, чтобы ударом сбоку отвести копьё противника, а для нападения использовались выпад и удар сверху. В 20–25 см от острия копья по обеим сторонам располагались два изогнутых крестовидных рожка, с помощью которых копьё противника захватывалось и отводилось в сторону. Самые ловкие использовали бамбуковые копья в качестве шеста при преодолении препятствий (ров, речка, стена и т. п.).

Упражнения с копьём

В XVI веке японцы впервые познакомились с огнестрельным оружием. Оно было создано в Германии в 1379 году, но в Японию попало лишь 164 года спустя. В 1543 году 15-лет-

Бамбуковая защита

ний Танэгасима Токитака[16], служивший клану Симадзу на острове Кюсю, купил у португальцев две металлические трубки с непонятными приспособлениями и фитилями. Это были первые европейские аркебузы (официальное название — гладкоствольное фитильное дульнозарядное ружьё). На следующий год диковинное оружие попало в столицу и было показано сёгуну. Весть о новинке быстро облетела провинции, и местные военачальники стали один за другим налаживать у себя её производство. Вскоре огнестрельное оружие распространилось широко, но неглубоко — пользовались им ограниченно. Первые 30 лет аркебузы считались вспомогательным оружием. Его поражающая сила была выше, чем у лука и стрел, но это преимущество сводилось на нет двумя недостатками: невозможностью прицелиться и долгой подготовкой к выстрелу. От аркебуз, как и от луков, защищались бамбуковыми вязанками. Связанные вместе стволы молодого бамбука

[16] Танэгасима Токитака (1528–1579) — глава воинского дома Танэгасима в 14-м поколении.

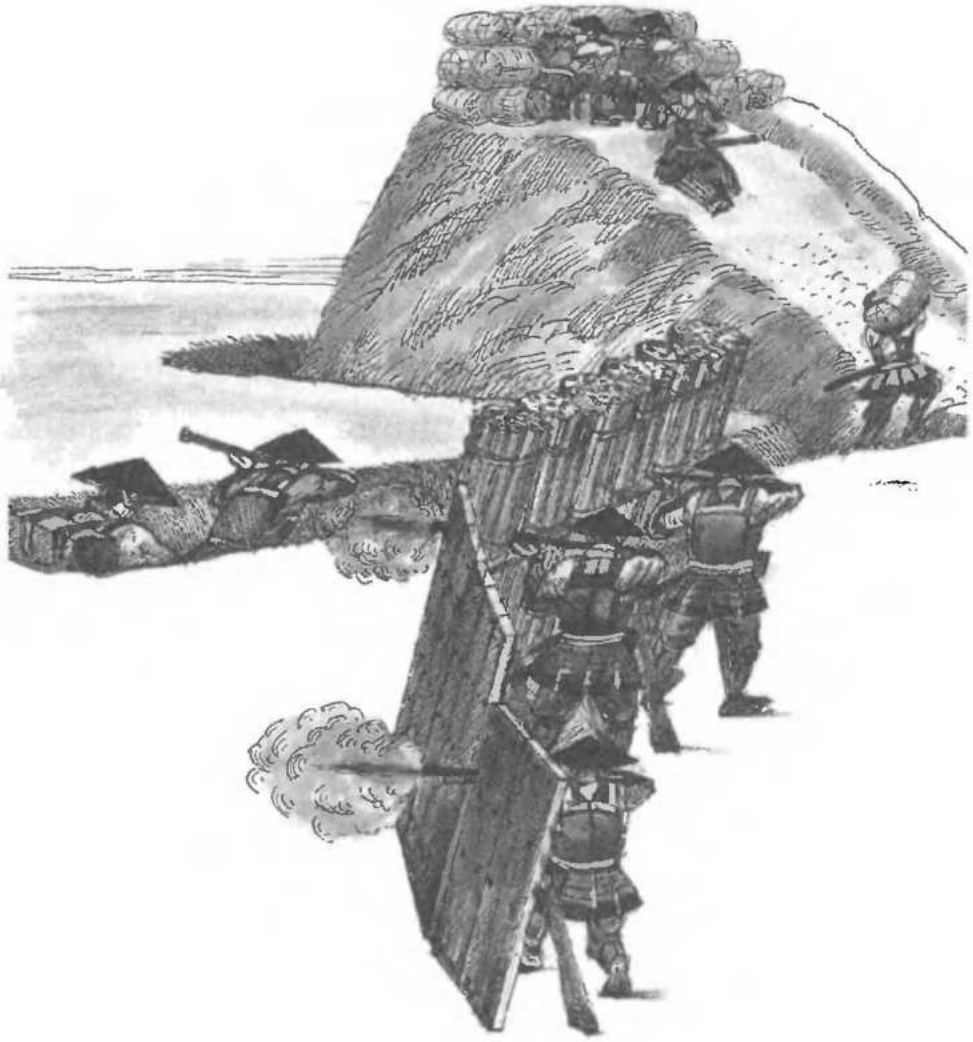
надёжно защищали пехотинцев и от пуль, и от стрел. До появления огнестрельного оружия от стрел и копий прикрывались щитами, но пули их легко пробивали, поэтому пришлось изобрести новый способ защиты. Считается, что эта идея родилась в голове одного из вассалов Такэда Сингэн, а затем быстро распространилась по стране.

В XVI веке в Японии использовались аркебузы с калибром дула от 10,5 до 22 мм. В современных экспериментах было показано, что с расстояния в 30 метров пуля калибра 15,5 пробивала от 4 до 6 бамбуковых стволов диаметром 4 см. Оружие калибра 18,4 показало чуть большую убойную силу. Это означает, что с расстояния

Лучник

до 30 метров пуля пробивала любые защитные доспехи и гарантированно выводила человека из строя; на большем расстоянии она могла нанести ему урон только в том случае, если попадала в незащищённую часть тела. Как уже говорилось, при стрельбе из лука гарантированный урон противнику наносился с расстояния до 15 метров.

Однако меньшая поражающая сила лука компенсировалась его скорострельностью, а что касается аркебузы, то её главный недостаток заключался в долгой зарядке. Для подготовки к выстрелу нужно было выполнить следующие действия:



Аркебузиры

1) Прочистить дуло шомполом, удалив пороховой нагар от предыдущего выстрела.
2) Засыпать в дуло порох.
3) Вставить пулю.
4) Загнать пыж и с помощью шомпола уплотнить её в стволе.
5) Насыпать порох на полку, закрыть крышку.
6) Взять фитиль, прицелиться, положить палец на курок.
7) Открыть крышку, запалить порох, выстрелить.

Самому тренированному стрелку на все эти действия требовалось не менее 20–25 секунд, и если он не попадал в противника со 100 метров, то на второй выстрел времени могло и не хватить — за 25 секунд даже пехотинец мог пробежать эту дистанцию, не говоря уже о всаднике. А лучник за это же время успевал выстрелить до 5 раз, причём более прицельно. Поэтому аркебузиров и лучников на поле боя обычно ставили рядом — пока первые перезаряжали оружие, вторые осыпали противника градом стрел. Эффективной оказалась также установка перед линией стрелков защитного ограждения, которое исключало непосредственный контакт с наступающим противником. Дополнительные неудобства аркебузирам создавал и запальный пеньковый фитиль: в дождливую погоду он отсыревал и часто гас, его приходилось поджигать заново, на это тоже уходило время. Кроме того, из аркебузы было почти невозможно прицелиться. Поэтому в первые десятилетия считалось, что огнестрельное оружие больше подходит для внешнего эффекта — чтобы оглушить противника или напугать его лошадь грохотом выстрела. И действительно, этот психологический фактор иногда срабатывал, но для победы его было недостаточно, поэтому аркебузиры составляли обычно три-пять процентов от

общей численности войска (300–500 стволов на 10-тысячную армию).

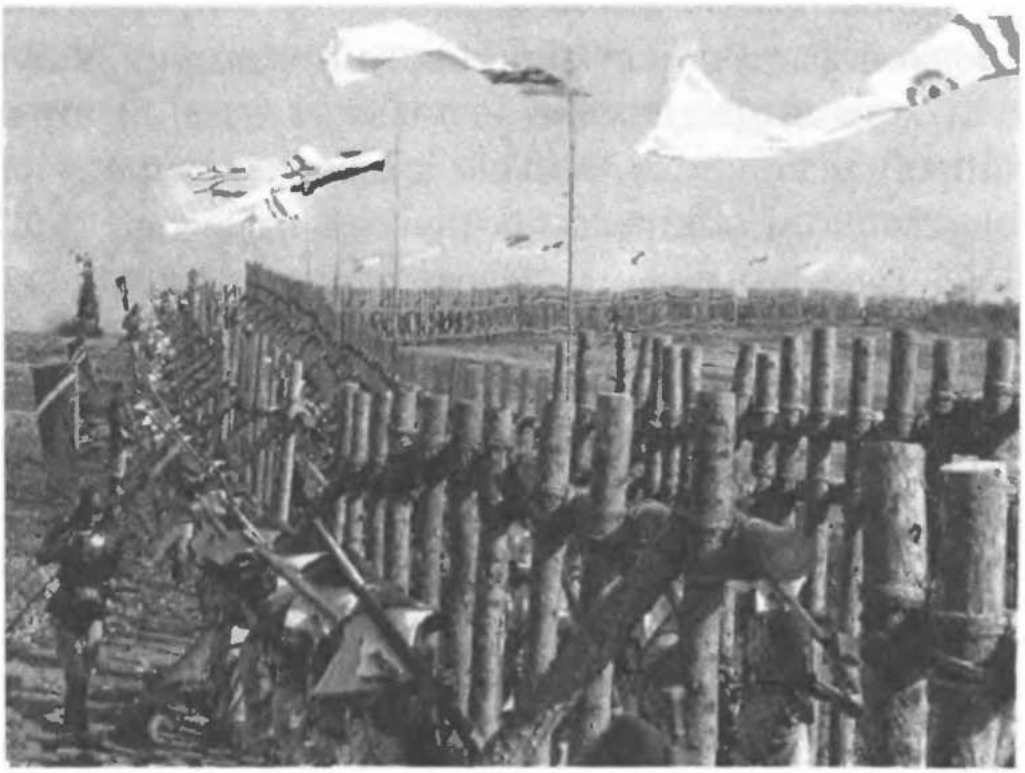
Ситуация начала меняться после 21 мая 1575 года, когда в сражении при Нагасино[17] Ода Нобунага впервые сумел на практике использовать преимущества аркебуз, выставив на линию огня более тысячи стрелков. Как именно он организовал их действия, неизвестно, но, по свидетельствам участников боя, выстрелы звучали в три раза чаще, чем обычно. Наиболее вероятным считается вариант, при котором один пехотинец только стрелял, а двое помощников заряжали и подавали ему оружие. Европейский историк Джеффри Паркер отмечает, что этим изобретением Нобунага почти на 20 лет опередил европейцев — они начали применять этот приём в 1594 году, а по-настоящему широко он распространился в 1620-е годы (Конлан, 2013). Умелое использование преимуществ огнестрельного оружия помогло Нобунага одержать убедительную победу над Такэда Кацуёри. Несмотря на все свои недостатки, к концу XVI века огнестрельное оружие из вспомогательного превратилось в основной фактор дистанционного поражения, а лук и стрелы хотя и продолжали использоваться, но отошли на второй план. Если раньше сражение начиналось с массированного обстрела противника из луков, то после 1575 года его первым делом осыпали градом пуль, стремясь разрушить наступательные порядки. Если это удавалось, то вторым эшелоном в бой вступали конные копьеносцы. Атакуя смешавшиеся ряды противника, они вынуждали его ввести в бой своих копьеносцев, и бой делился на множество групповых поединков. Излюбленным приёмом Ода Нобунага было введение в этот момент второго эшелона вооружённых копьями всадников ударом во фланг противнику. Этот манёвр назывался «копьё в бок»

[17] По названию замка, в окрестностях которого произошло сражение.

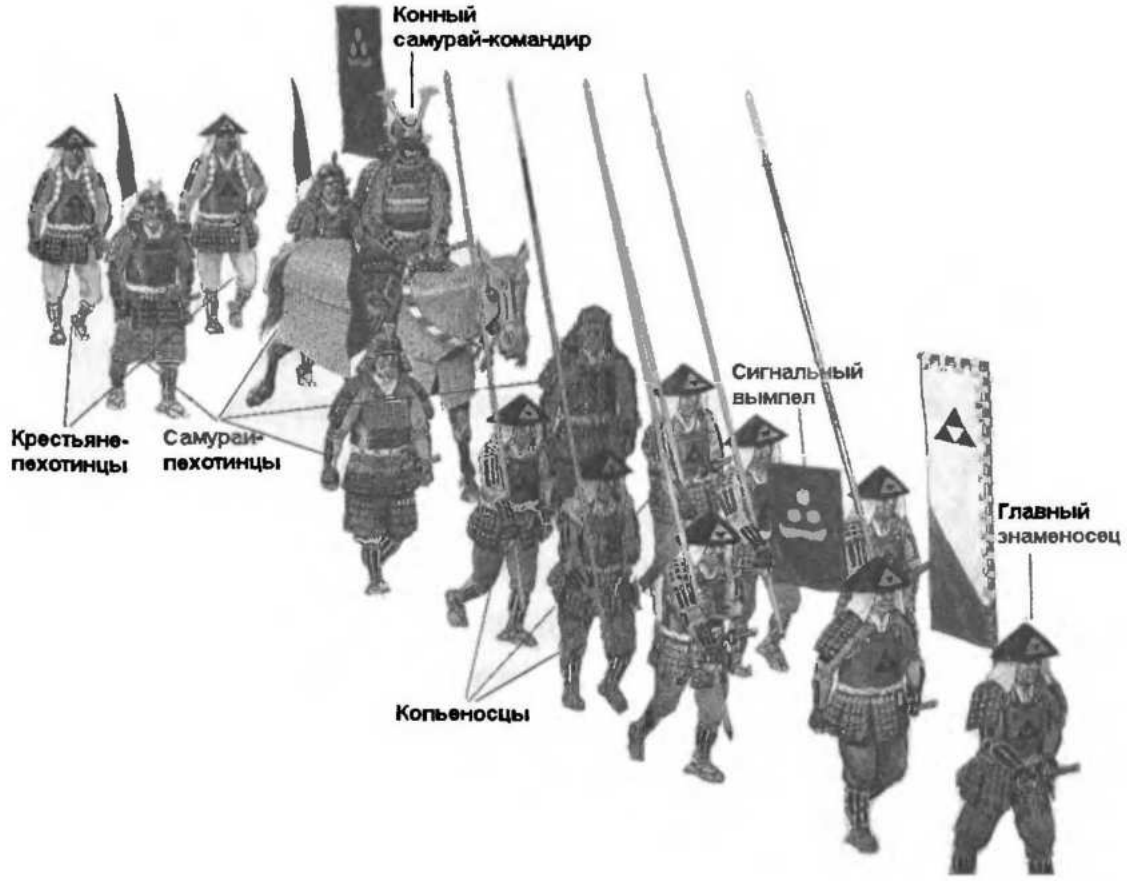
(*ёкояри*) и часто приносил успех. Выражение «воткнуть копьё в бок» сохранилось до наших дней и в современном языке означает неожиданный и очень болезненный удар в широком смысле этого слова.

Появление огнестрельного оружия повлияло и на фортификационные сооружения. Раньше для них достаточно было бамбуковой изгороди, а с появлением аркебуз, а затем и пушек возникла необходимость в возведении более прочных деревянных ограждений и земляных насыпей, а в стрелковых башнях стали делать бойницы.

В открытом бою эффективнее всего действовала конница, но по экономическим причинам она составляла абсолютно меньшую часть войска — вместе с лошадью экипированный всадник стоил очень дорого. Боевые скакуны высоко ценились, хотя и уступали европейским в силе и выносливости: при росте 120–130 см они имели вес от 250 до 350 кг, в то время как современные арабские скакуны весят около 500 кг и в среднем выше японских лошадок



Стрелки за заграждением



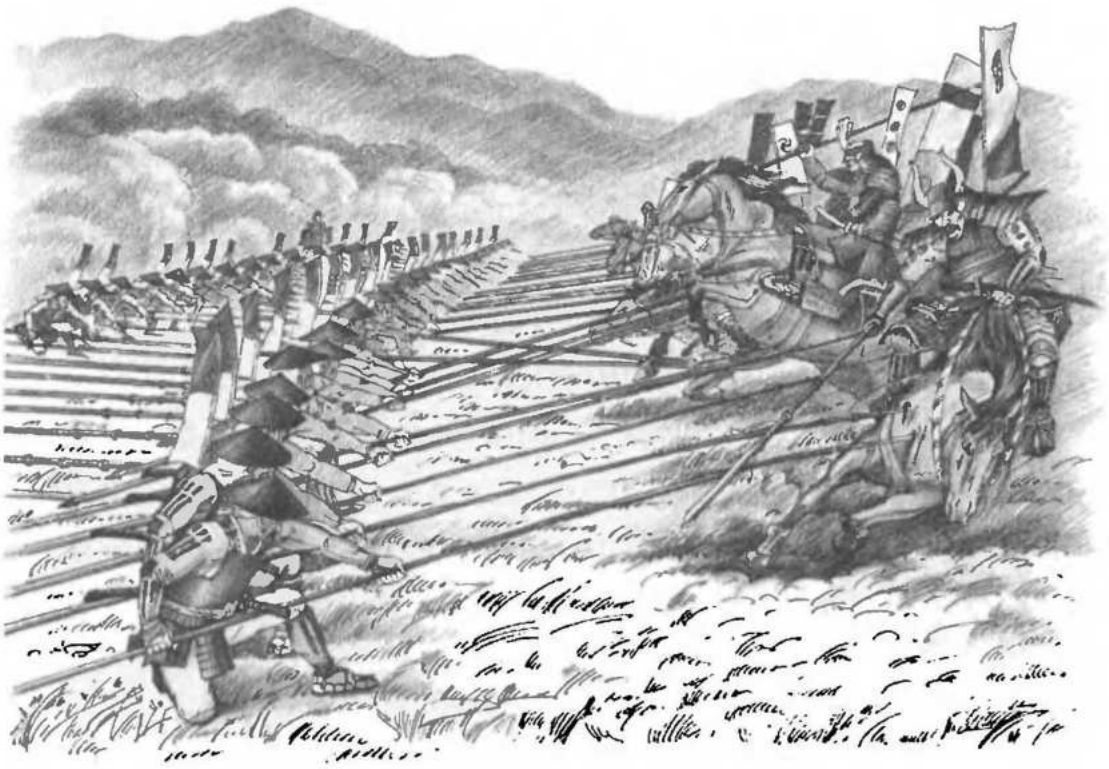
Походный порядок

на 40 см. В XVI веке японский конь мог брать на спину груз до 150 кг и проходить с ним от 25 до 40 км в день. Он заменял пятерых носильщиков, но двигался чуть быстрее пешехода. Согласно современным экспериментам, 50-килограммовый всадник и 45 килограммов груза на спине ограничивали скорость лошади 9 километрами в час.

Тем не менее при движении по равнине конный отряд даже с грузом передвигался быстрее, чем пехота. Но на пересечённой местности опять возникали проблемы. Лошадь с всадником поднимается в гору быстрее, чем человек, но зато медленнее спускается, а крутые склоны более 30 градусов ей вообще недоступны. В Японии много невысоких, но крутых гор, поэтому коннице часто приходилось их огибать, проходя лишние километры.

Во время боя также приходилось учитывать некоторые особенности поведения лошадей. Эти животные вообще

пугливы по своей природе, и далеко не все годились для сражений. Испуганный конь мог унести всадника куда угодно, поэтому боевых лошадей тщательно отбирали и тренировали. Предпочтение отдавалось животным с норовом, а более спокойных использовали для перевозки грузов. Чтобы отобрать сотню боевых лошадей, нужно было содержать табун в 400–500 голов. Лучшими в стране пастбищами славились восточные провинции, в первую очередь Каи, Синано, Мусаси, Кодзукэ. Здесь с IX века выращивали боевых лошадей на продажу. Не случайно в эпоху междоусобиц лучшей считалась конница Такэда Сингэн из провинции Каи, составлявшая десятую часть его 30-тысячного войска; кроме него никто не имел такого количества всадников. Лошади Такэда отличались хорошей выучкой; они не шарахались от громоподобных выстрелов аркебуз и были приучены к запаху горелого дерева, который обращает в бегство всех животных. Разумеется, эти качества обеспечивались целой армией знающих своё



Защитное построение ярибусума

дело коневодов. Особое место, которое занимает Такэда Сингэн в истории междоусобных войн, не в последнюю очередь объясняется расположением его владений и тем вниманием, которое он уделял подготовке боеспособной конницы.

Во время боя лошадей убивали так же, как людей. Самым опасным оружием считались для них меч и копьё. Согласно одному из источников XIV века, более 60% всех смертельных для лошадей ран приходилось на уколы копьём (Конлан, 2013). Типичное защитное построение пехоты против конницы называлось *ярибусума*, при котором пехотинцы выстраивались в линию и, прикрывшись щитами, выставляли вперёд длинные копья. Обычно таких линий было несколько. В конной атаке животные первыми налетали на острые лезвия, но за счёт массы сминали ряды пехотинцев. Впрочем, лошади и их всадники гибли на поле боя всё же намного реже, чем пешие воины.

Жизнь и смерть самурая

Во время междоусобных войн мужчины часто гибли на полях сражений. В самурайских семьях из десяти сыновей до среднего возраста доживали двое-трое, а в одном из воинских кланов из провинции Сацума, по данным Овада Тэцуо, в пяти поколениях ни один мужчина не умер своей смертью (Овада, 1993). Для самурая гибель на поле боя считалась естественным завершением жизни независимо от её продолжительности, поэтому о погибшем 20-летнем воине скорбели не больше, чем о 40-летнем. В воинской этике главное место занимал выбор не между жизнью и смертью, а между смертью достойной и недостойной. Широко распространённое в то

время выражение «сохранить себя в чистоте» (*онорэ о исагиёку суру*) отражало общественное внимание к тому, как человек уходил из жизни. За несколько столетий в воинской среде сложилось твёрдое представление о том, что умирать надо спокойно и с достоинством, без патетики и красивых жестов. А свои подлинные чувства воин должен уметь скрывать.

На этот счёт можно привести много примеров, но ограничимся одним. Весной 1582 года замок Уодзу[18] в провинции Этидзэн был окружён армией Ода Нобунага под командованием Сибата Кацуиэ. Среди 3800 защитников замка, которыми командовал 24-летний Накадзё Кагэясу (1558–1582), были представители всех сословий — монахи, крестьяне, рядовые самураи, местные предводители разных рангов. Во второй половине мая Уэсуги Кэнсин выслал им на подмогу большой отряд, но он не смог пробиться к осаждённым, и гарнизон остался без помощи. Когда стало ясно, что замок не удержать, на военном совете приняли решение: 12 старших командиров должны покончить жизнь самоубийством. Договорились, что каждый проткнёт себе ухо и вставит в него металлическое кольцо с деревянной дощечкой, на которой напишет своё имя и звание. После *сэппуку*[19] голова будет отделена от тела, и с помощью дощечки её будет легко идентифицировать. Так все узнают имена тех, кто ушёл из жизни достойно. А чтобы показать противнику силу духа, самоубийство решили исполнить самым трудным способом — крестообразным разрезом с двух рук. Всё это занесли в протокол и поручили обнародовать после падения замка. Командиры гарнизона добились своей цели: в Японии о них помнят до сих пор. Групповое самоубийство произошло 3 июня

---

[18] Сегодня это одноимённый город в префектуре Тояма.

[19] *Сэппуку* — ритуальное самоубийство, литературный и более уважительный синоним слова *харакири*.

1582 года, а за сутки до этого в 400 километрах от замка Уодзу, в Киото, покончил с собой их противник Ода Нобунага, оказавшийся в похожей ситуации.

В популярной литературе часто говорится о том, что перед самоубийством воины сочиняли трёхстишия, в которых выражали своё эмоциональное состояние. Как правило, это сдержанные, исполненные лёгкой грусти послания в буддийском духе, нередко отстранённо-философского содержания.

Семнадцатого января 1580 года после многомесячной осады пал замок Мики, который защищали братья Бэссё. Старшему Хидэхару в тот год исполнилось 22 года, а младшему Томоюки — 20. Перед капитуляцией братья покончили с собой, оставив предсмертные послания. Младшему брату приписывают следующие строки:

Има ва тада урами мо арадзу
Сёнин но иноти ни кавару
Вагами о омоэба

Досады нет во мне при мысли,
Что жизнь свою меняю я
На жизни остальных

Составление предсмертного послания полностью вписывается в буддийские представления японцев о жизни и смерти, и это даёт основания полагать, что большинство стихотворений были сочинены позднее и приписаны воинам, выполнившим требования морального кодекса. Во всяком случае, такого мнения придерживаются многие японские историки. Например, Овада Тэцуо приводит два достоверных случая, когда предсмертные трёхстишия были приписаны воинам после их смерти (Овада, 1993). Мотивация вполне очевидна. Столетие междоусобных войн породило немало героев, до конца выполнивших

свой воинский долг. Впоследствии события эпохи были романтизированы и легли в основу исторических романов и театральных постановок. Это можно наблюдать в Японии и сегодня — в кино и на телевидении снимается огромное количество фильмов и сериалов на исторические темы. Они чрезвычайно популярны, и не последнюю роль в этом играет героизация действующих лиц и событий того времени. Герои этих фильмов немногословны, мужественны, решительны и справедливы. Другая сторона их личности — глубокое понимание жизни и философский склад ума. Невозможно представить, чтобы такой человек перед смертью не оставил своим потомкам послания, лаконичного по форме и глубокого по содержанию. И если в действительности такого послания не было, его сочиняли позднее, облагораживая память об ушедшем воине, что полностью вписывается в синтоистскую философию почитания предков.

Традиция оставлять в конце жизни какой-либо итоговый текст действительно существовала. Она восходит к началу XIII века, когда главы успешных воинских кланов начали составлять семейные наставления (*какун*) — своего рода внутренние уставы, следуя которым потомки патриарха могли продолжить его успех. За несколько веков таких наставлений было написано великое множество, и со временем в общественном сознании прочно утвердилось представление о том, что достойный человек перед уходом из жизни непременно должен подвести ей какой-то итог. Текст мог быть длинным или коротким, в прозе или в стихах, но какой-то должен быть обязательно.

Сохранившиеся описания обстоятельств смерти многих известных военачальников, да и просто здравый смысл подсказывают, что вряд ли увлечение предсмертной поэзией могло быть массовым. Во-первых, сами обстоятельства. Далеко не каждый человек на грани жизни

и смерти способен создать что-то изящное по форме и глубокое по содержанию. Во-вторых, вряд ли самураи XVI века, в подавляющем большинстве люди не самого аристократического происхождения и культуры, настолько хорошо владели литературным китайским языком. Из сохранившихся записей известно, что в поэтических турнирах того времени участвовали в основном священнослужители и придворные аристократы, а представители воинского сословия стихи писали крайне редко. К числу немногих военачальников, наделённых поэтическим даром, принадлежал, например, Акэти Мицухидэ. Авторы романов и пьес, написанных в последующие мирные столетия, наверняка сочиняли стихи лучше, чем самураи эпохи междоусобиц. Грамотно, с соблюдением всех этикетных форм составленные письма и распоряжения военачальников также не могут служить доказательством их литературной одарённости, поскольку главы воинских домов сами документов не писали — для этого у них были штатные писари (*юхицу*), обычно из числа священнослужителей.

Кроме того, в последние минуты жизни любой уважающий себя воин должен был позаботиться о том, чтобы его голова не оказалась экспонатом на чужом празднике. Это была последняя возможность подпортить ему торжество. В таких ситуациях последним помощником обречённого полководца часто становился кто-то из его ближайших соратников, а последним союзником — огонь. Перед тем как совершить самоубийство, он приказывал поджечь помещение — быстро пожиравшее внутренние перегородки пламя перекрывало путь нападавшим и заставляло их отступить. Старший военачальник и его ассистент в этом случае оказывались в огненном кольце и тоже лишались выхода, но он был уже не нужен. Во многих случаях помощник, обезглавив своего начальника, разрубал его тело на части, чтобы останки было невозможно опознать,

или прятал тело и голову в разных местах по отдельности. Огонь и обломки здания довершали погребение. Самоубийство в горящем помещении считалось самым надёжным способом избежать посмертных унижений. Так встретили свою смерть Ода Нобунага, его старший сын Нобутада, Мацунага Хисахидэ, Сибата Кацуиэ и многие другие полководцы.

Голову от тела отделяли также в тех случаях, когда смерть заставала командира в полевых условиях или на чужой территории. Так случилось, например, с Акэти Мицухидэ, который погиб во время ночного боя с отрядом местных крестьян, «зачищавших» окрестности после сражения при Ямадзаки. Надеясь сохранить его гибель в тайне, соратники Мицухидэ закопали его голову в лесу отдельно. Впрочем, история междоусобных войн оставила множество самых разных образцов поведения в последние минуты. Бывали случаи, когда командиры пытались

Гибель семьи

предъявлением своей головы спасти жизни подчинённых. Так поступил в 1578 году Акамацу Масанори, военный губернатор провинции Харима. Окружённый в своём домашнем замке, он перед смертью распорядился передать свою голову командовавшему операцией Тоётоми Хидэёси в обмен на сохранение жизни оставшимся обитателям и защитникам замка.

Японские женщины в то время нечасто брали в руки оружие, но их отношение к смерти не очень отличалось от мужского. Во многих воинских кланах крупное поражение главы дома становилось смертным приговором для всех членов его семьи, и женщины в таких случаях без колебаний принимали свою судьбу. Для них тоже самоубийство считалось наиболее почётным способом ухода из жизни, но в отличие от мужчин они убивали себя ударом кинжала в горло. Согласно хроникам, так погибли жёны военачальников Уэно Таканори (1575), Бэссё Нагахару (1580), Такэда Кацуёри (1582) и многие другие. Те, у кого не хватало сил лишить себя жизни, обращались за помощью к мужчинам.

В одной из хроник провинции Будзэн (остров Кюсю) сохранилось описание редкого случая, когда женщине, а точнее, молодой девушке в силу обстоятельств пришлось выступить в роли ассистента при самоубийстве. В 1584 году во время штурма форта Нэкоо его хозяин Куроги Иэнага оказался в безвыходной ситуации, когда в последний момент рядом с ним не оказалось никого, кроме 13-летней дочери. Приставив к своему животу меч, он велел ей помочь себе и отсечь голову, но дрожавшая от страха девочка наотрез отказалась. Она много раз слышала, что для самурая нет большего позора, чем предстать живым перед ворвавшимся в дом противником, но ничего не могла с собой поделать. Махнув на дочь рукой, отец вонзил меч себе в живот и скорчился на полу от боли. Некоторое время девочка в ужасе смотрела на него, а за-

тем не выдержала и, взяв меч двумя руками, опустила его на шею отца. Затем она с окровавленной головой и мечом в руках бросилась к выходу, где была схвачена нападавшими. Девочка не только осталась в живых, но и получила известность как достойная дочь своего отца, которая в трудный момент всё-таки приняла верное решение. Впоследствии она вышла замуж за самурая из воинского дома Оки и родила ему двоих детей.

Достойный уход из жизни главы семьи и его ближайшего окружения давал возможность его потомкам жить в согласии с окружающим миром, а в некоторых случаях даже помогал в жизни. Во время похода Ода Нобунага против Такэда Кацуёри многие местные командиры, предвидя поражение своего командующего, сразу перешли на сторону будущего победителя. Среди немногих приближённых, сохранивших верность присяге, был Цутия Масацунэ (1556–1582). Он до последних минут сопровождал Кацуёри и его семью, а когда они попали в окружение и глава дома решил, что пришёл его час, Масацунэ с личной охраной сражался на последнем рубеже, чтобы дать своему начальнику возможность достойно уйти из жизни. В последний момент он помог Кацуёри и его 14-летнему сыну Нобукацу совершить *сэппуку*, а затем покончил с собой. Узнав о этом, Токугава Иэясу через несколько лет приказал разыскать малолетнего сына Масацунэ и назначил его адъютантом к своему сыну Хидэтада, будущему второму сёгуну династии Токугава. В 20-летнем возрасте Масацунэ за верную службу был награждён владениями с доходом в 20 тысяч *коку* риса и стал удельным князем Цутия Таданао (1582–1612). Так верность воинскому долгу, продемонстрированная отцом, определила судьбу сына.

В семейной хронике дома Асакура говорится о том, что отношение к старшему сыну и наследнику после гибели отца прямо зависит от того, насколько он соот-

ветствовал кодексу чести и как встретил смерть. В годы правления сёгунов Токугава это неписаное правило эпохи междоусобиц превратилось в писаное и было зафиксировано в воинском уставе *Хэйхо синрон* («Новый воинский кодекс»).

Конечно, бесконечное геройство бывает только у сочинителей, а в реальных междоусобных войнах случалось всякое: бывало, что и на поле боя лишь для вида выходили, и форты добровольно сдавали, и клятве изменяли. Случалось это настолько часто, что после боя свою доблесть и отвагу нужно было подтверждать и доказывать. Поэтому в отчётах о прошедшем сражении его участники обычно указывали имена свидетелей, которые могли подтвердить достоверность сведений. Зная, что в бою некогда смотреть по сторонам, соратники заранее договаривались, что будут указывать друг друга в качестве свидетелей, и иногда даже обменивались шлемами — свой собственный проще различить среди многих.

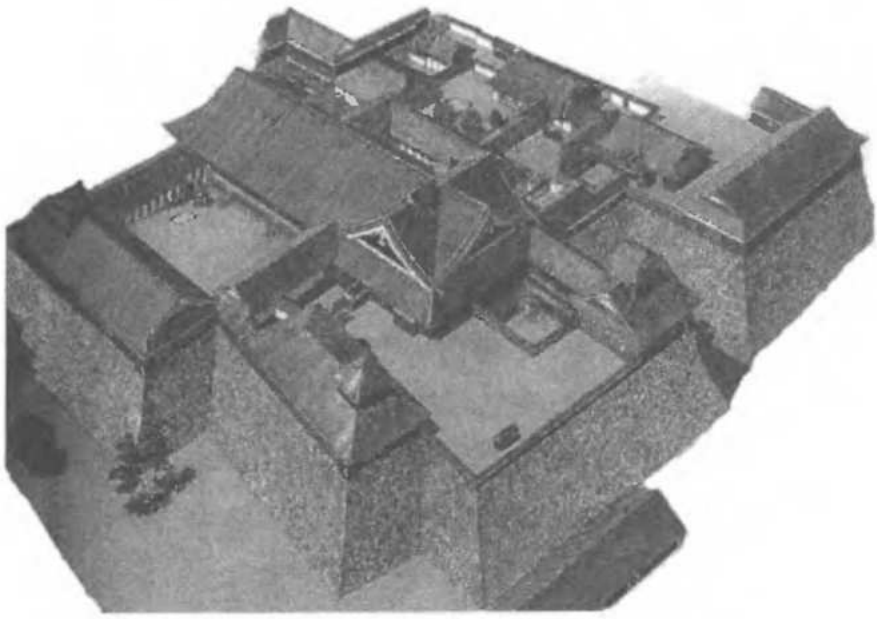
Известная из исторической литературы привычка японцев перед боем громко выкрикивать своё имя и воинское звание идёт отсюда же — прокричав своим и чужим, кто он и откуда, воин получал множество свидетелей того, что за этим последует. Что также способствовало проявлению лучших качеств — струсить или предать намного труднее, когда все знают, кто ты такой. А если ты пал на поле боя и «труп твой повёрнут головой к врагу», как требует воинский кодекс, то и об этом свидетели тоже расскажут.

Привычка сообщать всем своё имя была связана также с тем, что один и тот же человек в разном возрасте именовался по-разному. Японцы считали, что имя человека должно соответствовать его возрасту, семейному положению, социальному статусу и даже физическому состоянию. Взрослея, человек проходит через определённые этапы своей жизни и в соответствии с этим должен по-

разному именоваться. Поэтому любой знатный самурай имел не менее трёх имён — детское, взрослое и посмертное. Детское имя он получал при рождении и носил его до совершеннолетия, а взрослое сопровождало его всю дальнейшую жизнь, но и оно никогда не бывало единственным. Например, «христианский *даймё*» Такаяма Укон в разное время называл себя именами Томонага, Нагафуса, Сигэтомо. Если юношу отправляли в другую воинскую семью — на воспитание или в качестве заложника, — он просто обязан был сменить не только фамилию, но и имя. То же самое происходило, если взрослый уже военачальник принимал буддийский сан — примерами могут служить такие известные имена, как Ходзё Соун, Сайто Досан, Уэсуги Кэнсин, Такэда Сингэн. Существовали и другие поводы для смены личного имени, у каждого свои собственные. Например, у Токугава Иэясу смена личного имени и фамилии выглядела следующим образом: от детского имени Такэтиё к взрослым Мацудайра Мотонобу, Мацудайра Мотоясу, Мацудайра Иэясу и, наконец, Токугава Иэясу. Под всеми этими именами он и фигурирует в текстах XVI века.

С женскими именами было ещё сложнее. В Японии с давних времён существовала традиция именовать знатных женщин по названию тех селений или фортов, где они жили. Например, племянница Ода Нобунага по имени Тятя в юном возрасте стала наложницей Хидэёси и впоследствии родила ему наследника. Во дворец Фусими девушка переехала из замка Ёдо, где жила некоторое время, и за ней сразу же закрепилось новое имя — «госпожа Ёдо». В источниках того времени встречается великое множество его вариантов: от сравнительно простых Ёдогими и Ёдодоно[20] до многосложных Ёдо но камисама (мидайсама,

[20] *Гими* и *доно* — почтительно-вежливые суффиксы, добавляемые к женским именам.



Главная усадьба крупного замка

оути, омаэсама, онёбосю и т. д.). Во всех случаях неизменным оставалось только название замка, из которого она прибыла. А после того, как она переехала из Фусими в замок Осака, её стали называть «госпожой Осака» или «хозяйкой Осака» с теми же многочисленными вариантами. Затем Хидэёси построил для неё на территории замка отдельную «вторую усадьбу» (*Ниномару*), и Ёдодоно (она же Осака-сама) превратилась в Ниномару-сама, Ниномарудоно и т. д. По названию занимаемых в замке помещений различали также жён и наложниц крупных военачальников (в том числе и сёгунов); жён называли словом *сэйсицу* (буквально «главная комната»), а наложниц — *сокусицу* («боковая комната»).

Имена женщин менее знатного происхождения в течение всей жизни тоже часто менялись, но не столь кардинально. Например, если в молодости девушку звали просто Фуку, то с возрастом к её имени добавлялся вежливый префикс *о-* и она превращалась в Офуку, а если выходила замуж за знатного господина и становилась хозяйкой большого дома, то её величали Фуку но ката или Офуку но ката.

Таким образом, имена — как мужские, так и женские — служили своего рода лозунгом, под которым человек проживал тот или иной отрезок своей жизни. Что вполне соответствовало традиции давать такие же лозунги правлению каждого нового императора. Всё это было частью японского понимания принципа соответствий, при котором внешняя форма, наименование или лозунг объекта должны соответствовать его внутреннему содержанию. Это понимание во многом остаётся таковым и сегодня, только по части личных имён произошло большое сокращение.

Часть 2
ТОЁТОМИ ХИДЭЁСИ

Безымянный воин

Тоётоми Хидэёси родился в семье крестьянина, поэтому о начальном периоде его жизни мало что известно, а всё известное записано биографами с его собственных слов. Родился он в 1537 году в провинции Овари, в деревне Накамура. Сегодня на месте деревни находится квартал Накамура в районе Накамура города Нагоя (префектура Аити). Наибольшим влиянием в провинции Овари в то время пользовались военный губернатор Сиба и две родственные ветви дома Ода, к которому принадлежал и Ода Нобунага. Деревня, в которой родился Хидэёси, находилась на территории, подконтрольной дому Ода из Киёсу. Кроме него в семье было ещё трое детей — две сестры и младший брат. Мать Хидэёси дважды выходила замуж, поэтому отцовство двух младших детей (сестра Асахи и брат Хидэнага) достоверно неизвестно.

Таблица

Ближайшие родственники Хидэёси

Имя	Родство	Годы жизни
Яэмон	отец	?–1543
Нака (Омандокоро)[21]	мать	1513–1592
Тикуами	отчим	неизвестны
Онэ (Омандокоро)	жена	?–1624
Томо	старшая сестра	1534–1625
Асахи	младшая сестра	1543–1590
Хидэнага	младший брат	1540–1591

В *Тайко суйдзёки* («Биография Великого регента»)[22] говорится о том, что отцом Хидэёси был рядовой пехотинец Киносита Яэмон, служивший в отряде Ода Нобухидэ, отца Нобунага. Там же сообщается, что отец Хидэёси числился оружейным стрелком, что сразу ставит под сомнение достоверность сведений, поскольку первые образцы огнестрельного оружия появились на острове Кюсю в 1543 году, в год его смерти. Так что стрелять из аркебузы он никак не мог. Наличие фамилии Киносита позволяет предполагать, что отец Хидэёси был не рядовым бедным крестьянином (они фамилий не имели), но и этот факт не вполне достоверен — многие историки полагают, что фамилию ему могли «присвоить» задним числом, чтобы

[21] *Омандокоро* — титул хозяйки знатного дома, жены или матери первого лица.

[22] Составлена чиновником *бакуфу* по имени Цутия Томосада в период с 1625 по 1676 год. Основана на устных воспоминаниях современников.

повысить происхождение Хидэёси. Если Киносита Яэмон действительно был крестьянским предводителем, то ничто не мешало бы причислить его к низкоранговым самураям, ибо в первой половине XVI века многие воинские кланы вышли непосредственно из крестьян.

Однако есть и другие версии происхождения фамилии Киносита, которой Хидэёси называл себя в молодости. По одной из них, это старая фамилия его тестя, которую тот носил, пока не обзавёлся семьёй. По другой версии, Киносита — изменённая фамилия Мацусита Кахэй, хозяина дома, где в молодости служил Хидэёси (*мацусита* означает «под сосной», *киносита* — «под деревом»). Есть и другие версии такого рода, но ни одна из них не имеет документальных подтверждений.

В общем, происхождение Тоётоми Хидэёси, как и его первая фамилия, туманно и не вполне достоверно, что само по себе даёт основания считать его низким. Луис Фройс в своих записях отмечал, что будущий правитель страны «родился в бедной крестьянской семье и жил продажей дров» (Фройс, 1977).

Согласно хронике, отец мальчика в 1543 году получил ранение и умер, когда сыну было 6 лет. На следующий год мать отдала его на обучение в буддийский храм, и через год он вернулся домой. Мать Хидэёси после смерти мужа вторично вышла замуж и в этом браке родила двоих детей (впоследствии брат Хидэнага и сестра Асахи). Следующие несколько лет мальчик занимался чем придётся, в том числе рубил дрова на продажу и работал подмастерьем у кузнеца. Весной 1551 года, когда ему исполнилось 14 лет, мать вручила ему отцовское наследство — один *каммон* серебром[23] — и отправила «в люди», подальше от отчима, с которым у мальчика не сложились отношения. Купив на

[23] В пересчёте на современные деньги около 80 тысяч иен (700–800 долларов США).

эти деньги вязальных спиц, он пошёл на восток, по направлению к Сумпу (современный город Сидзуока). По дороге торговал спицами, тем самым зарабатывая на кров и пропитание. Первым местом службы стал для него дом крестьянского предводителя Мацусита Кахэй в соседней провинции Тотоми, владениях воинского дома Имагава. У Мацусита молодой Хидэёси работал помощником плотника. Судя по биографическим записям, работал старательно, но через два года вернулся в родную провинцию Овари и устроился посыльным к 20-летнему Ода Нобунага. О причинах переезда тоже есть разные версии. По одной из них, Хидэёси сбежал, прихватив с собой хозяйские деньги, по другой — не выдержал притеснений, которым расторопного паренька подвергала прислуга. Хорошо относившийся к нему хозяин дал на дорогу немного денег. По воспоминаниям Хидэёси, всё это время он называл себя Киносита Токитиро.

Прислуживать в доме Ода он начал в 1554 году по совету своих знакомых в возрасте 17 лет. Его первая должность называлась *кобито* (буквально «маленький человек»). В холодное время он грел за пазухой и подавал хозяину соломенные сандалии, ухаживал за лошадьми, выполнял разные мелкие поручения. Юноша был расторопен, сообразителен, ловок и услужлив. Его удлинённое лицо с заострёнными чертами напоминало мордочку не то мыши, не то обезьяны, и окружавшие так его и называли — кто лысой мышью, кто обезьяной. Несмотря на нелестные прозвища, юноша быстро поднимался по ступенькам служебной лестницы: сначала его повысили до *кобито гасира* (старший посыльный), а затем он стал «лёгкой ногой» (*асигару*), то есть пехотинцем в отряде Нобунага. Его начальник стал главой дома Ода в 1552 году после смерти отца и следующие 6 лет воевал с ближними и дальними родственниками. Первый вызов бросил ему младший брат Нобукацу, претендовавший на пост главы дома, хотя по

праву старшинства он принадлежал Нобунага, и его отец объявил об этом задолго до своей смерти. Благодаря поддержке влиятельных старейшин дома (*каро*) младший брат усилил свои позиции и предпринял попытку устранить старшего, но в прямом столкновении с ним проиграл и капитулировал. По просьбе матери Нобунага его простил, но через год Нобукацу начал готовить новый заговор, и на этот раз старший брат действовал не только жёстко, но и коварно — прикинувшись больным, заманил брата в засаду и убил. Противостояние с Нобукацу длилось в общей сложности пять лет и закончилось в 1557 году. За это время Нобунага несколько раз совершал боевые вылазки в соседнюю провинцию Микава, но на внешнем фронте успеха не добился. Затем пришла пора выяснять отношения с дальними родственниками — домами Ода из Киёсу и Ода из Ивакура. В результате сложной интриги Нобунага одержал победу над своими более именитыми родственниками и в 1558 году стал единоличным хозяином провинции Овари.

Его следующий выход в большой внешний мир — попытка создать плацдарм для нападения на соседнюю провинцию Мино — снова закончился неудачей. А когда в 1560 году на провинцию Овари с 25-тысячной армией напал сильный сосед Имагава Ёсимото, то многие были уверены, что дни Ода Нобунага сочтены. Однако благодаря нестандартному и дерзкому манёвру — нападению с малыми силами на ставку главнокомандующего — Нобунага удалось сделать почти невозможное. Он одержал победу над более сильным и опытным противником и привёз домой трофей, о котором можно было только мечтать, — голову самого́ Имагава Ёсимото. Эта победа сделала имя молодого военачальника широко известным.

С 1560 по 1567 год Ода Нобунага вёл боевые действия в соседней провинции Мино против дома Сайто. Крестьянский сын Киносита Токитиро все эти годы вое-

Гибель Имагава Ёсимото (гравюра)

вал под его началом и в 1561 году, через 7 лет после начала службы, уже числился командиром низшего звена в ранге старшего пехотинца (*асигару кумигасира*). В том же году он женился на девушке по имени Онэ[24] (1548–1624), дочери лучника-пехотинца Сугихара Садатоси. О своём намерении жениться Токитиро сообщил родителям девушки, но получил отказ от её матери. Пришлось пойти окольным путём: жених понравился отцу девушки, и он решил помочь свадьбе. Онэ в то время находилась на воспитании в доме пехотинца по имени Асано Нагакацу, и он на правах приёмного отца благословил девушку. Свадьбу отметили скромно, в солдатском бараке *нагая*. Брак получился очень прочным: Онэ всю жизнь следовала за мужем и во всём ему помогала. Единственной проблемой супругов было отсутствие детей. Став крупным военачальником, Хидэёси обзавёлся множеством наложниц, но детей у него не было очень долго.

Первое письменное упоминание имени Киносита Токитиро относится к 1565 году. Четырьмя годами раньше

---

[24] В японской литературе известна также под именами Нэнэ, Онэнэ, Нэико, Ёсико.

в провинции Мино неожиданно умер 34-летний глава клана Сайто Ёситацу (1527–1561). Воспользовавшись моментом, Ода Нобунага отправился в боевой поход в надежде захватить несколько фортов и создать плацдарм для дальнейшего наступления, но потерпел поражение и вернулся обратно. Сил для захвата соседней провинции пока не хватало, поэтому он распорядился начать работу по привлечению на свою сторону местных предводителей, владевших фортами на пограничной территории. Расторопный и сообразительный Киносита Токитиро лучше других справлялся с такими заданиями. Через некоторое время его усилия увенчались успехом — союзные дому Сайто коменданты пяти приграничных фортов (Унума, Мацукура, Сарубами и др.) перешли на сторону Нобунага. В наградной грамоте от 2 ноября 1565 года, выданной местному военачальнику Цубоути Тосисада, говорится о том, что в награду за это он получает 622 *мон* серебра. Под текстом грамоты стоит подпись с двойным именем: Киносита Токитиро Хидэёси. В самом факте двойного имени нет ничего необычного — они в то время были широко распространены, — но право подписи свидетельствует о том, что Киносита Токитиро был уже не рядовым исполнителем и имел некоторые полномочия.

Онэ, жена Хидэёси

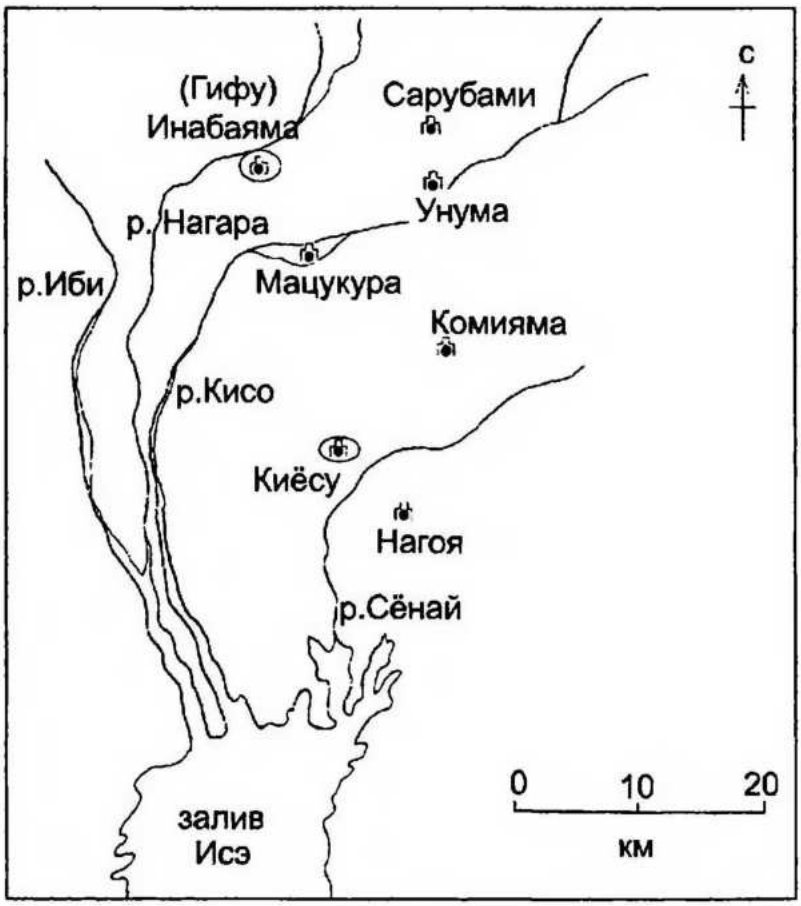
Следующий эпизод его деятельности связан с осадным лагерем Суномата, построенным, по одним данным, в 1561-м, по

другим — в 1566 году. От самого лагеря сегодня ничего не осталось, поэтому и дата его постройки точно не известна. Строительство укреплений и осадных лагерей на чужой территории в то время было самым обычным делом. В случае с Хидэёси необычным была широко распространившаяся впоследствии молва о том, что он выполнил задание за одну ночь (*Суномата итиядзё*). Принято считать, что он использовал свои плотницкие навыки, полученные во время работы у Мацусита Кахэй, и организовал выше по течению реки заготовку брёвен, а затем сплавлял их к нужному месту. Накопив необходимый запас, он очень быстро построил силами подчинённых стрелковую вышку,

Стрелковая вышка

изгородь и несколько простых строений. Осадный лагерь Суномата должен был стать опорным пунктом при осаде Инабаяма, главного замка дома Сайто.

Информация об этом строительном подвиге Хидэёси сегодня хорошо известна и пересказывается во всех без исключениях работах, посвящённых его жизни. Она не имеет документального подтверждения, но зато присутствует в иллюстрированной хронике *Эхон тайкоки* (1799), изданной через 200 лет после смерти Хидэёси. По изложенному в картинках сценарию театр Кабуки поставил популярную пьесу, что сделало этот факт широко известным. Однако отсутствие письменных упоминаний о постройке форта Суномата ещё не значит, что это полный вымысел. Таких фортов-однодневок в то время строилось много, и далеко не все попадали в хроники. В одном из сохранившихся текстов есть упоминание о том, что пять лет



Форты на границе провинций Овари и Мино

спустя, то есть в 1566 году, на этом месте действительно стоял форт Суномата, впоследствии много раз менявший владельцев. Из чего можно заключить, что какое-то укрепление на месте Суномата Хидэёси всё-таки построил.

Спустя десятилетия, уже в процессе героизации прошлого, сценаристы театра Кабуки наделили это рядовое событие чертами большого подвига и сделали его элементом исторического фольклора. При этом надо отдать им должное — описание было сделано со знанием дела. Много лет спустя, в апреле 1590 года, Тоётоми Хидэёси во время похода против клана Ходзё использовал аналогичный трюк со строительством осадного лагеря Исигакияма. Сначала под прикрытием окружающих деревьев несколько дней велись работы по строительству осадного форта, а когда он был готов, Хидэёси приказал за ночь вырубить прикрывающие его деревья. Утром следующего дня глазам изумлённых защитников Одавара предстал форт, которого накануне ещё не было. В случае с Суномата возможны два варианта: либо Хидэёси использовал похожий трюк, либо потомки-сценаристы приписали ему то, чего не было, исходя из его последующих военных хитростей. Вообще-то быстрое возведение осадных сооружений имело действительно большое значение, потому что подрывало боевой дух осаждённого противника и ускоряло его капитуляцию. Так что идти на такие уловки имело смысл.

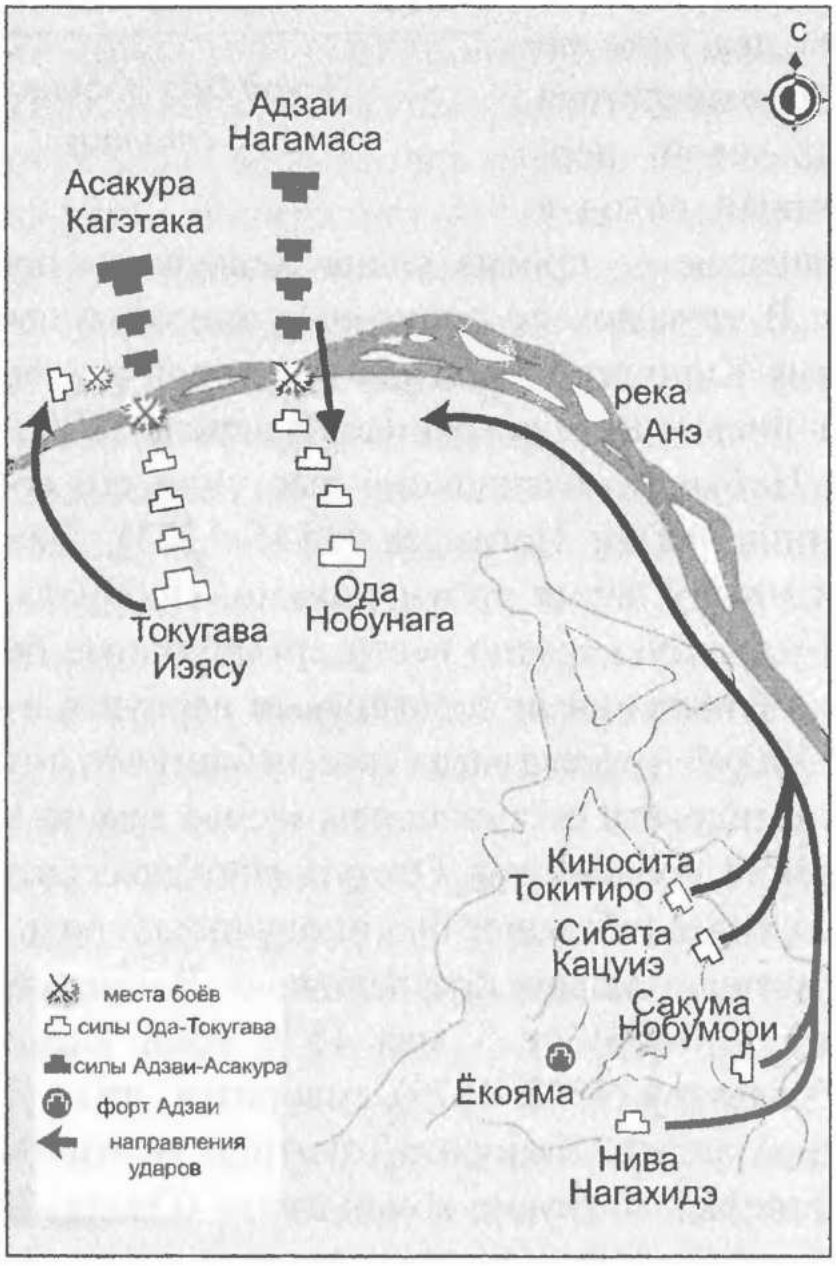
Захватив в 1567 году провинцию Мино, Нобунага переехал в домашний замок клана Сайто и переименовал его в Гифу. Отсюда он в августе 1568 года с 40-тысячной армией отправился в поход на столицу, выполняя данное Асикага Ёсиаки (1537–1597) обещание восстановить сёгунат и посадить его на высший воинский пост. Операция прошла успешно: сёгунат был восстановлен, а Ода Нобунага стал его покровителем и хозяином столичного района. Он взял под опеку императорский дом и начал действовать

от его имени, рассылая провинциальным военачальникам предписания. После этого успеха авторитет и влияние Ода Нобунага резко возросли, он вошёл в число главных действующих лиц на военно-политической сцене страны.

Поход Ода Нобунага на столицу

Через два года он с согласия императора совершил свой первый военный поход в новом качестве — против клана Асакура из провинции Этидзэн. В этом походе произошёл эпизод, в связи с которым имя Киносита Токитиро во второй раз было упомянуто в письменном источнике. В апреле 1570 года против Ода Нобунага неожиданно выступил его союзник и родственник Адзаи Нагамаса (1545–1573). Оказавшись зажатым между двумя противниками, Нобунага оставил свою 30-тысячную армию вести арьергардные бои, а сам с десятью ближайшими соратниками вернулся в столицу. Позднее Хидэёси рассказывал своему биографу, что был назначен командовать отступлением и спас армию Нобунага от поражения, но это не так. Отступление действительно закончилось более или менее благополучно, но роль Хидэёси в этом эпизоде сильно преувеличена. В письме Иссики Фудзинага (?–1596) от 3 мая 1570 года, адресованном Хатано Хидэхару (1542–1579), говорится, что в арьергарде «были оставлены Киносита Токитиро, Акэти Мицухидэ, Икэда Кацумаса и другие командиры» (Овада, 2006). По некоторым сведениям, общее командование отступлением было возложено на Икэда Кацумаса (1539–1578).

Следующие три года Ода Нобунага занимался разными делами, но на первом месте среди них стояла месть предавшему его зятю Адзаи Нагамаса. Против него Нобунага предпринял три военных похода. Первый состоялся через два месяца после предыдущего похода и закончился победой Нобунага в сражении на реке Анэ в июне 1570 года. Ему предшествовала кропотливая работа с вассалами и союзниками дома Адзаи по привлечению их на сторону Нобунага. Занимался ею Киносита Токитиро. Самым большим его достижением стало привлечение на сто-



Сражение на реке Анэ

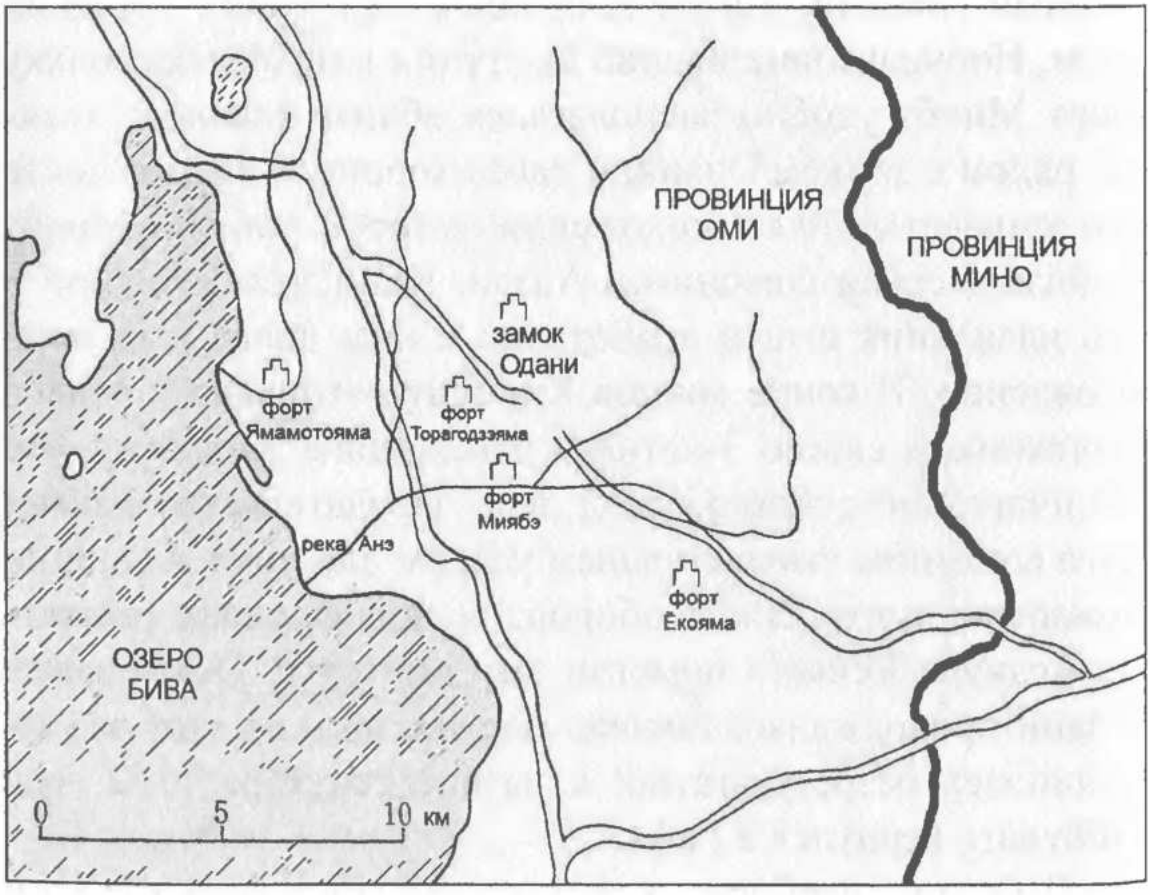
рону Нобунага военачальника из провинции Оми по имени Такэнака Сигэхару (1544–1579). Он ушёл от Сайто вместе с большой группой соратников непосредственно перед сражением на реке Анэ, чем сильно его ослабил. В бою на открытой местности Нобунага одержал убедительную победу, не смог взять хорошо укреплённый домашний замок Адзаи Нагамаса и оставил в провинции Оми Киносита Токитиро. Ему была поставлена задача привлечь на свою сторону кого-то из ключевых союзников Адзаи, чтобы иметь возможность нанести решающий удар.

Уйдя от Адзаи, Такэнака Сигэхару стал союзником Киносита Токитиро (*ёрики*). Это означало, что прямо он ему не подчинялся, но оставил у него заложника и дал клятву верности на случай боевых действий. Вскоре они сблизились, и Сигэхару стал его правой рукой и начальником штаба (*гункан*). Результат их совместной работы проявился через 16 месяцев, когда от Адзаи Нагамаса ушёл важный союзник Миябэ Кэйдзюн (1528–1599). Узнав об этом, Нобунага немедленно выступил в поход, поскольку форт Миябэ удобно располагался вблизи главного тракта, рядом с замком Одани, и давал хорошую возможность его атаковать. Зная о положении, которое занимал Миябэ Кэйдзюн среди союзников Адзаи, Киносита Токитиро и его начальник штаба «работали» с ним долго и целенаправленно. В конце концов Киносита отправил к Миябэ заложником своего 3-летнего племянника Хидэцугу, что окончательно решило исход дела. Предательство ключевого союзника стало сильным ударом для дома Адзаи, но грамотно выстроенная оборона и подоспевшая помощь от Асакура Ёсикагэ помогли ему выстоять. Осада замка Одани продолжалась больше месяца, но и на этот раз закончилась безрезультатно; в начале сентября 1572 года Нобунага вернулся в Гифу.

Работа по вербовке союзников Адзаи в северной Оми продолжалась. Следующий успех пришёл к Киносита

в августе 1573 года, когда на его сторону вместе со старшим сыном перешёл долго не поддававшийся на уговоры Ацудзи Садаюки (1528–1582), хозяин форта Ямамото. Узнав о появлении нового союзника, Нобунага снова вышел в поход и уже через две недели стоял лагерем у подножия горы Одани, перекрывая путь подкреплению из провинции Этидзэн от Асакура Ёсикагэ. Через месяц после измены Ацудзи Садаюки трёхлетняя война Нобунага против кланов Адзаи и Асакура завершилась его победой. Последним эпизодом этой операции стал драматичный штурм горного замка Одани 27 и 28 августа. Замок располагался в северной части провинции Оми, за которую отвечал Киносита Токитиро, ему и был поручен решающий штурм.

Замок Одани был окружён внешней крепостной стеной со стрелковыми башнями и бойницами, а внут-



Киносита Токитиро в кампании против Адзаи

Оити,
сестра Ода Нобунага

ри делился на две части — в Главной усадьбе (*Хоммару*) жил 28-летний глава дома Адзаи Нагамаса, а Малую усадьбу (*Комару*) занимал его 47-летний отец Хисамаса (1526–1573). Обе усадьбы представляли собой несколько объединённых в единый комплекс строений; они были защищены собственной крепостной стеной и имели автономную систему жизнеобеспечения. Какое-то время их можно было удерживать даже после падения внешней крепостной стены, поэтому штурм был разделён на несколько этапов. Захватив внешний рубеж обороны, нападавшие сначала атаковали главную стрелковую башню Кёгоку, расположенную посередине между усадьбами отца и сына. Взяв её под контроль, они разделили защитников на две части и изолировали их друг от друга. Главное было сделано, и Киносита предложил Адзаи Нагамаса прекратить сопротивление и сдаться, но глава клана ответил, что встретит свою судьбу, как подобает воину. На семейном совете его жена Оити (1547–1583), младшая сестра Нобунага, изъявила желание умереть вместе с ним, но муж возразил, что ей рано уходить из жизни — у супругов оставалось трое девочек. На время, пока в замке шёл семейный совет, боевые действия были прекращены. Оити выполнила пожелание мужа и покинула главную усадьбу, сохранив жизнь себе и детям. Встретив её у ворот, Киносита Токитиро отправил женщину с детьми к старшему брату.

Штурм замка начался в тот же день с Малой усадьбы. Отец главы клана Адзаи Хисамаса защищался, сколько мог, а затем покончил жизнь самоубийством. На следующий день состоялся штурм Главной усадьбы, которую с родственниками и личными адъютантами защищал Нагамаса. Первого сентября укрепление пало, и глава клана совершил *сэппуку*, положив конец истории воинского дома Адзаи. Его единственного наследника, 9-летнего сына Мампуку, старейшины Адзаи попытались спасти, заранее отправив в безопасное место, но по приказу Нобунага мальчик был найден и казнён 17 сентября того же года.

Длившаяся три с половиной года война Нобунага с кланами Адзаи и Асакура закончилась его победой, и обширные территории к северо-востоку от столицы обрели новых хозяев. Земли побеждённых были распределены между теми, кто внёс наибольший вклад в победу, и первым в этом списке значился Киносита Токитиро. Он стал хозяином замка Одани и трёх уездов в северной части обширной провинции Оми, принадлежавших дому Адзаи, — Ика, Хигасиадзаи и Саката. По площади эти три уезда не уступали провинции среднего размера. Став владельцем обширных земель и собственного замка,

Адзаи Нагамаса

Адзаи Хисамаса

Киносита в 36 лет вошёл в число военачальников высшего уровня (*сэнгоку даймё*). До этого он распоряжался небольшими фортами Ёкояма и Тогагодзэяма в провинции Оми, но это были временно порученные ему объекты, которыми он не владел. Теперь же он впервые в жизни стал хозяином собственного замка и земельных угодий, которыми мог распоряжаться по своему усмотрению. Среди главных полководцев Нобунага примерно такую же награду раньше него получил лишь Акэти Мицухидэ (1528–1582).

Три уезда с совокупным доходом в 130 тысяч *коку* риса[25] резко повысили воинский статус их хозяина, и прежнее «деревенское» имя Киносита перестало соответствовать его положению. В 1573 году сын крестьянина Киносита Токитиро исчез, а вместо него появился полководец Нобунага по имени Хасиба Хидэёси. Как уже говорилось, благозвучным воинским именем Хидэёси он иногда подписывался и раньше, а теперь взял его окончательно. Что касается фамилии Хасиба, то она тоже была выбрана со смыслом и составлена из двух иероглифов: первый (*ха*) — из фамилии Нива Нагахидэ[26], второй (*сиба*) — из фамилии Сибата Кацуиэ. Это был знак уважения к более именитым соратникам, на которых Хидэёси долгое время смотрел снизу вверх, и в то же время тонкий дипломатичный ход, призванный смягчить дух ревности и соперничества с их стороны. Несмотря на воинское происхождение и более высокий статус, Нива Нагахидэ (1535–1585) и Сибата Кацуиэ (1522–1583) по наградам проигрывали неродовитому выходцу из крестьян.

Доставшийся Хидэёси замок Одани стоял на горе высотой 460 метров и был очень хорош с военной точ-

---

[25] Один *коку* = 150 кг.

[26] Иероглиф *ва* в фамилии Нива со значением «крыло» в начале слова может читаться как *ха*.

ки зрения, но находился на удалении от основных региональных трактов. Прожив в нём несколько месяцев, новый хозяин решил перебраться поближе к озеру Бива и огибавшему его северному тракту Хоккоку-окан, который разветвлялся на несколько важных дорог, связывавших столицу с восточными и северными провинциями. В районах к северу от озера Бива активно действовали повстанцы Икко, объявившие войну Ода Нобунага, поэтому близость к театру боевых действий имела первостепенное значение. Кроме того, водный путь через озеро к столичным провинциям позволял быстрее и дешевле доставлять оттуда грузы. Выбор Хидэёси пал на Имахама, бывшую резиденцию воинского дома Косака на западном берегу озера — небольшое по размерам и довольно старое сооружение, которое нужно было капитально ремонтировать. На строительные работы, длившиеся больше года, было мобилизовано всё местное население. Переезд из Одани в Имахама начался в следующем 1574 году и продолжался несколько месяцев. Вслед за хозяином замка перебрались на новое место и жители призамкового города Одани. Отстроенную заново резиденцию Хидэёси переименовал из Имахама в Нагахама (иероглиф *нага* был взят из имени Ода Нобунага).

Войдя в элитную группу военачальников уровня *сэнгоку даймё*, Хидэёси был вынужден заняться созданием соответствующего новому рангу окружения. На первых порах в него входили родной младший брат Хидэнага (1540–1591), названный брат Асано Нагамаса (1547–1611) и приёмные сыновья Като Киёмаса (1562–1611) и Фукусима Масанори (1561–1624), впоследствии ставшие крупными полководцами. Такэнака Сигэхару, Миябэ Кэйдзюн и другие союзники из провинции Оми формально присягали на верность Ода Нобунага и не могли считаться личными вассалами Хидэёси. В это время среди его личных адъютантов появился 14-летний Исида Мицунари

(1560–1600), мальчик из воинского дома Исида, присягнувшего на верность Хидэёси. Со временем он станет ближайшим соратником Хидэёси и главным исполнителем его хозяйственно-экономических реформ.

Одним из первых военачальников в свиту Хидэёси вошёл Хатисука Масакацу (1526–1586) из провинции Овари, всюду сопровождавший его вплоть до своей смерти в 1586 году. Позднее вассалитет Хидэёси приняли Вакидзака Ясухару (1554–1626), Катагири Кацумото (1556–1615), Тодо Такатора (1556–1630), Синдзё Наоёри (1538–1613), Танака Ёсимаса (1548–1609) и другие выходцы из провинции Оми. С согласия Нобунага некоторые из его вассалов также перешли в подчинение Хидэёси. Эти люди и составили костяк его личной гвардии (*умамаварисю*), которую полагалось иметь любому крупному военачальнику. Её формирование продолжалось ещё несколько лет.

Хидэёси поселился в замке Нагахама на берегу озера Бива, но проводил в нём мало времени, поскольку постоянно находился в разъездах. Тем не менее следующие 8 лет Нагахама оставался главной резиденцией Хидэёси, где жила его семья. Очередной переезд (в замок Химэдзи) состоялся в 1582 году, но и после этого Нагахама ещё больше года сохранял своё значение, поскольку в нём оставались две главные женщины Хидэёси — мать и жена. Зимой 1585 года замок был полностью разрушен сильным землетрясением в центральной части страны. До этого Хидэёси ни разу не сталкивался с этим стихийным бедствием. Учтя печальный опыт Нагахама, он при строительстве замка Фусими лично давал строителям указания по прочности фундамента, но и это не помогло — землетрясение 1596 года снова разрушило его любимое детище. В отличие от Ода Нобунага и Токугава Иэясу, в годы своего правления ни разу не попадавших в зону крупных землетрясений, на долю Хидэёси их выпало сразу два.

Таким образом, к 1573 году 36-летний Тоётоми Хидэёси прошёл уже больше половины своего жизненного пути, но событий летописного значения, в которых он принимал участие, набралось не так уж много.

Полководец

С осени 1573 по 1576 год Хидэёси как крупный полководец Ода Нобунага участвовал во всех его походах. Наиболее масштабными среди них стали сражения с повстанцами Икко в провинциях Исэ и Этидзэн, война с сёгуном Асикага Ёсиаки в провинции Кавати и победа над Такэда Кацуёри в окрестностях замка Нагасино.

В 1576 году Нобунага начал создавать новую систему войскового управления, при которой его главные полководцы получали конкретное направление и отвечали за него персонально. Сибата Кацуиэ получил назначение на северо-восток (современный район Тохоку), Такигава Кадзумасу (1525–1586) возглавил восточное направление (район Канто), а Сакума Нобумори (1528–1582) — южное, где ему была поставлена задача взять хорошо укреплённый храм Исияма, цитадель повстанческих отрядов Икко. Акэти Мицухидэ (1528–1582) действовал на северо-западном фронте (современный район Кинки), а Хасиба Хидэёси — на юго-западе (район Тюгоку). Имея собственное направление, каждый полководец мог показать всё, на что способен, а главнокомандующему стало легче оценивать их успехи. Если на каком-то участке складывалась трудная ситуация, ближайшие к нему полководцы оставляли свои дела и приходили на помощь соседу, поэтому экспансия Ода Нобунага в разных направлениях шла неравномерно.

Фронт деятельности для Хасиба Хидэёси определился летом 1576 года. До этого ему никогда не приходилось

иметь дел с кланом Мори из провинции Аки, но в тот год его глава Мори Тэрумото (1553–1625) под влиянием сёгуна Ёсиаки и духовного лидера повстанцев Кэннё впервые выступил против Нобунага, отправив партию продовольствия в осаждённый храм Исияма. Тринадцатого июля 1576 года навстречу флоту Мори, состоявшему из 800 парусно-вёсельных ладей, выдвинулась флотилия из 300 судов Нобунага. Бой между ними состоялся в устье реки Кидзу. Более опытные мореходы Мори одержали в нём убедительную победу и доставили продовольствие осаждённым повстанцам. После этого поражения Нобунага озаботился созданием собственного флота и начал подготовку к войне против дома Мори.

Территории, контролируемые группировками Ода и Мори, не имели общих границ, между ними лежали провинции Харима и Тадзима. Конфигурация местных интересов имела причудливую форму — часть предводителей ориентировалась на союз с влиятельным домом Мори, другая же с 1568 года поддерживала Нобунага, тогдашнего покровителя и защитника сёгуна Асикага Ёсиаки. Но после конфликта Нобунага с сёгуном и низложения последнего в 1573 году многие его сторонники отошли от Нобунага и заняли выжидательную позицию, так что перед началом боевых действий против Мори следовало выяснить, на чьей стороне они намерены воевать. Местные военачальники в провинциях Харима и Тадзима были связаны между собой и с соседями сложной системой родственных отношений, поэтому в предстоящей войне могли оказаться на любой стороне. Разобраться во всём этом и взять под контроль обе провинции и было поручено Хасиба Хидэёси. Наилучшим считался вариант, при котором это удалось бы сделать мирным путём — в кратчайшие сроки без боёв и потерь. Назначая Хидэёси на это направление, Нобунага делал ставку на его известный талант по части закулисных договорённостей.

Через два дня после проигранного морского боя, 15 июля 1576 года, Хидэёси выступил из Нагахама к месту назначения и начал сбор информации о местных военачальниках, их взаимоотношениях и родственных связях. Однако завершить эту работу не успел — в начале следующего года поступил приказ Нобунага оставить юго-западное направление и в составе армии под командованием Сибата Кацуиэ идти на северо-восток, в провинцию Эттю, воевать с Уэсуги Кэнсин (1530–1578).

В этом походе между Сибата Кацуиэ и Хасиба Хидэёси произошёл конфликт, о сути которого не сохранилось никаких сведений. Известно только, что в результате размолвки Хидэёси самовольно покинул лагерь и вернулся вместе со своим отрядом в провинцию Оми, снизив тем самым численность армии Нобунага. В дальнейшем он не понёс за это серьёзного наказания, что вызывает некоторое удивление — нетерпимость Нобунага к дисциплинарным проступкам своих подчинённых общеизвестна. Возможно, главнокомандующему были представлены какие-то аргументы. Одна из версий состоит в том, что Хидэёси выступил против тактики Сибата Кацуиэ в провинции Кага — на чужой территории с враждебно настроенным населением. В пользу этой версии говорит тот факт, что через несколько дней после ухода Хидэёси Сибата допустил тактический промах и в бою на реке Тэдори потерпел тяжёлое поражение от Уэсуги

Поражение на реке Тэдори

Кэнсин. Конфликт между Хидэёси и Кацуиэ обойдён молчанием и в *Синтё коки*, наиболее достоверной биографии Нобунага, — её автор Ота Гюити лишь отметил, что Хидэёси получил от него устный выговор. Возможно также, что нехарактерная для Нобунага мягкая реакция на инцидент объяснялась важностью задачи, которую Хидэёси предстояло решить на юго-западном направлении.

Однако приступить к её выполнению ему не удалось и на этот раз — вскоре после возвращения из провинции Кага Хидэёси пришлось принять участие в подавлении мятежа Мацунага Хисахидэ (1510–1577), присоединившегося к третьей антинобунагской коалиции. На третий заход в провинцию Харима Хидэёси вышел в конце октября 1577 года, через 15 месяцев после первого назначения, и занимался этим районом следующие пять лет, воюя против дома Мори и его союзников.

Собрав информацию о местных кланах, Хидэёси сосредоточил свои усилия на главе дома Кодэра Масамото (1529–1584) из провинции Харима, через земли которого пролегал маршрут к границам владений Мори Тэрумото (1553–1625). Имеющиеся об этом военачальнике сведения не позволяли рассчитывать, что он добровольно перейдёт на сторону Хидэёси, поэтому было решено действовать через его старейшину Кодэра Камбэй, хозяина форта Химэдзи. Это было вспомогательное укрепление при замке Готяку, домашней резиденции клана Кодэра. Зная сегодняшний облик величественного замка Химэдзи, трудно представить, что когда-то это был небольшой вспомогательный форт, прикрывавший другое укрепление.

Кодэра Камбэй охотно пошёл на контакт с Хидэёси и через некоторое время перешёл к нему на службу. Сменив впоследствии имя на Курода (Камбэй) Ёситака (1546–1604), он через три года занял пост начальника штаба Хидэёси вместо умершего Такэнака Сигэхару и получил в воинских кругах известность благодаря ряду блестя-

щих операций, разработанных по его планам. Перейдя на сторону Хидэёси, Камбэй убедил сделать то же самое и своего начальника Кодера Масамото, а вслед за ним и ещё нескольких местных командиров, в том числе влиятельного главу дома Бэссё Нагахару (1558–1580) — хозяина замка Мики и родственника крупного воинского клана Акамацу. Хидэёси объехал своих новых союзников, встретился со всеми лично, принял присягу и собрал заложников. Таким образом, начальный этап покорения провинции Харима прошёл бескровно и завершился за две недели — к 10 ноября 1577 года большая её часть перешла под контроль Хидэёси. Всё прошло по схеме, опробованной пять лет назад в провинции Оми против дома Адзаи. Тогда «первой ласточкой», с которой началось привлечение местных сил на свою сторону, стал Такэнака (Хамбэй) Сигэхару, теперь — Курода (Камбэй) Ёситака. «Два *бэя*», как их называли соратники.

На сторону Хидэёси перешли многие, но не все. Воинские дома Акамацу и Укита, связанные союзными отношениями с Мори Тэрумото, остались ему верны и приготовились воевать. Их владения находились в западной части провинции, на границе с землями Мори Тэрумото. Пополнив армию силами новых союзников, Хидэёси двинулся на запад, а своего брата Хидэнага с 3-тысячным отрядом отправил на север, в соседнюю провинцию Тадзима с таким же заданием — без боя

Курода Камбэй

привлечь на свою сторону как можно больше местных сил.

В Тадзима военным губернатором числился 18-летний Ямана Акихиро (1559–1627). До 1576 года дом Ямана был лоялен Нобунага, но после его разрыва с Мори Тэрумото оказался между двух огней и в последнее время занимал выжидательную позицию. Возможности номинального главы провинции сильно ограничивались действиями четырёх более опытных местных военачальников, каждый из которых проводил собственную политику. Войдя в Тадзима, Хидэнага атаковал форты Ивасу и Такэда, принадлежавшие двум из них, и после нескольких дней боёв захватил их. В конце ноября он доложил Хидэёси, что большая часть провинции Тадзима признала власть Нобунага.

Хидэёси тем временем вышел к западной границе провинции Харима и 27 ноября окружил замок Кодзуки, главную резиденцию губернатора Акамацу Масанори (?–1578). Тот обратился за помощью к своему союзнику Укита, и 30 ноября 3-тысячный отряд под командованием Укита Наоиэ (1529–1582) появился у стен замка.

Бой начался в тот же день после обеда. Хидэёси имел в своём распоряжении 30 тысяч человек, ему противостояли 7-тысячный гарнизон замка и подкрепление во главе с Укита. Несмотря на трёхкратное превосходство нападавших, бой получился упорным и кровопролитным — согласно отчёту, в ставку Хидэёси было доставлено 690 голов противника. После этого штурм замка продолжался ещё два дня. Второго декабря гарнизон предпринял отчаянную атаку на штаб Хидэёси, но успеха не добился. Поняв, что сражение проиграно, Акамацу Масанори вечером того же дня собрал своих близких и объявил, что выполнит свой долг и умрёт вместе с семьёй. Говорят, что своему *кайсяку* он предложил конкретный план действий: передать его голову Хидэёси в обмен на сохранение жизни

остальным обитателям замка. А если Хидэёси не согласится, то убить его на месте. Вслед за главой клана покончили с собой старейшины, ближайшие родственники и прислуга. Третьего декабря 1577 года Хидэёси вошёл в замок Кодзуки. Добиться помилования для его обитателей не удалось — после штурма в замке было убито ещё более тысячи человек. Голову военного губернатора Хидэёси отправил Нобунага вместе с докладом, что провинция Харима покорена.

Впереди были сражения с Мори Тэрумото, поэтому Хидэёси решил использовать моральный фактор для подрыва боевого духа противника. По его приказу взятые в плен женщины и дети были распяты на крестах вдоль границы с провинциями Бидзэн и Мимасака так, чтобы их тела были хорошо видны из приграничных фортов. Вообще-то Хидэёси не отличался личной жестокостью, но в замке Кодзуки устроил массовую казнь. Вполне возможно, что кроме тактики устрашения, которая могла облегчить ему задачу, свою роль сыграло и стремление реабилитироваться за прошлогодний конфликт с Сибата Кацуиэ и выговор от Нобунага. Он знал, что главнокомандующий

Захват провинции Харима

любит безоговорочные победы и беспощадность к противнику, который не сдаётся. Хидэёси действительно хорошо справился со своей задачей — провинции Харима и Тадзима были завоёваны им менее чем за полтора месяца.

В замок Кодзуки Хидэёси назначил комендантом Амаго Кацухиса (1553–1578), а его главным военным советником — Яманака Юкимори (1545–1578). Оба были выходцами из дома Амаго (провинция Идзумо), некогда крупнейшего в западной части страны. Впоследствии он ослабел и в результате войны с кланом Мори потерял большую часть своих владений. Теперь молодому военачальнику предстояло занять место в авангарде и отомстить своему обидчику. Хидэёси мог быть абсолютно уверен, что Амаго Кацухиса никогда не вступит в переговоры со своим заклятым врагом, поэтому замок Кодзуки в предстоящей войне можно было считать надёжным форпостом.

После провинции Харима Хидэёси вместе с Акэти Мицухидэ, Сибата Кацуиэ и другими полководцами Нобунага участвовал в совместных операциях в центральной части страны. По мере наступления Нобунага на западные провинции в них нарастало сопротивление местных кланов, подогреваемое изгнанным из столицы сёгуном Асикага Ёсиаки. На уже покорённых территориях то и дело вспыхивали мятежи бывших союзников Нобунага, клявшихся ему в верности. Сначала взбунтовался Араки Мурасигэ (1535–1586) из провинции Сэццу, затем Мацунага Хисахидэ (1510–1577) из Ямато. Их примеру последовали Хатано Хидэхару (1541–1579) из Тамба и Бэссё Нагахару из Харима. Особенно болезненными для Нобунага оказались измены двух последних военачальников. Воевавший в провинции Тамба Акэти Мицухидэ был неожиданно атакован своим союзником Хатано Хидэхару и отступил на восток.

В феврале 1577 года Бэссё Нагахару, состоявший в родственных отношениях с домом Хатано, собрал своих

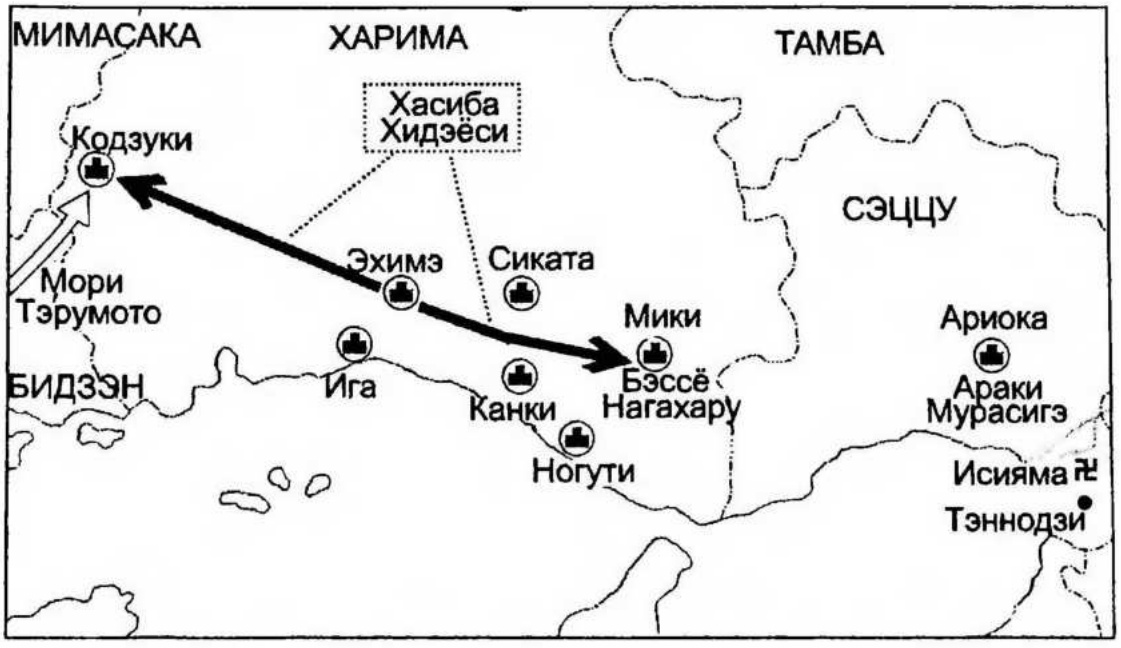
вассалов и объявил, что разрывает отношения с Нобунага и начинает с ним воевать. Эта измена была равносильна восстанию в тылу — дом Бэссё поддержали коменданты соседних фортов Ногути, Канки, Сиката, Ага и некоторые другие. Они располагались на побережье, в центральной и восточной части провинции Харима. Из-под контроля Нобунага ушла обширная территория, а замок Кодзуки вместе с Химэдзи, западной ставкой Хидэёси, оказались отрезаны от основных сил.

Получив от Нобунага приказ ликвидировать мятеж Бэссё и восстановить статус-кво в провинции, Хидэёси 29 марта 1578 года с 27-тысячной армией подошёл к зам-

Выступление Хатано Хидэхару

ку Мики и окружил его. Занявший в нём оборону Бэссё Нагахару имел в своём распоряжении семь с половиной тысяч человек, а выход к Внутреннему морю позволял получать помощь от союзников. Построенный 90 лет назад замок был хорошо укреплён и окружён множеством вспомогательных фортов, поэтому Хидэёси предстояла непростая задача. Воспользовавшись его уходом к замку Мики, Мори Тэрумото отправил 30-тысячную армию к потерянному полгода назад и переданному Амаго Кацухиса замку Кодзуки и окружил его. Осада Кодзуки началась 18 апреля 1578 года.

Хидэёси встал перед дилеммой: продолжать осаду Мики или идти на выручку Кодзуки? С одной стороны, важнейший западный форпост на границе с владениями Мори нужно было во что бы то ни стало удержать, следовательно, надо идти ему на помощь. А с другой — в этом случае в тылу у Хидэёси оставался Бэссё Нагахару с союзниками, который мог нанести удар в спину. Два месяца ситуация оставалась неизменной. Амаго Кацухиса держал трудную оборону, но в июне прислал гонца с сообщением, что запасы продовольствия заканчиваются и силы за-



Повторный поход в Харима

щитников на исходе. Хидэёси запросил у Нобунага разрешение идти на выручку, но получил отказ. Считая, что время для прямого столкновения с Мори ещё не пришло, он приказал продолжать осаду Мики. Таким образом, замок Кодзуки и его гарнизон были принесены в жертву. Третьего июля он пал, комендант Амаго Кацухиса покончил с собой, а его главный советник Яманака Юкимори попал в плен и был отправлен в ставку Мори Тэрумото. Взявший замок Киккава Мотохару (1530–1586) рассудил, что начальник штаба может пригодиться в борьбе с Нобунага, и сохранил ему жизнь, однако пленник по приказу главы дома Мори был убит в дороге.

Потеря Кодзуки ещё больше обострила борьбу на востоке провинции Харима. Хидэёси окружил и начал осаду вспомогательного форта Канки неподалёку от Мики. На заключительном этапе его защитники предложили сдать укрепление в обмен на сохранение жизней, но Нобунага приказал пленных не брать, и в начале июля форт пал, а его гарнизон был полностью уничтожен. Эта расправа оказала деморализующее влияние на защитников соседнего форта Сиката, и он сдался сразу, как только был окружён. Комендант форта Кусихаси Масакорэ отправил к Нобунага заложников и дал ему клятву верности.

Ликвидировав вспомогательные форты вокруг Мики, Хидэёси укрепил позиции и усилил блокаду, но морские подступы к замку полностью перекрыть не удалось, и ещё целых шесть месяцев, до осени 1578 года, осаждённый гарнизон получал через них помощь. За это время Мори Тэрумото переправил в замок запасы продовольствия, которые позволили Бэссё Нагахару продержаться рекордно долгий срок.

В начале следующего 1579 года он получил важное сообщение от опытного военачальника Укита Наоиэ (1529–1582) из провинции Бидзэн. Глава крупного воинского клана заявил, что готов разорвать союзные отноше-

Укита Наоиэ

ния с Мори Тэрумото и перейти на сторону Нобунага. Хидэёси предлагал ему сделать это ещё в апреле 1577 года, но тогда Укита уклонился от прямого ответа, хотя подал обнадёживающий сигнал — сославшись на болезнь, оставил свою позицию и вернулся в Окаяма. Полтора года спустя он сам связался с Хидэёси и сообщил, что готов принять его предложение, но сначала хотел бы получить гарантии от Нобунага. Хидэёси доложил об этом своему командующему, но тот потребовал, чтобы западный военачальник лично прибыл к нему в Адзути. Глава клана Укита отказался, и Нобунага пришлось заключить с ним союзный договор без личной встречи. В марте 1579 года Укита Наоиэ уже участвовал в нападении на союзный Мори Тэрумото форт Мицубоси в провинции Мимасака.

Переход крупного клана, контролировавшего почти всю провинцию Мимасака и западную часть Харима, резко усилил позиции Хидэёси в борьбе с домом Мори. Связанный осадой замка Мики, он не мог идти дальше на запад, и теперь вместо него это делал Укита Наоиэ, самый боеспособный на тот момент командир в регионе Санъё[27]. В дальнейшем все боевые действия против Мори Тэрумото в провинциях Харима и Мимасака он вёл сам, практически без поддержки со стороны Нобунага и Хидэёси. Война в провинции Мимасака длилась ещё три года, и её переход на сторону Нобунага — личная заслуга 50-летнего главы клана Укита. Его действия были по дос-

[27] Район в западной части острова Хонсю, обращённый к Внутреннему морю.

тоинству оценены, когда сын Укита Наоиэ после смерти отца вошёл в число пяти ближайших соратников Тоётоми Хидэёси, объединившего страну под своей властью.

В январе 1580 года Хидэёси вернулся к руководству осадой замка Мики, длившейся уже почти два года. После того как в сентябре 1578 года его снабжение морским путём прекратилось, положение в замке стало постепенно ухудшаться, несмотря на солидные запасы. Решив, что гарнизон уже не может активно обороняться, Хидэёси попытался взять его штурмом, но защитники оказали ожесточённое сопротивление и отбили атаку.

За последние полтора года Бэссё Нагахару несколько раз обращался к Мори Тэрумото с просьбой нанести удар в тыл Хидэёси, но разделявшие их 200 километров затрудняли отправку подкрепления. Занятый боевыми действиями против Укита, дом Мори сумел отправить усиленное повстанцами Икко подкрепление только в сентябре 1579 года. Его отряд напал на форт Хирата, мешавший снабжению осаждённого замка Мики. После короткого, но ожесточённого боя форт Хирата пал, и Хидэёси пришлось возвращать его обратно. Согласно его отчёту, в повторном сражении за Хирата силы Мори потеряли 800 человек убитыми. Как только Хидэёси с частью основных сил отошёл от замка Мики, его гарнизон предпринял вооружённую вылазку и напал на осадный лагерь в надежде захватить оружие и провиант. Однако измученным 18-месячной осадой людям Бэссё не хватило сил, и они отступили, не добившись цели.

Осада замка Мики продолжалась. В последующие четыре месяца Хидэёси не вёл боевых действий, дожидаясь, когда голод и болезни окончательно ослабят защитников. В начале января 1580 года нападавшим удалось захватить расположенный на расстоянии выстрела от Мики вспомогательный форт Мияноуэ, и они получили возможность обстреливать замок из луков и аркебуз. Осада длилась уже

почти два года, а последние пять месяцев главный замок был блокирован по всей окружности, поэтому голод в нём достиг невероятных масштабов. Там давно были съедены все лошади, кошки и собаки, не осталось ни травы, ни коры на деревьях, люди пухли и умирали от голода, а оставшиеся в живых с трудом передвигались. В семейном архиве Бэссё сохранились записи: «те, кто ещё жив, полностью истощены и не могут надеть доспехи», «лишь боевой дух живёт в теле, а руки и ноги не слушаются», «ни одного бойца не осталось, вдоль стен лежат трупы» (*Бэссё Нагахаруки*).

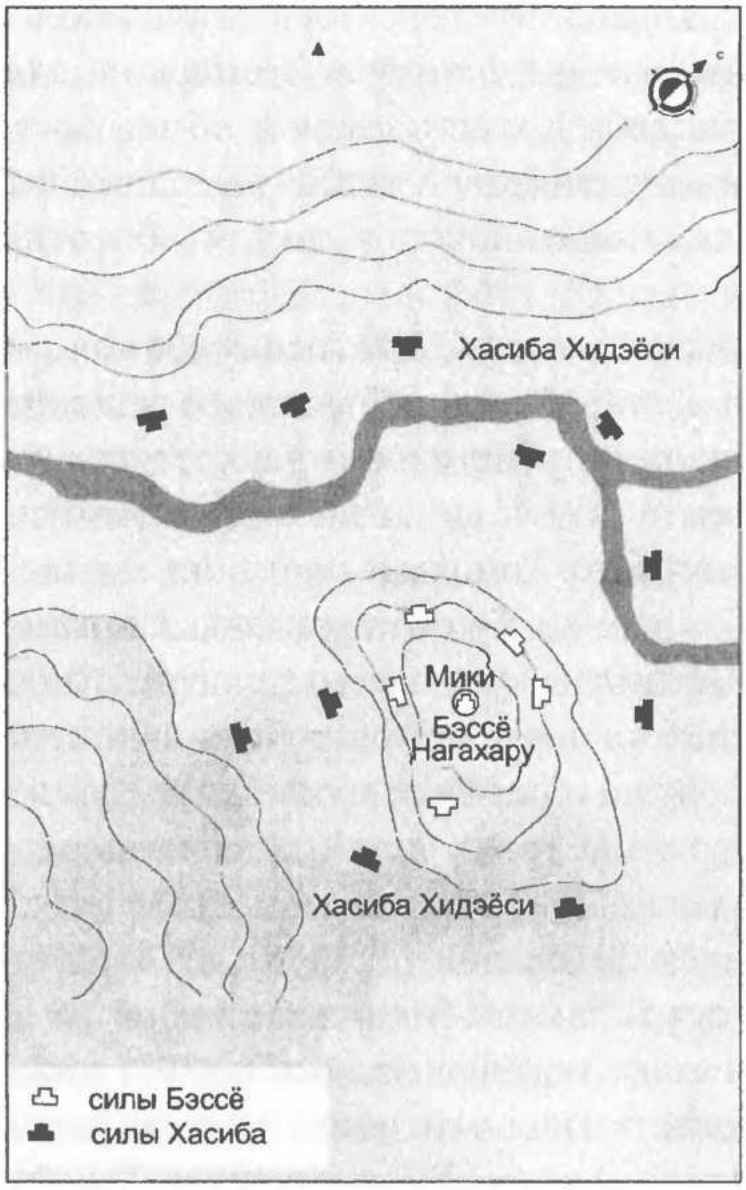
На фоне отчаяния и полной безнадёжности Бэссё Нагахару 15 января передал Хидэёси письмо с предложением: он сам, его младший брат Томоюки и дядя Ёситика готовы убить себя и сдать замок в обмен на сохранение жизни всем оставшимся. Хидэёси предложение принял и передал осаждённым бочонок *сакэ*, чтобы отпраздновать соглашение.

Семнадцатого января 1580 года Бэссё Нагахару собрал членов семьи, старейшин и объявил им решение о капитуляции. Сначала он убил своего двухлетнего сына, потом жену, а затем с помощью ассистента покончил с собой. Его 20-летний брат Томоюки поступил так же. Зная, что головы побеждённых будут положены к ногам Нобунага, их дядя позаботился, чтобы с его головой этого не произошло. Он велел адъютантам разрубить своё тело на куски и сжечь. Его жена облегчила мужу задачу, взяв на себя семью — умертвила троих детей, а затем перерезала себе горло.

Длившаяся 22 месяца (с марта 1578 года по январь 1580 года) осада замка Мики стала одной из самых длительных и самых тяжёлых за весь период междоусобных войн; она известна под названием *Мики но хосигороси* (голодомор Мики). Автор «Хроники годов Тэнсё» (*Тэнсёки*) отмечает, что командовавший осадой Хидэёси в высшей

степени похвально отзывался о том, как Бэссё Нагахару и его младший брат Томоюки действовали в трудной ситуации.

В апреле — мае 1580 года Хидэёси продвинулся ещё дальше в глубь провинции Харима и захватил форты Ага и Тёдзуй, принадлежавшие союзникам Бэссё Нагахару. После этого контроль над провинцией был почти полностью восстановлен, а её земли поделены между старшими командирами, участвовавшими в её захвате. Хидэёси издал указ о прощении всех долгов и недоимок, отмене принудительных поставок риса по фиксированным ценам



Осада замка Мики

и принял меры для восстановления разрушенного боями района.

Победа над Бэссё Нагахару и повторный захват провинции Харима стали завершающим этапом в борьбе с участниками третьей антинобунагской коалиции. Всего за десять лет такие коалиции создавались трижды. Первая сформировалась осенью 1570 года, в неё входили кланы Миёси, Асакура, Адзаи, храм Энряку и повстанцы района Нагасима. Вторая коалиция в частично изменённом составе начала складываться осенью 1572 года. К прежним противникам Асакура и Адзаи на северо-востоке добавились сёгун Ёсиаки в центре, храм Исияма-хонган на юге и Такэда Сингэн на востоке. Образование третьей коалиции относится к 1576 году. В неё входили сёгун Ёсиаки и клан Мори на западе, храм Исияма-хонган на юге и Уэсуги Кэнсин на востоке. Начавшаяся война с Мори Тэрумото привела к серии измен и мятежей со стороны союзников Нобунага в районе Тюгоку, на подавление которых в общей сложности ушло 4 года. Теперь Хасиба Хидэёси мог вернуться к своей основной задаче — войне с кланом Мори за крайнюю западную часть острова Хонсю.

С мая 1580 года по октябрь 1581 года боевые действия велись в провинции Инаба. Здесь главная борьба развернулась вокруг стратегически важного замка Тоттори, домашней резиденции военного губернатора Ямана Тоёкуни (1548–1626). Он располагался на горе Хисамацу высотой 263 метра и держал под контролем ключевой региональный тракт Санъин. Захват Тоттори тоже стал одной из самых драматичных страниц в истории междоусобных войн.

Через 4 месяца после победы над домом Бэссё, 21 мая 1580 года, Хидэёси подошёл к замку и окружил его. Ямана Тоёкуни, до этого состоявший в союзе с Мори Тэрумото, сразу перешёл на сторону Нобунага, тем самым сохранив свои владения и контроль над замком. Однако не все в руководстве клана согласились с таким решением,

Ямана Тоёкуни

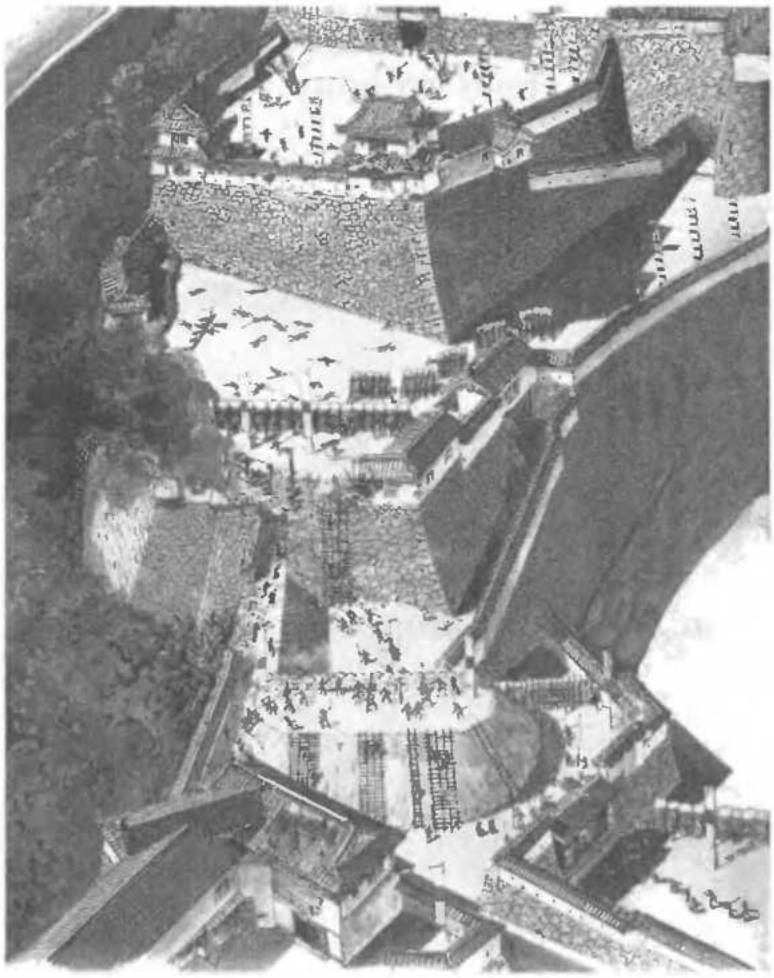
и после ухода Хидэёси в нём началась внутренняя борьба. Приближённые губернатора, тесно связанные с домом Мори, начали готовить заговор, во главе которого встали старейшины Морисита Доё и Накамура Харуцугу. В результате вооружённого мятежа 21 сентября 1580 года глава клана, едва избежав гибели, бежал в расположение Хидэёси. Победившие старейшины отправили гонца к Мори Тэрумото с сообщением о возврате замка и просьбой прислать опытного военачальника для его защиты. В ответ на эту просьбу в марте 1581 года в Тоттори прибыл 33-летний Киккава Цунэиэ (1547–1581) из провинции Ивами.

Узнав о мятеже старейшин и потере замка, Хидэёси начал готовиться к его повторному захвату. В июне, когда рис ещё не созрел, он отправил в Тоттори своего младшего брата Хидэнага с заданием выжечь окрестные поля, а весь прошлогодний рис скупить по завышенным ценам. Таким образом, из урожая прошлого и нынешнего годов в замок Тоттори почти ничего не попало. Зная, что противник не станет штурмовать стоявший на горе и хорошо укреплённый замок, а попытается взять его осадой, Киккава Цунэиэ своей главной задачей считал продержаться до ноября — после этого холода сильно затруднили бы действия Хидэёси.

Рядом с Тоттори протекала река Сэндай, впадавшая в Японское море — резервный водный путь для снабжения замка. Её берега защищали форты Маруяма и Кариганэяма,

а в устье располагалось ещё одно укрепление с небольшим речным флотом. С этими вспомогательными сооружениями и полуторатысячным гарнизоном замок Тоттори рассчитывал продержаться до наступления холодов.

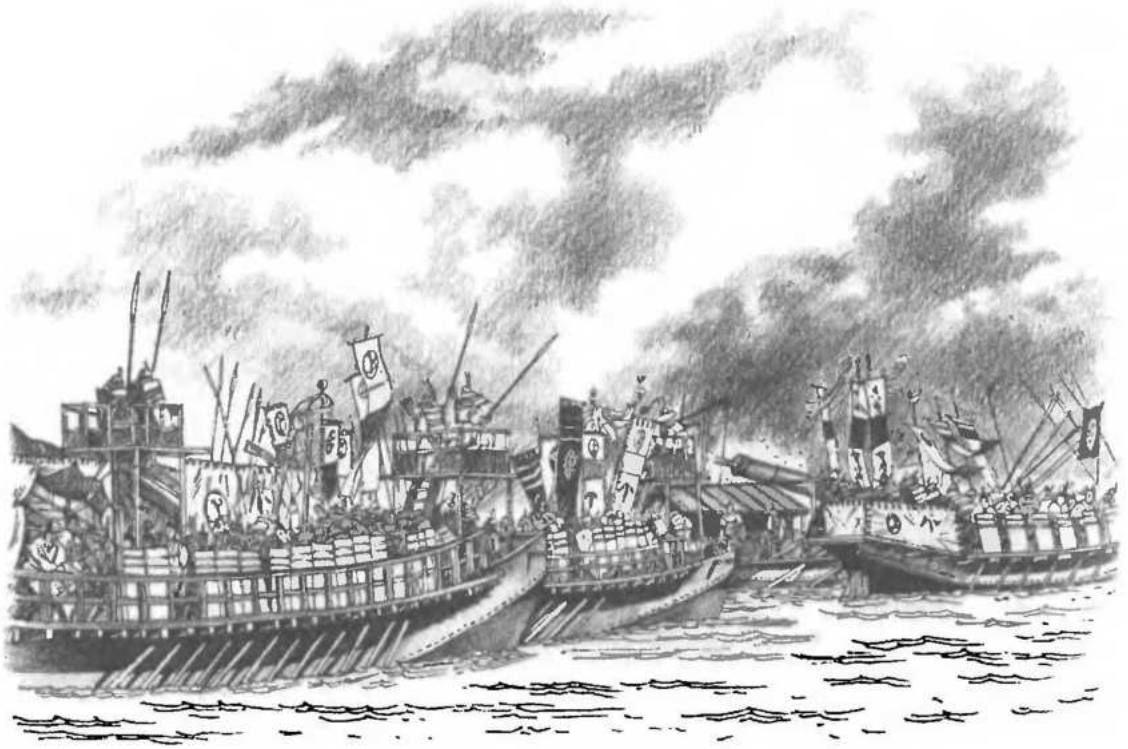
Двенадцатого июля Хидэёси с 20-тысячной армией подошёл к горе Хисамацу и окружил её. Как обычно, подготовка к осаде началась со строительно-земляных работ: вокруг горы была отсыпана насыпь и поставлена двойная изгородь с засеками общей протяжённостью около 12 километров. В устье реки Сэндай Хидэёси разместил флотилию под командованием Мацуи Ясуюки (1550–1612), которому были поставлены две задачи: во-первых, не допустить поставок продовольствия в замок Тоттори и, во-вторых, обеспечить снабжение своих частей всем необходимым.



Штурм неприступного замка

Со стороны Мори общее руководство обороной Тоттори осуществлял Киккава Мотохару, родной дядя Мори Тэрумото. Он отправил в окружённый замок флотилию с заданием прорвать морскую блокаду и доставить защитникам провиант. Двадцать третьего августа в устье реки Сэндай состоялся морской бой с флотом Мацуи Ясуюки, в результате которого были потоплены 65 гружённых рисом судов Киккава; таким образом, продовольственная помощь до замка не дошла.

Ода Нобунага получал от Хидэёси регулярные доклады о ходе операции; в одном из ответных писем он сообщал о намерении прибыть на место и взять командование на себя. В сентябре 1581 года Киккава Мотохару отправил на помощь осаждённому замку своего старшего сына Мотонага. Войдя в провинцию Хоки, он неожиданно столкнулся с сопротивлением со стороны Нандзё Мотоцугу (1549–1591), хозяина форта Уэси, которого незадолго до этого переманил на свою сторону Хидэёси. Идти вперёд,



Морской бой

имея за спиной противника, Мотонага не мог, поэтому был вынужден остановиться и начать осаду форта. На это ушло время, и помощь до Тоттори опять не дошла.

Тем временем ситуация в осаждённом замке ухудшалась. Помимо уничтожения и скупки рисового урожая Хидэёси перед началом осады распорядился сжечь в призамковом городе несколько кварталов и казнить часть жителей, чтобы вынудить остальных бежать под защиту крепостных стен замка. Из-за этого число его обитателей выросло до трёх с половиной тысяч человек, что должно было ускорить наступление продовольственного кризиса. После начала осады у нападавших наступил период безделья, и, чтобы скрасить досуг своим воинам, Хидэёси распорядился восстановить в городе торговый квартал с гейшами и чайными домиками. Торговля в дневное время и уличные представления по вечерам должны были ещё больше деморализовать голодающих защитников Тоттори.

Из-за наплыва горожан запасы продовольствия в замке закончились раньше, чем можно было ожидать, и уже к концу сентября в нём разразился жестокий голод с эпизодами каннибализма. Так прошло ещё три недели, и Киккава Цунэиэ наконец сообщил Хидэёси, что готов покончить с собой и сдать замок в обмен на сохранение жизни оставшимся. Хидэёси согласился, но потребовал, чтобы вместе с комендантом самоубийство совершили и двое старейшин дома Ямана, которые год назад устроили мятеж. Цунэиэ возразил — обороной замка командует он, а старейшины лишь выполняют его приказы, поэтому в данной ситуации не обязаны следовать воинскому кодексу. Впрочем, Морисита Доё и Накамура Харуцугу покончили с собой, не дожидаясь, чем закончатся дебаты. Двадцать пятого октября 1581 года Киккава Цунэиэ совершил *сэппуку*, и главные ворота замка Тоттори распахнулись перед Хидэёси. По воспоминаниям современников, многие из

его оголодавших обитателей умерли в первые же дни от безудержного переедания.

Перед тем как покончить с собой, комендант замка Киккава Цунэиэ написал три коротких письма — своему непосредственному начальнику, отцу и детям. Два последних были составлены 25 октября, в день самоубийства. С учётом того, что его дети ещё не знали иероглифов, адресованное им письмо было написано слоговой азбукой и простыми словами, без трудного слова *сэппуку*.

Господину Киккава Цунэкото

Мы все были готовы к смерти с того момента, как получили приказ выступить на защиту замка Тоттори. Для воина нет большей чести, чем отдать жизнь в борьбе Ода и Мори, двух лучших воинских домов страны. Уверяю Вас, что мы не забыли Вашу заботу и благорасположение, которыми пользовались все эти годы.

Меч Нагамицу[28] *прошу передать моему сыну Камэдзю.*

24 октября Цунэиэ

Отцу Киккава Цунэясу

Двенадцатого июля Хасиба Хидэёси подошёл к замку Тоттори с 20-тысячной армией и окружил его. Двести дней и ночей[29] *мы держим оборону, боеприпасы и продукты закончились. Я принял решение умереть, чтобы спасти много других жизней. Почитаю для себя честью сделать это во славу воинского дома Киккава.*

25 октября Цунэиэ

---

[28] Название мечей, изготовленных известной династией оружейников эпохи Камакура из провинции Бидзэн.

[29] Время со дня прибытия Цунэиэ в Тоттори в марте того же года.

Моим детям Атияко, Камэдзю, Камэго, Токуго

После 200 дней обороны замка Тоттори я принял решение умереть, чтобы спасти жизни других людей. Считаю для себя счастьем возможность сохранить в чистоте имя нашей семьи.

Девятый год Тэнсё. 25 октября Цунэиэ

Замок Тоттори был возвращён его бывшему хозяину Ямана Тоёкуни и стал важнейшим опорным пунктом Нобунага в прибрежной зоне района Тюгоку. Вслед за этим ещё несколько фортов сдались и перешли на его сторону; таким образом, провинция Инаба стала пограничной в войне с домом Мори. После Тоттори Хидэёси двинулся в соседнюю провинцию Хоки, на выручку форту Уэси, осаждённому отрядом Киккава Мотонага (1548–1587).

Памятник Киккава Цунэиэ

Источники ничего не сообщают о боях за этот форт, известно лишь, что вскоре Мотонага снял осаду и вернулся в провинцию Идзумо. Форт Уэси удалось отстоять, а подконтрольная Нобунага территория в районе Тюгоку расширилась до восточных уездов провинции Хоки.

Из Инаба Хидэёси двинулся на юг, к побережью Внутреннего моря. Здесь его интересовал форт Ивая на острове Авадзи, благодаря которому клан Мори контролировал морские подступы к столичному району. Перед нападением на форт Хидэёси выдал занимавшемуся морскими перевозками купцу по имени Ёитидзаэмон лицензию на беспошлинную перевозку товаров на всех подконтрольных Нобунага территориях, чем сразу завоевал симпатии местных судовладельцев. А месяц спустя он вместе с Икэда Мотосукэ (1558–1584) высадился на остров Авадзи и захватил форт Ивая. Двенадцатого декабря Хидэёси прибыл в Адзути и доложил Нобунага о своих результатах.

На встречу нового 1582 года в замок Адзути, как обычно, съехались все вассалы и союзники Нобунага. Пожалуй, никогда ещё воинская знать не собиралась в од-

Захват провинции Инаба

ном месте в таком количестве. Всех приглашённых предупредили, что для участия в торжествах необходимо приготовить по 100 *мон* (около 8000 иен на современные деньги). В сегодняшней Японии за участие в массовом мероприятии в большинстве случаев взимаются такие же взносы (*кайхи*, буквально «общественные расходы»). Программу о предстоящем мероприятии, в которой не было бы отдельной графы с таким названием, найти практически невозможно. Начиная от дружеской вечеринки и кончая публичной лекцией. Иногда *кайхи* нужны, иногда — нет, но в любом случае организаторы заранее извещают об этом своих гостей отдельным пунктом. Тем, кто сталкивался с этим японским правилом, будет любопытно узнать, что его истоки ведут во вторую половину XVI века и связаны с именем Ода Нобунага.

Главная новогодняя церемония проходила в центральной пагоде замка Адзути. Право первым поздравить Нобунага было предоставлено его старшему сыну Нобутада, за ним это сделали остальные родственники — второй сын Нобукацу, двоюродные братья Нагамасу и Нобуканэ. Вся дальнейшая процедура тоже была строго расписана — Нобунага хорошо знал, что ритуал дисциплинирует подчинённых, и умело им пользовался.

На Новый год хозяин замка получил много изящных и дорогих подарков, но всех превзошёл Хасиба Хидэёси, доставивший из провинции Харима двести *кособэ*[30] из дорогого китайского шёлка и множество женских украшений. Он и был объявлен главным героем прошлого года, но не из-за подарков, а благодаря победам, одержанным за два с половиной года боёв в провинциях Харима, Тадзима, Инаба и Хоки. В приветственном слове Нобунага особенно подчеркнул военный и организационный талант своего полководца, дважды проявленный им при захвате замка

---

[30] Время со дня прибытия Цунэиэ в Тоттори в марте того же года.

Тоттори, после которого провинция Инаба перешла под его контроль. Вручая Хидэёси чайный антиквариат и благодарственную грамоту, Нобунага назвал его «выдающимся полководцем, каких не знала история».

Получив полагающиеся почести, Хидэёси вернулся из Адзути в район Санъё, где на территории трёх провинций — Бидзэн, Биттю и Мимасака — продолжались боевые действия между силами Мори и Укита. Пятнадцатого марта 1582 года он выступил из Эхимэ к замку Такамацу, расположенному в 77 километрах западнее, на границе провинций Бидзэн и Биттю. Его 27-тысячная армия состояла из отрядов, набранных в пяти недавно захваченных западных провинциях — Харима, Тадзима, Инаба, Бидзэн и Мимасака.

Замком Такамацу владел местный военачальник Симидзу Мунэхару (1537–1582), вассал дома Мори и ровесник Хидэёси. Следуя своему обычному правилу, Хидэёси отправил к нему представителей с предложением сразу перейти на сторону Нобунага, пообещав за это две провинции, Биттю и Бинго. Это было более чем заманчивое предложение, но Симидзу учтиво принял посланца Хидэёси, поблагодарил за честь и отказался.

Восточную границу провинции Биттю от вторжения защищали «семь пограничных фортов» (*сакаимэ ситидзё*), гарнизоны которых состояли преимущественно из местных крестьян. Боевые действия Хидэёси начал с них, рассчитывая изолировать Такамацу, а затем взять его штурмом. Первая часть плана была успешно реализована: за неделю боёв, с 25 апреля по 2 мая, все вспомогательные форты перешли под контроль Хидэёси, и теперь можно было приступать к главной задаче.

Замок Такамацу располагался в низине и с трёх сторон был окружён непроходимыми болотами, а с четвёртой защищён водным рвом и высокой насыпью с множеством стрелковых вышек. Проведя рекогносцировку, командиры

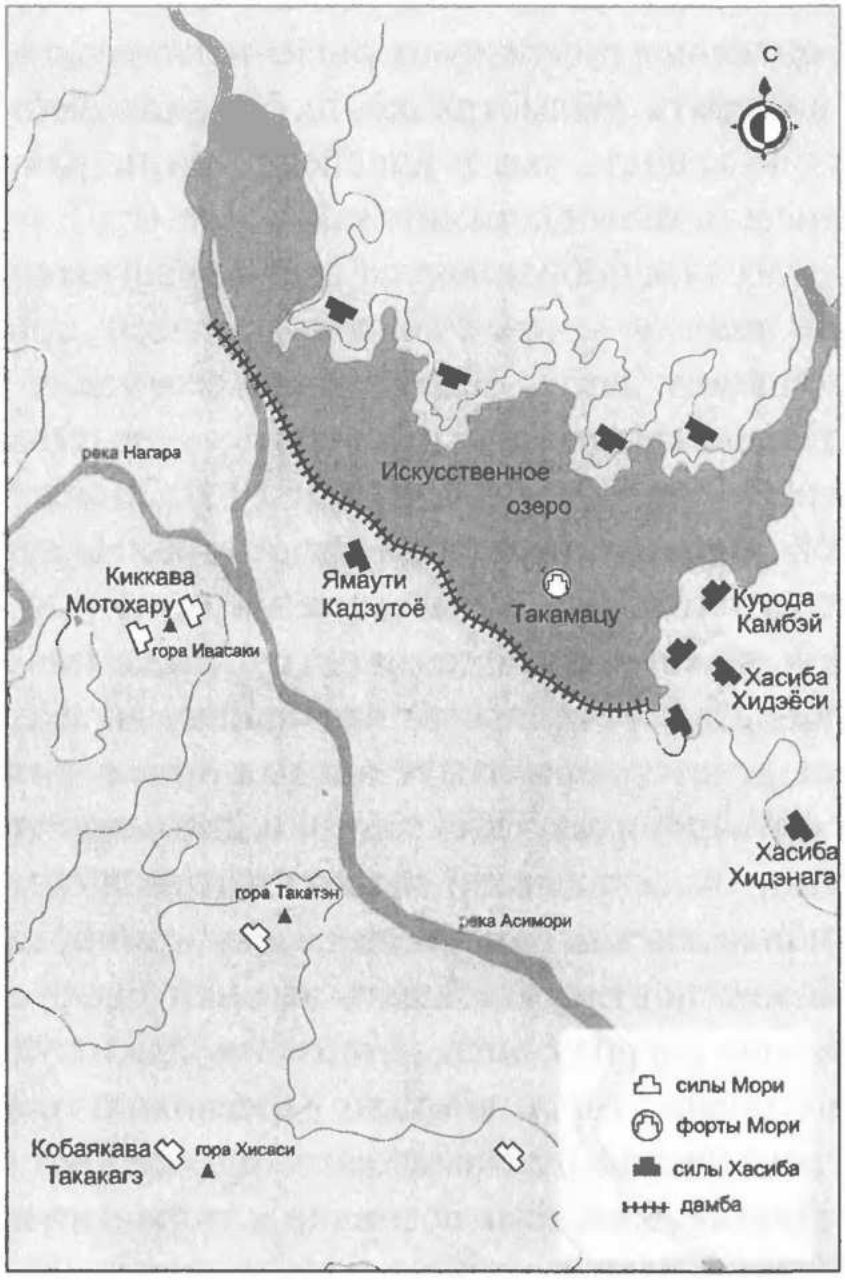
Хидэёси доложили, что подступы к замку не имеют слабых мест и взять его штурмом будет трудно. Но рядом протекала река Асимори, питавшая болотистую низину, и если её перегородить дамбой, то вода может стать союзником и затопить замок. Так родился план «водной атаки» (*мидзудзэмэ*). Говорят, что его предложил Курода (Ёситака) Камбэй (1546–1604), начальник штаба и главный военный советник Хидэёси. Три года назад Хидэёси отправил его на переговоры с восставшим против Нобунага Араки Мурасигэ. Посланник тогда был брошен в подземелье, провёл в нём почти год и чудом остался в живых. Из заточения он вышел полуживым калекой, который не мог ни ходить, ни стоять. Несмотря на это, Курода Камбэй сохранил полную ясность ума и впоследствии не раз выручал Хидэёси очень толковыми советами.

Восьмого мая собранные со всех окрестных деревень крестьяне вместе с пехотинцами Хидэёси приступили к строительству дамбы и закончили его через 19 дней. Работали в две смены, большую часть суток. Отсыпанная дамба имела 7 метров в высоту и от 10 до 20 метров в ширину, а её длина составила 2,8 километра. На строительстве было занято более 10 тысяч человек и около 30 крупных лодок, на которых подвозили грунт и камни.

В процессе строительства начальнику штаба Хидэёси пришлось решить несколько сложных инженерных задач. Насыпи в то время делались часто, и для ускорения работ в основание их укладывали соломенные вязанки, которые затем покрывались слоем земли сверху и по бокам. В болотистой местности укладывать вязанки было особенно трудно — они расползались, — поэтому для их удержания в землю с обеих сторон вбивали деревянные колья, которые, в свою очередь, тоже плохо держались во влажном грунте. Другая проблема возникла с основанием дамбы в русле реки. Укладываемые в него мешки и соломенные вязанки с землёй сносило течением, поэтому сначала при-

шлось сколотить несколько десятков плоскодонных лодок, нагрузить их тяжёлыми камнями и затопить, создав таким образом фундамент под дамбу.

Огромный объём работ был выполнен в кратчайшие сроки. Согласно источникам, затраты на строительство дамбы составили 635 тысяч *каммон* серебром — это годовой доход крупного военачальника в ранге *сэнгоку даймё*. Для сравнения: 17-летний Хидэёси в первый год службы у Нобунага получал 15 *каммон* в год.



Водный штурм замка Такамацу

Узнав об угрозе, нависшей над замком Такамацу, Мори Тэрумото вышел ему на помощь с 40-тысячной армией. Свой штаб он разместил в местечке Сарукава, в 20 километрах от Такамацу, и взял на себя общее руководство операцией, а непосредственно воевать с Хидэёси отправил Киккава Мотохару и Кобаякава Такакагэ («двоих *кава*», как их тогда называли). Получив известие о приближении превосходящих сил противника, Хидэёси запросил у Нобунага подкрепление.

Гибель Нобунага

События следующих двух недель с участием Хасиба Хидэёси стали одним из переломных моментов в японской истории, поэтому расскажем о них немного подробнее. Пятнадцатого мая в замок Нобунага с визитом вежливости прибыли Токугава Иэясу (1542–1615) и Анаяма Байсэцу (1541–1582). Месяц назад Нобунага одержал эффектную победу над своим давним противником Такэда Кацуёри (1546–1582). Одним из главных её героев стал Токугава Иэясу, добившийся перехода на сторону Нобунага Анаяма Байсэцу, родственника и ключевого союзника главы дома Такэда. После тяжёлого ратного труда оба военачальника с небольшой группой соратников вместе отправились отдохнуть в столичный район и по дороге заехали к Нобунага, чтобы поблагодарить за полученные от него владения.

Ответственным за приём важных гостей был назначен Акэти Мицухидэ. Он организовал доставку из Сакаи и Киото лучших блюд и морепродуктов, и 19 мая в храме Сокэн на территории замка Адзути состоялся большой званый ужин. Двадцать первого мая гости отправились в поездку по городам Киото, Нара, Сакаи; Акэти Мицухидэ

выделил им небольшой охранный эскорт. Двадцать девятого мая Токугава Иэясу и Анаяма Байсэцу прибыли в порт Сакаи, последний пункт своего путешествия.

Ещё до их отъезда из Адзути, 17 мая, Акэти Мицухидэ получил приказ собирать войско в принадлежавших ему провинциях Тамба и Танго и идти на помощь Хидэёси. Вернувшись к себе в Сакамото, он начал готовиться к походу.

В последний по лунному календарю день месяца, 29 мая, Нобунага рано утром выехал из Адзути и в 4 часа дня прибыл в столицу. Остановился, как обычно, в храме Хонно, принадлежавшем буддийской школе Нитирэн. В поездке его сопровождали лишь адъютанты и прислуга общей численностью не более ста человек.

Нобунага не был в столице с марта прошлого года, поэтому его приезд вызвал ажиотаж в аристократических кругах. На следующий день, 1 июня, в гостевом зале храма Хонно состоялся большой званый ужин, на котором присутствовала вся столичная знать: личные представители императора Каннодзи Цунэмото и Кадзюдзи Харэтоё, Великий министр двора Коноэ Сакихиса, регент Итидзё Утимото, Правый министр Нидзё Акидзанэ и другие высшие аристократы и священнослужители, всего около 40 человек. Гостям были продемонстрированы художественные раритеты, специально доставленные для этого из Адзути в Киото, — чайная утварь, картины, вазы и декоративные ширмы, всего 38 наименований.

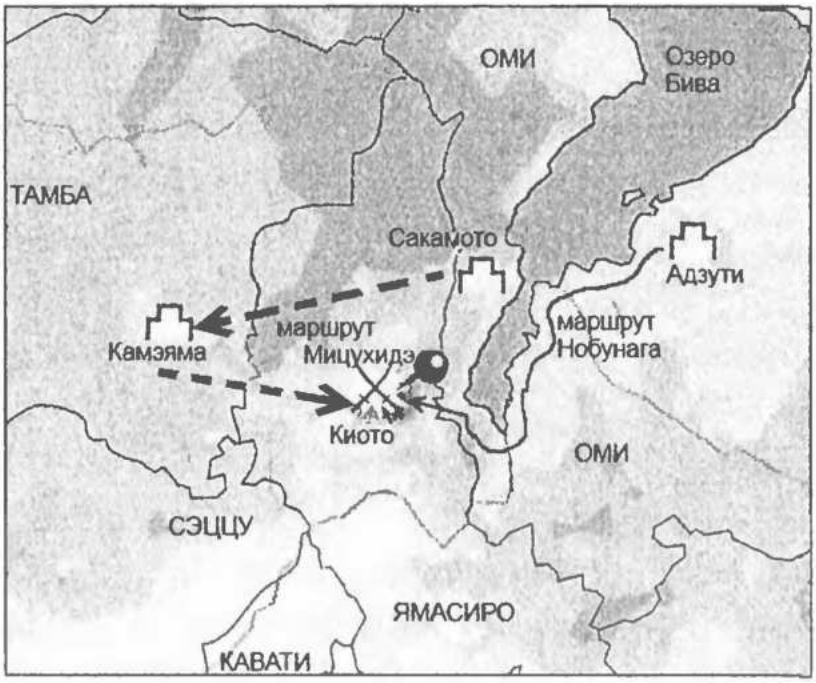
Порадовав взоры присутствующих антикварным великолепием, Нобунага пригласил всех к ужину, который закончился поздно вечером. Хозяин приёма был оживлён и гостеприимен. Рассказал о своей недавней победе над кланом Такэда и ближайших планах по захвату западной части Хонсю и острова Сикоку. По мнению биографа Ота Гюити, Нобунага планировал сам возглавить поход против Мори Тэрумото, чтобы затем сразу переправить-

ся на остров Кюсю и начать там боевые действия против местных кланов, среди которых особенно выделялся дом Симадзу, возглавляемый тремя взрослыми братьями. Гости внимательно слушали и понимали, что перед ними без пяти минут единовластный хозяин страны — ни один из оставшихся противников Нобунага уже не мог оказать реального сопротивления его армии, действовавшей одновременно на нескольких направлениях. В тот момент в северо-восточной части страны (современный район Тохоку) воевал Сибата Кацуиэ, в восточной (район Канто) — Такигава Кадзумасу, на западе (Тюгоку) — Хасиба Хидэёси, а на южный остров Сикоку буквально через несколько дней должен был отправиться его третий сын Нобутака с 14-тысячным экспедиционным корпусом. Кроме того, на востоке у Нобунага был многолетний проверенный союзник Токугава Иэясу. Расклад сил не оставлял сомнений в том, что произойдёт в ближайшие недели.

Владения Нобунага в 1582 году

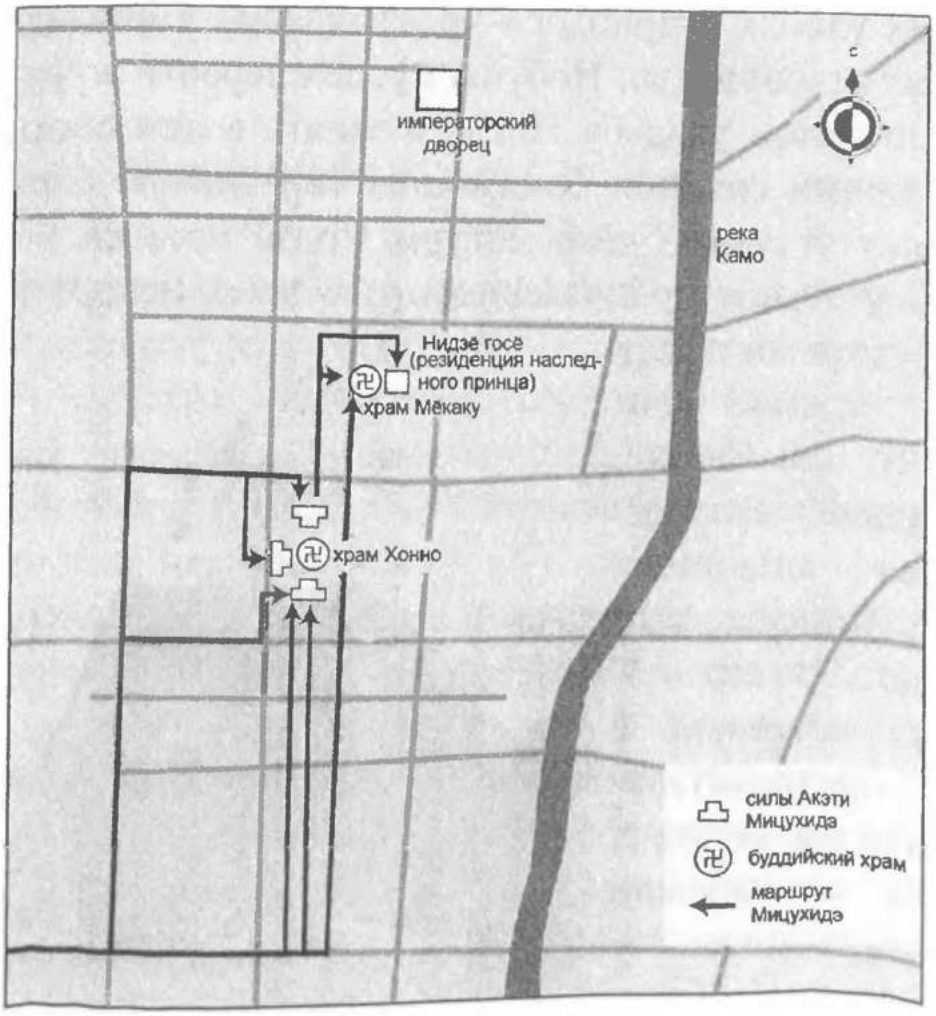
В тот же день, 1 июня, в четыре часа дня Акэти Мицухидэ собрал в Камэяма подчинённых командиров и сообщил им, что главнокомандующий распорядился прибыть в столицу для последнего смотра. В шесть часов вечера 13 тысяч воинов походным маршем вышли из форта Камэяма; им предстояло пройти 26 километров, отделявших их от столицы.

Нобунага проснулся 2 июня в шесть часов утра от какого-то шума снаружи. О том, что произошло в то утро в храме Хонно, известно из хроники *Синтё коки*. Ота Гюити пишет, что первая мысль Нобунага была об очередной городской драке. Но когда послышались выстрелы, его 17-летний адъютант Мори Раммару сбегал к воротам и доложил, что видел людей Акэти Мицухидэ. Со словами *дзэхи ни оёбадзу* Нобунага взял лук и выбежал во двор. Письменное выражение *дзэхи ни оёбадзу* означает примерно то же, что в современном японском языке *сиё га най* или *сиката га най*. Вариантов перевода может быть несколько: «тут уж ничего не поделаешь», «что есть, то и есть», «чему быть, того не миновать» и т. п.



Маршрут Акэти Мицухидэ

После нескольких выстрелов тетива лука лопнула, и Нобунага кинулся на нападавших с копьём, но вскоре был ранен в руку и бросил его. Вернувшись к себе, он велел прислуге выбираться из храма, а сам удалился в спальню и покончил с собой. Как это произошло, кто ему помогал и что сделал с телом, неизвестно. Вероятнее всего, свидетелем последних минут жизни Нобунага был его адъютант Мори Раммару (1565–1582), он же поджёг покои и спрятал (возможно, расчленив) тело Нобунага. Но Раммару вместе со своими двумя братьями погиб в то же утро, поэтому обстоятельства смерти первого объединителя Японии так и остались тайной. Всего в коротком бою у храма Хонно, длившемся менее часа, было убито около 50 человек из ближайшего окружения Нобунага.



Нападение на храм Хонно

Ода Нобунага

Ода Нобутада, старший сын и наследник Нобунага, тоже находился в столице и присутствовал на званом вечере, но остановился отдельно от отца, в соседнем храме Мёкаку, примерно в 600 метрах от Хонно. По плану Акэти Мицухидэ отца и сына должны были атаковать одновременно, но отряд его двоюродного брата Акэти Дзиэмон (1540–1582), отвечавшего за ликвидацию Нобутада, задержался на городских улицах и прибыл к храму Мёкаку с опозданием, поэтому старший сын Нобунага успел перейти в расположенную рядом усадьбу Нидзё и занять в нём оборону с несколькими сотнями ближайших соратников. Согласно дневнику *Токицунэ кёки*, штурм Нидзё начался в девятом часу утра и продолжался около часа. Вскоре рядом с Нобутада осталась лишь горстка воинов, и он понял, что пришёл его час. Призвав адъютанта Камата Синсукэ, сын Нобунага с его помощью покончил с собой, предварительно приказав поджечь усадьбу и надёжно спрятать его тело.

Ода Нобутада

Вместе с Нобутада погибли все его

адъютанты и телохранители, а также столичный градоначальник Мураи Садакацу (1520–1582) и два его сына. Закончив операцию, Акэти Мицухидэ приказал прочесать окрестные дома в поисках бежавших и найти тела Нобунага и его старшего сына, но этого сделать не удалось.

Неожиданная гибель Ода Нобунага мгновенно изменила ситуацию в столице — в Киото в тот же день началась «охота» на его сторонников, быстро перешедшая в массовые грабежи, которые продолжались ещё две недели. Спасаясь от них, многие жители вместе с семьями бежали из города в окрестные леса.

Преемник Нобунага

Акэти Мицухидэ

Находившийся в 200 километрах от столицы Хасиба Хидэёси узнал о смерти Нобунага невероятно быстро — вечером 4 июня, то есть через 60 часов после того, как всё случилось. Гонец, который принёс ему эту весть, должен был делать по 65–70 километров в день, что очень много даже для всадника.

Относительно того, как и почему это произошло, есть две версии. Согласно первой, Акэти Мицухидэ 2 июня отправил к Мори Тэрумото курьера с письмом, в котором сообщал о гибели Нобунага и предлагал объединить силы против его главных полководцев под знаменем изгнанного из столицы сёгуна Ёсиаки. В этом случае положение Хидэёси, лишённого обещанного подкрепления перед лицом превосходящих сил дома Мори, становилось безнадёжным. Вероятнее всего, по плану Мицухидэ он и

должен был стать первой жертвой намечавшегося союза. Однако по неизвестным причинам курьер Мицухидэ вечером 4 июня оказался в ставке Хидэёси, и он первым узнал о смерти Нобунага. По другой версии, ему сообщил об этом один из его подчинённых командиров, прислав своего человека.

На срочно созванном совете был утверждён план действий, составленный всё тем же начальником штаба Курода (Ёситака) Камбэй. Утром следующего дня Хидэёси предложил командованию Мори заключить мирное соглашение на следующих условиях: он снимает осаду Такамацу и разрушает дамбу на реке Асимори в обмен на символическое самоубийство хозяина замка Симидзу Мунэхару. Переговоры о мире Хидэёси вёл уже несколько недель, но больше для отвода глаз, чтобы выиграть время до подхода подкрепления. Теперь же он торопился и предложил командованию Мори очень выгодные условия: отказавшись от своих претензий на провинцию Биттю и половину Хоки, он вдобавок пообещал вернуть ранее захваченные провинции Инаба и Мимасака. Столь резкая перемена переговорной позиции могла бы насторожить штаб Мори, но этого не произошло. Предложение Хидэёси было принято, и мирный договор подписали в тот же день, 5 июня, после того как Симидзу Мунэхару, выплыв на лодке на середину образованного плотиной искусственного озера, совершил *сэппуку* на глазах у Хидэёси.

После подписания договора был отдан приказ разрушить построенную с таким трудом дамбу, и стороны начали готовиться к отходу. Утром следующего дня, 6 июня, до штаба Мори дошла информация о событиях в столице, но она была очень неточной. Согласно донесению, Нобунага был убит 1 июня вместе с сыновьями Нобутада и Нобутака в результате заговора, организованного Акэти Мицухидэ, его зятем Цуда Нобудзуми и Сибата Кацуиэ. Из сообщения следовало, что в данный момент столицу контроли-

руют крупные силы под командованием ведущих полководцев Нобунага, с которыми клан Мори воевать не хотел. В такой ситуации разумнее было отпустить Хидэёси, явно спешившего отомстить за своего командующего, и посмотреть, чем всё это закончится. Для провинциального, хотя и очень крупного клана, никогда не имевшего властных амбиций в столице, такой подход был вполне разумным и естественным. И даже сёгун Асикага Ёсиаки, несколько лет укрывавшийся во владениях Мори, не смог его переломить. Девятого июня старшие командиры Мори Тэрумото получили от опального сёгуна предписание немедленно выступить в провинцию Харима и начать боевые действия против Хидэёси, однако это распоряжение было проигнорировано.

Симидзу Мунэхару с вассалами (гравюра)

Убедившись, что лагерь Мори действительно снимается с места, Хидэёси тоже начал готовиться к отходу и после обеда 6 июня, то есть на следующий день после мирного соглашения, отправился в обратный путь, предусмотрительно оставив в арьергарде отряд для наблюдения за недавним противником. Он очень торопился, поэтому выслал вперёд конных порученцев с заданием расставить

вдоль дороги в деревнях, через которые проходил маршрут, крестьян с рисовыми колобками из варёного риса. Проходя через деревню, пехотинцы Хидэёси получали колобки из рук и ели их на ходу, не останавливаясь. Пройдя таким образом без единого привала 22 километра, они поздним вечером того же дня вошли в форт Нума. После захода солнца шли, освещая дорогу факелами. На следующий день на рассвете отправились дальше.

В пути армию нагнал командир арьергарда с сообщением, что Мори Тэрумото выполнил условия мирного соглашения и вернулся в свои владения. Опасность нападения с его стороны окончательно миновала, и теперь можно было идти вперёд без оглядки. В тот день на побережье Внутреннего моря обрушился мощный тайфун, но армия Хидэёси продолжала путь и совершила почти 24-часовой марш-бросок, не останавливаясь даже ночью. Идти было тяжело, поэтому большая часть пехоты сильно отстала, но к утру 7 июня головные отряды вошли в замок Химэдзи, где наконец можно было как следует передохнуть. Пехотинцы, прошагавшие 77 километров за последние 18 часов, упали и уснули мёртвым сном. На отдых им было дано 24 часа.

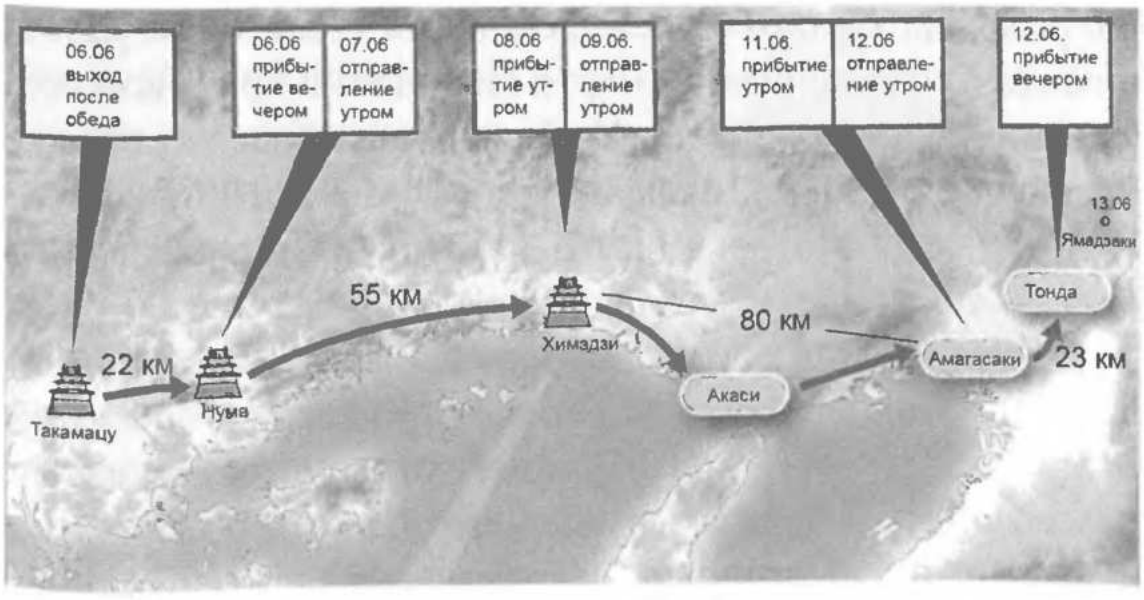
В замке Химэдзи хранилось 800 *рё* золотом, 750 *каммон* серебром и 85 тысяч *коку* риса. Только здесь Хидэёси через своих командиров впервые сообщил рядовому составу о гибели Нобунага и объявил о решении отомстить изменнику. В преддверии решающего сражения с Акэти Мицухидэ все хранившиеся в замке деньги были розданы командирам. Это было совсем не лишним с учётом того, что большинство из них в своё время присягали на верность Ода Нобунага и после его гибели вовсе не обязаны были воевать на стороне одного его полководца против другого.

Оставив в Химэдзи усиленный гарнизон на случай нападения кого-либо из союзников Мори или сёгуна Ёсиаки,

Хидэёси продолжил свой путь. Возможно, это одна из баек более позднего сочинения: вечером 8 июня его навестил местный священнослужитель-астролог и посоветовал перенести дату выхода из Химэдзи. «Завтра такой день: туда, откуда выходят, больше не возвращаются». На что Хидэёси вроде бы ответил: «Если не вернусь, это будет как раз то, что надо». Действительно, в случае победы над Акэти ему уже незачем было бы возвращаться в Химэдзи, поэтому вышли в путь, как планировалось, утром 9 июня.

Марш-бросок продолжился на пределе физических возможностей, и через три дня и две ночи, проведённых в Акаси и Амагасаки, Хидэёси вошёл в форт Тонда в окрестностях столицы. За шесть с небольшим суток его армия прошла пешим маршем 180 километров. По скорости этот переход считается одним из рекордов эпохи междоусобных войн.

Вторая и главная задача состояла в том, чтобы перед решающим сражением привлечь на свою сторону как можно больше союзников. Ещё в пути Хидэёси разослал письма командирам Нобунага и получил согласие от Икэда Цунэоки (1536–1584), Накагава Киёхидэ (1542–1583) и Такаяма Укон (1552–1615) из провинции Сэццу. Все они



Маршрут Хидэёси (6–12 июня 1582 года)

со своими отрядами должны были участвовать в высадке на остров Сикоку и находились в полной боевой готовности. В последний момент, буквально за несколько часов до начала сражения, к Хидэёси присоединились также Нива Нагахидэ и Ода Нобутака, также готовившееся к боевым действиям против клана Тёсокабэ на острове Сикоку.

Ликвидировав Ода Нобунага и его старшего сына, Акэти Мицухидэ покинул погрузившуюся в беспорядки столицу в тот же день, 2 июня, и направился в замок Адзути, где хранились все деньги и ценности Нобунага. Прежде всего средства были нужны для привлечения на свою сторону новых союзников. Семь лет назад через реку Сэта был построен редкий по тем временам капитальный деревянный мост длиной 320 и шириной 7 метров. Движение по нему контролировал хозяин соседнего форта Сэта, местный командир Ямаока Кагэтака (1525–1585). Узнав о событиях в столице и скором подходе Мицухидэ, Кагэтака поджёг мост, затем форт и вместе с младшим братом ушёл в горы. Не имея переправы, Мицухидэ был вынужден остановиться у реки. Он приказал в кратчайшие сроки восстановить мост, а сам отправился в расположенный поблизости домашний замок Сакамото. Оттуда он разослал крупным военачальникам столичного района письма с сообщением о смерти Нобунага и призывом присоединяться к его армии. Из ближайших соседей откликнулись потерпевший недавно поражение от Нобунага молодой Такэда Мотоаки (1562–1582) и главы враждебных ему домов Кёгоку и Ацудзи из северной Оми.

Через три дня мост через реку Сэта был восстановлен, и 5 июня войско Акэти Мицухидэ продолжило движение к замку Адзути. Узнав об этом, оставшийся на защите замка Кимура Такасигэ вышел ему навстречу и вступил в неравный бой, который быстро закончился поражением и гибелью отряда вместе с командиром. Мицухидэ вошёл

в бывшую резиденцию Нобунага, а его войско расположилось у подножия горы, в наполовину опустевшем призамковом городе. Все найденные в Адзути деньги и ценности Мицухидэ раздал подчинённым командирам — тем, кто участвовал в столичной операции, и тем, кто только что к нему присоединился. Его новые союзники легко захватили расположенные поблизости замки Нагахама и Саваяма, расширив зону безопасности вокруг Адзути. Таким образом, большая часть провинции Оми перешла под его контроль. Местные вассалы Нобунага были извещены о том, что его приказ о постоянном проживании в призамковом городе Адзути отменён и они могут вернуться в свои уделы. Многие из них разъехались по домам сами, как только узнали о смерти Нобунага, но теперь приказ Мицухидэ легализовал их самоуправство.

Судя по всему, Акэти Мицухидэ больше всего беспокоило северо-восточное направление, за которое отвечал Сибата Кацуиэ. Он считал, что из всех полководцев Нобунага у него наилучшие шансы первым подойти к столице и сразиться с ним. Об этом можно судить хотя бы по тому, что защищать замок Нагахама, стоявший на пути из Этидзэн в Киото, Мицухидэ отправил своего ближайшего соратника Сайто Тосимицу. Чисто географически Хасиба Хидэёси находился ближе к столице, но, как уже говорилось, Мицухидэ был уверен, что ситуация, в которую он попал в провинции Биттю, не позволит ему быстро выбраться оттуда.

Акэти Мицухидэ

Седьмого июня с поручением от наследного принца в Адзути прибыл близкий к императорскому двору синтоистский священнослужитель Ёсида Канэми (1535–1610). Он привёз для Мицухидэ письмо и рулон китайского шёлка в подарок. В письме принц сообщал, что в столице продолжаются грабежи, и просил его навести порядок. Радушно приняв императорского посланника, Мицухидэ пообещал ему выполнить просьбу.

Девятого июня он вышел из Адзути и отправился в столицу, оставив замок на своего племянника Акэти Хидэмицу. В пригородном местечке Сиракава собралась придворная знать, чтобы оказать ему достойный приём, но Мицухидэ отказался от церемоний и заехал в усадьбу Ёсида Канэми, где передал ему 500 *каммон* серебром для императора, по 100 *каммон* для главных столичных храмов и 50 монет — хозяину усадьбы.

В записях придворных аристократов, сделанных после 2 июня, о гибели Нобунага говорится коротко и в нейтральном плане, а сами они в течение недели несколько раз собирались на званые ужины — свидетельство того, что во дворце не очень скорбели по поводу безвременной кончины диктатора. Документальных свидетельств, по которым можно было бы судить об отношении 65-летнего императора Огимати к этому событию, не осталось. Императорский дом обычно занимал нейтральную позицию в военных конфликтах, поэтому Акэти Мицухидэ мог не опасаться решительного осуждения своих действий с его стороны. А вот сёгун Ёсиаки, без сомнения, должен был всячески его поддержать. Взяв под контроль столицу, Мицухидэ планировал объединить силы с главными противниками Нобунага — кланом Мори на западе и кланом Уэсуги на востоке. Владевший большей частью острова Сикоку клан Тёсокабэ тоже имел все основания войти в эту коалицию, будь она создана. Кроме того, опытный Акэти Мицухидэ знал, что гибель первого лица всегда со-

провождается бегством вассалов второго-третьего уровня и периферийных союзников, поэтому не сомневался, что многие местные предводители перейдут на его сторону.

Десятого июня Мицухидэ со своим войском встал лагерем в пригородном местечке Хорагатогэ, расположенном южнее Киото. Его главная задача в тот момент состояла в том, чтобы собрать вокруг себя как можно больше крупных военачальников из столичных провинций, но в ней было очень много неопределённого. В частности, неизвестны были намерения уже упоминавшихся Икэда Цунэоки, Накагава Киёхидэ и Такаяма Укон из провинции Сэццу. Их отряды, входившие в состав экспедиционного корпуса, сформированного для отправки на остров Сикоку, были готовы к боевым действиям и представляли наибольшую ценность. Ещё оставались Нива Нагахидэ

Выдвижение Хидэёси против Мицухидэ

(1535–1585) из Вакаса и Хатия Ёритака (1534–1589) из Идзуми; от их позиции тоже многое зависело. Как выяснилось позднее, все они встали на сторону Хидэёси.

Особые надежды Мицухидэ возлагал на своего соратника Цуцуи Дзюнкэй (1549–1584), хозяина провинции Ямато. Они оба служили Нобунага и 10 лет вместе воевали, но Дзюнкэй был на 20 лет моложе Мицухидэ, стоял ниже во внутренней иерархии и во время совместных действий выполнял его приказы. Поначалу Дзюнкэй откликнулся на призыв Мицухидэ и отправил к нему свой отряд, однако на следующий день отозвал его обратно. Шестого июня отряд был возвращён в распоряжение Мицухидэ, а девятого снова отозван в Ямато. Не зная, чем закончится мятеж его непосредственного начальника, Цуцуи Дзюнкэй лавировал, ежедневно меняя решения. Мицухидэ прекрасно понимал его манёвры, но ему требовалась определённость, поэтому 10 июня он отправил в Корияма курьера с требованием к подчинённому немедленно прибыть со своими людьми в Хорагатогэ. Но Дзюнкэй не сдавался — вначале он отказался принимать посланника Мицухидэ и задержал его на дальних подступах к своему замку, но на следующий день согласился с ним встретиться. И одновременно с этим отправил клятву верности Хасиба Хидэёси, пообещав ему свою поддержку. В тот же день, 11 июня, Дзюнкэй собрал в замке Корияма своих вассалов и взял с них такую же клятву, подписанную кровью. Таким образом, выбор между тем, кого поддержать — Акэти Мицухидэ или Хасиба Хидэёси, — был сделан в пользу последнего. Однако на деле присоединяться к Хидэёси он тоже не спешил и появился в его ставке лишь на следующий день после решающего сражения при Ямадзаки.

Так Акэти Мицухидэ потерял одного из двух главных потенциальных союзников. Вторая надежда — многолетний боевой соратник и родственник Хосокава Фудзитака (1534–1610), хозяин провинции Танго. Его старший сын

Тадаоки был женат на дочери Мицухидэ и приходился ему зятем. В отличие от Цуцуи Дзюнкэй отец и сын Хосокава сразу дали понять, что осуждают мятеж против Нобунага и не поддержат его. В связи с обострением отношений дочь Мицухидэ была помещена под домашний арест, а Хосокава Фудзитака отправил ему письмо с сообщением, что в знак траура по Нобунага принимает постриг и удаляется в монастырь. В доказательство своего решения он вложил в конверт с письмом прядь отрезанных волос. Девятого июня Мицухидэ отправил ему ещё одно письмо, на этот раз просительного содержания, но и оно не возымело действия. За 48 часов до сражения с Хидэёси стало ясно, что два ближайших соратника Мицухидэ с совокупным доходом в 300 тысяч *коку* риса (180 тысяч у Цуцуи, и 120 — у Хосокава) отказали ему в поддержке. Это был тяжёлый удар.

В этот момент пришло известие, которого Мицухидэ ожидал меньше всего: одиннадцатого июня, всего через 9 дней после гибели Нобунага, Хасиба Хидэёси со своим войском вошёл в форт Амагасаки в 40 километрах южнее столицы. Это означало, что сражение с ним состоится в ближайшие дни и к нему нужно срочно готовиться. Как Хидэёси сумел выбраться из труднейшей ситуации в провинции Биттю, для Мицухидэ оставалось загадкой.

Хосокава Фудзитака

В день смерти Нобунага ближе всех к столице находился Ода (Камбэ) Нобутака, третий сын Нобунага, назначенный командовать операцией на острове Сикоку. Ставка

Нобутака располагалась в Сумиёси, а его главные советники Нива Нагахидэ, Хатия Ёритака и Цуда Нобудзуми стояли со своими отрядами неподалёку в соседних фортах. Экспедиционный корпус численностью в 14 тысяч человек был готов к отправке на остров Сикоку, когда пришло известие о смерти Нобунага. Корпус был набран за счёт дополнительной крестьянской мобилизации в разных провинциях и представлял собой довольно разношёрстное воинство. Третий сын Нобунага владел двумя уездами в провинции Исэ и не имел собственных крупных сил, поэтому людей набрали в разных провинциях, в том числе и в Тамба, которой управлял Акэти Мицухидэ. Узнав, что их хозяин ликвидировал Нобунага, крестьяне из Тамба дезертировали первыми, вслед за ними сбежали остальные. За два дня экспедиционный корпус рассыпался, как карточный домик.

Сибата Кацуиэ, которого больше всего опасался Акэти Мицухидэ, в день смерти Нобунага находился в провинции Эттю, за 350 километров от столицы. Он готовился к штурму замка Уодзу, который контролировали союзники Уэсуги Кагэкацу (1556–1623), на тот момент главного противника Нобунага на северо-востоке страны. На следующий день замок Уодзу был взят, и Кацуиэ праздновал победу, но пришедшее через несколько дней сообщение о смерти Нобунага мгновенно всё изменило — 8 июня в его лагере тоже началось дезертирство, и Кацуиэ был вынужден прекратить операцию. Опасаясь активизации Уэсуги и перехода на его сторону местного воинства, он ещё несколько дней оставался в укреплённом замке, а затем вернулся домой в Этидзэн. Здесь он провёл дополнительную мобилизацию и только после этого, 18 июня, выступил в столицу, когда там уже всё закончилось.

Такигава Кадзумасу, ещё один ключевой полководец Нобунага, узнал о его смерти через неделю, 9 июня. После разгрома клана Такэда он был назначен управителем про-

винции Кодзукэ в 460 километрах восточнее столицы и переехал туда жить вместе с семьёй. Став региональным наместником, Такигава получил большие полномочия, но его собственные силы были невелики — соседний клан Ходзё по мобилизационным возможностям был намного сильнее. Да и местные военачальники продолжали соблюдать прежние договорённости и не торопились проявлять лояльность новому назначенцу. Исходя из соотношения сил, дом Ходзё сразу после смерти Нобунага начал боевые действия против Такигава и 19 июня разгромил его в бою на реке Канна.

Токугава Иэясу в день гибели Нобунага находился в 70 километрах южнее столицы, в портовом городе Сакаи, всего лишь с тридцатью приближёнными. В начавшейся повсюду неразберихе его главной задачей стало добраться до дома живым. Пройдя горными тропами через опаснейшую провинцию Ига, в которой тоже начался передел местной власти, Иэясу вышел на побережье и на торговом

Расположение сил Нобунага 2 июня 1582 года

судне добрался до своего замка Хамамацу. Здесь он оперативно собрал все наличные силы и 14 июня двинулся к столице, но через два дня в пути получил сообщение, что Хасиба Хидэёси его опередил и первым дал бой Акэти Мицухидэ. Иэясу пришлось вернуться домой.

Быстрое возвращение Хидэёси застало Акэти Мицухидэ врасплох. Узнав, что противник совсем рядом, он отказался от своего первоначального намерения взять под контроль столичную провинцию Кавати и пополнить войско за счёт местных командиров — на это уже не было времени. Выдвинувшись навстречу Хидэёси, он встал лагерем у форта Сёрюдзи, в 12 километрах юго-западнее Киото, явно стремясь избавить столицу от ещё одного сражения, пожаров и беспорядков. Место для предстоящего боя он выбрал на границе провинций Сэццу и Ямасиро, в местечке Ямадзаки, что у подножия горы Тэнно высотой 270 метров. Гора прикрывала южный вход на равнину, где располагалась столица, а рядом с ней протекала река Ёдо с низкими болотистыми берегами, которые по плану Мицухидэ должны были затруднить манёвры армии Хидэёси.

В борьбе за более выгодную позицию на склоне горы Тэнно передовые отряды двух армий столкнулись накануне основного сражения, 12 июня. Короткая стычка закончилась победой присоединившихся к Хидэёси за сутки до этого отрядов под командованием Икэда и Накагава. Оттеснив противника, они продвинулись вперёд, дошли до храма Сёрю, расположенного всего в 600 метрах от ставки Мицухидэ, и подожгли небольшое храмовое поселение. Но Мицухидэ, занятый подготовкой к главному сражению, никак не отреагировал на противника, едва не атаковавшего его штаб. Этот успех позволил командирам Хидэёси занять перед боем более выгодную позицию, на которой гора Тэнно и река Ёдо стали естественными фланговыми прикрытиями.

Главное сражение состоялось на следующий день, 13 июня. К полудню противники встали друг против друга, разделённые небольшой речкой Эммёдзи в месте её впадения в Ёдо. Точная численность армий неизвестна; считается, что у Хидэёси было от 30 до 36 тысяч человек, у Мицухидэ — около 16 тысяч. В 4 часа дня передовые отряды Мицухидэ атаковали расположившиеся у подножия горы части Хидэёси под командованием Накагава и Микода и начали их теснить. Им была поставлена задача вернуть утраченную накануне выгодную позицию на

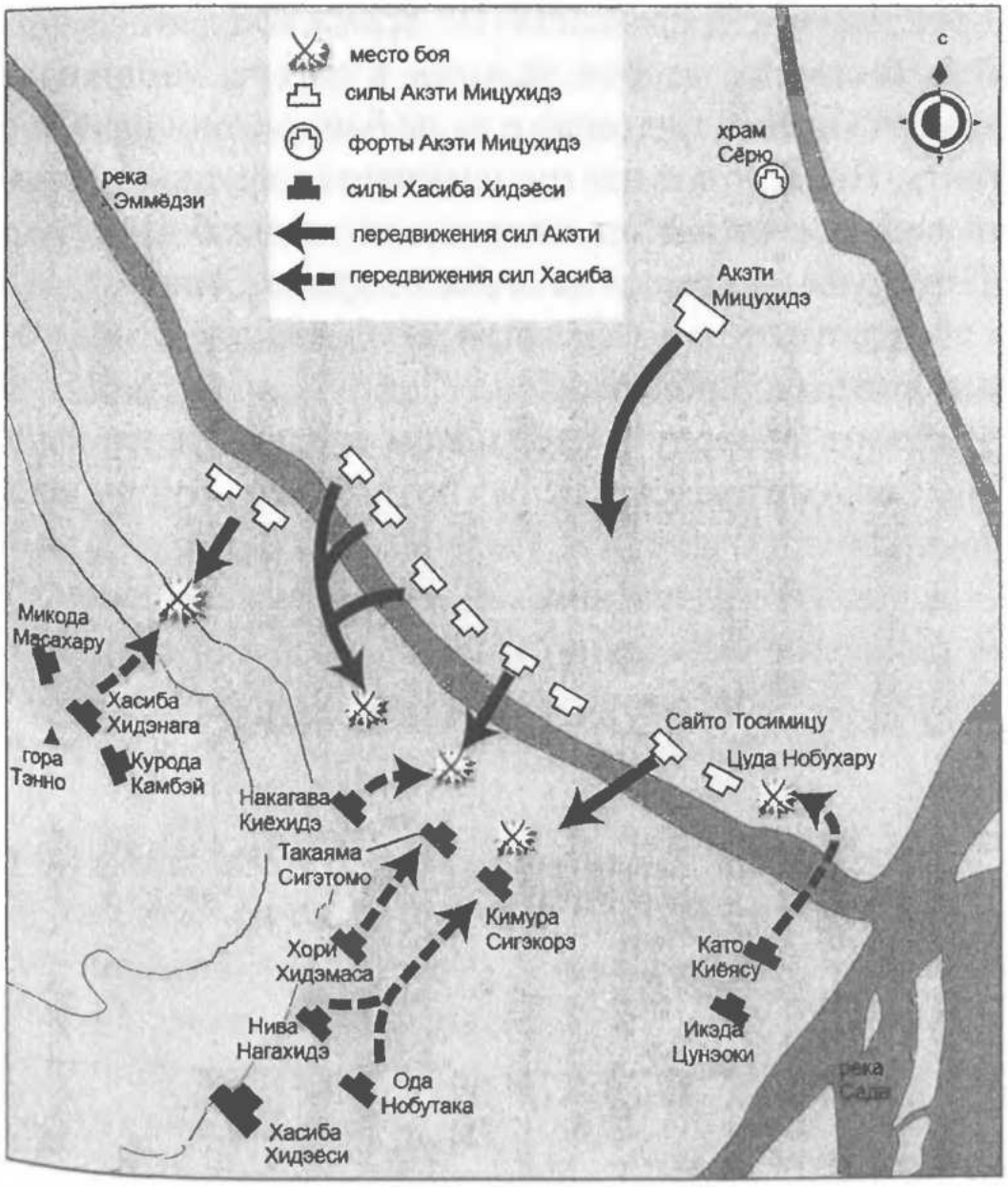


Схема сражения при Ямадзаки

склоне горы. Одновременно с этим на северном фланге перешли через Эммёдзи и пошли в атаку части Мицухидэ под командованием Намикава и Мацуда, потеснив Хасиба Хидэнага и Курода Камбэй. Хидэёси некоторое время выжидал, давая бою разгореться. Убедившись, что противник теснит его на северном фланге и, похоже, увлекся успехом, он ввёл в бой 5-тысячный конный резерв на южном крыле. Конница форсировала речку и атаковала 2-тысячный отряд Цуда Нобухару, который начал медленно отступать. Одновременно с этим на центральном участке вступили в бой свежие силы Нива Нагахидэ, и это решило исход сражения. Во время контратаки погиб Сайто Тосимицу, второй человек в лагере Мицухидэ, и его смерть внесла смятение в ряды бойцов, они начали отступать. Видя, что в центре намечается крупный прорыв противника, Акэти Мицухидэ вместе со штабом отступил из Гоходзука и укрылся за стенами храма Сёрю. Сюда же стали подходить и другие отряды, бежавшие с поля боя. Сражение было проиграно.

Держать оборону в небольшом и плохо укреплённом храме Сёрю не представлялось возможным. Той же ночью Мицухидэ ушёл из него с несколькими ближайшими соратниками и направился в свой замок Сакамото, но по дороге подвергся нападению местных крестьян, вышедших на «охоту за проигравшими». В коротком ночном бою он был то ли убит, то ли ранен и покончил с собой — это неизвестно.

Место гибели Акэти Мицухидэ сегодня находится в городской черте Киото, это квартал Огурусу в административном районе Фусими. Крестьяне, не знавшие, на кого напали ночью, утром вернулись на место и обнаружили обезглавленное тело Мицухидэ, которое опознали по гербу на доспехах. Его голову позднее нашли в стороне закопанной в землю. Соратники Мицухидэ постарались сделать так, чтобы она не досталась противнику, но кре-

стьяне знали эти воинские уловки, и через три дня голова была доставлена Хидэёси и выставлена в Киото рядом с храмом Хонно. Ранее туда же была отправлена голова Сайто Тосимицу.

Семья Акэти Мицухидэ — жена, дочь и 13-летний сын Мицуёси — всё это время оставалась в замке Сакамото. Мальчик был единственным наследником 54-летнего военачальника, до этого у него рождались только дочери. Племянник полководца Акэти Хидэмицу (1536–1582) после боя при Ямадзаки вернулся в Сакамото в надежде спасти семью дяди, но через два дня замок был окружён. Хироко, жена Мицухидэ, раздала прислуге все деньги и ценности, а затем велела Хидэмицу убить её и сына. Выполнив распоряжение хозяйки, он приказал поджечь замок и покончил с собой.

Акэти Мицухидэ потерпел поражение, и его род прекратил существование, хотя изначально его план вовсе не выглядел безнадёжным. Со временем стало понятно, что он совершил несколько ошибок. Первая состояла в том,

Гибель Акэти Мицухидэ (гравюра)

что он не сумел предъявить столице главные доказательства своего успеха на начальном этапе — головы Нобунага и его старшего сына. В то время самая надёжная информация о результатах боевых действий исходила из столичных кварталов Рокудзё-кавахара и Аватагути, где выставлялись головы побеждённых. Благодаря этой публичной демонстрации победители становились героями и привлекали множество новых сторонников. Головы Нобунага и его наследника не были предъявлены столичной общественности, и это сильно сказалось на последующих усилиях Акэти Мицухидэ. В частности, дало возможность его противникам спекулировать на недостоверности слухов об их гибели.

Другая ошибка состояла в промедлении с занятием замка Адзути, главной резиденции Нобунага, которая прочно ассоциировалась у воинской элиты с высшей властью. Не сумев в тот же день переправиться через реку Сэта, Мицухидэ был вынужден вернуться к себе в Сакамото и рассылать письма оттуда. Но для потенциальных союзников призыв из Сакамото звучал не так убедительно и авторитетно, как если бы он исходил из Адзути. Мицухидэ занял главный замок Нобунага только 5 июня, и эти потерянные три дня дорого ему обошлись. За это время Хидэёси сумел заключить мир с домом Мори и начал свой марш-бросок на столицу.

Третьим важным фактором стала верность большинства вассалов и союзников Нобунага его стратегии и их готовность поддержать того, кто объявил себя его мстителем. Тот факт, что даже такие близкие соратники, как Хосокава Фудзитака и Цуцуи Дзюнкэй, в решающий момент дистанцировались от Акэти Мицухидэ, говорит о многом. По всей видимости, разница в масштабах личности Нобунага и Мицухидэ сыграла в этом свою роль.

Гораздо большего Акэти Мицухидэ сумел добиться в деле установления контактов с императорским домом

и столичной аристократией. Вероятнее всего, он рассчитывал, что поддержка императора и сёгуна станут решающим фактором в повышении его политического авторитета и обеспечат приток новых союзников. Возможно, этот расчёт и оправдался бы, но Акэти Мицухидэ просто не хватило времени.

Сибата Кацуиэ

Двадцать седьмого июня 1582 года, через две недели после сражения при Ямадзаки, в родовом замке Ода состоялась встреча, известная в японской истории как совещание в Киёсу (*Киёсу кайги*). На нём обсуждались два главных вопроса: об официальном преемнике Нобунага и распределении его земель. По своему значению совещание в Киёсу было не менее важным событием, чем сражение при Ямадзаки, — от его итогов во многом зависел дальнейший расклад сил в борьбе за наследие Нобунага.

Достоверно известно, что во встрече участвовали четыре человека: Сибата Кацуиэ, Хасиба Хидэёси, Нива Нагахидэ и Икэда Цунэоки. В некоторых источниках содержатся упоминания о большем числе участников, но они считаются не вполне надёжными. Такигава Кадзумасу, также входивший в число главных полководцев Нобунага, в этой встрече не участвовал. Причина неизвестна: либо просто не успел приехать, либо не участвовал сознательно, поскольку накануне потерпел поражение от дома Ходзё.

В негласной табели о рангах на первом месте среди участников встречи стоял 60-летний Сибата Кацуиэ. Потомственный вассал семьи Ода, он уже в 30 лет занимал пост старейшины дома (*каро*) и последние 25 лет пользо-

вался полным доверием Нобунага. Хасиба Хидэёси был на 15 лет моложе и имел низкое происхождение, поэтому в авторитетности заметно уступал Сибата. Но он единолично победил Акэти Мицухидэ и отомстил за смерть Нобунага, что резко усилило его позиции на совещании, проходившем по правилам традиционной церемонии *ронко косё*, где слово победителя имело особый вес. К тому же три года назад бездетный Хидэёси взял на воспитание Хидэкацу, четвёртого сына Нобунага, и таким образом стал на шаг ближе к дому Ода. Негласная борьба за право считаться преемником Нобунага развернулась сразу после его смерти и привела к созданию двух лагерей во главе с Сибата Кацуиэ и Хасиба Хидэёси. Перед началом совещания в Киёсу все его участники понимали, кто с кем и за что будет бороться.

Находившийся всё это время в столице Хасиба Хидэёси лучше подготовился к дипломатическому раунду и заранее договорился о поддержке с Нива Нагахидэ и Икэда Цунэоки. Таким образом, в главном вопросе об официальном преемнике Нобунага Сибата Кацуиэ оказался один против троих. Он выступил первым и предложил утвердить преемником Нобунага его третьего сына Нобутака, с которым у него сложились хорошие личные отношения, но Хидэёси возразил: Нобутака в детстве был отдан на воспитание в дом Камбэ из провинции Исэ и по правилам того времени не мог считаться полноценным наследником. Так же как и Нобукацу, второй сын Нобунага, выросший в доме Китабатакэ. Кроме того, взрослые братья не ладили между собой, и назначение преемником третьего сына, минуя второго, грозило обернуться серьёзным конфликтом. Да и с очерёдностью их рождения было не всё ясно. Нобукацу (1558–1630) и Нобутака (1558–1583) были рождены двумя наложницами Нобунага в один год с небольшой разницей во времени, и, по некоторым сведениям, объявленный тре-

тьим сыном Нобутака на самом деле появился на свет на 20 дней раньше своего брата. Но в борьбе, которую женщины вели за положение своих детей, победила мать Нобукацу, и он был объявлен вторым сыном. Братья сильно различались характерами: честолюбивый, решительный и вспыльчивый Нобутака временами сильно напоминал отца и считался хорошим воином, в то время как Нобукацу такими качествами не обладал. Его невнятное поведение в первые дни после гибели отца и неучастие в сражении при Ямадзаки получили в воинской среде негативную оценку, поэтому при обсуждении кандидатуры преемника имя Нобукацу даже не упоминалось.

Приведя все эти аргументы, Хидэёси предложил соблюсти принцип старшинства и сделать преемником внука Нобунага, которому едва исполнилось 2 года. Тот факт, что мальчик по имени Сампоси (1580–1605) был первенцем старшего сына Нобунага, полностью соответствовал этому принципу. А опекуном мальчика он для компромисса предложил назначить Нобутака. Причина, по которой

Совещание в Киёсу. Хидэёси против Кацуиэ (гравюра)

Хидэёси выступал против взрослых сыновей Нобунага, вполне очевидна: в этом случае он должен был отказаться от собственных амбиций и до конца жизни служить кому-то из них. А личные амбиции появились у него сразу после 2 июня. Этим он и отличался от Сибата Кацуиэ, готового довольствоваться ролью ведущего полководца при сыне Нобунага, но не стремившегося к личной власти. Разница в планах и амбициях главных оппонентов была понятна всем участникам встречи. Нива Нагахидэ и Икэда Цунэоки поддержали предложение Хидэёси, и оставшийся в меньшинстве Сибата Кацуиэ был вынужден с ними согласиться.

Проиграв дебаты по первому пункту повестки, он получил полную компенсацию во втором. Сибата не участвовал в сражении при Ямадзаки и формально не мог претендовать на получение новых земель, но в этом вопросе Хидэёси пошёл ему навстречу, выделив обширные владения в северной части Оми, на границе с принадлежавшей Сибата провинцией Этидзэн. Вместе с землёй он уступил Сибата и свой домашний замок Нагахама, стоявший на главном тракте, ведущем из Этидзэн в столицу. С точки зрения назревавшего противоборства контроль над Нагахама давал Сибата тактическое преимущество. Понимая это, Хидэёси настоял на том, чтобы замок был передан не лично Кацуиэ, а его 26-летнему племяннику Сибата Кацутоё, с которым он надеялся справиться в случае необходимости.

Исконно домашние провинции Нобунага Мино и Овари были поделены между его сыновьями и внуком. Расширили свои владения также Нива Нагахидэ и Икэда Цунэоки. Хидэёси на правах победителя взял себе бывшие земли Акэти Мицухидэ и — что особенно важно — столичные провинции Кавати и Ямасиро, получив, таким образом, контроль над ключевым столичным районом.

Таблица

Распределение земель
по результатам совещания в Киёсу

	Прежние владения	Новые владения
Ода Сампоси (внук Нобунага)	---	Замок Адзути и часть уезда Саката в провинции Оми
Ода Нобукацу (второй сын Нобунага)	Южная часть провинции Исэ	Южная Исэ + провинция Овари
Ода (Камбэ) Нобутака	Северная часть Исэ	Провинция Мино
Сибата Кацуиэ	Провинция Этидзэн	Этидзэн + северная Оми
Нива Нагахидэ	Провинция Вакаса и часть уезда Саката	Вакаса + 2 уезда в Оми
Икэда Цунэоки	Замки Икэда и Ариока в провинции Сэццу	То же самое + замки Осака, Хёго, Амагасаки в провинции Сэццу
Хасиба Хидэёси	Провинция Харима и северная Оми	Провинции Харима, Кавати, Ямасиро и часть Тамба

После окончания встречи в Киёсу состоялось официальное представление наследника Ода Нобунага его вассалам и союзникам. Хидэёси вышел к ним с мальчиком на руках, и после представления участники церемонии склонились в почтительном поклоне; получилось так, что он был адресован не только малолетнему наследнику.

Внук первого объединителя Японии стал хозяином замка Гифу и владений с доходом в 130 тысяч *коку* риса. Через несколько лет, в день совершеннолетия, он получил высокий придворный ранг и был наречён именем Хидэнобу, в котором первый иероглиф указывал на связь с Хидэёси, а второй — с Нобунага. Впоследствии Ода Хидэнобу (1580–1605) вырос и занял своё место в воинской элите страны. В 1600 году 20-летний внук Нобунага по воле судьбы оказался в составе западной коалиции и на равнине Сэкигахара сражался против Токугава Иэясу. Вместе с западной армией он потерпел поражение и лишился всех своих владений, а ещё через пять лет умер от болезни.

Таким образом, за три недели июня 1582 года Хасиба Хидэёси резко усилил своё политическое влияние и превратился в одного из главных претендентов на то, чтобы стать преемником Нобунага, что вызвало тревогу в семье

Хидэёси с наследником Нобунага (гравюра)

и ближайшем окружении погибшего диктатора. Все прекрасно понимали, что его малолетний внук Сампоси — не более чем ширма для прикрытия честолюбивых устремлений находящегося в расцвете сил 45-летнего Хидэёси. В результате перераспределения земель подконтрольная ему территория сместилась на запад, и теперь его единственной домашней резиденцией стал замок Химэдзи в провинции Харима, отстоящий от столицы более чем за 100 километров. Борьба с соратниками, и в первую очередь с Сибата Кацуиэ, не обещала скорой победы и требовала надёжного опорного пункта в столичном районе. Поэтому летом того же года Хидэёси начал укреплять форт Ямадзаки на горе Тэнно, где он победил Акэти Мицухидэ. Это был типичный горный форт, расположенный на высоте 250 метров, и его выбор говорит о том, что Хидэёси начал думать о предстоящем выяснении отношений с Сибата сразу после совещания в Киёсу. Его приготовления не остались незамеченными и ускорили размежевание сторон.

Принятые в Киёсу решения вызвали глубокое недовольство и раздражение Нобутака, третьего сына Нобунага. Сразу после гибели отца и старшего брата он действовал очень энергично, хотя и необдуманно — решив, что его двоюродный брат Цуда Нобудзуми (1555–1582), приходившийся зятем Акэти Мицухидэ, тоже состоит в заговоре, Нобутака со своими людьми напал на него и убил. Брат был объявлен заговорщиком, а его голова выставлена в столице, хотя не осталось никаких свидетельств того, что Цуда Нобудзуми имел хоть какое-то отношение к измене тестя. Расправившись с братом, Нобутака с остатками экспедиционного корпуса присоединился к Хидэёси и помог ему победить Акэти Мицухидэ, поддержав таким образом честь семьи. Тем не менее собравшиеся в родовом замке Ода чужие люди лишили его права наследования, и с этим честолюбивый 25-летний командир никак не мог

смириться. После распада экспедиционного корпуса в его распоряжении осталось всего 4 тысячи человек. С такими силами нечего было и думать о том, чтобы бросить вызов Хидэёси, поэтому все надежды Нобутака связывал с поддержавшим его кандидатуру Сибата Кацуиэ. Для укрепления союза Сибата следовало связать с домом Ода родственными узами.

Последние 9 лет в провинции Исэ жила Оити, младшая сестра Ода Нобунага, вместе с тремя дочерьми, оставшимися с матерью после гибели их отца Адзаи Нагамаса. Нобутака встретился с ней и предложил заключить политический брак с Сибата Кацуиэ, авторитет и сила которого могли спасти положение семьи. Ради высокой цели Оити согласилась. Брак был заключён летом 1582 года в замке Гифу, после чего супруги уехали в провинцию Этидзэн. Жениху в тот год исполнилось 60 лет, невесте — 35.

На совещании в Киёсу было принято решение, что Сампоси как официальный наследник Нобунага должен жить в его замке Адзути, а отвечать за безопасность мальчика и управлять землями с доходом в 250 тысяч *коку* риса было поручено Хори Хидэмаса (1553–1590), одному из соратников Хидэёси. Однако сразу после совещания Нобутака увёз племянника в Гифу и оставил его у себя. Хидэёси потребовал выполнить принятое решение и отправить мальчика в Адзути, но получил отказ. С точки зрения интересов Нобутака эта конфронтация не имела никакого смысла и, вероятнее всего, была продиктована чувством протеста и нежеланием подчиняться человеку, взявшему курс на узурпацию отцовской власти. Тем не менее конфликт произошёл, и Нобутака начал готовиться к боевым действиям.

В ответ на политический брак Сибата и его сближение с домом Ода Хидэёси ответил организацией в столице официальных похорон Нобунага. Они состоялись 18 октября. Тело Нобунага так и не было найдено, поэтому

центральное место в траурной церемонии занимал пустой гроб. Отпевание проходило в буддийском храме Дайтоку при большом стечении народа, с участием всех вассалов и союзников Хидэёси. Пышные посмертные почести, публично возданные Ода Нобунага, и демонстрация огромного войска не оставляли сомнений в том, что Хидэёси ещё раз позиционирует себя в качестве преемника. Понимая это, Сибата Кацуиэ и Нобутака отказались участвовать в церемонии, хотя приглашения им были посланы. Чтобы поддержать уровень легитимности мероприятия, Хидэёси сделал формальным распорядителем похорон 14-летнего Хидэкацу, четвёртого сына Нобунага, три года назад взятого им на воспитание. Как любое массовое событие, траурная церемония привлекла большое внимание и стала темой многочисленных слухов и обсуждений как в самой столице, так и за её пределами. В общественном мнении Хидэёси сделал ещё один шаг на пути к тому, чтобы считаться преемником Нобунага.

Во второй половине октября Сибата Кацуиэ в письме на имя Хори Хидэмаса обвинил Хидэёси в нарушении обязательств, принятых на совещании в Киёсу. Напряжение между двумя лагерями нарастало, и лишь приближающаяся зима удержала соперников от немедленного выяснения отношений. В ноябре Кацуиэ отправил к Хидэёси своих союзников Маэда Тосииэ, Канамори Нагатика и Фува Кацумицу с предложением о взаимном ненападении. Это был манёвр с целью выиграть время, который Хидэёси без труда разгадал и использовал в своих целях. Неизвестно, о чём он говорил с посланниками Кацуиэ, но полгода спустя, в решающий момент сражения в Сидзугатакэ, всё трое командиров проявили на поле боя удивительную пассивность, а потом и вовсе его покинули. Судя по тому, что сразу после этого Маэда Тосииэ вошёл в узкий круг доверенных лиц Хидэёси и получил важнейший пост столичного наместника, именно он сыграл главную роль в тай-

ных переговорах. Современники не зря называли Хидэёси искусителем (*хитотараси*) и мастером переманивания людей на свою сторону.

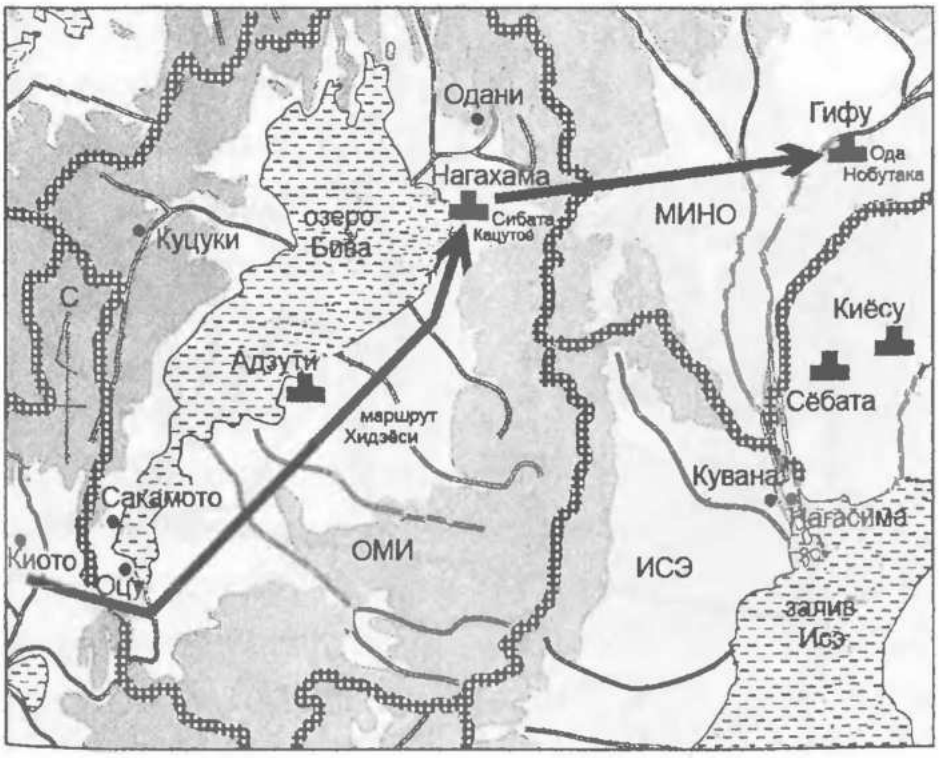
Свой следующий шаг он предпринял против Нобутака, окончательно обозначившего свою позицию. Седьмого декабря Хидэёси с 50-тысячной армией вышел из столицы и направился в Гифу. По пути он остановился у своего бывшего замка Нагахама и предложил племяннику Сибата Кацуиэ добровольно перейти на его сторону. Не имея ни возможности, ни желания сопротивляться, Сибата Кацутоё, к тому времени уже серьёзно болевший, был вынужден согласиться. Замок Нагахама вернулся к бывшему хозяину, а его гарнизон пополнил армию Хидэёси. Потеря стратегически важного укрепления на пути из провинции Этидзэн в столицу заметно ухудшила позиции Сибата.

Сдав замок, Сибата Кацутоё формально стал союзником Хидэёси, но воевать на его стороне против родного дяди он тоже не мог, потому уехал лечиться в Киото. Через две недели, 20 декабря, Хидэёси подошёл к Гифу и окружил замок Нобутака. Ещё полгода назад они вместе сражались против Акэти Мицухидэ, а теперь стали противниками. Третий сын Нобунага хотя и походил темпераментом на отца, но явно уступал ему в стратегическом мышлении. Бунт против Хидэёси в это время года был большой ошибкой. Связанный договором о ненападении, Сибата Кацуиэ не мог прийти на помощь своему союзнику, а Такигава Кадзумасу, также примкнувший к Сибата и Нобутака, не решился в одиночку выступить против Хидэёси. Не имея собственного войска, Нобутака сдался без боя и согласился оставить в заложниках у Хидэёси свою мать и дочь.

Выполняя решения встречи в Киёсу, Хидэёси отправил внука Нобунага в замок Адзути и объявил трудовую мобилизацию на строительство для него отдельной усадьбы. Вскоре Сибата Кацуиэ получил от него письмо с просьбой разрешить вырубку леса на границе провинций

Оми и Этидзэн для заготовки древесины под новое строительство. Отказать наследнику Кацуиэ не мог, и Хидэёси этим воспользовался, приказав валить деревья и складывать их вдоль тракта кронами на север. Впоследствии они были использованы для быстрого создания засек, непроходимых ни для конницы, ни для пехоты. Рубка деревьев производилась вдоль основного тракта, как раз там, где Хидэёси запланировал поставить препятствия и остановить продвижение Сибата к столице. Управившись с делами в провинции Оми, он забрал заложников Нобутака и отправился в замок Ямадзаки, где и встретил новый 1583 год.

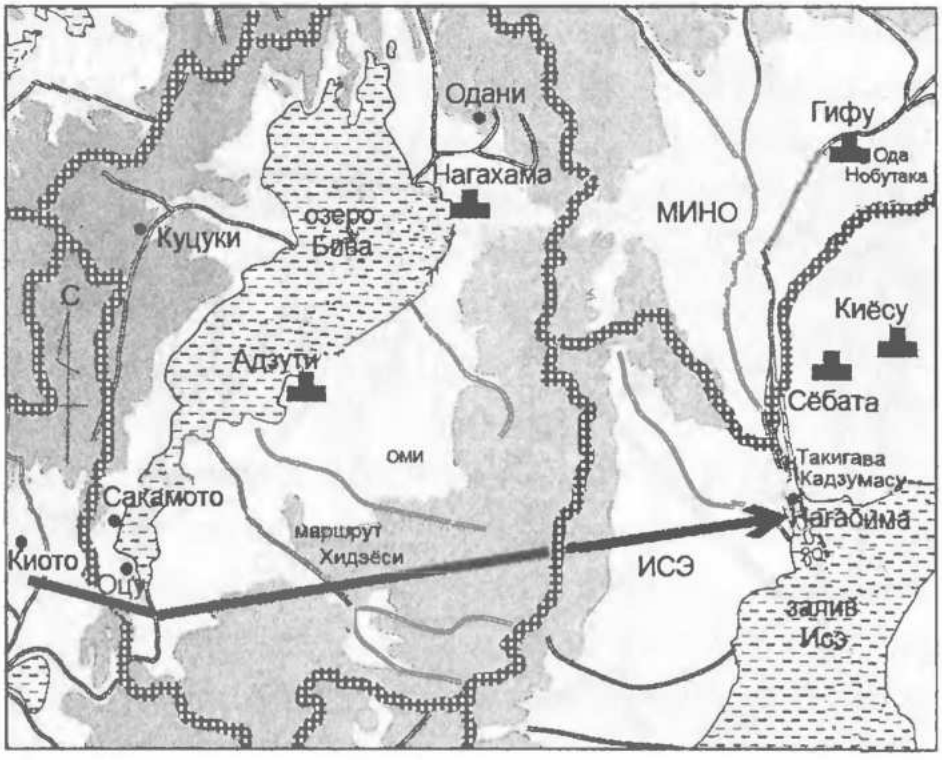
Сибата Кацуиэ тоже готовился к предстоящим баталиям. Списавшись с Такигава Кадзумасу на юге и Мори Тэрумото на западе, он предложил заключить удалённые союзы и с наступлением весны с трёх сторон атаковать Хидэёси. В письме от 13 февраля, адресованном Киккава Мотохару, он писал, что лучше уж восстановить сёгунат Асикага, чем допустить к власти безродного узурпатора



Поход Хидэёси против Нобутака

Хидэёси (*Киккава мондзё*). Повторялась ситуация, в которую много раз попадал Ода Нобунага, — противники заключали удалённые союзы и окружали его по периметру. Кацуиэ на севере, Нобутака на востоке и Кадзумасу на юге уже были готовы, осталось уговорить Мори Тэрумото поддержать их ударом с запада. Догадываясь об этих планах, Хидэёси решил действовать на опережение и разбить соперников поодиночке. Не дожидаясь окончания зимы, он собрал войско и в феврале вошёл в провинцию Исэ, северная часть которой принадлежала Такигава Кадзумасу, входившему в пятёрку ближайших соратников Нобунага. Как уже говорилось, весной 1582 года Такигава получил часть владений Такэда Кацуёри и вместе с семьёй переехал на восток, в провинцию Кодзукэ. Не участвовавший в совещании в Киёсу и недовольный его результатами, Такигава поддержал Сибата Кацуиэ в его борьбе с Хидэёси, с которым он и прежде не очень ладил.

Такигава был противник посерьёзнее, чем Нобутака, поэтому боевые действия в Исэ проходили трудно.



Поход Хидэёси против Такигава

Осада первого же форта Камэяма, который защищал Садзи Синсукэ, продолжалась с 16 февраля по 3 марта и потребовала больших усилий. Благодаря численному перевесу нападавших форт в конце концов был взят, но его командир вместе с частью гарнизона сумел бежать и присоединился к Такигава, занявшему оборону в замке Нагасима.

Узнав о выступлении Хидэёси, Сибата решил, что больше не может ждать, хотя в провинции Этидзэн ещё лежал глубокий снег. Он выступил в начале марта, бросив на расчистку снега перед движущейся армией всех местных крестьян. Медленно и с большим трудом войско продвигалось на юго-запад, к столице. По астрологическому календарю 1583 года на март пришёлся дополнительный тринадцатый месяц, поэтому сезон соответствовал началу апреля, однако из-за долгой и на редкость холодной зимы снег всё ещё не таял. Погодные условия Сибата не благоприятствовали.

Он переписывался с Киккава Мотохару и Кобаякава Такакагэ и, видимо, имел основания рассчитывать на их поддержку, хотя менее года назад эти командиры заключили с Хидэёси мирное соглашение. Сёгун Ёсиаки в одном из своих писем также убеждал Киккава Мотохару не медлить с выступлением против Хидэёси (Овада, 2006). Шла многосторонняя запутанная игра, в которой участники преследовали собственные интересы и не всегда говорили то, что думали. Несмотря на все увещевания, на военном сове-

Киккава Мотохару, один из руководителей клана Мори

те Мори было решено в конфликт Хидэёси с Кацуиэ не вмешиваться, а продолжать контакты с обеими сторонами. И действительно, во время противостояния посланцы Мори Тэрумото посещали обе полевые ставки и получали оттуда сообщения о ходе дел.

Что касается Хидэёси, то ему без труда удалось договориться с Уэсуги Кагэкацу о совместных действиях против Сибата, с которым он воевал уже восьмой год. В феврале 1583 года, за несколько дней до похода против Нобутака, Хидэёси получил от Уэсуги подписанную кровью клятву верности и отправил ему свою собственную аналогичного содержания. Согласно договору, Уэсуги своими действиями в провинции Эттю должен был сковать Сибата и облегчить задачу Хидэёси. Заключение союза облегчалось тем, что Хидэёси и Уэсуги никогда друг с другом не воевали, а единственный раз, когда это могло произойти, в августе 1577 года в провинции Кага, Хидэёси поссорился с Кацуиэ и покинул зону боевых действий.

Кобаякава Такакагэ, один из руководителей клана Мори

Передовой отряд Сибата под командованием его племянника Сакума Моримаса (1554–1583) 10 марта вошёл в провинцию Оми и встал лагерем в местечке Янагасэ. Вслед за ним с 30-тысячной армией выступил Кацуиэ. Хидэёси узнал об этом через несколько дней. Третьего марта он взял форт Камэяма в провинции Исэ и планировал продолжать боевые действия против Такигава, но выступление Сибата заставило его изменить свои планы. Оставив в Камэяма усиленный гарнизон, он с основными силами дви-

нулся навстречу противнику и 17 марта встал лагерем в местечке Киномото, южнее озера Ёго, расположенного рядом с Бива. На основном тракте из заранее поваленных деревьев были быстро сооружены засеки и несколько фортов с вышками, в которых разместились стрелки. Разбившись на группы, армия Хидэёси расположилась юго-восточнее, а силы Сибата Кацуиэ — северо-западнее озера Ёго. Невысокий горный хребет Сидзугатакэ между двумя озёрами дал название этому сражению.

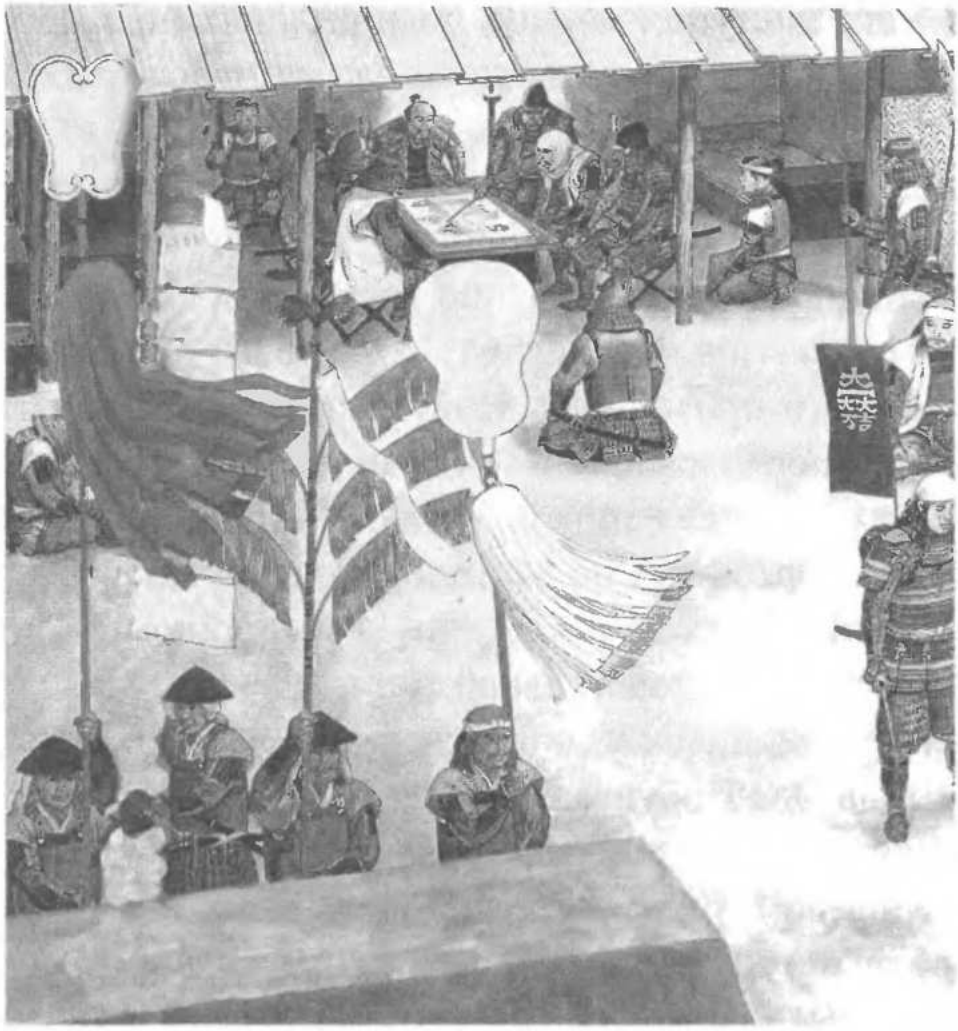
На начальном этапе обе стороны занимались строительно-земляными работами, сооружая на склонах гор вокруг озера Ёго форты для хранения оружия и продовольствия. Этими работами руководил Хасиба Хидэнага (1540–1591), младший брат Хидэёси. Первые столкновения начались 2 апреля и продолжались несколько дней, после чего наступил период позиционного противостояния — обе стороны оставались на защитных рубежах и ничего не предпринимали.

Хидэёси, всё это время находившийся в Нагахама, получил известие, что Ода Нобутака, несмотря на недавнее поражение в Гифу и обещание вести себя смирно, вновь бросил ему вызов. После того как Сибата двинул армию на их общего противника, Нобутака не мог оставаться в стороне. Собрав своих немногочисленных вассалов, он напал на форты союзников Хидэёси в провинции Мино. На захват фортов сил не хватило, поэтому Нобутака сжёг окружающие их поля и деревни. Этим рейдом он подписал смертный приговор своей матери и дочери, остававшимся в заложниках у Хидэёси. Мать Нобутака, бывшая наложница Ода Нобунага, была казнена, а о судьбе его дочери в источниках ничего не говорится.

Хидэёси прибыл в расположение своего войска 16 апреля, взял 15 тысяч человек и в тот же день отправился в Гифу, чтобы покончить с третьим сыном Нобунага. С учётом расстояния (48 км) и соотношения сил опера-

ция не должна была занять больше недели. Вечером следующего дня он прибыл в форт Огаки в 15 км от Гифу, но здесь ему пришлось остановиться — путь преградили разлившиеся после ливня реки Иби и Нагара. В ожидании спада воды прошло три дня, и 20 апреля из Сидзугатакэ примчался гонец со срочным сообщением: один из отрядов Сибата, сделав большой крюк, обошёл линию заграждений и атаковал лагерь Хидэёси.

Получив донесение разведки об уходе большой части сил Хидэёси, Сибата Кацуиэ собрал военный совет. Его племянник и правая рука Сакума Моримаса (1554–1583) предложил воспользоваться ситуацией — атаковать лагерь противника и уничтожить несколько фортов. Затянувшееся бездействие начинало тяготить воинов



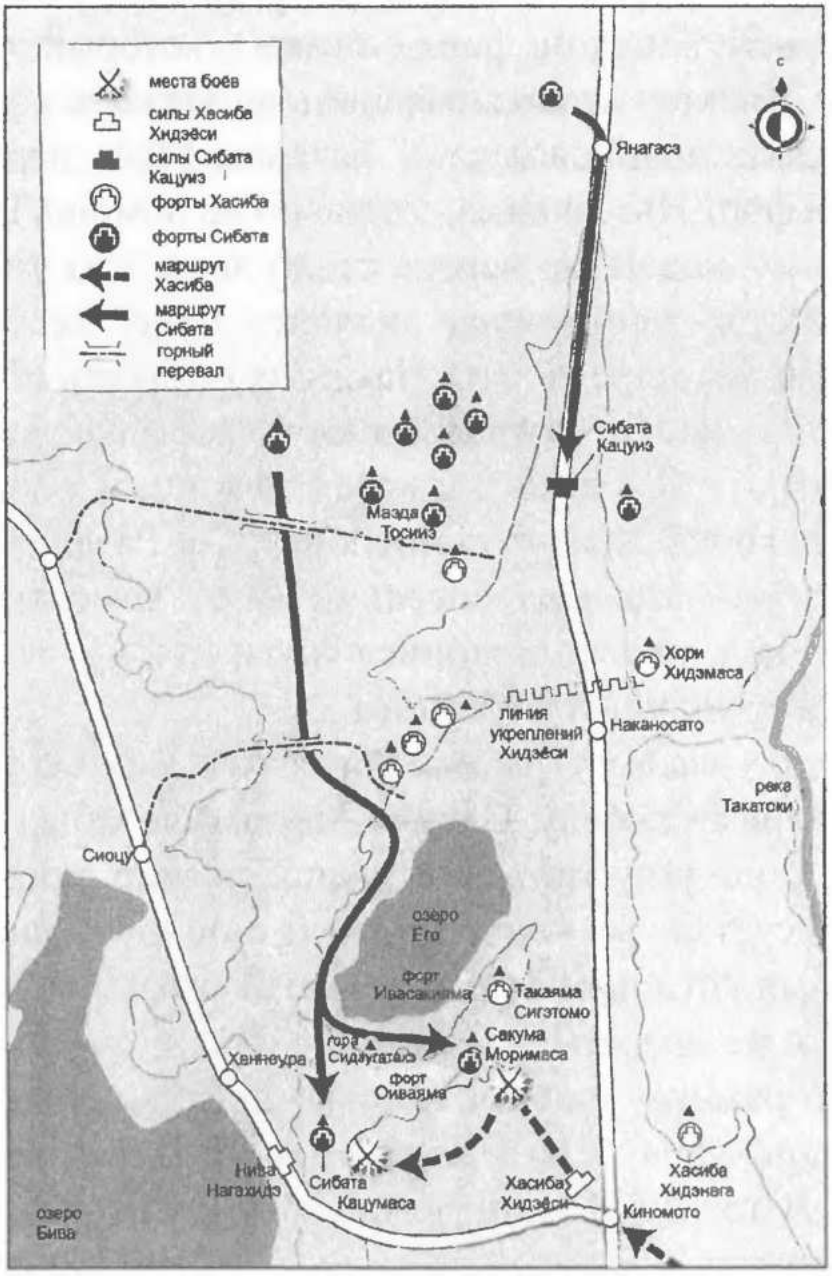
Полевая ставка

Сибата, а уход Хидэёси давал хорошие шансы на успех. Сакума предложил использовать фактор внезапности и сам вызвался совершить ночной рейд в тыл противника. Многоопытный Сибата некоторое время раздумывал и сомневался, но в конце концов согласился на операцию при условии, что она будет локальной и скоротечной — уничтожив один-два форта и захватив всё, что можно унести с собой, племянник должен немедленно вернуться назад.

Двадцатого апреля в два часа ночи Сакума Моримаса с 4-тысячным отрядом вышел из своего лагеря. Под покровом темноты он по западному берегу обошёл озеро Ёго и на рассвете напал на форт Оиваяма, который защищал Накагава Киёхидэ с тысячей бойцов. Завязался упорный бой, продолжавшийся 4 часа. Такаяма Укон, державший соседний форт Ивасакияма, отправил на помощь Накагава часть своих людей, но вскоре стало ясно, что численное превосходство противника склоняет чашу весов в его пользу. Такаяма предложил Накагава оставить оба форта и уйти в главную ставку в Киномото, чтобы сохранить людей, но тот отказался. Он сражался до конца и в последний момент покончил жизнь самоубийством. Развивая успех, отряд Сакума атаковал соседний форт Ивасакияма, но Такаяма Укон, уже лишившийся части сил, не стал его защищать и сразу ушёл в Киномото.

К десяти часам утра два форта Хидэёси были захвачены. Одержав победу, Сакума Моримаса забыл о своём обещании не углубляться в расположение противника. По его расчётам, за 4 дня Хидэёси с основными силами должен был уйти далеко, поэтому его возвращения можно было пока не опасаться. Следовательно, есть смысл максимально развить успех и нанести противнику как можно больший урон, а возможно, и вообще обратить его в бегство. В то время один локальный успех часто решал исход всего сражения, поэтому у Сакума Моримаса появился реальный шанс стать героем, одолевшим самого

Хасиба Хидэёси. Действительно, его неожиданный рейд застал врасплох и деморализовал некоторых командиров Хидэёси. Даже опытный Куваяма Сигэхару (1524–1606), стоявший со своим отрядом неподалёку от захваченных фортов, оставил позиции и вслед за Такаяма ушёл в Киномото. Поняв, что противник в замешательстве, Сакума Моримаса принял решение остаться в захваченных фортах и развить успех. В этот момент к Сидзугатакэ подошёл Нива Нагахидэ, переправившийся через озеро Бива



Сражение при Сидзугатакэ

с 2-тысячным отрядом. Встретив отступавшего Куваяма Сигэхару, он развернул его обратно и вместе с ним атаковал ближайшего противника, Сибата Кацумаса (1557–1583). Завязался ожесточённый бой, в котором стороны понесли примерно равные потери.

О том, что Сибата Кацуиэ перешёл в наступление и захватил два форта, Хидэёси узнал в тот же день, 20 апреля, около 2 часов дня. Чтобы добраться до Огаки, отстоявшего от Сидзугатакэ за 35 километров, гонцу потребовалось около трёх часов. Про Ода Нобутака пришлось забыть и срочно возвращаться обратно.

Теперь всё зависело от того, с какой скоростью 15 тысяч пехотинцев смогут пройти 35 километров по тракту Хоппо-окан. Хидэёси отправил вперёд по маршруту группу порученцев во главе с Исида Мицунари, поручив им собрать крестьян из стоящих вдоль дороги деревень и подготовить для раздачи воинам факелы и рисовые колобки *нигири*, которые можно есть на ходу. Вышли в 4 часа дня. Повторилась ситуация 10-месячной давности, когда Хидэёси после гибели Нобунага возвращался из провинции Биттю в столицу, с той лишь разницей, что теперь расстояние было в 6 раз меньше. Его пехотинцы прошли 35 километров за 5 часов и в 9 вечера были на месте. Последнюю часть пути шли, освещая дорогу факелами.

По возвращении бойцы получили 5 часов на отдых, а в 2 часа ночи прозвучал сигнал к атаке. После утреннего захвата двух фортов прошло всего 16 часов. Для Сакума Моримаса ночное нападение неизвестно откуда появившегося Хидэёси стало полной неожиданностью, а его подавляющее численное превосходство не оставляло племяннику Сибата никаких шансов. Разбуженные ночным нападением люди Сакума начали беспорядочное отступление тем же маршрутом, которым пришли, — вдоль западного берега озера Ёго; Хидэёси их преследовал и почти полностью уничтожил. В это же время из главной

ставки в Киномото вдоль восточного берега озера начал выдвижение Хасиба Хидэнага с заданием выйти за линию укреплений и атаковать противника в лоб. Некоторые командиры Сибата на своих участках оказали ему яростное сопротивление, но вскоре в штабе поняли, что рейд Сакума хорошо начался, но плохо кончился. Армия Сибата начала беспорядочное отступление.

Стоявший с 5-тысячным отрядом на своих позициях Маэда Тосииэ так и не вступил в бой, хотя по идее мог прикрыть отступление Сакума. Вместо этого он сразу скомандовал своим силам отход и вернулся в Футю. Вслед за ним покинули поле боя Канамори Нагатика (1524–1608) и Фува Кацумицу (?–1598) — те самые военачальники, которые в ноябре прошлого года приезжали к Хидэёси на мирные переговоры. Считается, что Маэда Тосииэ, состоявший в хороших отношениях с Хидэёси ещё до гибели Нобунага, именно тогда и пообещал ему своё содействие.

Собственно говоря, дезертирство этих трёх командиров и решило исход сражения. Уход их отрядов освободил стоявшие против них части Хидэёси, они присоединились к соседям и создали на их участках численное преимущество. Начавшееся отступление сил Сибата быстро переросло во всеобщее бегство, судьба сражения была решена.

Маэда Тосииэ

Главным фактором победы Хидэёси стало его неожиданное для противника возвращение в основной лагерь. Впоследствии широко распространилась версия о тонко спланированной операции: Хидэёси

якобы поручил своему штабу организовать утечку информации, что он с основными силами уходит на запад, в провинцию Харима, а сам отошёл на небольшое расстояние и стал ждать, не поддастся ли противник на его уловку. Молодой Сакума Моримаса поддался и сумел убедить своего дядю. Если эта версия соответствует действительности, то задержка Хидэёси в Огаки была организована специально и наводнение тут ни при чём. Если же это обычное для того времени преувеличение полководческого таланта будущего правителя, то с наводнением ему невероятно повезло. Не будь этой задержки, Хидэёси ушёл бы в Гифу, и тогда неизвестно, как развивались бы события в Сидзугатакэ.

Ситуация на поле боя стала необратимой после ухода Маэда Тосииэ (1538–1599). Воинские дома Сибата и Маэда были выходцами из провинции Овари и знали друг друга десятки лет. Сибата владели землями на востоке провинции, а Маэда — на юге, на побережье залива Исэ. Маэда Тосииэ начал службу у Нобунага 13-летним адъютантом в 1551 году. Формально он имел такой же статус, как Сибата Кацуиэ, но был на 16 лет моложе и подчинялся ему во время военных операций. При этом важно, что он был не вассалом Сибата (*касин*) а его свободным союзником (*ёрики*). Клятву верности Маэда

Сибата Кацуиэ

ему не давал, поэтому его уход с поля боя формально нельзя назвать предательством. Бросая своего старшего союзника, 45-летний Тосииэ руководствовался только интересами своего клана: в случае ставшего очевидным поражения он сам должен был умереть, а его род — исчезнуть. Таковы были правила междоусобных войн.

Проиграв сражение, Сибата вернулся в свой замок Китаносё в провинции Этидзэн. Хидэёси его преследовал, надеясь решить вопрос окончательно. У него ещё оставались два противника — Ода Нобутака на востоке и Такигава Кадзумасу на юге. Двадцать второго апреля Хидэёси заехал в Футю и встретился с Маэда Тосииэ. Ему было предложено завершить то, что он начал на поле боя в Сидзугатакэ, а именно добить бывшего союзника в его замке. Зная правила междоусобных войн, Маэда согласился.

Замок Китаносё находился на месте современного города Фукуи, столицы одноимённой префектуры. Он был окружён через два дня после сражения, 23 апреля 1583 года. Штурм, которым командовали Маэда Тосииэ и Хори Хидэмаса, начался утром следующего дня. Пока шёл бой у внешней крепостной стены, глава дома собрал всех домочадцев и прислугу. О том, что происходило внутри замка, сообщают записи Луиса Фройса и «Хроника боевых действий Сибата» (*Сибата гассэнки*). Одной из служанок было велено смотреть, слушать и запомнить всё, что произойдёт, а затем выйти из замка и рассказать об этом всем. Глава дома произнёс короткую речь, смысл которой сводился к следующему: после поражения он вернулся домой не для того, чтобы сохранить себе жизнь, а чтобы достойно её закончить. Он не сетовал на неосмотрительность племянника, не осуждал честолюбие Хидэёси и не проклинал предавшего его Маэда. Сказал, что больше всего боится посмертного унижения и не хочет, чтобы его голову бросили к ногам Хидэёси. Поэтому

совершит *сэппуку* первым, на глазах у всех. Тело его надлежит разрубить на части и сжечь вместе с домом, чтобы останки было невозможно опознать. Всем остальным не обязательно следовать его примеру, пусть каждый решает сам, как ему поступить.

В 4 часа дня главная усадьба замка Китаносё загорелась изнутри — знак того, что глава дома мёртв. Вслед за ним покончили с собой ещё 80 с лишним человек, в том числе жена, 12 наложниц и более 30 служанок. Пожилая женщина выполнила наказ и подробно рассказала всё о событиях того дня, вплоть до того, каким движением вонзил в себя меч глава дома и как приказал адъютанту отрубить себе голову.

Вместе с Сибата Кацуиэ покончила с собой и его 36-летняя жена Оити, младшая и любимая сестра Ода

Главная пагода замка Китаносё (макет)

Нобунага, брак с которой был заключён менее года назад. Её жизнь стала одной из самых ярких и трагичных иллюстраций женской судьбы того времени. Выйдя замуж в 19 лет за Адзаи Нагамаса, она прожила с ним 6 лет и родила троих дочерей. Их звали Тятя (год рождения 1569), Хацу (1570) и Го (1573). В 1573 году Нагамаса потерпел поражение от Нобунага и покончил жизнь самоубийством. Оити хотела умереть вместе с мужем, но подчинилась его требованию и осталась жить. Прошло 10 лет, и ситуация повторилась: замок её второго мужа окружён, он тоже должен уйти из жизни, но предложил ей спасти себя и детей. На этот раз Оити отправила дочерей одних, а сама осталась с мужем и разделила его судьбу. Хидэёси принял племянниц Нобунага на воспитание. Старшая Тятя впоследствии стала его наложницей и через 10 лет родила ему наследника Хидэёри. В японской истории она известна

Сестра и племянницы Нобунага

под именем Ёдо (Ёдодоно, Ёдогими). В 1615 году после поражения от Токугава Иэясу она вместе с сыном тоже покончила жизнь самоубийством, повторив судьбу матери. Средняя сестра Хацу вышла замуж за главу дома Кёгоку и прожила долгую жизнь. Младшая сестра Го стала женой второго сёгуна Токугава Хидэтада и матерью третьего сёгуна Иэмицу.

После победы над Сибата Кацуиэ Хидэёси вошёл в соседнюю с Этидзэн провинцию Кага и в течение 10 дней принял присягу верности у всех местных военачальников. Желающих оказать сопротивление его 50-тысячной армии не нашлось.

Без Сибата Кацуиэ коалиция противников Хидэёси утратила главную движущую силу и потеряла боеспособность. Изменив свой первоначальный план, Хидэёси отправил разбираться с Ода Нобутака его брата Нобукацу. В отличие от Нобутака он встал на сторону Хидэёси и оказался в лагере победителей. Через неделю после поражения Сибата Нобукацу напал на младшего брата в замке Гифу и вынудил его капитулировать. Нобутака был выслан в провинцию Овари с приказом совершить *сэппуку*, что и сделал 2 мая в храме Омидо. Ликвидировав третьего сына Нобунага руками его брата, Хидэёси обезопасил себя от обвинений в убийстве наследника своего бывшего сюзерена. Третьего участника коалиции он нейтрализовал сам. В июле того же года Хидэёси окружил Такигава Кадзумасу в его замке Нагасима и заставил капитулировать. Такигава был лишен всех владений и сослан в монастырь.

Земли Сибата, Нобутака и Такигава отошли к Хидэёси и были розданы его союзникам. Во время сражения при Сидзугатакэ отважнее всех действовали семь молодых командиров Хидэёси, известных в японской истории как «семь разящих копий» (*ситихонъяри*), — Фукусима Масанори (1561–1624), Като Киёмаса (1562–1611),

Катагири Кацумото (1556–1615), Вакидзака Ясухару (1554–1626), Касуя Такэнори (1562–?) и Като Ёсиаки (1563–1631). Все они получили владения с годовым доходом от 3 до 5 тысяч *коку* риса.

Однако главным бенефициаром победы над коалицией стал опытный Нива Нагахидэ (1535–1585), за прошедший год трижды поддержавший Хидэёси в решающие моменты — в сражении против Акэти Мицухидэ, на совещании в Киёсу и в борьбе с Сибата Кацуиэ. Надо сказать, что в ходе подготовки Сибата активно пытался привлечь старого боевого соратника на свою сторону, но Нагахидэ сделал другой выбор. Он был на два года старше Хидэёси и до гибели Нобунага как минимум не уступал ему в статусе, поэтому ему было непросто смириться с возвышением более молодого соратника, к тому же известного низким происхождением. Понимая это, Хидэёси достойно наградил Нагахидэ, добавив к полученной им от Нобунага провинции Вакаса обширную Этидзэн и южную половину провинции Кага. С учётом этих приобретений годовой доход Нива Нагахидэ достиг 1 миллиона 230 тысяч *коку* риса и почти сравнялся с доходом самого Хидэёси. Однако менее чем через два года Нагахидэ умер от онкологического заболевания в возрасте 50 лет.

При разделе земель Сибата северная половина провинции Кага досталась его бывшему союзнику Маэда Тосииэ — он въехал в замок Канадзава, на месте которого сегодня располагается столица префектуры Исикава с населением в полмиллиона человек. Земли Нобутака были переданы Икэда Цунэоки, а владения Такигава в северной Исэ — Нобукацу, второму сыну Нобунага. В дополнение к уже имевшимся у него провинциям Ига и Овари. Таким образом, Ода Нобукацу тоже стал крупнейшим землевладельцем и влиятельным союзником Хидэёси. Провинции Тадзима и Харима, бывшие владения Хидэёси, отошли

к его брату Хидэнага, а обширная провинция Оми была поделена между несколькими командирами более низких рангов.

Таким образом, через год после смерти Нобунага завершился первый этап борьбы за власть в его ближайшем окружении. Хасиба Хидэёси вышел в ней победителем и сделал серьёзную заявку на то, чтобы стать преемником погибшего диктатора.

Земли, выделенные вассалам и союзникам Хидэёси, образовали плотно сбитый анклав в центральной части страны. Крупные военачальники из удалённых провинций, не принимавшие участия в схватке, получили от Хидэёси письменные отчёты о её результатах. Это было новшеством. В прежние времена такие отчёты тоже рассылались, но только ограниченному кругу действительных или потенциальных союзников. Хидэёси же разослал их всем без исключения, особое внимание уделив тем, кто не торопился к нему присоединиться. В письмах он подробно описал разгром армии Кацуиэ, его гибель и самоубийство 80 человек из его ближайшего окружения, тем самым подчеркнув, что дом Сибата больше не числится в списках воинской элиты страны. Четыре столетия спустя распространение такого рода информации назовут психологической войной и будут широко её применять, сообщая противнику действительные факты вперемешку с ложью. Хидэёси использовал этот приём в конце XVI века. Например, в письме, адресованном Кобаякава Такакагэ, он сообщал, что восточные кланы Ходзё и Уэсуги разделяют его стремление к объединению страны и не выказывают враждебных намерений (*Морикэ мондзё*). Что не соответствовало действительности, но оказывало свой психологический эффект.

Замок Осака

Одним из способов сплотить вокруг себя союзников и проверить их лояльность стало строительство нового замка, масштаб которого соответствовал бы возросшему авторитету и влиянию Хидэёси. Решение об этом он принял сразу после совещания в Киёсу и быстро выбрал место — замок Осака в провинции Сэццу, в 40 километрах южнее Киото. Это был бывший город-храм Исияма, сакральный центр буддийского учения Чистой земли и оплот повстанцев Икко, стоявший на этом месте уже 90 лет, с 1496 года. После того как в 1580 году Ода Нобунага заключил мир с лидером повстанцев, храм перешёл под его контроль и был переименован в Осака. Но в некоторых источниках храм Исияма именовался так ещё до заключения мирного соглашения[31]. Первые два года наполовину сгоревший замок никем не использовался, а после смерти Нобунага он достался Икэда Цунэоки, но и новый владелец появлялся здесь редко. После победы над Сибата Кацуиэ он получил новые владения в провинции Мино, а замок Осака вместе с провинцией Сэццу отошёл к Хидэёси.

Второго июня, в годовщину смерти Нобунага, Хидэёси организовал большую поминальную службу в храме Дайтоку, а после неё отправился в Осака и осмотрел его на месте. Решение о строительстве было принято 4 июня 1583 года, и оно говорило о планах и амбициях Хидэёси. Во-первых, правящие династии в Японии всегда строили себе новые резиденции, по которым называли целые эпохи — например, Камакура (сёгунат Минамото), Муромати (сёгунат Асикага), замок Адзути (Ода Нобунага). Во-вторых, масштаб строительства. Чтобы продемонстрировать возможности и авторитет своего хозяина, замок дол-

---

31 *Тамонъин никки* («Записи храма Тамон»), *Асикага кисэйки* («Летопись дома Асикага»).

жен был превосходить все существовавшие на тот момент сооружения такого рода. В памяти воинской элиты ещё был свеж пример Ода Нобунага, построившего на горе Адзути самое мощное в стране сооружение, и Хидэёси не мог пройти мимо устоявшейся традиции. Пожалуй, главная трудность состояла в том, что ему предстояло подчинить себе вчерашних соратников, многие годы знавших его как одного из полководцев Нобунага, не более того. Большинство сторонников Хидэёси, поддержавших его в борьбе с Акэти Мицухидэ и Сибата Кацуиэ, по-прежнему оставались в статусе вольных союзников и не имели перед ним вассальных обязательств. Участие в строительстве огромного замка ложилось на них тяжёлым бременем и должно было выявить степень лояльности новому лидеру.

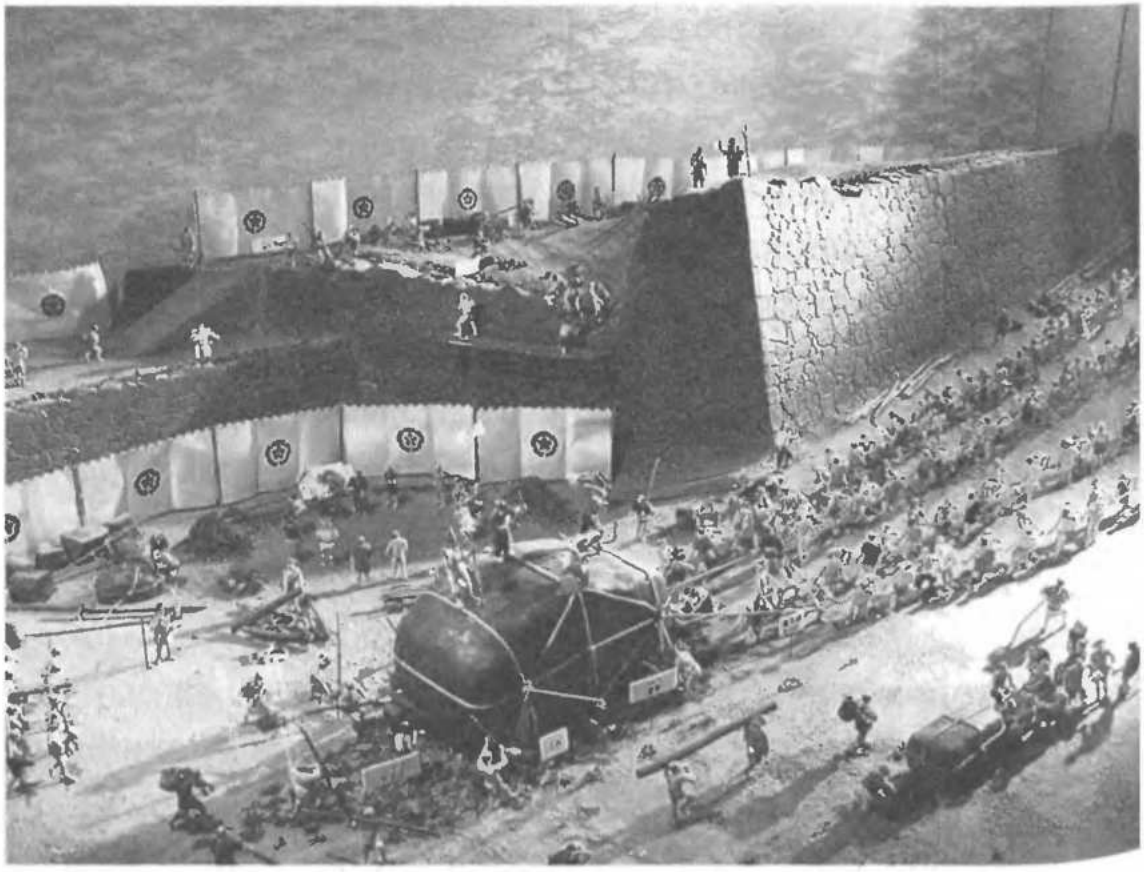
Работы начались 1 сентября 1583 года. Во второй половине XVI века многие крупные замки уже имели фундамент и стены из камня. Во всяком случае, так были выстроены замки Гифу и Адзути у Нобунага, а также все предыдущие замки Хидэёси (Нагахама, Химэдзи, Ямадзаки).

В первом этапе строительства участвовало 30 тысяч человек из 30 провинций, а к концу 1583 года их число возросло до 50 тысяч. Основной цикл занял несколько лет и состоял из двух этапов по полтора года каждый: с сентября 1583 года по апрель 1585 года возводился Главный комплекс (*Хоммару*), а с февраля 1586 года по декабрь 1587 года — Второй внутренний комплекс (*Ниномару*). Каждый из них был окружён собственной каменной стеной со стрелковыми башнями и бойницами.

На втором этапе строительства произошёл важный перелом в отношениях с домом Мори — его глава отправил на помощь Хидэёси свою флотилию, на тот момент лучшую в стране. На судах Мори к замку Осака подвозили каменные валуны из карьеров на острове Сёдо во Внутреннем

море. Строительный проект Хидэёси оказался хорошим поводом для начала сотрудничества. Несмотря на заключенный год назад мирный договор, Мори Тэрумото не поддержал Хидэёси в борьбе с Акэти и Сибата, но после его побед взял курс на сближение.

Сильнейший в западной части страны клан уже давно присматривался к острову Кюсю и теперь решил, что в союзе с Хидэёси завоевать его будет легче. Сразу после начала строительства Мори Тэрумото отправил к Хидэёси заложниками своих двоюродных братьев Кобаякава Хидэканэ (1567–1601) и Киккава Хироиэ (1561–1625). Хидэёси сделал ответный жест, оставив у себя первого из двух братьев, а второго отправил обратно, дав тем самым понять, что доверяет союзнику и не нуждается в таком количестве гарантий. Возврат заложника произвёл на дом Мори благоприятное впечатление, и в ноябре 1583 года старшие родственники главы клана Киккава Мотохару



На строительстве замка

и Кобаякава Такакагэ прибыли на встречу с Хидэёси (*Киккава кафу*). Беспрецедентный масштаб развернувшегося в Осака строительства лучше всяких слов убедил их в возможностях Хидэёси и подтвердил правильность решения о союзе с ним.

С 1576 по 1582 год Ода Нобунага находился в состоянии войны с домом Мори, и возглавлял боевые действия против него именно Хасиба Хидэёси, поэтому переход от прямой конфронтации к союзу с крупнейшим в западной части страны воинским домом стал его большой дипломатической победой. Мори Тэрумото в тот момент входил в число четырёх крупнейших военачальников, требовавших наибольшего внимания Хидэёси. Три других (Токугава, Уэсуги, Ходзё) были союзниками Нобунага, но после его смерти дистанцировались от Хидэёси, хотя и продолжали поддерживать с ним письменные контакты. Любое изменение военно-политической ситуации могло превратить их в противников, и Хидэёси прекрасно это понимал. Токугава, Уэсуги и Ходзё контролировали обширные территории на востоке страны, и если бы они объединились против Хидэёси, ему пришлось бы нелегко. Эту проблему ещё предстояло решать.

Со временем число строителей нового замка Хидэёси возросло до 70–80 тысяч человек, а иногда доходило и до 100 тысяч. Второй этап строительства завершился, но замок ещё не был готов полностью. Через 7 лет, в 1594 году, начался его третий этап — внешнее обустройство крепостных стен и углубление водных рвов по большому периметру. А в 1598–1599 годах, уже после смерти Хидэёси, был достроен Третий внутренний комплекс (*Санномару*).

Таким образом, замок Осака строился в четыре захода общей продолжительностью 16 лет. Его результатом стало возведение самого мощного в стране сооружения, считавшегося абсолютно неприступным и затмившего собой Адзути, замок Ода Нобунага. Главная пагода Осака

имела 6 этажей в высоту, столько же, сколько башня замка Адзути, а под землю уходила на два этажа — на один больше, чем творение Нобунага. Хидэёси чрезвычайно гордился своей новой резиденцией. Хозяева замков обычно принимали гостей в специально отведённых для этого покоях, а в другие помещения не пускали. Хидэёси же охотно демонстрировал своим гостям внутреннее устройство Главной пагоды, не боясь утечки военных секретов. Об этом свидетельствуют сохранившиеся записи, сделанные во время таких визитов. Хидэёси понимал, что эффект от увиденного с лихвой перекроет издержки по части секретности.

В замке Осака была отдельно обустроена женская половина, где жили Онэ, жена Хидэёси, и его многочисленные наложницы. По воспоминаниям Луиса Фройса, поначалу в ней насчитывалось 120 женщин, но со временем их число выросло до 300. Полтора десятилетия спустя, уже в эпоху Токугава, по образу и подобию женской части замка Осака был выстроен Большой внутренний покой (*Ооку*) в замке Эдо, в котором более двух с половиной столетий жили самые знатные женщины Японии.

Таким образом, Тоётоми Хидэёси стал ещё и первопроходцем в области организации быта для жён и наложниц воинской элиты. И это не случайно. В отличие от многих военачальников того времени Хидэёси был чистым гетеросексуалом и активно интересовался женщинами. В разных источниках упоминается десять женских имён, принадлежавших только его официальным наложницам. По свидетельству современников, среди них было много красавиц самого знатного происхождения. Современники говорили о том, что Хидэёси забрал себе наложницу своего вассала Исида Мицунари, а воевавший позднее в Корее Хосокава Тадаоки во время похода писал своей жене, чтобы она «держалась подальше от господина Хидэёси» (Сэнгоку, 2013). Возможно, увлечение женщинами ком-

пенсировало низкое происхождение, маленький рост и не самую мужественную внешность Хидэёси. Луис Фройс писал о его гареме из 300 наложниц в одном только замке Осака; кроме того, у Хидэёси были постоянные партнёрши и в других местах, где он часто останавливался. Впрочем, с учётом осуждения христианской моралью внебрачных связей к свидетельствам европейских миссионеров следует относиться с известной осторожностью.

Среди подтверждённых источниками достоверных фактов можно отметить предложение стать наложницей, которое Хидэёси сделал дочери Ода Нобунага по имени Фуюхимэ, но получил отказ. Позднее такое же предложение поступило от него другой дочери Нобунага, Санномару, и было принято. Да и Ёдо, одна из любимых наложниц Хидэёси, тоже была родной племянницей Нобунага. Внимание к родственницам первого объединителя Японии объяснялось просто: дети, рожденные ими от Хидэёси, сближали его с семейством Ода и сокращали путь к званию преемника.

Впрочем относительно способности Хидэёси иметь детей существуют разные мнения. Дело в том, что, несмотря на большое число наложниц, окружавших его в течение всей жизни, Хидэёси стал отцом всего лишь дважды: первый раз в 52 года, второй — в 56. В то время 50-летний мужчина считался уже долгожителем, поэтому появление детей в столь преклонном возрасте многим современникам казалось странным. Тем более что не только жена, но и наложницы Хидэёси оставались бесплодными, пока были рядом с ним, зато до и после этих отношений многие успешно рожали детей. Зафиксированные в некоторых источниках слухи приписывали обоих сыновей Хидэёси — Цурумацу и Хидэёри — его соратнику Оно Харунага (1569–1615), широко известному многолетней дружбой и симпатией к Ёдонодо, матери обоих мальчиков. В 1614 году Оно Харунага стал главным старейшиной

семьи Тоётоми и командовал обороной замка Осака. В мае 1615 года он до последней минуты защищал Хидэёри и его мать.

По мере строительства замка Осака быстро рос и окружавший его город. Некоторые источники упоминают о том, что Хидэёси планировал сделать его крупнейшим торговым и транспортным центром и даже написал что-то вроде плана развития. В этом смысле он точно следовал градостроительной политике Ода Нобунага, много времени и сил тратившего на развитие призамковых поселений в Гифу и Адзути. Как всякий крупный феодал, заботившийся о развитии хозяйственно-экономической жизни своего региона, Хидэёси хотел, чтобы вокруг его замка кипела оживлённая городская жизнь и торговля. В одном источнике говорится даже о его планах сделать столичный город Киото частью средневекового мегаполиса с центром в Осака (Овада, 2006). Однако долго заниматься планами мирного градостроительства у Хидэёси не получилось — несовпадение интересов продолжало порождать трения и конфликты с другими крупными представителями лагеря Нобунага. Следующими в борьбу с Хидэёси вступили Токугава Иэясу и Ода Нобукацу, второй сын Нобунага.

Токугава Иэясу

Отношения между Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу развивались довольно причудливым образом. Как уже говорилось, в день гибели Нобунага Токугава Иэясу находился в портовом городе Сакаи в провинции Идзуми. Лишённый войска и оторванный от дома, он не смог принять участие в сражении против Акэти Мицухидэ, поэтому не был приглашён на совещание в Киёсу и не уча-

ствовал в перераспределении принадлежавших Нобунага земель. Оказавшись за бортом главных событий 1582 года, Иэясу как крупный провинциальный военачальник занялся укреплением своих позиций в регионе. Не будучи вассалом Нобунага, он в течение 22 лет поддерживал его как свободный союзник. Особенность положения Токугава Иэясу состояла в том, что в свои 42 года он ещё никому не клялся служить верой и правдой в качестве вассала, даже Ода Нобунага. Первая и последняя вассальная служба 17-летнего Иэясу закончилась в мае 1560 года со смертью Имагава Ёсимото (1519–1560), в доме которого он провёл около 10 лет в качестве наполовину воспитанника, наполовину заложника. С тех пор он вступал в разные союзы, но никому не давал клятву вассальной верности.

Последнее по времени усиление Токугава произошло весной 1582 года, когда он значительно расширил свои владения в районе Канто за счёт земель побеждённого клана Такэда. Однако после смерти Нобунага в районе начались беспорядки и междоусобицы, с которыми назначенный сюда наместником Такигава Кадзумасу не справился. За наведение порядка взялись две главные региональные силы — дома Токугава и Ходзё, не желавшие упускать редкий случай для расширения своих владений. Столкнувшиеся интересы привели к серии боёв местного значения, но по-крупному воевать не стали — после нескольких столкновений стороны решили, что выгоднее договориться и поделить оставшуюся без хозяина территорию. Тем более что были соседями, которым без особой причины лучше не ссориться. Договор скрепили политическим браком и стали союзниками. По условиям договора провинция Кодзукэ досталась Ходзё, а Каи и Синано — Токугава. Таким образом, он стал владельцем пяти провинций — Микава, Тотоми, Суруга, Каи и Синано. С такой территорией и сильным союзником в лице Ходзё Токугава стал главной силой в регионе Канто.

К этому времени набрал полную силу конфликт между Хасиба Хидэёси и Сибата Кацуиэ, оба военачальника активно привлекали Токугава на свою сторону, но он, как и Мори Тэрумото, предпочёл сохранить нейтралитет. В домашнем архиве Токугава сохранилось адресованное Хидэёси письмо Иэясу с пожеланием победы, в то время как свидетельств переписки с Сибата Кацуиэ не осталось. После победы Хидэёси в Сидзугатакэ Иэясу отправил к нему своего первого старейшину Исикава Кадзумаса (1533–1593) с поздравлениями и подарками. При личной встрече Хидэёси не упустил случая сообщить посланнику, что был бы рад видеть такого доблестного воина у себя на службе, и через два года Исикава ушёл к нему от Токугава, которому до этого верой и правдой служил 16 лет.

Несмотря на внешний нейтралитет и переписку с Хидэёси, Токугава был обеспокоен быстрым ростом его влияния не меньше, чем Сибата и другие его противники. Он прекрасно понимал, что дальнейшее усиление Хидэёси рано или поздно поставит его перед выбором — либо признавать верховенство бывшего вассала Нобунага и идти к нему в подчинение, либо воевать. Первый вариант его категорически не устраивал — Токугава хотя и был младшим партнёром в союзе с Нобунага, но имел основания считать, что по статусу превосходит Хидэёси: начиная с 17 лет, он никому не служил и все решения принимал сам. Ода Нобукацу, второй сын Нобунага, также не был готов окончательно отказаться от претензий на лавры наследника и уступить их отцовскому вассалу. Весной 1583 года он поддержал Хидэёси в конфликте с Сибата Кацуиэ и участвовал в сражении при Сидзугатакэ, а после победы устранил своего младшего брата Нобутака и остался единственным из взрослых сыновей Нобунага. Положение потенциального наследника подогревало амбиции и не давало покоя, и Нобукацу начал готовиться к борьбе и искать союзников. В январе 1583 года он встретился с Токугава

Иэясу, старший сын которого был женат на его сестре, и после этой встречи начал укреплять форты на границе с землями Хидэёси — верный признак подготовки к войне. Токугава охотно его поддержал и пообещал полное содействие.

Осенью 1583 года Хидэёси объявил трудовую мобилизацию на строительство замка Осака, но Ода Нобукацу распоряжение проигнорировал. Стремясь по возможности избежать конфликта со вторым сыном Нобунага, Хидэёси в январе 1584 года встретился с ним на нейтральной территории и попытался договориться, но переломить конфронтационный настрой не удалось. Тогда он прибег к своей излюбленной тактике, вступив в переговоры с людьми из ближайшего окружения Нобукацу — его старейшинами Окада Сигэтака, Цугава Ёсифую и Адзаи Нагатоки. Узнав об этом, Нобукацу по совету Иэясу в начале марта вызвал всех троих в замок Нагасима, обвинил в измене и казнил. Это был уже прямой вызов. В течение следующего месяца Нобукацу и Токугава Иэясу разослали своим сторонникам письма, в которых констатировали, что дальнейшее усиление Хидэёси недопустимо и требует противодействия.

Таким образом, через полгода после победы над коалицией Сибата — Нобутака — Такигава против Хидэёси сложилась следующая группировка во главе с Токугава Иэясу и Ода Нобукацу. По отдельности ни один из них не мог противостоять Хидэёси: Токугава владел пятью провинциями, Нобукацу —

Ода Нобукацу

тремя. Но Токугава имел за спиной союзные договоры с сильными соседями — Уэсуги (две провинции) и Ходзё (пять провинций). Кроме того, быстрое усиление Хидэёси восстановило против него ещё одного соратника, Сасса Наримаса (1536–1588) из провинции Эттю; на него тоже можно было рассчитывать. Планировалось, что Сасса начнёт боевые действия в провинциях Кага и Этидзэн против Нива Нагахидэ и Маэда Тосииэ, главных союзников Хидэёси в этом районе. Присутствие в коалиции второго сына Нобунага придавало ей определённую легитимность и позволяло надеяться на расширение круга участников. Например, перспективными выглядели переговоры с главой клана Тёсокабэ с острова Сикоку, которому дальнейшее усиление Хидэёси не сулило ничего хорошего. Отправив к нему курьера, Ода Нобукацу заручился его поддержкой. Вооружённые отряды повстанцев храма Нэгоро и административного района Сайка тоже пообещали второму сыну Нобунага своё содействие. Так что против Хидэёси группировались хотя и разрозненные, но довольно крупные силы, и теперь его главной задачей стало не допустить их объединения.

Между подконтрольными Хидэёси и Токугава территориями лежали принадлежавшие Нобукацу провинции Исэ, Ига и Овари. Это означало, что боевые действия будут проходить на его землях, что также давало некоторое преимущество участникам коалиции — по крайней мере, им не нужно было строить новых укреплений.

Узнав о том, что Нобукацу казнил троих старейшин, с которыми он вёл переговоры, Хидэёси три дня спустя двинул против него большое войско. Одна его часть под командованием Икэда Цунэоки (1536–1584) и его зятя Мори Нагаёси (1558–1584) вошла в провинцию Овари, другая во главе с Гамо Удзисато (1556–1595) и Хори Хидэмаса (1553–1590) — в Исэ. Икэда Цунэоки окружил форт Инуяма в провинции Овари, охраняемый небольшим

гарнизоном, и 13 марта взял его штурмом. В течение следующей недели Гамо Удзисато и Хори Хидэмаса захватили ещё два форта в провинции Исэ, где им противостояли местные союзники Нобукацу.

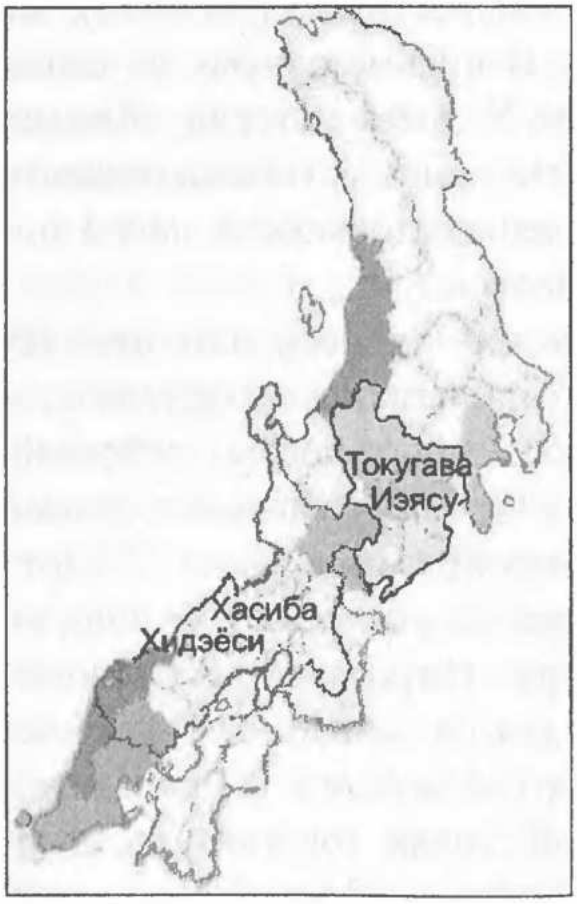
Восьмого марта в Овари с восточного направления вошёл Токугава Иэясу с 8-тысячным войском и остановился в замке Киёсу. Здесь командиры отрядов получили индивидуальные задания и рассредоточились на местности. У подножия горы Комаки состоялся бой между 3-тысячным отрядом Хидэёси под командованием Мори Нагаёси и 5-тысячным отрядом Токугава под командованием Сакаи Тадацугу (1527–1596). Опытный командир Токугава сумел подойти к противнику незаметно, и застигнутые врасплох бойцы Мори в беспорядке отступили к форту Хагуро у горы Комаки, где их 17 марта с двух сторон атаковали Сакаи Тадацугу и Мацудайра Иэтада (1555–1600). Этот эпизод, известный как бой у форта Хагуро (позднее — как бой в окрестностях Комаки), закончился поражением Мори. В письме одному из своих союзников Токугава писал, что Хидэёси потерял у Комаки больше тысячи бойцов, но, по данным командовавшего боем Мацудайра Иэтада, в действительности число погибших не превышало 300 человек.

Узнав о поражении под Хагуро, Хидэёси, находившийся в замке Осака, решил, что полагаться на других становится опасно, и сам выехал к месту боевых действий. Двадцать первого марта он с дополнительными силами вышел из Осака и через провинции Оми и Мино 27 марта прибыл в форт Инуяма. Изучив на месте диспозицию, он распорядился построить вокруг Инуяма четыре вспомогательных форта и выделил для их защиты 20 тысяч человек, а сам отправился к форту Гакудэн и встал лагерем в двух километрах от полевой ставки Токугава, расположившейся у горы Комаки. Вместе с подкреплением численность армии Хидэёси достигла 100 тысяч человек, в то

время как объединённые силы Ода Нобукацу и Токугава Иэясу не превышали 16–17 тысяч.

Через пять дней после ухода Хидэёси из Осака на форты его союзников напали повстанцы из Сайка и Нэгоро. В боях с ними участвовали гарнизоны как минимум двух фортов, Кисивада и Кумэда. В одной из сохранившихся записей говорится о том, что повстанцы атаковали даже недостроенный замок Осака. Однако оставленные Хидэёси для охраны части под командованием Укита Хидэиэ и Курода Нагамаса сумели отбить атаку.

Тем временем главные силы Иэясу и Хидэёси в окрестностях горы Комаки стояли друг против друга уже неделю и ничего не предпринимали. Помня о поражении у форта Хагуро, Хидэёси действовал осторожно, но общая инициатива и подавляющее численное превосходство в конечном счёте сыграли свою роль — он первым начал активные действия. И подтвердил общее правило междоусобных войн: нарушивший позиционное равновесие обычно проигрывает.



Иэясу против Хидэёси (1584)

Точнее говоря, инициативу проявил не он сам, а командовавший на этом участке Икэда Цунэоки, которому в случае победы были обещаны сразу три провинции (Мино, Овари и Микава). В конце марта закончился первый этап похода Хидэёси, известный под названием боёв при Комаки, и начался второй, операция

при Нагакутэ. Четвёртого апреля Цунэоки встретился с Хидэёси и предложил ему план новой операции: с учётом того, что Токугава привёл все свои силы в провинцию Овари, совершить обходной манёвр и атаковать его домашнюю провинцию Микава, оставшуюся без защиты. Отправить туда крупный отряд и захватить ключевые укрепления. Понимая, что имеет дело с опытным противником, Хидэёси этот план забраковал, сказав, что риск слишком велик. На следующий день Цунэоки пришёл к нему с той же просьбой — разрешить обходной манёвр, и на этот раз Хидэёси согласился. До этого момента Икэда не допускал ошибок: с ходу взял форт Инуяма, в дальнейшем тоже действовал успешно, поэтому достаточных оснований для повторного отказа вроде не было.

На рассвете 7 апреля 16-тысячный отряд скрытно покинул свои позиции и двинулся на юг. Командовать операцией Хидэёси назначил своего молодого племянника Хидэцугу, а начальником штаба — опытного Хори Хидэмаса. Им в помощь были приданы отряды Икэда Цунэоки, его сына Мотосукэ и Мори Нагаёси. В штабе Токугава об этом манёвре стало известно на следующий день, 8 апреля. По одной из версий, важную информацию сообщили местные крестьяне, для которых хозяин провинции Ода Нобукацу был своим, а Хидэёси — чужим.

В тот же вечер с наступлением темноты Иэясу отправил четыре с половиной тысячи бойцов вдогонку за Хидэцугу, которому в тот год исполнилось всего лишь 16 лет. Своим командирам он поставил задачу идти по следам противника скрытно, не обнаруживая себя, а сам вечером 8 апреля с основными силами двинулся наперерез отряду Хидэёси другим маршрутом в надежде перехватить его южнее и зажать в клещи. Этот манёвр был завершён у подножия горы Нагакутэ. Главный успех Токугава состоял в том, что Хидэцугу так и не заметил шедшего по его следам отряда, а разведка Хидэёси не обнаружила ухода самого Иэясу из Комаки.

Это неведение дорого им обошлось — утром 9 апреля у горы Нагакутэ 16-тысячный отряд Хидэцугу был атакован на марше с двух сторон и разгромлен. В ходе двухчасового боя погибли трое старших командиров Хидэёси — Икэда Цунэоки, его сын Мотосукэ и Мори Нагаёси. Командующий операцией Хасиба Хидэцугу и его начальник штаба Хори Хидэмаса едва спаслись и вернулись в основной лагерь. Хидэёси потерял в этом бою 2,5 тысячи человек убитыми, Токугава — около 600 человек. Четырёхкратная разница в потерях не оставляла сомнений в исходе боя. Впоследствии Иэясу и участвовавший в сражении Мацудайра Иэтада писали, что Хидэёси потерял более 10 тысяч человек, и включили в число погибших командовавшего операцией Хасиба Хидэцугу и его начальника штаба Хори Хидэмаса. Эти записи сохранились и наглядно показывают, как обстояло дело с оценками реальных событий.

Поражением в районе Нагакутэ военный поход не закончился. Утром 9 апреля разведка с опозданием сообщила Хидэёси об уходе из лагеря основных сил Иэясу, и он бросился в погоню, намереваясь нанести удар в тыл, но в пути ему сообщили, что бой у горы Нагакутэ уже закончился, и ему пришлось вернуться в Гакуда. Здесь он приказал укрепить оборонительную линию — вокруг вспомогательных фортов выкопали двойные рвы, а между ними отсыпали земляной вал высотой 4 метра. Был проделан большой объём работы: общая длина насыпи вокруг форта Ивасакияма, например, составила 3 километра. Поражение от Токугава встревожило Хидэёси и вынудило укрепить оборону.

На всё это ушло три недели. Первого июня Хидэёси, оставив на укреплённых позициях усиленные гарнизоны, покинул Гакуда и двинулся в обратный путь на запад. Но это не было отступлением. Потеря трёх тысяч человек не изменила общего соотношения сил, и Хидэёси, связав

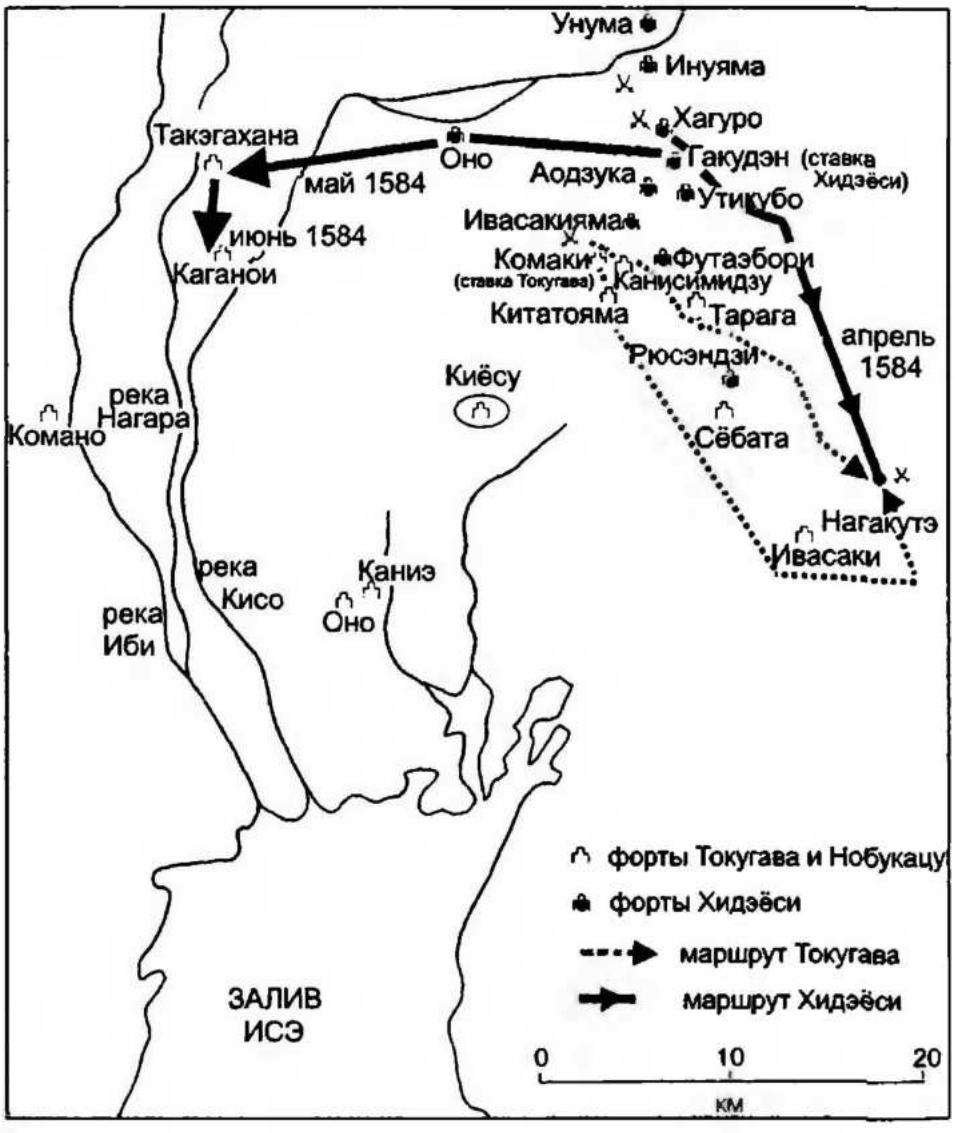
противника угрозой выдвижения в районе Комаки, с большим численным превосходством окружил форт Каганои. Его небольшой гарнизон во главе с Каганои Сигэмунэ сразу заявил, что готов сдаться, но после двух поражений подряд Хидэёси была нужна боевая победа, и он бросил своих людей в бой. Форт был взят в тот же день, 4 мая. Эта победа Хидэёси обошлась в 1200 жизней с обеих сторон.

Ещё через два дня, 6 мая, он подступил к форту Такэгахана, который защищал Фува Хироцуна (?–1600), вассал Ода Нобукацу. Здесь лобовой штурм не принёс успеха, форт выстоял, и Хидэёси вновь прибег к тактике «водной атаки» (*мидзудзэмэ*), приказав перегородить дамбой протекающую поблизости реку и затопить укрепление. Дамбу начали строить 11 мая. Строительство должно было занять немало времени, но численное превосходство Хидэёси не позволило Токугава или Нобукацу прийти на помощь окружённому форту. Через месяц гарнизон Такэгахана под угрозой затопления капитулировал, и Хидэёси компенсировал свои неудачи в боях при Комаки и Нагакутэ захватом ещё одного укрепления на землях Нобукацу. Через три дня он отправился в обратный путь и 18 июня был уже в замке Осака. Получив эту информацию, Токугава Иэясу оставил на позициях своего командира Сакаи Тадацугу и отбыл в Киёсу. После этого произошло ещё несколько боёв местного значения у фортов Оно и Каниэ, которые не принесли побед ни одной из сторон.

Июль и август Хидэёси провёл в Осака, но несколько раз выезжал в провинцию Мино, а 27 августа снова появился в Гакуда с большими силами. Понимая, что повторить апрельский успех малыми силами вряд ли удастся, Иэясу провёл тотальную мобилизацию на своих землях, чтобы пополнить войско. Согласно одному из сохранившихся распоряжений, призыву подлежало всё мужское население пяти подвластных ему провинций в возрасте от 15 до 60 лет. Насколько увеличилось войско Токугава, точно

неизвестно, но, судя по дальнейшим событиям, пополнение было достаточно серьёзным для того, чтобы склонить Хидэёси к поискам мирного выхода из ситуации.

Он вернулся в провинцию Овари с большими силами в конце августа и предложил Иэясу заключить мирное соглашение, но договориться об условиях не удалось, и тогда Хидэёси сменил тактику. Сковав силы Токугава в Овари, он решил заключить сепаратный мир с Нобукацу и тем самым лишить Токугава стимула к сопротивлению. Но перед выходом на переговоры нужно было сначала показать силу, и Хидэёси перебросил основную часть войска в провинцию Исэ, где его полководец Гамо Удзисато уже давно



Бои при Комаки и Нагакутэ

осаждал форт Хэки, одно из ключевых укреплений Нобукацу. Его штурм состоялся 15 сентября и вылился в ожесточённый бой, унёсший много жизней с обеих сторон.

Гамо Удзисато

Форт Хэки находился в черте современного города Цу (префектура Миэ), и его жители в определённых ситуациях произносят сегодня одну малопонятную фразу. Призывая к порядку расшалившегося ребёнка, они говорят ему *гамодзи га куру дзо* («а вот сейчас Гамодзи придёт!»)[32]. В нашей стране в своё время так пугали детей милиционером. В городе Цу и его окрестностях эта фраза — современный отголосок боя 1584 года за форт Хэки, которым командовал Гамо Удзисато.

Падение форта Хэки и окружавших его укреплений осложнило положение Нобукацу, и когда Хидэёси предложил ему заключить сепаратный мир, он согласился. За полгода боевых действий против Хидэёси Нобукацу не одержал ни одной победы, что, в общем, соответствовало его воинской репутации. Сепаратные переговоры продолжались два месяца и завершились соглашением 15 ноября 1584 года. Хидэёси, не стремившийся к расправе над сыном Нобунага, оставил ему провинцию Ига и 4 уезда в северной Исэ, но два захваченных форта в провинции Овари сохранил под своим контролем. Нобукацу со своей стороны пообещал прекратить сопротивление и отправил к Хидэёси заложника.

---

32 Гамодзи — сокращение от Гамо Удзисато.

Сепаратный мир выбил почву из-под ног Токугава — из-за отсутствия общих границ с Хидэёси дальнейшая борьба с ним стала невозможной. Уже на следующий день, 16 ноября, Иэясу начал вывод своих частей из провинции Овари. Вскоре Хидэёси передал ему через посланника предложение помириться, и оно было принято. Подписав мирное соглашение, Токугава отправил к Хидэёси своего второго сына, 10-летнего Огимару (впоследствии Юки Хидэясу, 1574–1607). Формально мальчик стал его приёмным сыном, а фактически — заложником. За пять лет до этого Токугава потерял своего старшего сына Нобуясу, а теперь ему пришлось отправить в чужой дом и второго кандидата в наследники.

Таким образом, общий результат его военного столкновения с Хидэёси выглядел неоднозначным. С одной стороны, Токугава одержал две победы в боях при Комаки и Нагакутэ и подтвердил свою воинскую репутацию, а с другой — не сумел добиться политического результата, на который рассчитывал: ослабить Хидэёси и помешать его возвышению. Дополнительная мобилизация крестьян вылилась в экономическое бедствие — на следующий год в провинции Микава разразился массовый голод. А отправка в заложники второго сына усугубила ситуацию с наследником.

Что касается Хидэёси, то он в очередной раз проявил тактическую грамотность и сумел выйти из трудного положения без потери лица. Дважды потерпев неудачу на поле боя, он компенсировал репутационный ущерб на дипломатическом фронте. Ещё до заключения мирного соглашения с Нобукацу он обратился к императору с просьбой о повышении своего придворного статуса и 2 октября стал обладателем полного пятого ранга нижней ступени (*дзюгои но гэ*), а через неделю после мирного соглашения с Нобукацу в ускоренном темпе получил полный третий ранг нижней ступени (*дзюсанъи но гэ*) и должность Главного советника двора (*гондайнагон*). Впервые

за долгую воинскую карьеру Хидэёси обратил внимание на то, что придворные ранги и должности возвышают не хуже, чем военные победы. С этого времени он начал уделять своему положению при дворе больше внимания и во многом благодаря этому превратился из успешного военачальника в главного претендента на высший воинский пост. Таким образом, хотя в результате боевых действий 1584 года в провинциях Исэ и Овари Хидэёси не смог одержать военной победы над Токугава, он усилил свои политические позиции на пути к единоличной власти.

Повстанцы Икко

В конце марта следующего 1585 года Хидэёси собрал 100-тысячную армию для похода в провинцию Кии, расположенную на одноимённом полуострове южнее Осака. Поход был направлен против *Кисю сококу икки*, одной из нескольких «крестьянских республик», как их называли европейские миссионеры. Основную силу «республики» составляли отряды вооружённых монахов храма Нэгоро (школа Сингон) и примкнувшие к ним так называемые «люди из Сайка»[33] (*сайкасю*). Население провинции отражало весь спектр тогдашнего японского общества: здесь жили крестьяне, ремесленники, монахи и низкоранговые самураи. Местные воинские кланы отдавали сыновей на обучение в храмы и имели тесные хозяйственные связи с буддийской школой Истинного слова.

[33] Район Сайка — пять уездов в северо-западной части провинции Кии, образовавших отдельное землячество. «Люди из Сайка» имели общее вероисповедание (Дзёдо, школа Чистой земли), развитую торговлю и ремёсла, собственные силы самообороны. В боевых действиях участвовали с 1535 года. Сегодня Сайка — один из административных районов города Вакаяма.

Провинция жила по своему уставу с элементами самоуправления: на руководящие должности назначались не только самураи, но и крестьяне, при нападении извне ударами в колокол объявлялась всеобщая мобилизация и т. п.

В храмовом комплексе Нэгоро насчитывалось до шести тысяч монахов, ему подчинялись более двух с половиной тысяч храмов по всей стране. В лучшие годы его вооружённые отряды насчитывали до 10 тысяч человек. Это была серьёзная сила, с которой приходилось считаться даже крупным воинским кланам. Совокупный годовой доход храма Нэгоро составлял от 500 до 700 тысяч *коку* риса, на его землях процветали ремесла и торговля. Местные монахи особенно славились производством *сакэ* и лакированной посуды. Оружейники Нэгоро одними из первых наладили массовое производство огнестрельного оружия и пороха, поэтому его отряды были вооружены аркебузами едва ли не лучше всех в стране. Защищая свои земли, храм регулярно участвовал в сражениях между воинскими кланами, поддерживая ту или иную сторону, и имел собственную систему укреплённых фортов вдоль реки Коги и на берегу залива Осака. Год назад храм Нэгоро вместе с «людьми из Сайка» поддержал Токугава и Нобукацу и атаковал форты Хидэёси неподалёку от Осака. Контролируемая повстанцами территория находилась на севере провинции Кии и захватывала южную часть столичной провинции Идзуми.

Хидэёси напал на «крестьянскую республику» не только потому, что она воевала против него. Любые варианты гражданского самоуправления в принципе были неприемлемы для правящего воинского сословия, и Хидэёси как его типичный представитель не мог смириться с независимыми от него формами жизнеустройства. Вознамерившись разгромить повстанцев и навсегда ликвидировать очаг сопротивления в непосредственной близости от его будущей резиденции, он незадолго до похода

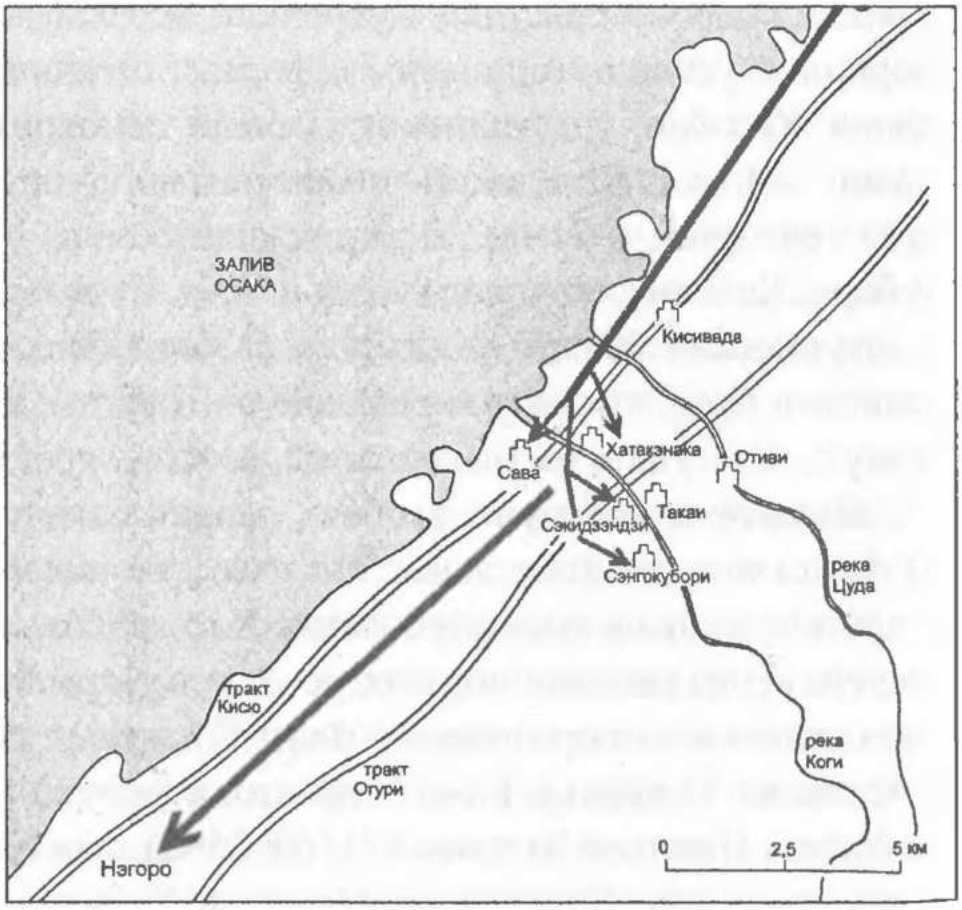
подчинил себе храмовый комплекс на горе Коя и написал для него устав, нарушение которого было чревато конфискацией земель и полным разорением. Усмирение Коя, война против храма Нэгоро и отрядов Сайка были частью межсословной борьбы за власть в стране — воинское сословие не могло позволить простолюдинам устраивать жизнь по своему разумению. Ода Нобунага 10 лет воевал против их единоверцев и в конце концов жесточайшими методами ликвидировал самоуправление в провинциях Кага и Этидзэн. Хидэёси продолжил его политику, подавив сопротивление последователей храма Нэгоро и примыкавших к ним «людей из Сайка».

В войне против Нэгоро его активно поддержал новый союзник, Мори Тэрумото, снова предоставивший в распоряжение Хидэёси свой флот. Общее командование карательной операцией против повстанцев Хидэёси поручил своему племяннику Хасиба Хидэцугу.

Занявшие оборону повстанцы укрепили передовую линию обороны и усилили гарнизоны в фортах, стоявших на пути армии Хидэёси. Их защитникам было дополнительно роздано множество единиц огнестрельного оружия. В течение трёх дней, с 21 по 23 марта, шли бои за форты Сэнгокубори, Хатакэнака, Сэкидзэндзи и Сава. Первое укрепление штурмовали Хасиба Хидэцугу и Хори Хидэмаса, потерпевшие в прошлом году поражение от Токугава в бою при Нагакутэ. Отступать им было некуда, поэтому яростный штурм с большими потерями с обеих сторон закончился взятием форта в первый же день. Это известие подорвало боевой дух защитников соседнего форта Хатакэнака, и они ушли из него перед началом штурма, но сожгли укрепление, чтобы не оставлять его противнику. Форт Сэкидзэндзи атаковали Хосокава Тадаоки и Гамо Удзисато, а форт Сава — Такаяма Укон и Накагава Хидэмаса (1568–1592), сын погибшего в сражении при Сидзугатакэ Накагава Киёхидэ. Оба форта оказали сопротивление, но 23 марта были захвачены.

Первая линия обороны повстанцев была взломана, и армия Хидэёси, разделившись на две группы, разными маршрутами двинулась к главной цели — храму Нэгоро. Уцелевшие защитники первой линии обороны не успели вернуться в главный храм, и на момент нападения в нём находились только монахи численностью около двух тысяч человек. Не ожидая от них организованного сопротивления, Хидэёси отправил к ним парламентария с предложением сразу капитулировать, но священнослужители неожиданно ответили яростной вылазкой с применением огнестрельного оружия. После этого храм Нэгоро был полностью сожжён, а большинство его обитателей убиты.

Затем настал черёд района Сайка. Хидэёси предложил местным предводителям сложить оружие и сдаться, и большая их часть согласилась, но не все. Решительно настроенные командиры во главе с Ота Сакон собрались в его до-



Поход в провинцию Кии

машнем замке и приготовились к обороне. Вместе с теми, кто сумел бежать из Нэгоро, в замке набралось, по одним данным, три, по другим — пять тысяч человек. В основном это были крестьяне со своими семьями. Окружив замок Ота, командиры Хидэёси предложили его обитателям сдаться, но получили неожиданный отпор — вместо капитуляции гарнизон совершил боевую вылазку и уничтожил более 50 бойцов Хидэёси. Началась подготовка к штурму. В отличие от большинства местных фортов замок Ота имел каменную стену и был довольно хорошо укреплён. Судя по сохранившейся гравюре, его примерные размеры составляли 270 метров в длину и 220 в ширину. Из чего можно заключить, что вряд ли он мог вместить более трёх тысяч человек.

Замок располагался в низине, рядом с рекой Сайка, поэтому Хидэёси прибег к испытанному способу, затоплению. Действовал, как всегда, оперативно: земляные работы начались 25 марта, и за 10 дней несколько тысяч пехотинцев отсыпали дамбу высотой от 3 до 5 метров и длиной около 6 километров. К большой удаче нападавших, с 3 апреля начались дожди, поднявшие уровень воды в реке. Дамба была закончена к 5 апреля, и вода начала затапливать укрепление. Бойцы Хидэёси, которым стало нечего делать, на лодках подплывали поближе к крепостной стене и обстреливали обитателей замка из луков и аркебуз, а те в ответ подныривали под лодки и пробивали в них дыры, стремясь отправить противника на дно.

Осада продолжалась почти месяц. Вода с каждым днём прибывала, а запасы продовольствия у защитников, наоборот, таяли, и 22 апреля замок сдался. Принимая капитуляцию, Хидэёси передал главе дома Ота предписание из трёх пунктов. Первый: руководители сопротивления будут казнены, но не все. Позднее в замке были казнены 53 человека — по числу воинов Хидэёси, погибших во время вылазки гарнизона. Второе: остальные участники сопро-

тивления тоже заслуживают смертной казни, но будут помилованы вместе с членами семей. Третье: все местные крестьяне должны сдать имевшееся у них оружие и дать клятву никогда больше не брать его в руки. В дальнейшем им надлежит заниматься только крестьянским трудом и не участвовать в боевых действиях.

Последний пункт особенно примечателен — впервые за много столетий военачальник потребовал от крестьян разоружиться и прекратить участие в междоусобицах. Не ограничившись одними только запретительными мерами, Хидэёси распорядился бесплатно раздать крестьянам захваченные во время боёв мотыги, серпы, соломенные шляпы, упряжь и прочую хозяйственную утварь. Изъятие оружия и раздача крестьянского инвентаря состоялись в том же замке Ота в конце апреля 1585 года. Позднее эту политику Хидэёси назовут «охотой на мечи» (*катанагари*); она стала продолжением усилий Ода Нобунага, направленных на создание регулярной армии, способной воевать круглый год, и на обособление воинского сословия от основной массы крестьянского населения. После смерти Хидэёси эту политику продолжили сёгуны династии Токугава. В эпоху их правления сын крестьянина мог быть только крестьянином, а о подвигах предков, некогда сражавшихся с самураями, ему рассказывали старики и бродячие сказительницы.

«Водный штурм» замка Ота

Придворная карьера

В следующем году Хидэёси продолжил своё стремительное восхождение к высшим придворным титулам: в марте он получил полный второй ранг и должность Внутреннего министра (*найму дайдзин*), а в июле стал регентом двора (*кампаку*). Эта должность в сочетании с имевшейся у него военной силой значительно расширяла его возможности.

Почему Хидэёси не стал претендовать на высший воинский пост? Письменных свидетельств на этот счёт не осталось, но ситуация позволяет сделать вполне вероятные предположения. Скорее всего главная причина заключалась в том, что к тому моменту Хидэёси хотя и располагал наибольшими военными возможностями, но всё-таки контролировал менее половины территории страны — важные в политическом смысле провинции в центре и на западе острова Хонсю. На востоке за пределами его власти оставались обширные территории, которыми владели крупные кланы Токугава, Датэ и Ходзё, связанные между собой союзными отношениями. Доминировавшие на Кюсю и Сикоку кланы Симадзу и Тёсокабэ также не признавали власть Хидэёси. Претендовать на высший воинский пост в такой ситуации было преждевременно. Это во-первых. А во-вторых, в провинции Бинго под покровительством дома Мори жил и здравствовал последний сёгун Асикага Ёсиаки (1537–1597). Он хотя и оставался изгнанником без правительства, но формально от своей должности не отрёкся; более того, принимал самое активное участие в борьбе воинских кланов и всеми силами стремился вернуться в столицу. Назначить ещё одного сёгуна при живом предшественнике было совершенно немыслимо.

Хидэёси была нужна любая административная должность, которая позволяла бы издавать распоряжения от

имени императора. Пост *кампаку* давал такие полномочия, поскольку его обладатель контролировал гражданские аспекты придворной жизни, в том числе синтоистское и буддийское духовенство. Ситуация вокруг этой должности также благоприятствовала назначению Хидэёси: в тот момент за неё боролись влиятельные аристократические дома Нидзё и Коноэ, и победа любого из них грозила усилением придворных интриг. Назначение же человека из чуждого аристократии воинского сословия позволяло императору дипломатично закончить схватку «вничью». Правда, оставалась одна неувязка: начиная с эпохи Нара должность регента считалась наследственной привилегией пяти аристократических фамилий из северной ветви дома Фудзивара — Коноэ, Такацукаса, Кудзё, Нидзё, Итидзё. Кроме них никто не мог претендовать на этот высокий пост. Но этот вопрос удалось решить вполне в духе времени: Хидэёси договорился с главой дома Коноэ Сакихиса (1536–1612), что тот сделает его своим приёмным сыном, хотя по возрасту усыновитель был всего на год старше воспитанника. Согласие усыновить 48-летнего Хидэёси увеличило годовой доход дома Коноэ на 1000 *коку* риса — по меркам воинского сословия практически даром. Кроме того, Хидэёси пообещал, что не будет передавать должность по наследству и в будущем уступит её старшему сыну Коноэ Сакихиса. Остальным четырём фамилиям из северной ветви Фудзивара Хидэёси повысил годовой доход на 500 *коку* риса. Однако своё обещание насчёт наследственности он не сдержал — через 6 лет Хидэёси действительно отказался от титула *кампаку*, но передал его не сыну Коноэ Сакихиса, а своему племяннику Хидэнага.

Любой претендент на власть должен был обеспечить себе если не поддержку, то по крайней мере лояльность со стороны высшего духовенства страны, и в этом состояла ещё одна привлекательная черта должности *кампаку*.

Крупнейшие буддийские и синтоистские храмы распоряжались обширными земельными владениями, имели солидный годовой доход и столетиями жили по своим законам. Понимая важность контроля над ними, Хидэёси в апреле 1585 года, сразу после победы над храмом Нэгоро, отправил предписание из семи статей крупнейшему храмовому комплексу на горе Коя. Его суть сводилась к тому, что руководство храма должно признать власть Хидэёси и безусловно выполнять все его распоряжения, в противном случае его ожидала судьба храмов Энряку и Конгобудзи, в своё время уничтоженных Ода Нобунага. В тексте послания Хидэёси использовал ключевое для того времени слово *тэнка* (буквально «поднебесный мир»), которым обозначали объединение страны под властью одного человека, что ясно показывает его устремления. Время для отправки предписания было выбрано не случайно. Разгромив крупный региональный храм Нэгоро, Хидэёси предупредил столичное духовенство, что поддержка собратьев может дорого им обойтись.

Одиннадцатого июля 1585 года император подписал указ о назначении Хидэёси на должность *кампаку*, а через два дня во дворце состоялась пышная церемония. Впервые в японской истории должность регента императорского двора занял представитель воинского сословия, и в японском языке появилось новое выражение — *букэ кампаку*[34].

В последнее время Хидэёси стал часто бывать в столице, и во время этих приездов он, как и Нобунага, останавливался в одном из храмов буддийской школы Нитирэн. Обычно его принимал храм Мёкэн, располагавшийся в 200 метрах от замка Нидзё, бывшей резиденции опального сёгуна Асикага Ёсиаки. Вообще-то должность *кампаку* предполагала, что её обладатель должен жить в столице и

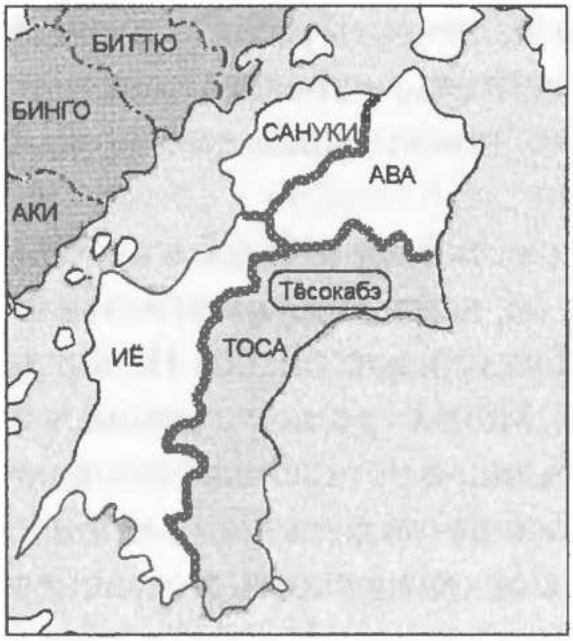
---

[34] *Букэ* — воинская аристократия, воинское сословие.

работать в императорском дворце, но, с другой стороны, представителям воинского сословия не полагалось постоянно находиться рядом с «сыном неба». Поэтому для нового регента было решено построить отдельную усадьбу в столичном районе Утино — молва утверждала, что в эпоху Нара здесь стоял дворец императора. Строительство началось в феврале следующего 1586 года в квартале Дзюракутэй, впоследствии давшем название и самой резиденции.

Остров Сикоку

Весной 1585 года сражением за форт Юдзуки в провинции Иё завершились многолетние боевые действия на острове Сикоку. Победителем в этой войне вышел клан Тёсокабэ, последним усилием завоевавший все четыре провинции острова (Сануки, Ава, Тоса, Иё). В 1578 году он уже контролировал большую часть его территории, оставив соседям лишь половину провинции Иё, а семь



Сикоку в 1578 году

Сикоку в марте 1585 года

лет спустя захватил его полностью. Во время боевых действий Хидэёси против Ода Нобукацу и Токугава Иэясу клан Тёсокабэ занял сторону его противников и угрожал Хидэёси с юго-западного направления. Не обращать внимания на враждебную силу в непосредственной близости от строящегося замка Осака было невозможно, поэтому сразу после завершения дел в столице Хидэёси вплотную занялся островом Сикоку.

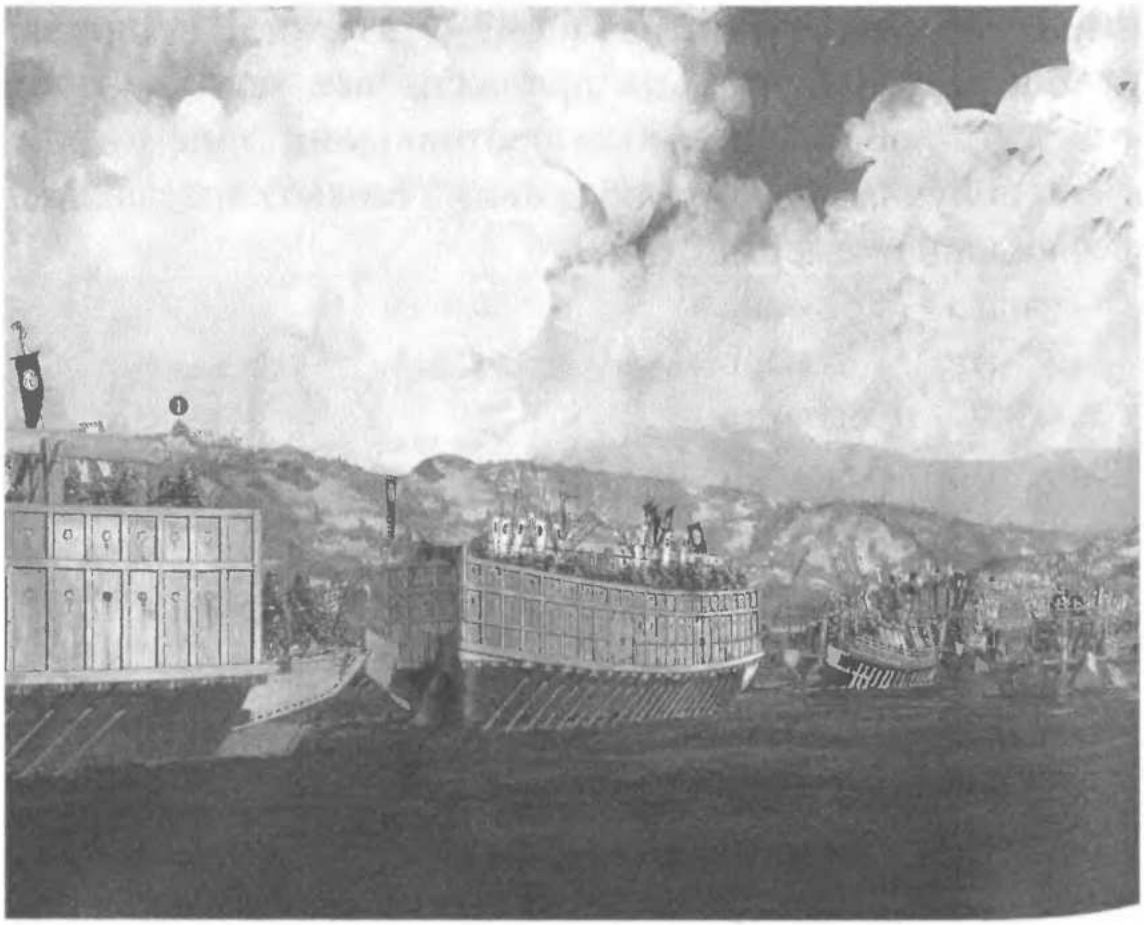
Стремясь по возможности обойтись без боевых действий, он предложил главе клана Тёсокабэ сделку: он уступает ему две провинции на западном побережье острова (Иё и Сануки), а себе оставляет две восточные (Ава и домашнюю провинцию Тоса). После этого они заключают договор и становятся союзниками, поделив остров пополам. За 4 года до этого похожее предложение дому Тёсокабэ делал Ода Нобунага, но в отличие от Хидэёси он требовал себе три самые большие провинции из четырёх. Тёсокабэ Мототика (1539–1599) тогда не принял требование Нобунага, но приложил все усилия, чтобы избежать войны с сильным противником. У него ничего не получилось, и от поражения Тёсокабэ спасла лишь неожиданная смерть Нобунага в июне 1582 года. Теперь Хидэёси предлагал более приемлемый вариант — нацеливаясь на лежащий к западу остров Кюсю, он хотел получить обращённую к нему половину острова Сикоку. Глава дома сделал встречное предложение, согласившись

Тёсокабэ Мототика

уступить крупную провинцию Иё на западном побережье. По площади она занимала примерно треть острова, но Хидэёси на компромисс не согласился, и переговоры закончились ничем.

Началась подготовка к отправке на остров экспедиционного корпуса. Поначалу Хидэёси собирался сам возглавить операцию, но перед её началом заболел и назначил командующим своего младшего брата Хидэнага, а его первым помощником — племянника Хидэцугу.

Шестнадцатого июня 1585 года 30-тысячный корпус под командованием Хидэнага начал переправляться на судах из порта Сакаи на остров Авадзи. Промежуточный лагерь разбили в окрестностях форта Сумото. Здесь к нему присоединилась 30-тысячная армия Хидэцугу, прибывшая на остров из порта Акаси. Затем войско общей численностью в 60 тысяч человек переправилось через про-



Флотилия

лив и высадилось в провинции Ава на северо-восточной оконечности острова Сикоку. Глава дома Тёсокабэ заранее укрепил на этом направлении передовые форты и усилил их гарнизоны. Имея в своём распоряжении 40 тысяч человек, он полагал, что на своей территории сможет оказать сопротивление Хидэёси, но по мере прибытия на остров всё новых подразделений соотношение сил стало быстро меняться не в его пользу. Вскоре в соседней провинции Сануки высадился 23-тысячный отряд под командованием Укита, Хатисука и Курода, а в провинции Иё — от 30 до 40 тысяч человек во главе с Киккава Мотохару и Кобаякава Такакагэ. Таким образом, общая численность сил Хидэёси, наступавших с трёх направлений, превысила 100 тысяч человек. Командованию Тёсокабэ тоже пришлось разделить свои силы и вести бои одновременно в провинциях Ава, Сануки и Иё.

В провинции Ава укрепления один за другим переходили под контроль Хидэёси. Гарнизоны фортов Итиномия, Ивакура, Ваки оказали сопротивление нападавшим, а Иноямa и Усики сдались без боя. Особенно болезненной стала потеря стратегически важного форта Итиномия, расположенного на тракте, разделявшем провинцию на северную и южную части. Через два месяца боевых действий, когда их исход стал ясен, в штабе Тёсокабэ начали обсуждать варианты. Один заключался в том, чтобы прекратить боевые действия и заключить мир с Хидэёси, пожертвовав при этом тремя провинциями из четырёх, но сохранив домашнюю провинцию Тоса, самую большую по площади. Второй вариант предусматривал сопротивление до конца с вероятной потерей всех территорий и гибелью клана, его вассалов и союзников. На первом варианте активно настаивал ключевой вассал главы дома Тани Тададзуми (1534–1600), чем навлёк на себя его гнев: Тёсокабэ Мототика приказал ему вернуться в свой замок и покончить жизнь самоубийством. Сам глава клана понача-

Бои на Сикоку

лу настаивал на том, чтобы воевать до конца, но по мере того, как всё больше его командиров склонялось к первому варианту, изменил своё мнение и согласился с их доводами. Окончательному решению предшествовала бурная ночь, в течение которой шло обсуждение вопроса жизни и смерти.

Боевые действия на острове Сикоку длились в общей сложности семь недель и завершились 6 августа 1585 года подписанием мирного договора, по которому три провинции из четырёх — Ава, Сануки, Иё — перешли под контроль Хидэёси и были переданы его наиболее отличившимся в этой кампании полководцам. Клан Тёсокабэ сохранил за собой домашнюю провинцию Тоса и вошёл в число союзников победителя.

Восточное партнёрство

Сасса Наримаса (1536–1588), владевший провинцией Эттю, до 1582 года служил Ода Нобунага и долгое время был соратником Хидэёси, однако в его конфликте с Нобукацу и Иэясу занял сторону последних. После примирения Иэясу с Хидэёси был этим очень недоволен и продолжил боевые действия в провинции Кага против Маэда Тосииэ, союзника Хидэёси. Причём действовал успешно — Тосииэ сдавал позиции и нуждался в подкреплении. В первой половине 1585 года Сасса захватил форт Торигоэ и несколько вспомогательных укреплений в провинции

Кага, и это определило следующую цель Хидэёси — провинцию Эттю на северо-востоке Хонсю.

Армия Хидэёси была переброшена туда сразу после возвращения с острова Сикоку, в августе 1585 года. Отправив передовой отряд для подготовительных работ, Хидэёси прибыл в провинцию Кага 18 августа и вместе с Маэда Тосииэ остановился в замке Канадзава. Выдвижение на боевые позиции началось через два дня. Сасса Наримаса со своими людьми занял оборону в замке Тояма, но, оценив соотношение сил, принял решение сложить оружие. Двадцать шестого августа он приехал на встречу с Хидэёси и сообщил ему, что отказывается от сопротивления, принимает постриг и уходит в монастырь. В воинской практике существовал такой вариант выхода из конфликта, поэтому Хидэёси принял капитуляцию и оставил ему один из четырёх уездов провинции Эттю, а три остальные передал старшему сыну Маэда. Но бывшего противника в монастырь не отправил, а взял к себе на службу и поселил в замке Осака вместе с домочадцами. Два года спустя, во время покорения острова Кюсю, Сасса Наримаса уже воевал на стороне Хидэёси, действовал там успешно и получил от него провинцию Хиго.

В соседней с Кага провинции Хида оставался ещё Мицуги Ёрицуна (1540–1587), сосед и союзник Сасса Наримаса. Отправив туда отряд под командованием Канамори Нагатика (1524–1608), Хидэёси быстро заставил его капитулировать. Интересно, что два года назад в сражении при Сидзугатакэ Канамори воевал против Хидэёси в составе сил Сибата Кацуиэ, а после его поражения тоже снял доспехи и ушёл в монастырь. Но через некоторое время Хидэёси призвал его к себе на службу. Быстро сломив сопротивление Мицуги Ёрицуна, Канамори стал хозяином провинции Хида. На всю кампанию у Хидэёси ушло чуть больше месяца.

Таким образом, к сентябрю 1585 года большая часть противников Хидэёси, воевавших с ним год назад, была

нейтрализована. Он вышел победителем в очередном противостоянии и ещё больше укрепил свои позиции. Неопределёнными оставались отношения с Токугава и Ходзё, связанными союзным договором. Проблему можно было решить двумя способами: военным (договориться с одним из них и вместе напасть на другого) и дипломатическим (договориться сначала с одним, а затем с другим союзником).

Хидэёси выбрал второй вариант и начал с Токугава. Несмотря на примирение и отправку заложников, Иэясу держал дистанцию и не принимал участия в боевых действиях против своих прошлогодних союзников по борьбе с Хидэёси. Победив в боях при Комаки и Нагакутэ, он показал, что не уступает ему в военном отношении, и не искал его покровительства. А вот Хидэёси в нём нуждался — без поддержки Токугава покорение обширного востока страны оставалось под большим вопросом.

В конце ноября к Иэясу прибыла делегация от Хидэёси с предложением посетить столицу. С учётом соотношения сил их личная встреча могла пройти лишь в одном формате: Иэясу должен был признать главенство Хидэёси и перейти к нему в подчинение. Не будучи к этому готовым, хозяин вежливо принял высоких гостей, но приглашение проигнорировал. Следующим ходом Хидэёси предложил ему породниться, взяв в жёны его младшую сестру Асахи (1543–1590). Такое сближение тоже не входило в планы Иэясу, но найти повод для отказа было непросто: 6 лет назад в его семье произошёл конфликт, в ходе которого Цукияма, жена Иэясу, была заподозрена в тайных контактах с домом Такэда и убита по приказу мужа, поэтому формально новый брак вполне мог состояться. Однако породнение с Хидэёси также означало переход в его лагерь и, следовательно, опять же подчинение. Сестра Хидэёси, которой шёл 42-й год, уже была замужем за военачальником из провинции Тадзима по имени Соэда Ёсинари,

однако это не стало большим препятствием — Хидэёси распорядился этот брак расторгнуть, а бывшему мужу компенсировать потерю жены увеличением годового дохода на 50 тысяч *коку* риса. Не в силах противиться воле могущественного родственника Соэда Ёсинари, по одной версии, ушёл в монастырь, по другой — покончил жизнь самоубийством.

С Токугава Иэясу вопрос о браке решался труднее и дольше — на переписку и обсуждение ушло несколько месяцев. Но в конце концов Иэясу был вынужден согласиться. Четырнадцатого мая 1586 года в Хамамацу прошла церемония, после которой 43-летний глава дома и младшая сестра Хидэёси были объявлены мужем и женой. Хидэёси выиграл важный раунд, но Токугава и после этого не собирался капитулировать: приняв сестру Хидэёси в дом, он по-прежнему отказывался ехать в столицу.

Прошло ещё несколько месяцев, и Хидэёси предпринял следующую инициативу: прибывший от него посланник сообщил Токугава, что в ближайшее время к нему приедет мать Хидэёси, 73-летняя Омандокоро (1513–1592). Официально — чтобы навестить дочь, фактически — в качестве заложницы. Давление достигло высшей точки. Мирный договор с Хидэёси, женитьба на его родной сестре и приём матери делали дальнейшие отказы от личной встречи просто неприличными. Надо было на что-то решаться, и 26 сентября

Асахихимэ, младшая сестра Хидэёси

Токугава собрал большой семейный совет, на котором обсуждался вопрос о поездке в столицу — от этого теперь зависела судьба клана. Отказ означал войну с Хидэёси, а согласие было равносильно принятию вассалитета. Присущие Токугава Иэясу расчёт и осмотрительность победили и на этот раз: выслушав разные мнения, он объявил, что поедет на встречу.

Мать Хидэёси прибыла в замок Окадзаки 18 октября, а через два дня Иэясу отправился в столицу. Вопрос решился. Через 6 дней пути Иэясу прибыл в Киото и остановился в доме младшего брата Хидэёси. Здесь состоялась их первая, неофициальная встреча один на один. На следующий день, 27 октября, в честь гостя был устроен большой приём в замке Осака. Во время выступления Хидэёси при словах *дзёраку тайги*[35] Токугава Иэясу почтительно поклонился, и все присутствующие поняли, что на сторону Хидэёси перешёл ещё один влиятельный полководец.

Вернувшись из столицы, Токугава перенёс свою главную резиденцию из Хамамацу в Сумпу, некогда домашний замок клана Имагава, где он провёл десять лет в качестве заложника. Переехав на 70 километров восточнее, Токугава, во-первых, поселился в центре своих расширившихся владений, а во-вторых, приблизился к границам клана Ходзё, с которым ему предстояло теперь плотно контактировать.

Остров Кюсю

Осенью 1585 года к Хидэёси обратился за помощью Отомо Сорин с острова Кюсю. В последние годы там быстро усиливался клан Симадзу, подчинявший себе

[35] Здесь: подчинение центральной власти.

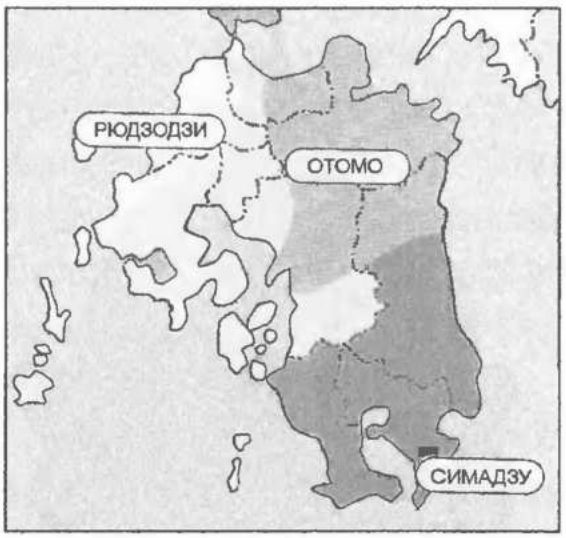
Глава клана Рюдзодзи Таканобу

одну провинцию за другой. События на острове развивались по общей схеме, характерной для завершающего этапа междоусобных войн. Второй по величине остров страны, разделённый на девять провинций[36], быстро превращался в вотчину клана Симадзу, возглавляемого тремя взрослыми боеспособными братьями. Ещё недавно на Кюсю соперничали три крупных воинских дома — Симадзу из Сацума, Отомо из Бунго и Рюдзодзи из Хидзэн. В 1578 году Симадзу одержал крупную победу над Отомо, а в 1584 году разгромил Рюдзодзи, после чего большинство мелких и средних феодалов перешли к нему на службу. К концу 1585 года на острове остались две неравные силы: старший из трёх братьев Симадзу Ёсихиса (1533–1611) контролировал семь провинций (три четверти острова), а клан Отомо — оставшуюся четверть (две провинции). До полного захвата острова домом Симадзу оставалось совсем немного.

Видя неизбежность поражения, Отомо Сорин (1530–1587) обратился за помощью к Хидэёси. Переход крупного острова под контроль одного клана был ему невыгоден, и в октябре 1585 года Хидэёси, используя недавно полученные полномочия *кампаку*, откликнулся на просьбу Отомо и издал от имени императора указ, запрещающий на острове Кюсю любые боевые действия. Заявленная цель указа выглядела вполне благородно и соответствовала смыслу императорского правления — обеспечению

---

[36] Само название Кюсю означает «девять областей» или «девять провинций».



Кюсю в 1578 году

Кюсю в 1586 году

мира и порядка в государстве. Указ за подписью Хидэёси был оформлен в виде распоряжения, адресованного конкретному воинскому клану, и назывался *Симадзукэ мондзё* («Предписание дому Симадзу»). Никогда прежде столичные аристократы, занимавшие должности регентов, не осмеливались отдавать такие распоряжения воинским кланам, поскольку не могли обеспечить их выполнение. А Хидэёси мог.

Через месяц, в ноябре 1585 года, он отправил такое же требование (*Собудзирэй*) в восточные регионы Канто и Оу[37]. В процессе объединения страны начался новый этап — прекращение междоусобиц по требованию регента императорского двора. Разумеется, настоящая цель состояла в покорении второго по величине острова страны, более чем в два раза превосходившего по площади только что захваченный им Сикоку. В этом планы Хидэёси совпадали с интересами его нового союзника Мори Тэрумото. Этот клан, контролировавший всю западную часть острова Хонсю, уже пытался своими силами завоевать Кюсю, но не сумел, и теперь с помощью Хидэёси рассчитывал

---

[37] Район Оу — северо-восточная оконечность острова Хонсю (провинции Дэва и Муцу).

расшириться за счёт островных территорий. Не приходилось сомневаться, что дом Мори будет одним из главных действующих лиц в предстоящих боевых действиях.

Отомо Сорин, не имевший никаких шансов в одиночку одолеть мощного соседа, с радостью воспринял предписание Хидэёси и выразил готовность его выполнять. Братья Симадзу отнеслись к распоряжению совсем по-другому. Об этом свидетельствует запись в дневнике Уваи Каккэн, одного из старших командиров Симадзу Ёсихиса, сделанная 23 января 1586 года. Обсудив на семейном совете распоряжение Хидэёси, руководители клана отметили, что император поступил опрометчиво, назначив на должность регента «человека непонятного происхождения». Клан Симадзу, гордившийся тем, что является боковой ветвью дома Минамото, проявлял большую щепетильность в вопросах родословной, поэтому на совете было решено «посмеяться и забыть» о распоряжении человека по имени Хасиба Хидэёси (*Уваи Каккэн никки*).

Однако подготовленный в императорской канцелярии документ хотя и был написан по инициативе Хидэёси, имел безукоризненную форму и выражал волю императора, поэтому требовал уважительного отношения. На том же совете было принято решение подготовить ответ, но отправить его не самому Хидэёси, а его близкому союзнику Хосокава Фудзитака (1534–1610), предки которого в родовитости не уступали предкам Симадзу. Смысл ответа сводился к тому, что руководство

Отомо Сорин

дома Симадзу в данный момент соблюдает мирное соглашение между провинциями Бунго и Сацума, заключённое ещё во времена Ода Нобунага. Тем самым Хидэёси дали понять, что давняя договорённость о мире между Отомо и Симадзу остаётся в силе, а остальное его не касается.

Это была обычная воинская бравада, вполне в духе времени, когда любому крупному военачальнику полагалось быть гордым и надменным до тех пор, пока его не принуждали к обратному. А глава дома Симадзу имел для фамильной гордости ещё и формальное основание — распоряжение опального сёгуна Асикага Ёсиаки. Изданным в феврале 1585 года указом он назначил старшего из трёх братьев Симадзу Ёсихиса военным губернатором острова Кюсю, тем самым передав ему полномочия предыдущего губернатора Отомо Сорин. Таким образом, указ формально действующего, но политически бессильного 15-го сёгуна Асикага вступил в противоречие с предписанием регента императорского двора, за которым стояла реальная военная сила.

Поняв по ответу, что дом Симадзу не собирается выполнять его распоряжение, Хидэёси, тем не менее, отправил ему в марте 1586 года следующий указ — о распределении островных провинций между местными кланами. Симадзу Ёсихиса должен был вернуть Отомо Сорин половину провинции Хиго, половину Будзэн и всю провинцию Тикуго. Клану Отомо, в свою очередь, предписывалось передать провинцию Хидзэн дому Мори. Соседнюю провинцию Тикудзэн Хидэёси отбирал у Симадзу в свою пользу, а остальные его владения оставлял без изменений. Все упомянутые в распоряжении лица должны были до 1 июля 1586 года письменно сообщить, согласны ли они его выполнять. Хорошо зная психологию крупных военачальников, Хидэёси не строил иллюзий относительно того, какими будут ответы. Отомо Сорин сразу подтвердил своё согласие, а братья Симадзу распоряжение про-

игнорировали и в июне начали боевые действия против союзников клана Отомо в прибрежных провинциях Хидзэн и Тикудзэн. В соответствии с решением, принятым на семейном совете, они не собирались выполнять указы какого-то Хидэёси, что давало регенту двора основания для карательного похода.

В начале июля передовой отряд Симадзу вышел к форту Кацуноо, защищавшему внешние рубежи владений Отомо в провинции Хидзэн, и один за другим захватил окружавшие его вспомогательные укрепления. Десятого июля пал и сам форт Кацуноо. Получив сообщение о начале боевых действий, Хидэёси издал указ о военном походе и определил военачальников, ответственных за распределение земель на острове. Любопытно, что среди них оказались и враждовавшие между собой Отомо Сорин и Мори Тэрумото.

Большой поход требовал длительной подготовки, а военное преимущество Симадзу было настолько велико, что за это время доминирующий клан вполне мог захватить весь остров. Поэтому Хидэёси отправил на помощь Отомо военачальников из ближайших к Кюсю районов — Мори Тэрумото, Киккава Мотохару, Кобаякава Такакагэ и Тёсокабэ Мототика. Недавно капитулировавший глава дома Тёсокабэ получил возможность на деле доказать верность своему слову, данному Хидэёси при разделе острова Сикоку. Передовым отрядам была поставлена задача максимально замедлить боевые действия, сковать силы противника и ограничить его активность; не сдавая позиций, дожидаться подхода основных сил, которые Хидэёси намеревался возглавить сам.

Тем временем на острове продолжались боевые действия. Симадзу Ёсихиса с 50-тысячной армией начал продвижение в глубь владений Отомо, рассчитывая захватить его главные форты Хоманъяма, Ивая и Татибана. Последний был особенно важен. После двух недель кро-

вопролитных боёв и гибели всего гарнизона пал форт Ивая, а его комендант Такахаси Сигэтанэ (1548–1586) покончил с собой. Эта победа дорого обошлась армии Симадзу. В штурме форта участвовали 30 тысяч человек, а защитников было чуть больше тысячи. Все они погибли, но потери нападавших оказались в несколько раз больше.

Шестого августа пал следующий форт Хоманъяма. Затем началась осада хорошо укреплённого форта Татибана, защитой которого руководил 18-летний Татибана Мунэсигэ (1567–1643). Здесь у Симадзу опять произошла заминка — юный командир хорошо подготовился к обороне и сумел должным образом настроить гарнизон, поэтому осада обещала быть долгой и упорной. В этот момент на остров высадились передовые отряды Хидэёси, и командиры Симадзу начали торопиться. Они попробовали взять форт без боя, переманив молодого Мунэсигэ на свою сторону, но этот план не удался, и через две недели, 24 августа, осада была снята. Увидев, что противник отступил, молодой командир вышел из замка и, соединившись с подошедшим на помощь отрядом Мори, атаковал потерянные ранее форты Ивая, Хоманъяма, Такатории и отбил их у противника.

Симадзу Ёсихиро

Эти два фактора — прибытие подкрепления от Хидэёси и успешные действия Татибана Мунэсигэ — нарушили первоначальный план действий, подготовленный в штабе Симадзу. Он заключался в том, чтобы поочерёдно брать форты на границах владений Отомо и продви-

гаться в глубь его территории. Удалённые форты обычно имели малочисленные гарнизоны и не могли оказать серьёзного сопротивления крупной армии.

В сентябре на Кюсю прибыли отряды с острова Сикоку под командованием Тёсокабэ и Сого. Войдя в провинцию Бунго, они соединились с силами Отомо в его домашнем замке Фунаи. Уже в ходе боевых действий на Кюсю Хидэёси получил от императора ещё одно поощрение — разрешение сменить свою рядовую фамилию Хасиба на аристократическую Тоётоми. До этого он уже несколько раз подписывал указы фамилией Фудзивара, своих знаменитых предшественников на посту регента, но затем решил, что должен основать новую династию с собственной фамилией, и стал именовать себя Тоётоми. Её смысловая расшифровка достоверно неизвестна, но фамилия составлена из иероглифов и по правилам, характерным для аристократических домов эпохи Нара[38].

В начале октября на Кюсю прибыли со своими отрядами Киккава Мотохару, Кобаякава Такакагэ и Курода Камбэй (Ёситака), главный военный советник Хидэёси, в очередной раз сменивший своё имя. С учётом пополнения сил противника на военном совете Симадзу было решено сменить тактический план и сразу атаковать главную цель — замок Фунаи, домашнюю резиденцию Отомо Сорин в провинции Бунго. Двадцать второго октября 30-тысячная армия под командованием второго брата Симадзу Ёсихиро (1535–1619) вошла в Бунго с запада и начала продвижение на восток, поочерёдно захватывая стоявшие на пути укрепления. В середине ноября через южную границу из провинции Хюга с 10-тысячным отрядом вошёл Симадзу Иэхиса (1547–1587), самый младший из братьев Симадзу. Он должен был овладеть стратегиче-

[38] По одной из версий, она восходит к Тоёто Мими, одному из имён принца Сётоку Тайси (574–622).

ски важным фортом Цуруга, расположенным посередине между двумя главными замками клана Отомо — Фунаи и Ниудзима. Потеря Цуруга резко осложнила бы положение сил Отомо.

Ожесточённый бой за форт Цуруга начался 6 декабря и продолжался трое суток. Первый и второй оборонительные рубежи форта были взяты штурмом, осталась последняя, внутренняя крепостная стена, за которой засели защитники. Командир гарнизона Кагами Ёсинори отправил гонца в Фунаи и попросил поддержать его ударом в тыл противника. В Фунаи уже был расквартирован 6-тысячный отряд с острова Сикоку под командованием Тёсокабэ и Сого, первым высадившийся на Кюсю. Получив просьбу Кагами, её рассмотрели на военном совете и решили, что ввязываться в бой за Цуруга слишком рискованно.

Десятого декабря державшийся до последнего Кагами Ёсинори погиб, и всем стало ясно, что удержать форт не удастся. В Фунаи снова собрали военный совет и обсудили ситуацию. Симадзу Иэхиса вот-вот возьмёт Цуруга. С запада с большой армией подходит его брат Ёсихиро, и если они соединятся и ударят по Фунаи, то подхода основных сил Хидэёси можно и не дождаться. Принимается решение: «Иэхиса нужно отвлечь от Цуруга и навязать ему бой раньше, до подхода Ёсихиро». Очевидно, что поддерживающий удар в тыл, о котором два дня назад просил командир форта Цуруга, был бы эффективнее, но тогда решили не рисковать, а теперь всё равно это пришлось делать, чтобы спасти ситуацию.

На следующий день, 11 декабря, 6-тысячный отряд с острова Сикоку вышел из Фунаи и встал лагерем на западном берегу небольшой речки Хэцуги, протекавшей между Фунаи и Цуруга. Симадзу Иэхиса снял осаду с форта Цуруга и выдвинулся к реке, встав напротив, на её восточном берегу. Впервые силы Хидэёси должны были вступить в открытый бой с силами Симадзу. Последние имели трёх-

кратное численное превосходство — 18 тысяч против шести. Несмотря на это, Сэнгоку Хидэхиса (1552–1614), начальник штаба Сого Масаясу (1554–1587) из провинции Сануки, предложил активный план действий — перейти реку и атаковать противника. Тёсокабэ Мототика возразил, что, имея в три раза меньше сил, трудно рассчитывать на успех, но Сого Масаясу поддержал своего военного советника и сумел склонить главу клана к активным действиям.

Дав противнику переправиться через реку, Симадзу Иэхиса бросил своих командиров в атаку и смял боевые порядки наступавших. Тёсокабэ Мототика был вынужден следовать навязанной ему тактике; с 3-тысячным отрядом он присоединился к сражению, но был атакован превосходящими силами Иэхиса и разбит. Бой получился кровопролитным и закончился победой Симадзу. В нём погибли Сого Масаясу, сын главы клана Тёсокабэ Нобутика, и ещё две тысячи человек. Потеряв треть войска и потерпев полное поражение, Тёсокабэ Мототика вернулся на Сикоку, а начальник штаба Сэнгоку Хидэхиса бежал на остров Авадзи. Впоследствии он взял на себя ответственность за поражение, был лишён всех владений и сослан в монастырь на горе Коя.

После победы на реке Хэцуги отряд Иэхиса в тот же день атаковал замок Фунаи. Отомо Ёсимунэ (1558–1610) не стал защищать семейную резиденцию и ушёл в расположенный северо-западнее форт Рюо. На следующий день, 13 декабря, Симадзу Иэхиса вошёл в Фунаи и тут же отправился штурмовать расположенный неподалёку замок Ниудзима, где жил вышедший в отставку глава клана 56-летний Отомо Сорин (1530–1587). Однако по неизвестным причинам штурм замка не состоялся; Иэхиса сжёг призамковый город и вернулся в Фунаи. Вероятнее всего, посчитал более важным выигрыш во времени и сохранение боеспособности своих сил. В конце концов главная цель — захват замка Фунаи — была достигнута.

Впоследствии широко распространилась легенда, что главной причиной чудесного спасения Ниудзима стали две пушки с ядрами, подаренные клану Отомо португальцами. Молва об этих страшных орудиях, которые современники называли «разрушителями провинций» (*куникудзуси*), распространилась по всему острову. Жители призамкового города с придыханием рассказывали о том, что чугунные ядра этих пушек диаметром до 150 миллиметров крушат даже каменные стены, а грохот выстрела слышен за несколько километров.

Новый 1587 год братья Симадзу встретили рядом: младший Иэхиса — в замке Фунаи, средний Ёсихиро — в Такуми, а старший Ёсихиса — в расположенном южнее замке Сиоми (см. карту). Кольцо вокруг клана Отомо медленно, но верно сжималось, и трудно было поверить, что совсем скоро братья окажутся в безнадёжной ситуации.

Среди командиров Хидэёси, первыми прибывших на остров, был и Курода Камбэй, его главный военный советник. Годовой доход Курода в то время составлял всего 30 тысяч *коку* риса, и это означало, что он не мог мобилизовать больше 4 тысяч человек. С такими силами невозможно было взять даже средний по размерам форт, поэтому Камбэй получил от Хидэёси задание провести агитацию среди командиров в провинциях Будзэн и Тикудзэн и склонить их к переходу на свою сторону. Раньше они служили дому Рюдзодзи, но после его поражения присягнули на верность Симадзу. Это произошло совсем недавно, поэтому Курода имел неплохие шансы на успех. В письмах к местным командирам он сообщал, что в ближайшее время Хидэёси с огромной армией придёт на их земли, и тогда им придётся сделать выбор — сразу перейти на его сторону и сохранить свои владения или оказать сопротивление и погибнуть. Время для принятия решения ещё было, но не очень много.

Осенью 1586 года Хидэёси находился в замке Осака и занимался отношениями с Токугава Иэясу. Добившись с помощью дипломатии его перехода на свою сторону и обезопасив себя на востоке, он получил возможность сосредоточиться на западном направлении. Объявление о походе на остров Кюсю было сделано во время новогодних праздников, на которые по традиции съехались все его вассалы и союзники. Началось формирование основных сил. Двадцать пятого января на Кюсю отправился Укита Хидэиэ, 10 февраля — Хасиба Хидэнага, а 1 марта — сам Хидэёси. Общая численность прибывших на остров сил достигла 180 тысяч человек. В конце марта Хидэёси высадился в Кокура, самом северном порту острова Кюсю, неподалёку от замка Фунаи. Верный своей тактике, он вначале послал своего представителя к среднему брату Симадзу Ёсихиро с предложением сразу заключить мир и перейти на его сторону, но получил отказ.

На военном совете Симадзу ещё до прибытия Хидэёси было решено не воевать с ним на чужих, недавно захваченных территориях, а отступить в южную часть острова и дать ему бой на своих исконных землях, в провинции Сацума. Штаб Симадзу исходил из того, что на чужой территории Хидэёси столкнётся с трудностями в организации снабжения своей огромной армии продовольствием, и ему придётся изымать его у местного населения. Это должно было вызвать его недовольство и сделать сторонником местных сил в лице Симадзу.

Хидэёси, в свою очередь, утвердил план военных действий, принятый его военным советом 25 марта. В соответствии с ним Хасиба Хидэнага должен был со 100-тысячной армией идти восточным маршрутом из Бунго в Сацума через провинцию Хюга; Хидэёси с оставшимися силами планировал отправиться из Тикудзэн на юг западным маршрутом, через провинции Тикуго и Хиго. Затем армии с двух сторон должны были одновременно войти в провинцию Сацума и атаковать основные силы Симадзу.

С учётом большого численного превосходства сил Хидэёси все стоявшие на их пути укрепления должны были быть захвачены быстро и с минимальными потерями. Под командование Хасиба Хидэнага перешли находившиеся на острове с прошлого года отряды Мори, Киккава, Курода и Кобаякава, а также вновь прибывший отряд Хатисука. К ним же примкнул и Отомо Ёсимунэ (1558–1610), сын главы местного клана, со своими людьми.

Первыми на пути сил Хидэёси оказались форты Гансяку и Косёдзан, которые защищал местный командир Акидзуки Танэдзанэ (1548–1596). Форт Гансяку, название которого состояло из иероглифов «камень» и «скала», действительно располагался на скалистой возвышенности (446 метров) и был окружён мощной каменной стеной. Решив не тратить время на трудную осаду, Хидэёси оставил возле Гансяку трёх своих командиров и направился дальше, к форту Косёдзан. Однако оставленные на боевом дежурстве Гамо Удзисато и Маэда Тосинага вызвались своими силами взять Гансяку, и Хидэёси разрешил штурм, назначив командовать им своего 18-летнего приёмного сына Хидэкацу. Рано утром 1 апреля отряды Гамо и Маэда с двух сторон атаковали форт и к вечеру взяли его. Из 3 тысяч защитников погибли 400 человек. Лёгкость, с которой был взят считавшийся неприступным горный форт, деморализовала многих союзников Симадзу. Один из них, Акидзуки Танэдзанэ, перед этим оставил вспомогательное укрепление Масутоми и вместе со своими людьми переместился в более основательный форт Косёдзан, чтобы здесь дать бой противнику. Но когда ему сообщили, что Хидэёси идёт на него с 50-тысячным войском, отказался от сопротивления и капитулировал.

Быстрое падение опорного форта Гансяку и капитуляция Акидзуки Танэдзанэ предопределили дальнейший ход событий — местные военачальники начали один за другим сдаваться и переходить на сторону Хидэёси. В этом

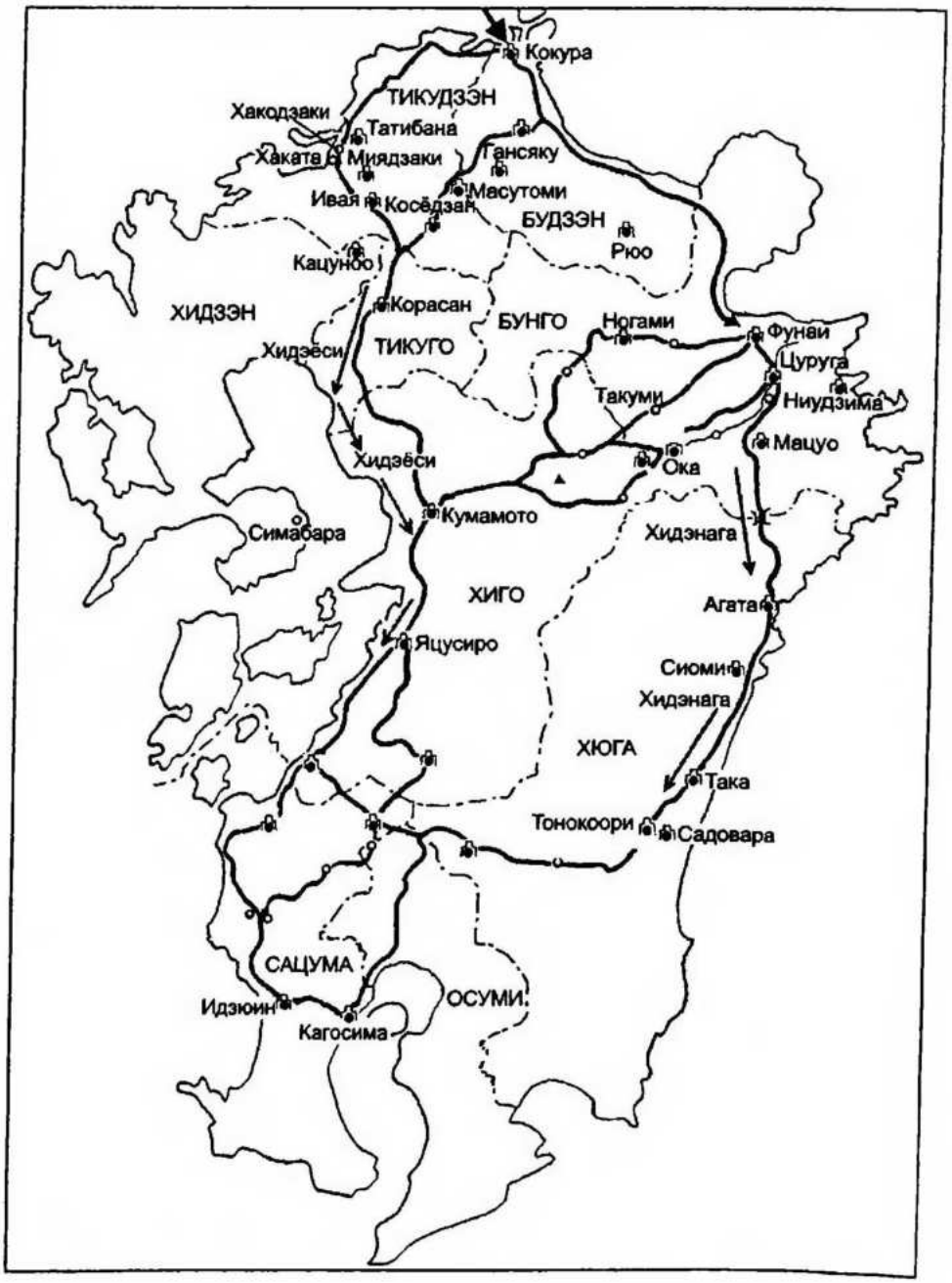
сказались и результаты агитации, которой несколько месяцев занимался здесь Курода Камбэй, однако решающим фактором стало подавляющее численное превосходство высадившейся на остров армии. Её продвижение на юг ускорилось: 10 апреля Хидэёси занял форт Корасан, 16-го — Кумамото, а 19-го — форт Яцусиро в провинции Хиго, недалеко от границы Сацума.

Войско Хасиба Хидэнага тем временем продвигалось на юг восточным маршрутом, вообще не встречая сопротивления. Штаб Симадзу решил дать ему бой у форта Така, стоявшего на пути Хидэнага. На то была причина морального свойства — именно здесь девять лет назад клан Симадзу одержал решающую победу над Отомо Сорин, и его нынешний глава Ёсихиса был активным участником того сражения. В тот момент, когда Хидэнага пойдёт на штурм форта Така, было решено атаковать его ударом в спину из расположенных поблизости укреплений Тонокоори и Садовара.

Хидэнага подошёл к форту Така 6 апреля и окружил его. Предвидя возможный удар неприятеля с южного направления, он распорядился построить на его пути укреплённый лагерь Нэдзиродзака. Стремясь сорвать строительство, братья Симадзу 17 апреля с 20-тысячными силами атаковали Нэдзиродзака и окружили его. Завязался ожесточённый бой, длившийся почти сутки, до утра 18 апреля. На помощь Хидэнага поспешили отряды Курода, Кобаякава и Тодо; масштаб и значение боя ещё больше возросли. Взять штурмом

Глава клана Симадзу Ёсихиса

лагерь Нэдзиродзака не удалось, и силам Симадзу пришлось вернуться в Тонокоори и Садовара. На этом боевые действия на острове закончились — 21 апреля 1587 года глава дома Симадзу Ёсихиса отправил к Хидэнага заложников и запросил мира. Ещё через 8 дней Ямада Аринобу (1544–1609), продолжавший защищать осаждённый форт Така, капитулировал и сдал укрепление. К этому моменту Хидэёси уже занял провинцию Сацума, конечный пункт операции. Симадзу Ёсихиса вернулся в свой замок



Боевые действия на Кюсю

Кагосима, написал отречение от должности главы дома и постригся в монахи. Восьмого мая уже в новом качестве и в монашеском одеянии он встретился с Хидэёси в храме Тайхэй.

Победитель принял капитуляцию и оставил бывшему главе дома домашнюю провинцию Сацума, а его младшему брату Ёсихиро — провинцию Осуми и часть Хюга. Восемнадцатого мая он выехал из Сацума на север острова Кюсю. Седьмого июня 1587 года в городе Хакодзаки (современная префектура Фукуока) состоялась церемония *ронко косё* и раздача земель. Клан Отомо, воевавший на стороне Хидэёси, сохранил за собой домашнюю провинцию Бунго, союзный ему клан Со — островную провинцию Цусима, а клан Симадзу — провинции Сацума, Осуми и часть Хюга. Новые владения на острове получили: клан Кобаякава — в провинции Тикудзэн, кланы Курода и Мори — в провинции Будзэн. Три уезда в Тикуго отошли сыну Кобаякава Такакагэ, Сасса Наримаса стал хозяином удела в провинции Хиго, а 4 уезда в провинции Хидзэн были переданы местному клану Рюдзодзи.

Семейное кладбище Симадзу

Перераспределяя земли между вассалами и союзниками по своему усмотрению, Хидэёси следовал установленной Ода Нобунага традиции и, так же как он, не допускал неповиновения. Все перемещения имели поощрительный характер и увеличивали доход перемещаемых, поэтому должны были неукоснительно выполняться. Об этом прямо говорилось в указе Хидэёси от 18 июня 1587 года.

Однако полностью избежать проблем не удалось. В числе многих местных кланов на сторону Хидэёси перешёл и воинский дом Уцуномия из провинции Будзэн, боковая ветвь северного дома Фудзивара. Ещё до начала боевых действий Курода Камбэй от имени Хидэёси пообещал ему сохранение земельных владений, на которых предки Уцуномия жили около 400 лет. Сам глава семьи представлял 16-е поколение родовитого воинского дома. По утверждённой Хидэёси схеме перемещений земли Уцуномия были поделены между Мори Ёсинари и Курода Камбэй, а Уцуномия Сигэфуса (1536–1588) должен был переехать с семьёй на остров Сикоку и вступить во владение новыми угодьями в провинции Иё с годовым доходом 120 тысяч *коку* риса. Это было в три раза больше, чем 35 тысяч *коку* на прежнем месте, но глава дома заявил, что земля предков ему дороже, а переводить его насильно Хидэёси не имеет права, поскольку его представитель Курода дал ему слово сохранить за ним прежние владения. Аргументировав таким образом свой отказ, глава дома Уцуномия отослал обратно дарственную грамоту Хидэёси и занял оборону в своём домашнем замке Киноидани.

В союзных договорах того времени действительно использовалось выражение «гарантия земельных владений на момент соглашения», так что с формальной точки зрения 52-летний Уцуномия Сигэфуса был абсолютно прав. Его справедливое требование было поддержано рядом местных военачальников, и вокруг Уцуномия быстро сло-

жилась группа единомышленников, недовольных результатами передела земель на острове Кюсю.

Однако неповиновение приказу подрывало авторитет Хидэёси, поэтому оставлять его без последствий было нельзя. Ода Нобунага в своё время тоже сталкивался с подобными проблемами и всегда решал их с помощью силы — никаким другим способом оторвать феодалов от их родной земли было невозможно. Эта земля завоёвывалась ценой жизни, и отнять её тоже можно было только вместе с жизнью. В процессе объединения страны это правило стало всё чаще нарушаться, а затем и вовсе сошло на нет. Позднее, в эпоху Токугава, когда перемещение военачальников на новые земли вошло в систему, их стали называть *хатиуэ даймё*[39] из-за сходства с домашними растениями, которые хозяин пересаживает из одного горшка в другой. Трудное начало этому процессу положил Ода Нобунага, Тоётоми Хидэёси его продолжил, а окончательно закрепил Токугава Иэясу и его наследники.

Отвечавший за остров Кюсю Курода Камбэй получил от Хидэёси приказ решить конфликт с домом Уцуномия и в октябре того же года подошёл к замку Киноидани и окружил его. Однако взять хорошо укреплённое сооружение не сумел и предложил договориться мирно. Пообещал главе дома, что он может оставаться на своей земле, пока Хидэёси не подыщет ему владения, которые его устроят. За это Уцуномия Сигэфуса должен был прекратить сопротивление и вернуть себе статус союзника Хидэёси. На этих условиях стороны договорились и заключили мирное соглашение, по традиции скрепив его политическим браком — сын Курода взял в жёны дочь Уцуномия.

Внешне конфликт был улажен, но внутреннее противоречие осталось: фактически местный военачальник не выполнил приказ Хидэёси и сумел настоять на своём.

---

[39] *Хатиуэ* — росток комнатного цветка.

Через 6 месяцев после соглашения, в апреле 1588 года, Уцуномия Сигэфуса был приглашён на встречу с Курода в замок Накацу и там убит. Его отец и сын также были ликвидированы позднее вассалами Курода по его приказу, а дочь казнена на кресте. Отказавшись переезжать на новые земли, родовитый воинский дом Уцуномия прекратил своё существование.

Сыгравший главную роль в этом конфликте Курода Камбэй оказался одним из самых недооценённых среди всех военачальников, участвовавших в боевых действиях на острове Кюсю, — он получил шесть уездов в небольшой по площади провинции Будзэн с доходом 130 тысяч *коку* риса, хотя фактически возглавлял штаб Хидэёси и персонально отвечал за исход операции. По мнению японского историка Канэко Кэнтаро, много лет изучавшего биографию Курода, причина в том, что хорошо знавший своего советника Хидэёси его опасался. В своей книге, вышедшей в 1916 году, Канэко приводит множество его высказываний на этот счёт. В частности, Хидэёси неоднократно публично его хвалил, говоря, что Курода имеет все качества, необходимые для того, чтобы управлять страной. А в частных беседах признавал, что в ряде случаев его военный советник соображал быстрее и находил лучшие решения, чем он сам. «Опасаться следует двоих, — говорил Хидэёси, — Токугава и Курода. Но у первого спокойный характер, а вот Курода действительно может быть опасен» (Канэко, 1916). Впрочем, следует учитывать, что автор названной книги много лет служил потомкам Курода Камбэй, а после выхода в отставку в начале XX века написал биографию человека, жившего более трёх столетий назад. С учётом этих обстоятельств к его выводам и оценкам следует относиться с известной долей осторожности.

В Хакодзаки Хидэёси пробыл около месяца. Военно-административный контроль над вторым по величине островом архипелага был установлен, теперь следовало

подумать о том, как привлечь на свою сторону местное купечество. Вся внешняя торговля с Китаем, Кореей и «южными варварами», как называли тогда европейцев, шла через остров Цусима и порты на северо-западе Кюсю, поэтому лояльность местных купцов имела большое значение. В Хакодзаки Хидэёси издал указ о налоговых льготах и привилегиях во внешней торговле для купцов портового города Хаката, активно поддержавших его в борьбе с Симадзу. Выйдя к западной границе страны, Хидэёси вспомнил о планах, которыми с ним делился в своё время Ода Нобунага, — о походе на материк и покорении Кореи и Китая. Приняв в июне 1587 года хозяина провинции Цусима, Хидэёси поручил ему довести до сведения корейского правителя намерение Японии установить над ним протекторат.

На острове Кюсю Хидэёси был поражён масштабами религиозно-просветительской деятельности европейских миссионеров. До поры до времени он, как и Ода Нобунага, вполне терпимо относился к распространению христианства, видя в нём фактор сдерживания для буддийского духовенства. Местные служители культа откровенно ненавидели заморских конкурентов и не упускали случая нанести им материальный и моральный ущерб, европейцы платили им той же монетой. Кроме того, торговля с европейцами приносила ощутимую экономическую выгоду; время от времени через них в страну попадали разного рода полезные технические новинки.

Первые проповедники христианского учения высадились на Кюсю в 1549 году, а через 12 лет открыли в Фунаи первую христианскую школу. С тех пор число учебных заведений с христианским уклоном постоянно росло и к середине 1580-х годов достигло двухсот (Симмура, 1973). Более 150 тысяч японцев стали истовыми поклонниками европейской религии, и большая часть этой христианской общины компактно проживала на острове Кюсю (Boxer,

1951). Среди новообращённых христиан были не только простолюдины, но и крупные военачальники, состоятельные торговцы и другие уважаемые члены общества. По опыту долгой и упорной войны с последователями буддийского учения Чистой земли (повстанцы Икко) Хидэёси знал объединяющую и мобилизующую силу религии, поэтому теперь, когда он начал борьбу за разоружение крестьян, их массовое вовлечение в новую идеологию стало нежелательным. Кроме того, на пути к власти он нуждался в поддержке высшего буддийского духовенства, поэтому сделал ряд примирительных шагов — разрешил восстановить разрушенный Нобунага храм Энряку, расширил земельные владения нескольким крупным храмам школ Дзёдо и Нитирэн. Тем самым дав понять, что крупные храмы могут вполне благополучно при нём существовать, если будут соблюдать установленные правила. Лидеры буддийских школ со своей стороны не упускали случая подчеркнуть вредоносный характер заморского учения, а боровшиеся между собой протестанты и католики им в этом помогали, оговаривая друг друга перед местными правителями.

Всё это привело к решению Хидэёси запретить религиозную деятельность миссионеров и потребовать от них покинуть страну в двадцатидневный срок. Указ о запрете был издан 27 июля 1587 года, но по большей части остался на бумаге и в последующие 10 лет фактически не выполнялся. Большинство миссионеров никуда не уехали, а через несколько лет их число даже возросло за счёт прибывших с Филиппин францисканцев[40]. Сама формулировка запрета тоже выглядела половинчатой: под него подпадала только миссионерская деятельность, а сами иностранцы, в том числе и религиозные проповедники, могли по-прежнему свободно приезжать в Японию, если хотя бы на словах соглашались уважать синтоистских и буддийских

---

40 Аскетическое направление в католицизме.

Прибытие «южных варваров» (гравюра)

богов. С учётом опыта и изощрённости иезуитов в приобщении «азиатских варваров» к европейским религиозным ценностям обойти этот запрет было несложно.

Покорение острова Кюсю помогло Хидэёси восстановить отношения с сёгуном Асикага Ёсиаки (1537–1597), разорванные в ходе его конфликта с Ода Нобунага. Хидэёси тоже принимал участие в боевых действиях против сёгуна, но после примирения с домом Мори, во владениях которого изгнанный правитель нашёл убежище, формальных поводов для вражды у них не осталось. Несмотря на провоцирующую роль, которую сыграл его указ о назначении Симадзу Ёсихиса губернатором острова Сикоку, сёгун Ёсиаки накануне конфликта советовал главе дома Симадзу помириться с Хидэёси, и последнему было об этом известно. По пути на Кюсю Хидэёси заехал в провинцию Бинго и в одном из храмов встретился с изгнанником. После этого Асикага Ёсиаки получил возможность сделать то, к чему давно стремился, — вернуться в столицу. Хидэёси выделил ему землю в провинции Ямасиро с небольшим доходом в 10 тысяч *коку* риса и обеспечил бывшему правителю уважительное отношение со стороны воинской элиты. Вскоре после этого Ёсиаки ушёл в отставку с поста сёгуна и удалился в буддийский храм, где и провёл последние 9 лет своей жизни. В августе 1597 года он умер от болезни в возрасте 60 лет.

Столичное событие

Второго июля 1587 года Хидэёси покинул остров Кюсю и 14-го прибыл в замок Осака, после чего отправился в Киото. Здесь как раз заканчивалось строительство его столичной резиденции, заложенной полтора года назад. По размерам и качеству отделки сооружение намного превосходило расположенный неподалёку императорский дворец. В Дзюракутэй предстояло принимать военачальников со всей страны, и это ко многому обязывало.

Замок Дзюракутэй (гравюра)

Для придания резиденции высшего статуса не было ничего важнее, чем личное посещение её императором. В конце 1586 года 69-летнего Огимати на троне сменил его 15-летний внук, наречённый императором Гоёдзэй (1571–1617). Японские правители крайне редко покидали свой дворец и делали это исключительно в ритуальных целях, поэтому места их посещений неизменно приобретали сакральный смысл. Изучив историю таких визитов за последние десятилетия и указанные в хрониках суммы пожертвований, Хидэёси выделил императорскому дому рекордные 5530 *рё* серебром[41]. Кроме того, оба императора получили новые угодья: действующий монарх Гоёдзэй — с годовым доходом в 800 *коку* риса, а ушедший в отставку Огимати — в 300. Открытие новой резиденции было спланировано как большое городское торжество, рассчитанное на три дня, но под впечатлением от щедрости Хидэёси императорский дом продлил их ещё на один день.

Праздники продолжались с 14 по 17 апреля 1588 года, но главное событие произошло на второй день, 15-го числа. Сначала Хидэёси преподнёс правящему дому беспрецедентное денежное пожертвование, а затем присутствующим зачитали императорский указ, один из пунктов которого предписывал неукоснительное выполнение всех распоряжений *кампаку*. Сидевшие на *татами* гости склонились в почтительном поклоне, после чего были приведены к присяге на верность новому правителю[42]. В церемониальном отношении возведение Хидёси на высший воинский пост состоялось, хотя

---

[41] В пересчёте на современные деньги 2,5–5 миллионов долларов США.

[42] Церемония приведения к присяге проводилась раздельно и выявила группу из шести наиболее приближённых к Хидэёси военачальников: Ода Нобукацу, Токугава Иэясу, Хидэёси Хидэнага, Хидэёси Хидэцугу, Маэда Тосииэ, Укита Хидэиэ.

фактически на востоке страны ещё оставались неподконтрольные ему районы. Полученные от императора распорядительные полномочия позволяли Хидэёси на законном основании рассылать по всей стране указы и карать за их неисполнение. Императорский дом также получил выгоду от прошедшего в столице мероприятия — в подписанной кровью клятве верности 29 крупнейших военачальников страны обязались воздерживаться от нанесения ущерба владениям императора и столичной аристократии.

События последних 6 лет показали, что Хидэёси умеет добиваться своих целей не только военной силой, но также умом и проницательностью. В первый раз он это продемонстрировал в июне 1582 года, когда подчинил конкурентов в замке Киёсу, выйдя к ним с внуком Ода Нобунага на руках, а во второй — в апреле 1588 года в столичной резиденции в присутствии императора. В обоих случаях он делал шаг вперёд и вверх за счёт авторитета третьих лиц. Всем собравшимся в церемониальном зале стало ясно: отныне ослушаться Хидэёси — всё равно что бросить вызов императору. Для воинской элиты присутствие на церемонии открытия в замке Дзюракутэй стало критерием лояльности — на всех, кто на неё не прибыл, вскоре началось давление.

В следующем месяце отряды Мори, Киккава и Кобаякава по приказу Хидэёси подавили восстание в провинции Хиго против земельной переписи, а не справившийся с мятежом управитель провинции Сасса Наримаса получил приказ покончить жизнь самоубийством. Провинция Хиго на острове Кюсю была поделена между приёмными сыновьями Хидэёси — Като Киёмаса (1562–1611) и Кониси Юкинага (1558–1600).

Массовое восстание на Кюсю и усилия, затраченные на его подавление, ещё раз напомнили Хидэёси о необходимости довести до конца изъятие оружия у крестьян.

Крупные военачальники издавали такие распоряжения и раньше — например, Сибата Кацуиэ во время войны с повстанцами в провинции Этидзэн. Да и сам Хидэёси издал такой же запрет в провинции Кии после победы над храмом Нэгоро в 1585 году. Но прошлые распоряжения диктовались сиюминутными практическими целями, теперь же он всерьёз задумался о разоружении невоинских сословий на всей территории страны.

Восьмого июля 1588 года вышел его второй указ о запрете на владение оружием для простолюдинов. Он был направлен на предотвращение мятежей и обязывал крестьян сдать местной власти всё имеющееся у них оружие. В одном из пунктов указа говорилось о том, что металл необходим для изготовления гвоздей, скоб и креплений, используемых при строительстве буддийских храмов и скульптур, но главную цель указа раскрывал его третий пункт — в нём говорилось, что несанкционированное хранение оружия будет рассматриваться как подготовка вооружённого мятежа.

Мидзогути Хидэкацу (1548–1610), управлявший двумя уездами в провинции Кага, вскоре доложил Хидэёси, что только за первый месяц собрал в одном уезде более пяти тысяч единиц холодного оружия (Овада, 2006), что даёт представление об уровне вооружённости населения. Указ распространялся на все виды холодного оружия, но на деле у крестьян изымали главным образом длинные мечи — из-за этого запрет и получил своё неофициальное название (*катанагари*, буквально «охота на мечи»). Параллельно с изъятием холодного оружия указ запрещал также его использование в решении любых спорных вопросов.

Последние противники на востоке

Заполучив в союзники Токугава Иэясу, Хидэёси обрёл на востоке страны точку опоры. В ноябре 1586 года, через месяц после их личной встречи, клану Ходзё, соседу и союзнику Токугава, был отправлен его указ о запрещении боевых действий в районе Канто (*Канто собудзирэй*).

За последние пять лет ситуация в этом районе существенно изменилась. После гибели Ода Нобунага отец и сын Ходзё начали боевые действия против его назначенца Такигава Кадзумасу, нанесли ему поражение и присоединили к своим владениям провинцию Кодзукэ. Такигава вернулся в Исэ, а за две другие провинции, ранее тоже принадлежавшие клану Такэда, развернулась борьба между Ходзё и Токугава. В результате трёхмесячных боевых действий и сложных переговоров с местными военачальниками Токугава удалось привлечь на свою сторону авторитетного Санада Масаюки (1547–1611) и одержать общую победу. В октябре 1582 года Ходзё и Токугава подписали мирное соглашение и скрепили его политическим браком — молодой глава клана Ходзё Удзинао (1562–1591) женился на дочери Токугава. В результате всех этих действий земли, отвоёванные Нобунага у клана Такэда, перераспределились между Ходзё (провинция Кодзукэ стала пятой в списке его владений после Сагами, Идзу, Мусаси, Симоса) и Токугава (присоединил провинции Каи и Синано). С этого момента соседи стали союзниками и поклялись помогать друг другу. Уверенность в безопасности восточных границ позволила Токугава поддержать Нобукацу в борьбе с Хидэёси в 1584 году. Теперь же, когда он породнился с Хидэёси и стал его союзником, пришлось пересматривать отношения с домом Ходзё.

Хидэёси на это и рассчитывал. По примеру указов о запрете боевых действий на острове Кюсю и в районе Канто такое же распоряжение было направлено в декаб-

ре 1586 года на крайний северо-восток острова Хонсю, в провинции Дэва и Муцу. Там продолжались местные междоусобицы, в которых участвовал и клан Ходзё, действовавший в союзе с крупнейшим региональным военачальником Датэ Масамунэ (1567–1636). Дома Ходзё и Датэ имели нескольких общих противников, среди которых выделялся клан Сатакэ из провинции Хитати.

Поручив новому союзнику переговоры с Ходзё, Хидэёси отправился в завоевательный поход на Кюсю. Формально пост главы дома Ходзё занимал 24-летний Удзинао, но его 48-летний отец Удзимаса (1538–1590) был ещё полон сил и имел решающий голос в вопросах внутренней и внешней политики. Токугава вступил с ними в переписку, надеясь убедить в необходимости наладить контакты с Хидэёси и тем самым избежать военного столкновения. Такая возможность сохранялась вплоть до апреля 1588 года, когда в замке Дзюракутэй состоялась церемония с участием императора. Отец и сын Ходзё были на неё приглашены, но не поехали, так как до них дошли слухи о готовящемся в столице заговоре против них.

Хидэёси воспринял отказ от приглашения как вызов и в следующем месяце прямо потребовал от руководителей клана прибыть в столицу. Вероятно, Токугава тоже получил от него какое-то предписание, потому что в это же время отправил отцу и сыну Ходзё письмо из трёх пунктов. Первый: он, Иэясу, заверяет своих союзников, что не имеет враждебных намерений и не претендует на их земли. Второй: оставивший пост главы дома Удзимаса и его младший брат Удзитэру должны срочно выехать в столицу. Третий: в случае, если они не договорятся с Хидэёси, Токугава будет вынужден разорвать с ними союзные отношения и потребует вернуть в отчий дом свою дочь Токухимэ, жену Удзинао.

В целях компромисса Токугава предложил союзникам понизить уровень представительства и отправить в сто-

лицу старшего Ходзё и его младшего брата Удзинори, с которым был знаком с раннего детства — оба несколько лет были заложниками в Сумпу у Имагава Ёсимото. Сам Токугава в тот момент находился в замке Осака и рассчитывал, что встреча с другом детства поможет смягчить напряжённость и облегчит переговоры.

Ультиматум Токугава и угроза оказаться один на один с Хидэёси подействовали. На семейном совете Ходзё было решено, что в столицу выехать всё-таки надо, но без первых лиц, чтобы визит не выглядел как капитуляция и принятие вассалитета. Ходзё Удзинори, дядя главы клана, выехал в Киото в сопровождении одного из старейшин Иэясу и прибыл на встречу с Хидэёси 22 августа. Кроме Токугава на ней присутствовали также все крупнейшие союзники Хидэёси — Мори Тэрумото, Укита Хидэиэ, Уэсуги Кагэкацу, Симадзу Ёсихиса, Тоётоми Хидэнага, Ода Нобукацу. Они были приглашены специально, чтобы представитель дома Ходзё своими глазами увидел, с какой силой ему предстоит столкнуться в случае неповиновения. Ходзё Удзинори всё увидел, понял и передал Хидэёси решение семейного совета: «Для полного примирения и визита в столицу первых лиц клана необходимо решить вопрос с уездом Нумата». Хидэёси пообещал заняться этой проблемой и пригласил старейшин дома Ходзё принять участие в слушаниях.

Проблема уезда Нумата возникла в 1582 году после окончания боевых действий между Ходзё и Токугава. Молодой глава клана, ставший зятем Токугава, получил в своё владение западную часть провинции Кодзукэ. Уездом Нумата в ней владел местный военачальник Санада Масаюки (1547–1611), бывший союзник Такэда, перешедший на сторону Нобунага. В обмен на отказ от Нумата Токугава предложил ему новые владения в своей провинции Синано, но Санада отказался и начал собственную игру: сначала заключил соглашение с одним из сыновей

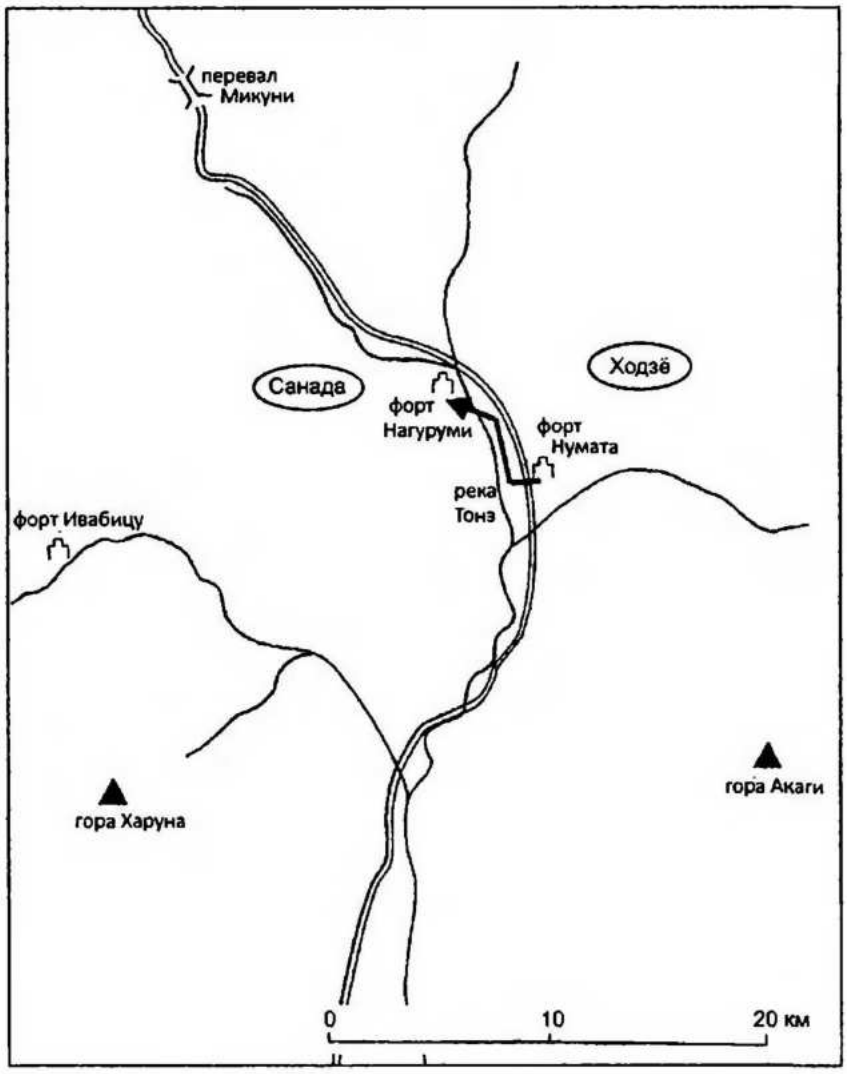
Уэсуги Кагэкацу, потом его аннулировал, дистанцировался от Иэясу и в конце концов дал присягу верности непосредственно Хидэёси. Токугава в то время ещё враждовал с Хидэёси, поэтому в 1585 году предпринял поход против Санада, но в августе того же года в бою у реки Кан потерпел поражение и отступил. Через год Токугава стал союзником Хидэёси и оказался в одном лагере с Санада Масаюки, причём в роли его начальника. Клан Ходзё настаивал на том, что Токугава и Санада не выполняют условия мирного соглашения, удерживая уезд Нумата, и требовал от Хидэёси восстановления справедливости.

Весной следующего 1589 года состоялись слушания по спорному вопросу. Дом Ходзё на них представлял старейшина Итабэока Косэссай (1537–1609). Согласившись в принципе с доводами Ходзё, Хидэёси вынес вердикт: в соответствии с достигнутыми ранее соглашениями две трети уезда Нумата вместе с одноимённым замком должны быть переданы Ходзё Удзинао, а оставшаяся треть остаётся во владении Санада Масаюки. Компенсацию за потерянные участки земли Санада должен получить от Токугава в его владениях. Дом Ходзё без энтузиазма встретил сообщение о том, что теряет треть уезда, но после того, как Хидэёси пообещал компенсировать и эту потерю и точно указал, за счёт чего, согласился с решением. Справедливые требования Ходзё в основной части были удовлетворены, и в конце июня глава клана известил Хидэёси, что в декабре его отец прибудет в столицу.

Санада Масаюки

До этого момента события развивались в соответствии с требованиями Хидэёси — боевые действия в районе Канто не велись, во-

прос с уездом Нумата хотя и медленно, но решался путём согласований. Но тут в дело вмешался случай. Две трети спорного уезда вместе с замком Нумата перешли под контроль дома Ходзё, после чего хозяином замка стал один из его вассалов по имени Иномата Кунинори (?–1590). Он и стал причиной нового конфликта. В нескольких сотнях метров от замка Нумата, на противоположном берегу реки Тонэ, стоял вспомогательный форт Нагуруми. Граница между отошедшей к Ходзё частью уезда и территорией Санада Масаюки прошла по реке, и два укреплённых сооружения оказались по разные стороны от неё. Двадцать третьего октября 1589 года даже не сам хозяин замка, а один из его подчинённых по неизвестным до сих пор при-



Мелкий инцидент с большими последствиями

чинам вышел со своими людьми из Нумата, переправился через реку Тонэ и атаковал форт Нагуруми. По одной версии, причиной нападения стали несогласие с решением Хидэёси и раздражающая близость противника, по другой — раскол в семье хозяина замка. Вспомогательный форт был взят без сопротивления, а его командир бежал и доложил о нападении со стороны Ходзё.

Санада Масаюки сообщил Хидэёси об инциденте и в конце ноября получил ответ. В нём говорилось, что, несмотря на длительные усилия по мирному привлечению дома Ходзё на службу императору, поставленной цели добиться не удалось и ему не остаётся ничего другого, кроме как применить силу. Двадцать четвёртого ноября Хидэёси направил Иэясу указ из пяти пунктов, в котором сообщал, что дом Ходзё нарушил запрет на военные действия в районе Канто и он объявляет ему войну. Указ был адресован Ходзё Удзинао, и Иэясу предписывалось передать его по назначению.

В первом пункте документа говорилось о том, что только уважение к союзным и родственным связям между Токугава и Ходзё заставило Хидэёси вести столь долгое разбирательство и удерживало от силового решения вопроса. А заканчивался он выводом о том, что захват форта Нагуруми свидетельствует о нежелании дома Ходзё следовать воле императора и его стремлению установить мир на территории всей страны. И он, как регент императорского двора, почитает своей обязанностью восстановить в регионе порядок и наказать нарушителей.

Текст указа об объявлении войны был разослан руководителям крупнейших кланов с приказом начать подготовку к походу. Получил его и Датэ Масамунэ, глава крупнейшего воинского дома на крайнем северо-востоке страны. К тому времени он ещё не признал власть Хидэёси, и ему следовало показать, что бывает с теми, кто не подчиняется или думает слишком долго.

В ответ на объявление войны Ходзё Удзинао написал Хидэёси длинное письмо, в котором объяснил причины, по которым произошла задержка с выездом его отца в Киото и инцидент с захватом форта Нагуруми. Насколько можно судить по сохранившимся записям, руководители дома Ходзё были сильно задеты разницей в отношении Хидэёси к ним и к их соседу Токугава. В письме Ходзё Удзинао упрекал Хидэёси в том, что ради союза с Токугава он отдал ему в жёны свою младшую сестру и даже мать отправил заложницей, в то время как по отношению к гораздо более именитому роду Ходзё не было проявлено и малой части такого уважения (Овада, 2006).

В этой позиции руководства клана проявилась провинциальность его мышления и оторванность от событий в центральной части страны. С октября 1586 года, когда был заключён союз с Токугава, по октябрь 1589 года Тоётоми Хидэёси заметно упрочил свои позиции. Это был уже другой лидер — не только что назначенный регент двора, ищущий союза с сильными провинциальными кланами, а полководец, подчинивший себе западную часть Хонсю и острова Кюсю и Сикоку. Имея в районе Канто таких союзников, как Уэсуги и Токугава, он мог рассчитывать на победу над любым региональным противником и, следовательно, не тратить слишком много времени на уговоры. И даже именитая родословная и обширные владения в этих условиях уже не гарантировали выживания семьи. Главная ошибка руководителей клана Ходзё состояла в том, что они этого не почувствовали. Хотя, конечно, случайное недоразумение с нападением на второстепенный форт Нагуруми сыграло важную роль в этой истории.

Полученное от главы дома Ходзё письмо с оправданиями и упрёками не изменило планов Хидэёси, и подготовка к военному походу была продолжена. В руководстве Ходзё и раньше понимали высокую вероятность военного столкновения, поэтому работы по укреплению

подступов к замку Одавара и строительство вокруг него вспомогательных фортов начались ещё в 1585 году. После победных походов Хидэёси на Сикоку и Кюсю в переписке дома Ходзё с союзниками стали часто встречаться выражения «столкновение со столицей», «следующим будет Одавара» и т. п.

В 1587 году на двух трактах, ведущих к домашнему замку, в районе Хаконэ, были построены форты Яманака и Асигара, а вокруг Одавара отсыпана 9-километровая земляная насыпь с защитной изгородью. В нескольких буддийских храмах изъяли колокола и переплавили их на ружейные замки и дула. Во вспомогательные форты вокруг Одавара на случай долгой осады завезли запасы риса. Согласно записям в местных хрониках, подчинённые дому Ходзё командиры должны были прислать одного полностью экипированного воина с каждых 7 *каммон* дохода. В деревнях было мобилизовано всё мужское население в возрасте от 15 до 70 лет, но не одновременно — часть резервистов подлежали набору только на время боёв. Благодаря этим мерам в пяти провинциях удалось мобилизовать 56 тысяч человек. Точная численность армии Хидэёси, как обычно состоявшей из множества разрозненных отрядов, неизвестна, но большинство историков определяет её в 210–220 тысяч.

Центральное место в оборонной стратегии Ходзё занимал их домашний замок Одавара, окружённый самым большим в районе Канто призамковым городом и считавшийся неприступным. В 1560 году его пытался захватить Уэсуги Кэнсин, в 1569-м — Такэда Сингэн, но оба нападения были уверенно отражены. Отец главы клана Ходзё Удзимаса участвовал в обоих сражениях, и его успешный опыт вселял уверенность, что и на этот раз всё обойдётся. Определённые надежды связывались также с тем, что восточный союзник Датэ Масамунэ поддержит соседа в войне с Хидэёси.

Но в этой оборонной стратегии были свои просчёты. Во-первых, армии Ходзё, Уэсуги, Такэда и других воинских кланов формировались методом тотальной мобилизации, без деления на крестьян и воинов, поэтому при планировании боевых операций их командиры не могли не учитывать сезонный фактор и график полевых работ. По этой причине тот же Уэсуги Кэнсин или Такэда Сингэн не могли вести осаду крупными силами дольше трёх-четырёх месяцев. А во-вторых, численность их армий, как правило, не превышала 30 тысяч человек. Ограниченные возможности противника во времени и живой силе помогали замку Одавара выстоять в схватках с соседями. Однако в случае с Хидэёси всё было иначе — его армия могла воевать намного дольше и по численности в 5–6 раз превосходила любого противника, с которым Ходзё когда-либо приходилось иметь дело. В районе Канто таких армий вообще никогда не видели.

Поход против Ходзё был намечен на весну 1590 года, а детальный план операции Хидэёси было поручено разработать штабу Токугава. Большой военный совет состоялся в Сумпу 21 января 1590 года. В соответствии с принятым планом 24 февраля Иэясу с 30-тысячной армией прибыл в форт Нагакубо и начал строить мост через реку Фудзи для переправы основных сил. Сам Хидэёси с 32-тысячной армией вышел из столицы 1 марта 1590 года. Несмотря на то что ответственным за направление на Хаконэ был назначен Токугава, штурм ключевого форта Яманака Хидэёси взял под личный контроль — здесь был важен быстрый успех. Руководство этой операцией он поручил своему племяннику Хидэцугу, выделив для этого 67 тысяч человек.

Гарнизон передового форта Яманака был увеличен в несколько раз и насчитывал 4–5 тысяч человек. Его штурм начался днём 29 марта и уже к вечеру принёс победу нападавшим. На следующий день подчинённые Токугава ко-

мандиры взяли форт Асигара. Следующий форт Нираяма защищал Ходзё Удзинори, дядя молодого главы клана. Тот самый друг детства Токугава, приезжавший на переговоры в столицу. С 3600 защитниками он противостоял 45-тысячной армии под командованием Ода Нобукацу. То ли военный талант Удзинори тому причиной, то ли форт Нираяма был не столь важен, как Яманака, но здесь штурмом дело решить не удалось, и осада укрепления затянулась на три месяца.

После падения Яманака и Асигара основные силы Хидэёси встали лагерем у горы Хаконэ, и уже 3 апреля его передовой отряд вышел непосредственно к замку Одавара. Задержать противника на дальних подступах клану Ходзё не удалось. Верный своей излюбленной тактике — добиваться цели минимальными средствами — Хидэёси не стал штурмовать крупный и хорошо укреплённый замок, а приказал построить рядом с ним, на склоне горы Исигаки, большой осадный лагерь. Расположение выбрал такое, чтобы он был хорошо виден из осаждённого Одавара, но строительная площадка была скрыта за деревьями. Когда в лагере появились первые постройки, Хидэёси приказал за ночь вырубить прикрывавшие их деревья, и наутро осаждённые увидели выросший как по волшебству за одну ночь форт. А чтобы ещё больше деморализовать противника, Хидэёси распорядился обтянуть ограду и каркасы строящихся вышек плотной бумагой. Издалека она выглядела как деревянная ограда и создавала иллюзию невероятно быстрого возведения осадного форта на пустом месте. Такая скорость наводила на мысль об огромных людских ресурсах Хидэёси и подрывала волю защитников к сопротивлению. Впоследствии Исигакияма получил широкую известность в японском фольклоре как «форт, построенный за одну ночь» (*итиядзё*). Этим обманным приёмом Хидэёси ввёл в заблуждение не только противника, но и своих современников, с удовольствием

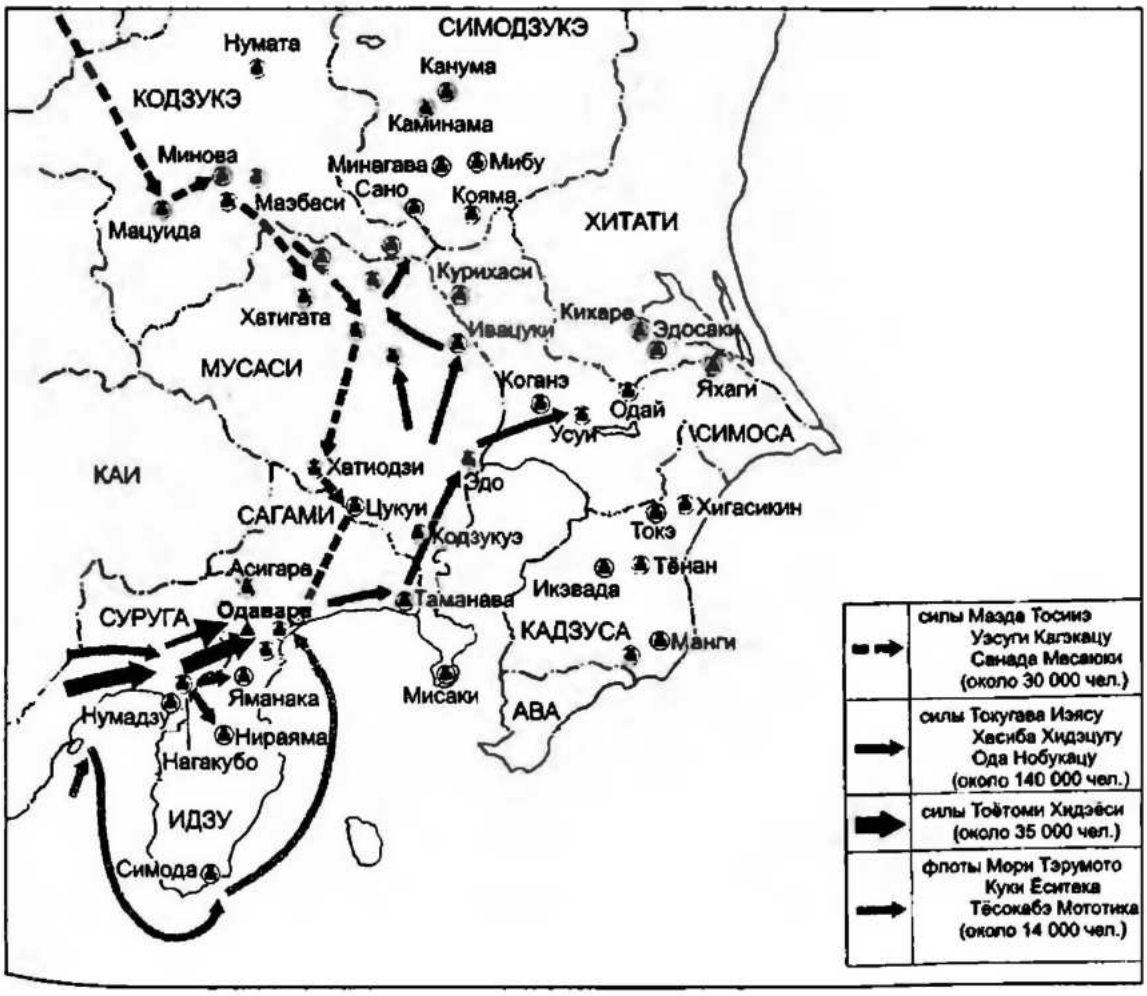
Трапеза аристократа

пересказывавших красивую выдумку об осадном лагере, построенном им за одну ночь. В действительности строительство Исигакияма продолжалось около трёх месяцев и завершилось к концу июня.

Внешняя крепостная стена Одавара имела девять ворот с наблюдательными вышками и стрелковыми башнями, через которые только и можно было попасть внутрь укрепления. Хидэёси расставил возле них усиленные посты, изолировав таким образом замок от внешнего мира. Подходы с моря блокировали флотилии Мори, Тёсокабэ и Куки общей численностью около 14 тысяч человек. Завершив окружение противника, Хидэёси вызвал из Киото свою любимую наложницу Ёдо, гейш, актёров театра Но и многочисленную прислугу. Затем поселился в строящемся Исигакияма, из которого открывался красивый вид на город и замок, и начал демонстративно отдыхать, действуя на нервы окружённому гарнизону. В осадном лагере чередой пошли театральные представления и ужины с танцами. Осада предстояла долгая, поэтому своим полководцам Хидэёси тоже разрешил вызвать к себе семьи.

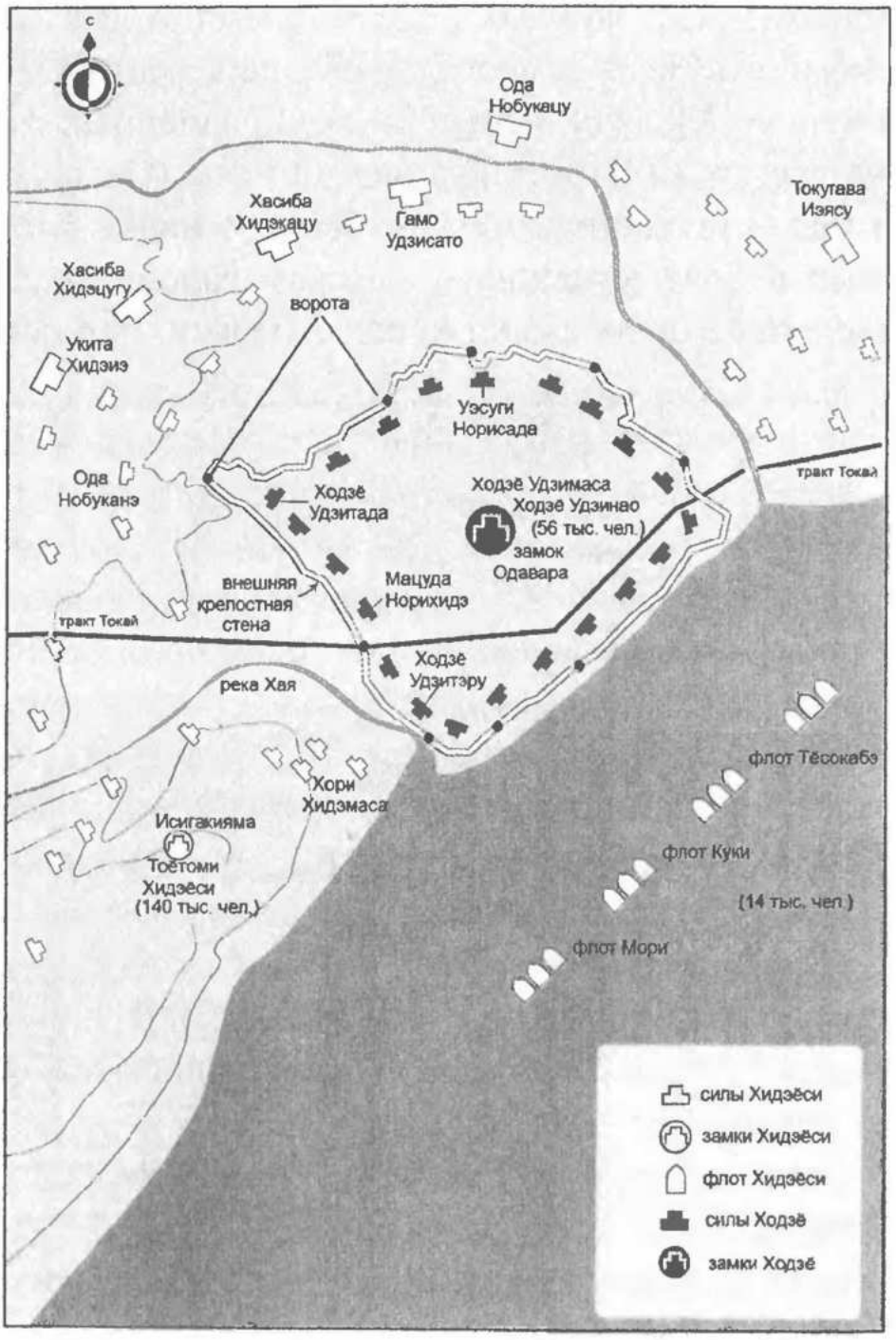
Тем временем боевые действия шли во всех пяти провинциях Ходзё. Ожесточённое сопротивление оказал его союзник Дайдодзи Масасигэ (1533–1590), комендант форта Мацуида в провинции Кодзукэ. Его гарнизон стойко держался три недели, однако после падения двух вспомогательных фортов Куниминэ и Маябаси Дайдодзи прекратил сопротивление и сдал крепость. Это произошло 20 апреля.

В целом ожесточённых боёв во время этой кампании было немного. За три месяца, пока шла осада Одавара, под контроль Хидэёси перешли 29 укреплённых фортов, причём две трети из них сдались без боя (Овада, 2006). Среди тех, кто капитулировал, были и надёжные, проверенные в боях командиры — сказывалось подавляющее численное превосходство сил Хидэёси. Все попытки



Боевые действия против Ходзё

Ходзё выслать из Одавара подкрепление в окружённые форты заканчивались неудачей — сухопутная и морская блокада работала надёжно. К концу июня на землях Ходзё осталось всего два объекта, продолжавших пассивное сопротивление, — сам Одавара и замок Оси, принадлежавший Нарита Удзинага (1542–1596). Захват Оси с его 3-тысячным гарнизоном был поручен Исида Мицунари



Осада Одавара

(1560–1600), и он решил его затопить, перекрыв дамбой протекавшую рядом реку Тонэ. Укрепление продержалось ещё несколько недель и сдалось в середине июля последним, уже после падения Одавара.

Не оправдал ожиданий Ходзё и его восточный союзник Датэ Масамунэ. Ещё зимой, до начала похода, его навестили представители Хидэёси и предложили главе клана отказаться от союза с Ходзё в обмен на сохранение всех владений. Подумав и оценив соотношение сил, Датэ Масамунэ 25 марта на военном совете объявил о своём решении разорвать отношения с домом Ходзё и принять участие в боевых действиях на стороне Хидэёси. Однако некоторые союзники Датэ, имевшие свои собственные интересы, отказались следовать его примеру, и в лагере Датэ произошёл раскол. На его преодоление ушло полтора месяца, поэтому глава клана смог выступить на помощь Хидэёси только в начале мая, а к осаждённому Одавара прибыл 5 июня 1590 года, через два месяца после начала кампании, когда её исход уже не вызывал сомнений. Тем не менее его отказ от поддержки Ходзё сам по себе значительно облегчил Хидэёси задачу.

Узнав, что и главный союзник тоже на стороне Хидэёси, руководители Ходзё поняли, что надеяться больше не на что. Твёрдо решив, что с таким преимуществом надо побеждать без боёв и потерь, Хидэёси задействовал своего проверенного переговорщика Курода Камбэй, отправив его к главе клана с предложением сдаться. В этом случае дому Ходзё было обещано сохранение двух провинций из пяти (Мусаси и Сагами). Посоветовавшись, в руководстве клана решили, что предложение не может быть принято — уж лучше дойти до конца и покончить жизнь самоубийством, чем согласиться на унизительное изъятие земель. Однако посланник Хидэёси не сдавался: он продолжал ходить на переговоры в замок Одавара, как на работу — без оружия, а иногда и с подарками. Встречи

Курода Камбэй и Ходзё Удзинао совсем не походили на разговор противников, стоявших друг против друга; они скорее напоминали переговоры партнёров, обсуждающих условия коммерческой сделки.

В конце концов руководители Ходзё согласились прекратить сопротивление. Пятого июля 1590 года глава дома Удзинао прибыл в ставку своего бывшего союзника Токугава и объявил, что готов сдать замок и покончить с собой в обмен на сохранение жизни всем остальным. Хидэёси добился своей цели — одержал победу без генерального сражения, не столько применением силы, сколько её демонстрацией. На следующий день его представители Катагири Кацумото (1556–1615), Вакидзака Ясухару (1554–1626) и Сакакибара Ясумаса (1548–1606) вошли в замок Одавара и приняли капитуляцию. Всем его обитателям было дано три дня, чтобы его покинуть.

Ходзё Удзимаса

Ходзё Удзинао

Зная, что все последние годы на семейных советах Ходзё шла острая борьба мнений, Хидэёси потребовал, чтобы с собой покончили только представители жёсткой линии на сопротивление. К ним

относились: патриарх клана 52-летний Ходзё Удзимаса, его младший брат Удзитэру (1540–1590) и два крупных военачальника, Дайдодзи Масасигэ (1533–1590) и Мацуда Норихидэ (?–1590). Эти четыре командира и получили его письменные распоряжения совершить *сэппуку*.

Одиннадцатого июля 1590 года Ходзё Удзимаса и его младший брат Удзитэру покончили с собой, закрыв важную страницу в 100-летней истории именитого воинского дома. Вероятно, они стали последними представителями плеяды военачальников уровня *сэнгоку даймё*, исчезнувших с окончанием эпохи междоусобиц. Двадцатого июля молодой глава клана Ходзё Удзинао, которому Хидэёси сохранил жизнь, вместе с тремя сотнями слуг и домочадцев отправился в ссылку в монастырь на горе Коя. Вероятнее всего, Хидэёси принял во внимание родственные связи Удзинао с Токугава Иэясу, сыгравшими ключевую роль в подготовке условий для начала похода. Через год Ходзё Удзинао был помилован и получил землю с годовым доходом в 10 тысяч *коку* риса, но в декабре 1591 года в 29-летнем возрасте умер от оспы. Благодаря сыну Удзинао род Ходзё сохранился и продолжил свою историю, благополучно просуществовав до конца эпохи Токугава.

Тринадцатого июля в замке Одавара состоялась церемония *ронко косё* с подведением итогов и распределением земель. Сильнее всего она изменила жизнь Токугава Иэясу. Ему было предписано вступить во владение пятью провинциями Ходзё, а свои земли передать в распоряжение Хидэёси. К тому времени подобные перемещения стали обычным делом, но мало кому нравились, ибо таили в себе массу проблем и опасностей. Кроме чисто бытовых неудобств, связанных с переездом огромного хозяйства на новое место, они содержали управленческие риски, связанные с изменениями в укладе местного населения. И чем обширнее была новая территория, тем выше риск её освоения. Ещё до принятия решения Токугава публич-

но заявлял, что его вполне устроит добавление к прежним владениям небольшой провинции на полуострове Идзу. И даже посылал туда своих людей для осмотра земель. Однако Хидэёси распорядился иначе, и теперь Иэясу был вынужден оставить свои прежние владения с налаженными хозяйственными связями, расставленными по местам людьми и переехать на новые чужие земли. Кажется убедительным предположение о том, что Хидэёси сделал это намеренно, понимая, что Токугава придётся трудно на новом месте. Во-первых, он хорошо помнил долгую историю с привлечением его на свою сторону. Во-вторых, три года назад Сасса Наримаса, тоже бывший противник Хидэёси, был таким же образом переведён в провинцию Хиго на острове Кюсю. Через год на его землях вспыхнул крупный мятеж, с которым он не справился и был вынужден покончить жизнь самоубийством.

Переезд Токугава на новое место не сопровождался расширением его владений, поэтому не исключено, что и теперь Хидэёси держал в голове похожий сценарий. Даже если Иэясу окажется более умелым управленцем и не повторит ошибок Сасса, на чужой земле ему хватит проблем, чтобы надолго забыть о честолюбивых планах. Понимал это и Токугава, но противиться приказу не мог.

По совету Хидэёси он выбрал местом своей будущей резиденции ничем не приметный форт Эдо на берегу залива в провинции Мусаси, вокруг которого теснилось около сотни деревянных домишек с соломенными крышами. Во время боевых действий против Ходзё Иэясу отправил для его захвата небольшой отряд, но воевать там не пришлось — форт сдался без боя. Со временем на месте небольшой рыбацкой деревушки рядом с фортом возникло быстро растущее поселение, в конце XIX века ставшее новой столицей Японии.

Пять бывших провинций Токугава достались Ода Нобукацу. Они намного превосходили его прежние вла-

дения в Овари и Исэ, однако второй сын Нобунага воспротивился приказу и отказался от переезда, за что был наказан конфискацией имущества и ссылкой в удалённую провинцию Симоцукэ. Его земли Хидэёси раздал своим вассалам и союзникам, участвовавшим в походе против Ходзё. В дальнейшем второй сын Нобунага продолжал поддерживать хорошие отношения с Токугава Иэясу и по его ходатайству был помилован Хидэёси, получил от него земли в столичной провинции Ямато с годовым доходом в 18 тысяч *коку* риса. Согласно биографической хронике, он с небольшим отрядом из полутора тысяч человек принимал участие в корейском походе (*Тайкоки*).

После Одавара Хидэёси направился в район Осю, на крайний северо-восток острова Хонсю. Доминировавший здесь Датэ Масамунэ дал Хидэёси клятву верности, но в районе ещё оставались другие воинские дома, которые отказались поддержать Хидэёси в войне против Ходзё. Их земли следовало взять под контроль и перераспределить в соответствии с заслугами. Остановившись в Уцуномия, Хидэёси разослал всем местным военачальникам предписания немедленно явиться на встречу с предупреждением о том, что отказ будет рассматриваться как прямое противодействие со всеми вытекающими последствиями. От Датэ Масамунэ он потребовал прислать заложника, а второму по значимости предводителю Могами Ёсиаки (1546–1614) отправил отдельное приглашение на встречу.

Лишившись прежнего сюзерена в лице дома Ходзё, местные военачальники были вынуждены присягнуть на верность новому господину, Хидэёси, и получили от него грамоты на владение землёй. Распределение провинций и уездов на дальнем северо-востоке было проведено по схеме, опробованной на островах Кюсю и Сикоку. Воинские кланы, не поддержавшие Хидэёси, лишились своих владений, а те, кто отличился в боевых действиях против Ходзё, их сохранили и в некоторых случаях расширили. В число

наказанных попали крупные воинские дома Осаки, Касаи, Русу, Курокава, Асари и некоторые другие, однако большинство местных военачальников сохранили свои владения. Датэ Масамунэ тоже лишился части своих земель — за долгие колебания и позднее прибытие к месту боевых действий. Несмотря на авторитет в местных воинских кругах, Датэ Масамунэ не был назначен управителем района Осю — им стал проверенный союзник Гамо Удзисато (1556–1595), получивший на новом месте самые обширные земли.

Закончив дела на северо-востоке, Хидэёси 13 августа отправился в обратный путь, оставив на месте своего пле-

Восстания в районе Осю

мянника Хидэцугу с заданием закончить организационные преобразования и провести перепись земель. Как только основные силы ушли, среди недовольного нововведениями местного населения началось брожение, подогреваемое потерявшими земли «лишенцами». В октябре того же года в бывших владениях кланов Касаи и Осаки вспыхнул вооружённый мятеж, к нему присоединились земли домов Вага и Хиэнуки, а затем протест перекинулся на расположенные восточнее области Сёнай и Сэмбоку. Один из оставленных на месте командиров Хидэёси по имени Кимура Киёхиса (?–1615) попал в тяжёлое положение и был окружён в замке Сануки. Гамо Удзисато и Датэ Масамунэ пришли ему на помощь, но восставшие по численности не уступали сторонникам Хидэёси, поэтому мятеж подавлялся медленно и с большим трудом. Положение дел усугублялось взаимным недоверием и расхождениями во взглядах между новым назначенцем Гамо Удзисато и прежним авторитетом Датэ Масамунэ. Первый подозревал второго в тайной поддержке мятежников и докладывал об этом Хидэёси. Местные командиры, в свою очередь, воспользовались возникшей ситуацией для сведения старых счётов.

В конце концов Хидэёси пришлось снова мобилизовать своих сторонников и отправить крупные силы на подавление мятежа. В них вошли вассалы и союзники домов Токугава, Уэсуги и Сатакэ, а общее командование Хидэёси возложил на своего племянника Хидэцугу. Боевые действия против мятежников длились ещё несколько месяцев и закончились лишь к осени следующего 1591 года. Второго сентября пал замок Кунохэ, последний оплот восставших, защищаемый Кунохэ Масадзанэ (1536–1591). Через два дня он сам и ещё 150 его сторонников были казнены.

Мятеж в провинциях Дэва и Муцу стал отголоском последней крупной кампании Хидэёси по подчинению провинциальных кланов. К сентябрю 1591 года длив-

шаяся более ста лет эпоха междоусобных войн с её главным принципом «бей слабого, дружи с сильным» подошла к концу. Процесс объединения страны, начатый Ода Нобунага в августе 1568 года походом на столицу, завершился. На вершину власти поднялся его ученик и последователь Тоётоми Хидэёси.

Сэн Рикю

Через полгода после победы над домом Ходзё и похода во владения Датэ Масамунэ в ближайшем окружении Хидэёси произошло событие, показавшее разницу между тем, каким он был девять лет назад, когда вступил в борьбу за право называть себя наследником Нобунага, и каким стал теперь. Таким событием стал конфликт Хидэёси с одним из его близких соратников, знаменитым чайным мастером Сэн Рикю (1522–1591).

Будущий мэтр чайной церемонии начал изучать её в 16 лет, а первый самостоятельный ритуал провёл в 23 года, однако признанным мастером он стал значительно позднее. Его главным творческим достижением считается распространение принципа «неприхотливой простоты» (*ваби*), которого его учитель придерживался только в отношении чайных принадлежностей, на всю церемонию, включая пространство и оформление чайного домика.

Пока Хидэёси шёл к вершинам власти, чайный мастер углублял философию ритуала и неуклонно нарабатывал авторитет в своей области. За право называться его учениками конкурировали такие известные личности, как Хосокава Тадаоки, Ода Нагамасу (младший брат Нобунага), Такаяма Укон и другие крупные полководцы. В 1585 году Хидэёси в честь назначения на должность *кампаку* организовал для императорского дома большую

чайную церемонию, пригласив руководить ею 63-летнего мастера. Однако недостаточно высокое происхождение авторитетного специалиста не позволяло ему демонстрировать своё мастерство в присутствии «сына неба», поэтому перед церемонией канцелярия присвоила ему придворный ранг, необходимый для того, чтобы иметь право лицезреть императора. До этого чайного мастера знали под именем Соэки, а после исполнения ритуала ему было присвоено составленное по китайской модели благородное имя Рикю, под которым он и вошёл в историю, хотя прожил с ним менее трёх лет. К этому времени чайный мастер уже входил в круг наиболее доверенных лиц Хидэёси: в 1586 году Отомо Сорин писал, что «он единственный, к кому Хидэёси прислушивается».

Как известно, за день до своей смерти Ода Нобунага устроил в храме Хонно большой званый ужин с чайной церемонией и демонстрацией художественной коллекции, специально привезённой для этого из замка Адзути. Во время утреннего штурма и пожара большая часть этих ценностей погибла, и Хидэёси пришлось заново собирать коллекцию, положенную человеку его ранга. Незаменимую помощь в этом ему оказал Сэн Рикю, экспертные оценки которого превращали изделия ремесленников в освящённый высшим авторитетом антиквариат — после его заключений за чайными принадлежностями начинали охотиться главные коллекционеры страны, а попадали они в первую очередь к Хидэёси.

В 1587 году в честь победного завершения военного похода на остров Кюсю Хидэёси устроил в столице самую масштабную за всю историю страны чайную церемонию (*Китано отяною*)[43]. Для большего эффекта её сделали открытой и доступной для всех желающих, включая беднейшие слои населения. Говорят, что Хидэёси сам написал

[43] Китано — район Киото, где проходила церемония.

несколько приглашений, которые были затем расставлены на щитах по всему городу. В них говорилось, что для участия в массовом чаепитии достаточно принести с собой заварный чайник и чашку, а в крайнем случае можно обойтись и одной чашкой. По замыслу Хидэёси, праздничное действо должно было быть таким, чтобы его участники запомнили его на всю жизнь и рассказывали о нём внукам.

Мероприятия начались в столице 1 октября и продолжались 10 дней. Главная церемония проходила в «Золотом чайном домике» Хидэёси с использованием самого ценного антиквариата, ею руководила «большая тройка» главных чайных мастеров страны (Сэн Рикю, Цуда Согю, Имаи Сокю). Хидэёси лично пригласил на неё около тысячи почётных гостей — всю аристократическую и военную знать, богатейших купцов и высшее духовенство, ведущих чайных мастеров из других провинций. Тех специалистов, кто не смог приехать в столицу, лишили права на проведение чайных церемоний в будущем. Для массового чаепития было специально построено более 800 новых чайных домиков, которые Хидэёси по очереди обходил, приветствуя гостей.

Сэн Рикю хотя и принимал участие во всех торжествах своего покровителя, но не разделял его взглядов на суть чайного ритуала. В стремлении усовершенствовать свой любимый стиль *ваби-саби* он дошёл до создания миниатюрной чайной комнаты *Тайан* размером в два татами[44], в которой мог поместиться только один человек. Вход в неё располагался у самой земли, поэтому войти, а точнее, вползти в неё можно было, только преклонив голову, что в японском этикете всегда означало смирение. Для мастера чайной церемонии, всю жизнь проповедовавшего главенство философской стороны церемониала над бренностью

[44] Два татами — 3,25 кв. м.

суетного мира и его условностями, такая подготовка к ритуалу выглядела вполне естественной, но для сильных мира сего она могла показаться довольно унизительной. Кроме того, вход в чайный домик был сделан настолько узким, что протиснуться в него с мечом на поясе было никак невозможно — оружие следовало оставлять снаружи. Что также имело свой смысл: в отличие от необъятного внешнего мира в ограниченном пространстве чайного домика, пред ликом ритуала, все люди безоружны и равны независимо от происхождения. И даже военному правителю пришлось бы выполнить эти требования, вздумай он попасть в чайный домик *Тайан*.

Художественные вкусы Сэн Рикю и Тоётоми Хидэёси сильно различались: если первый проповедовал простоту и аскетизм, то второй любил яркие цвета, пышность и торжественность форм во всех их проявлениях. В соответствии с этими вкусами и был построен его «Золотой чайный домик» (*Огон но тясицу*), полный антипод всего, что проповедовал Сэн Рикю: пол и стены просторного и комфортного помещения были выдержаны в самых ярких цветах — золото и киноварь.

Большая чайная церемония 1587 года стала пиком в отношениях чайного мастера с Хидэёси. Тогда правитель говорил: «Во внутреннем круге — Рикю, во внешнем — Хидэнага», имея в виду, что первый является его правой рукой в сфере культуры, а второй — в военной области. После этого его отношения с чайным мастером пошли на спад и через четыре года завершились полным разрывом. Дело было не только в эстетических расхождениях. Стремясь увеличить доходы казны, Хидэёси монополизировал внешнюю торговлю и резко увеличил налоги в портовом городе Сакаи, чем восстановил против себя местное купечество. Даже Ода Нобунага, в своё время контролировавший этот город, такого себе не позволял. Чайный мастер, живший в то время в Сакаи, отнёсся к этому шагу

крайне неодобрительно. А в 1590 году произошёл инцидент с влиятельным горожанином, тоже специалистом по чайному ритуалу и любимым учеником Рикю по имени Яманоуэ Содзи (1544–1590), добавивший напряжённости в их отношения. Состоятельный торговец резко отозвался о действиях Хидэёси, о чём ему тут же донесли. Оскорбивший правителя горожанин был арестован и в тот же день казнён.

Рикю выразил своё отношение к этому 13 января следующего 1591 года во время очередной чайной церемонии единственно доступным ему способом. Зная о пристрастии своего патрона к ярким цветам и пышным формам, он поднёс ему приготовленный зелёный чай в старинной чашке чёрного цвета со скромным блёклым оттенком. Все присутствовавшие знали давний принцип чайного мастера *куро ва фуруки кокоро нари* («чёрный цвет — сердце старины»). Но знали также и то, что Хидэёси его терпеть не может. Этот публичный жест ещё больше развёл их в разные стороны, а последовавшая через 9 дней смерть от болезни младшего брата Хидэнага лишила Хидэёси и второго ближайшего соратника.

Через месяц после случившегося посланник Хидэёси доставил чайному мастеру его приказ: покинуть столицу и заключить себя под домашний арест в городе Сакаи. Непосредственным поводом к опале послужило посещение Хидэёси столичного храма Дайтоку. За два года до этого Сэн Рикю на личные средства отремонтировал главные ворота храма, и в благодарность за это настоятель храма распорядился изготовить деревянный барельеф мастера и украсить им входную арку. Пройдя под ней, Хидэёси был вынужден посмотреть снизу вверх на изображение своего вассала. Честь военачальника была задета, и это требовало компенсации. Через несколько дней чайного мастера посетил Маэда Тосииэ с предложением принести Хидэёси извинения и забыть о недоразумении. С учётом дели-

катности ситуации он дал понять, что будет достаточно, если Сэн Рикю передаст извинение через жену или мать Хидэёси. Однако мастер ответил, что не может оскорблять память своих предков, разработавших чайный ритуал, извинениями перед человеком, который этот ритуал разрушает. Это было бы оскорблением не только их памяти, но и самого ритуала.

Результатом отказа и стал приказ о домашнем аресте. Когда Сэн Рикю покидал столицу, из всех его многочисленных учеников проводить учителя пришли лишь двое: Фурута Сигэнари (1544–1615) и Хосокава Тадаоки (1563–1646); остальные не решились. И не зря: непокорность Рикю вызвала приступ гнева, совладать с которым Хидэёси оказался не в силах. Через два дня после высылки чайного мастера из столицы, 25 февраля, его барельеф был снят с ворот храма Дайтоку и символически «казнён» на кресте в квартале Итидзё-модорибаси. На следующий день после символической казни Рикю снова был вызван в столицу, где получил от Хидэёси приказ покончить жизнь самоубийством. Посланцам правителя было поручено лично проследить за исполнением и привезти голову опального мастера. Говорят, что, выслушав приказ, он спокойно ответил: «В чайной комнате для этого всё готово».

В тот же день несколько учеников Рикю во главе с Хосокава Тадаоки попытались спасти жизнь учителя, обратившись к правителю с просьбой о помиловании, но всё было тщетно. Двадцать восьмого февраля 1591 года 68-летний Сэн Рикю покончил жизнь самоубийством, и его голова была представлена Хидэёси, а затем установлена на том же кресте в Итидзё-модорибаси, чуть ниже его деревянного барельефа. Получилось очень наглядно.

По некоторым сведениям, Хидэёси впоследствии сожалел об этом столкновении самолюбий и даже демонстрировал склонность к стилю изящной простоты, столь

любимому чайным мастером, — ел и пил из посуды, выполненной в этой манере[45].

Следующие 7 лет должность главного чайного церемониймейстера при Хидэёси занимал Фурута Сигэнари, один из двух учеников мастера, не побоявшихся прийти на его проводы из столицы. После смерти Хидэёси он стал наставником чайного ритуала при сыне Токугава Иэясу, будущем втором сёгуне Хидэтада. Однако в 1615 году во время конфликта Токугава с сыном и наследником Хидэёси чайный мастер был обвинён в тайных контактах с ним и, так же как его учитель, получил приказ покончить с собой. По мнению некоторых историков, одной из причин гибели Фурута Сигэнари стала его приверженность взглядам учителя, отстаивавшего независимость традиций чайного ритуала от мнений и вкусов сильных мира сего.

Гибель двух крупных представителей направления *ваби-саби* в чайном ритуале повлияла на его дальнейшее развитие и привела к появлению компромиссного течения «красивой простоты» (*кирэй-саби*), которое продолжало совершенствоваться в течение всего правления династии сёгунов Токугава. Его основателем считается Кобори Энсю (1579–1647), ученик Фурута Сигэнари, а традиции отошедшей на второй план школы Сэн Рикю нашли своё продолжение в деятельности его внука Сэн Сотэн (1578–1658). Лежащий в её основе принцип непритязательной простоты и сегодня сохраняет свою привлекательность для многих любителей чайной церемонии в разных странах, поэтому можно говорить о том, что по сравнению с Тоётоми Хидэёси, дело и семейная линия которого прервались в 1615 году, эстетические взгляды и убеждения Сэн Рикю оказались более долговечными.

---

[45] Полная картина конфликта остаётся неизвестной и сегодня; в исторической литературе упоминаются и некоторые другие причины.

Правитель

Подготовка к войне

Подчинив себе всех военачальников страны, Хидэёси без какого-либо перерыва продолжил подготовку к боевым действиям, но теперь уже за пределами Японии. Мысль о том, что после прихода к власти война будет продолжена на материке, первым высказал Ода Нобунага, причём задолго до действительного объединения страны. Ещё в 1578 году Хидэёси писал Мори Тэрумото о том, что Нобунага планирует подчинить себе китайскую империю. Продолжив и успешно завершив дело своего учителя внутри страны, Хидэёси воспринял и его внешние планы.

Первое письменное свидетельство о намерении Хидэёси выйти за пределы Японии относится к 1585 году. Менее чем через два месяца после назначения на должность *кампаку* он объявил выговор своему подчинённому Като Мицуясу (1537–1594) за раздачу вассалам земель, на которые тот не имел права. Несмотря на то что Мицуясу хорошо воевал и за несколько лет увеличил свой доход с 20 до 1000 *коку* риса, ему не хватало ресурсов для поощрения служивших под его началом командиров. Объявив вассалу выговор, Хидэёси пообещал отправить его на Корейский полуостров для завоевания новых земель. В сентябре 1585 года в адресованном Хитоцуянаги Наосуэ (1546–1590) письме Хидэёси писал: «Завоевание Японии — дело решённое, а затем мы займёмся Кореей и Китаем» (Асао, 1993).

Эта мысль сопровождала его все годы, пока он шёл к власти. Шестнадцатого мая 1586 года на праздновании Дня святой Моники Хидэёси рассказал европейским миссионерам, что планирует оставить Японию на своего племянника Хидэцугу, а сам отправится на завоевание ма-

терика. И добавил, что уже распорядился построить для этого две тысячи кораблей.

Очевидно, что оба объединителя считали внешнюю экспансию естественным продолжением того, что они делали внутри страны. Материальный аспект этого убеждения состоял в том, что после объединения страны все земли в ней оказывались распределёнными, а моральный — в невозможности отказаться от привычного воинскому сословию уклада жизни. В 1587 году Хидэёси исполнилось пятьдесят лет, и более тридцати из них он провёл на полях сражений, побеждая своих противников и захватывая их земли. Окончательная победа внутри страны неизбежно должна была поставить перед ним вопрос: что дальше? И Хидэёси, привыкший рассчитывать свои действия наперёд, понял это уже в середине 1580-х годов. Выход энергии воинского сословия в виде стремления к новым завоеваниям был необходим и с точки зрения удержания власти, как средство сплочения вассалов и предотвращения внутренних заговоров.

Реальная подготовка почвы для ведения войны на материке началась в 1587 году, сразу после завоевания острова Кюсю. К западу от него, на середине пути между Японией и Кореей, лежал остров Цусима, которым владел воинский клан Со. В июне 1587 года его глава Со Ёсисигэ (1532–1589) в сопровождении старшего сына Ёситоси (1568–1615) встретился с Хидэёси и присягнул ему на верность. На этой встрече Хидэёси поручил главе клана передать правителю Кореи его требование признать вассальную зависимость от Японии и прислать в Киото заложников. Задание нужно было выполнить за 18 месяцев, то есть до конца 1588 года. Одновременно Хидэёси издал указ о запрете пиратства и преследовании тех, кто им занимается. Указ остался на бумаге, но продемонстрировал, что японский правитель заботится о своём будущем вассале.

Морские пираты действительно наносили большой урон селениям и портам на юге Корейского полуострова. Первое крупное нападение разбойников численностью около 200 человек произошло в 1552 году, и с тех пор набеги регулярно повторялись. В разгар японских междоусобных войн Корея жила мирной жизнью, и её прибрежные поселения становились лёгкой добычей пиратов, которых в Корее и Китае называли «японскими бандитами» (*вако*). Действительно, среди них было немало японцев, но в разбойных набегах участвовали также корейцы китайцы, и даже моряки, бежавшие с европейских судов. Чтобы скрыть свою этническую принадлежность, они во время нападений часто маскировались: китайцы брили лбы на японский лад, а японцы переодевались в европейскую одежду, чтобы сойти за португальцев.

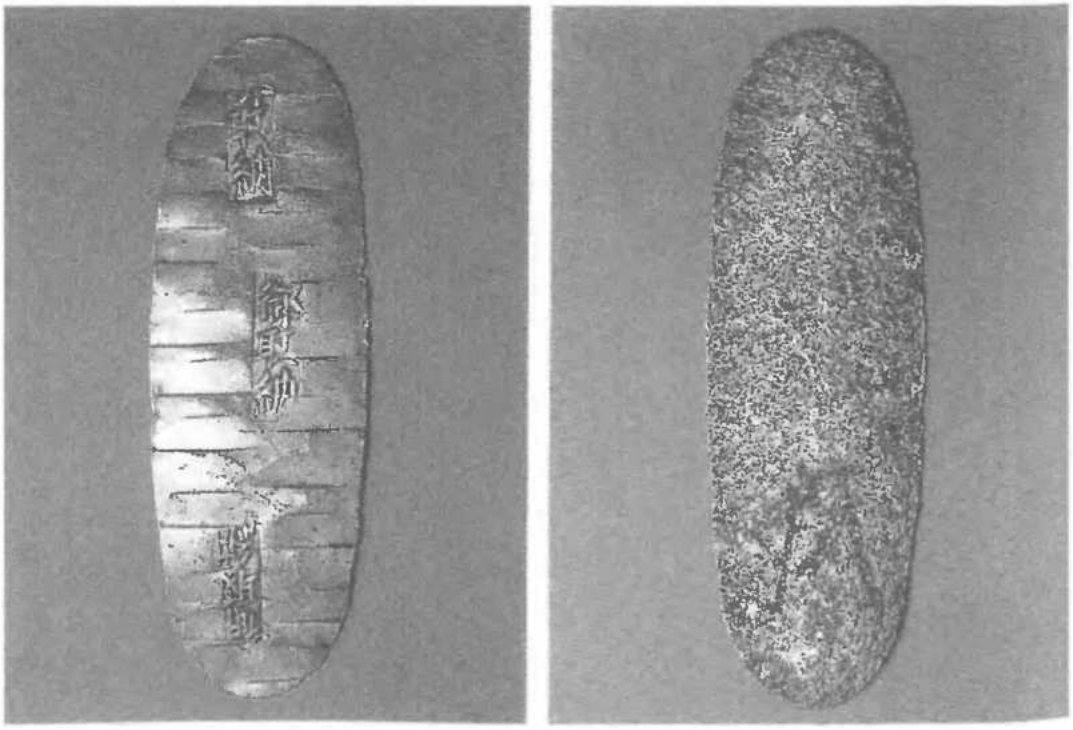
На островах Цусима, Хирадо и мини-архипелаге Гото (буквально «пять островов») то и дело появлялись разного рода экзотичные личности вроде выходца из Китая, известного в Японии под именем Отёку. Разбогатев на

Усадьба Отёку в Хирадо

торговле с Японией и создав мощную пиратскую сеть, он бежал от преследований на остров Хирадо и построил здесь богатую усадьбу. Одевался в дорогие шелка, называл себя правителем всех окрестных островов и держался как знатный вельможа. О роскошном образе жизни Отёку ходило множество слухов и легенд. В конце 1559 года во время очередной антипиратской кампании он был схвачен и казнён.

Торговля между Японией, Кореей и Китаем приносила всем её участникам хорошие дивиденды. С материка в Японию везли шёлк-сырец, ткани, фарфор, медные монеты, селитру, железо, а обратно — золото и серебро в слитках. Поток товаров проходил через провинцию Цусима и приносил ей доход, за счёт которого и жила эта небольшая по площади и почти не имевшая сельхозугодий территория. Точно так же торговля кормила окружавшие её небольшие острова.

Поддерживая добрососедские отношения с Кореей, управлявший провинцией клан Со помогал бороться с пи-



Монеты из серебра с рудника Ивами (XVI в.)

ратами и предоставлял корейским властям информацию о них. За это ему было предоставлено право выдавать торговым судам разрешения на заход в корейские порты. Говоря современным языком, глава дома Со выполнял функции корейского консула.

Намечающийся военный поход на материк грозил разрушить сложившийся порядок, поэтому Со Ёсисигэ постарался сместить акцент в планах Хидэёси с войны на дипломатию. Он пообещал уладить всё мирными средствами и убедить корейского правителя принять условия Хидэёси. Вероятнее всего, рассчитывал на то, что дипломатическая переписка и обмен делегациями займут много месяцев и за это время ситуация как-то поменяется. Хозяин провинции Цусима много раз бывал в Корее и хорошо знал, что с соседним Китаем её связывают прочные вассальные отношения, которые невозможно разрушить никакими требованиями.

В первой половине 1588 года Хидэёси написал письмо корейскому правителю Сончжо (1552–1608) и поручил главе дома Со передать его по назначению. В нём Хидэёси требовал признать вассальную зависимость Кореи от Японии и начать выплачивать дань. Население Кореи в тот момент составляло около 5 млн человек — примерно в три раза меньше, чем в Японии, — поэтому в глазах Хидэёси правитель соседней страны ничем не отличался от любого японского *даймё*, владевшего несколькими провинциями.

Со Ёсисигэ

Хозяин острова Цусима выполнил поручение и отправил в Сеул своего представителя Юдзуя Ясухиро. Послание Хидэёси было переведено на китайский язык и зачитано от имени Со Ёсисигэ. Оно не произвело большого впечатления на корейский двор и не привело ни к каким действиям. Многослойная и чрезвычайно инертная корейская бюрократия не почувствовала угрозы и не стала тратить деньги на укрепление одряхлевших за годы мирной жизни оборонительных сооружений на юге страны.

Хидэёси тем временем продолжал действовать. В августе того же 1588 года по его распоряжению Симадзу Ёсихиса отправил письмо примерно такого же содержания правителю провинции Тюдзан, одного из трёх независимых образований на островах Рюкю. В письме он сообщал, что в Японии произошло объединение страны под началом Тоётоми Хидэёси и вскоре об этом узнают все её соседи — Китай, Корея и «южные варвары» на Филиппинских островах. Распоряжением Хидэёси на островах Рюкю вводился запрет на боевые действия, а местным правителям настоятельно рекомендовалось в ближайшее время прибыть в Японию и принять вассалитет. Извещение сопровождалось предупреждением о том, что задержка с визитом будет рассматриваться как неуважение к новому правителю Японии. Посоветовавшись с руководством дома Симадзу, правитель Тюдзан отправил летом следующего года своих посланцев к Хидэёси с поздравлениями по случаю объединения страны, что было воспринято как решение вопроса. Из-за удалённости островов Рюкю их участие в войне на материке ограничилось поставками продовольствия клану Симадзу.

Не получив до конца 1588 года ответа от Кореи, Хидэёси в марте следующего года запросил главу дома Со о причинах задержки и потребовал ускорить процесс. В июне того же года посланник Со Ёсисигэ прибыл в Сеул с сообщением о том, что японский правитель хочет ви-

деть у себя корейское посольство, но передал требование в виде вежливого пожелания, не акцентируя агрессивных намерений японской стороны. Так в переговорах появилась первая фигура умолчания, размер которой впоследствии неуклонно увеличивался.

Понимая, что отправка посольства в Японию является первым шагом на пути к признанию вассалитета, корейский двор для сохранения паритета выставил встречное условие: посольство будет отправлено, если Япония проявит добрую волю и депортирует в Корею пиратов, разорявших её побережье. Среди обитавших в Хирадо и на островах Гото разбойников были и этнические корейцы, выдачи которых давно добивался Сеул. Принятое при дворе решение было передано в провинцию Цусима в сентябре 1589 года. В клане Со в тот год умер его глава Ёсисигэ, и его место занял 20-летний сын Ёситоси. Увидев в корейском ответе шанс на мирное урегулирование, руководство клана активно взялось за дело, и через полгода несколько пиратских главарей были арестованы и переданы корейской стороне. Вместе с ними на родину вернулась и группа мирных корейцев, освобождённых из пиратского плена.

Японская сторона выполнила условие, и в Сеуле ответили взаимностью — в марте 1590 года впервые за последние 150 лет корейское посольство отправилось в Японию. В его составе насчитывалось около 200 человек, включая большую группу музыкантов и танцоров.

Среди корейской аристократии в то время шла ожесточённая борьба между восточной и западной группировками. Одно из глубинных различий между ними касалось мировоззренческой стороны дела: западное крыло строило свою концепцию мироздания на материально-практической основе (китайская философская категория *ли*), а восточное ставило во главу угла духовно-идеалистическое начало (категория *ки*). Вытекавшие из этого расхождения

во взглядах распространялись практически на все аспекты общественной жизни и государственного управления, поэтому при решении любого вопроса главе правящей династии приходилось учитывать соотношение сил и общий баланс интересов. Этот подход сказался и при формировании посольства в Японию — его главой был назначен представитель западной группировки Хван Юнгиль, а его заместителем — входивший в восточную Ким Сонъиль.

Представительная делегация прибыла в столицу Японии 21 июля, через 10 дней после того, как Хидэёси принял капитуляцию Ходзё. Сам он в это время находился в провинциях Дэва и Муцу и вернулся в столицу только в конце августа — гостям из Кореи пришлось ждать его возвращения больше месяца. Для Хидэёси подчинение Кореи, символом которого должен был стать приём посольства, было лишь первым шагом на пути к победе над Китаем. Этот шаг не отменял военных приготовлений, поэтому 20 августа, ещё до возвращения в столицу, Хидэёси на встрече с Кониси Юкинага (1558–1600) и Мори Ёсинари (?–1611) распорядился приступить к подготовке военного похода на материк. Об этом же он писал в письмах, адресованных Масита Нагамори (1545–1615) и Яманака Нагатоси (1547–1607). В них говорилось, что операция под названием «приход весны» (*райсюн*), как Хидэёси называл войну на материке, намечена на следующий 1591 год. Свидетельство современника: «Победа [над домом Ходзё] наполнила сердце *кампаку* непомерной гордостью и бесконечной самоуверенностью, словно дьявол явил себя снова этому миру. Торжественно объявив, что сам поведёт войско на Китай, он приказал начать громадную подготовительную работу и при этом заявил, что после того, как он стал единовластным правителем Японии, у него не осталось иных задач, кроме покорения Китая» (Фройс, 1977).

Из европейских карт Хидэёси узнал, что правит небольшой страной в восточной части Азии, что никак не

соответствовало его представлениям о своей значимости и месте в этом мире. Победы, одержанные им в последние годы, окончательно убедили новоиспечённого правителя, что он является потомком бога солнца и что на земле ему уготована особая миссия.

Приём корейского посольства состоялся 7 ноября 1590 года в столичной резиденции Дзюракутэй, которой Хидэёси очень гордился. Однако её облик и внутреннее убранство не произвели на гостей особого впечатления, а уровень приёма вообще неприятно удивил. Видимо, отсутствие в составе делегации корейского правителя или, по крайней мере, наследного принца разочаровало Хидэёси — корейская хроника сохранила более чем сдержанные отзывы участников приёма о скромности угощения, которым их потчевали. Один небольшой столик, блюдо с жареными рисовыми лепёшками и графинчик мутноватого *сакэ* на две-три рюмки — вот и весь банкет

Европейская карта Японии (XVI в.)

(Камигайто, 2002). Право, такой приём не стоил долгого пути и более чем трёхмесячного ожидания. Особенно для корейских чиновников, столетиями следовавших китайским представлениям о значимости официального ритуала.

На приёме глава посольства вручил Хидэёси послание от Сончжо с поздравлениями по случаю объединения страны и пожеланием крепить добрососедские связи, а также старинные китайские трактаты и рукописи в подарок. Получив ответные дары, посольство удалилось, а через несколько дней содержание послания было переведено на японский язык и доложено Хидэёси. Кроме формальных приветствий и поздравлений в нём ничего не было, в том числе и ответа на его главное требование — признать вассальную зависимость от Японии. Сам факт прибытия посольства вроде бы позволял считать дипломатию успешной, но молчание по главному вопросу оставляло место для сомнений. Однако глава дома Со, стремившийся любыми способами избежать войны с Кореей, горячо поздравлял Хидэёси с успехом и доказывал ему, что отправка посольства и есть признание вассалитета.

Решив, что высадка в Корее покажет, как всё обстоит на самом деле, Хидэёси подготовил ответ корейскому правителю и передал его главе посольства. В нём говорилось, что после прекращения междоусобиц Япония под его руководством необычайно расцвела и похорошела, и приводились слова прорицателя, якобы нагадавшего ему в детстве великое будущее, несмотря на низкое происхождение. Добившись успеха в собственной стране, он не может обойти вниманием соседние народы, а посему намерен в ближайшее время отправить на материк армию для приобщения китайской династии Мин к островному японскому благу. Похвалив корейского правителя за мудрое решение стать вассалом японского императора, он сообщал, что Корее ничего не угрожает, но распорядился

оказать всяческое содействие японской армии в завоевании и просвещении династии Мин.

Оформление и стиль письма Хидэёси точно соответствовали его содержанию. Иероглифы, обозначавшие важнейшие атрибуты дипломатического приёма, прямо указывали на то, что японский правитель считает корейского своим вассалом. В Японии обладателей высших титулов (императора, самого Хидэёси и его племянника) именовали словом *какка*, а по отношению к Сончжо Хидэёси использовал обращение *дэнка*, что в русском языке примерно соответствует разнице между «вашим величеством» и «вашим превосходительством». Кроме того, полученные от Сончжо подарки были названы в письме данью. Если при отправке посольства у корейского правителя ещё и оставались какие-то сомнения в уготованном ему статусе, то после ответа Хидэёси они должны были рассеяться.

Активные приготовления к высадке на материк начались ещё осенью, до посольского приёма. В октябре 1590 года была объявлена трудовая мобилизация и издан приказ о строительстве замка Нагоя в провинции Хидзэн, в северо-западной части острова Кюсю (сегодня это город Карацу в префектуре Сага). Здесь должны были располагаться штаб, тыловая база и отправной пункт экспедиционного корпуса. Порт был очень удобно расположен в тихой бухте, но не имел береговых сооружений, поэтому всё пришлось строить с нуля.

Трудовая повинность легла тяжёлым бременем на военачальников и население острова Кюсю; ответственным за строительство был назначен местный военачальник Като Киёмаса (1562–1611), хозяин провинции Хидзэн и приёмный сын Хидэёси. Рабочих рук не хватало — их собирали по всей стране и доставляли в Нагоя морем. Норма трудовой повинности в западных провинциях составляла 600 человек с каждых 10 тысяч *коку* рисового дохода. По мере продвижения на восток она снижалась

и в самых восточных районах доходила до 200 человек. Строительство замка, где должен был останавливаться Хидэёси, началось в октябре и продолжалось три месяца. К декабрю 1591 года он был готов. Сооружение получилось внушительное, по размерам и обустройству не уступавшее столичной резиденции Хидэёси. Затем началось строительство призамкового города.

Глава корейского посольства Хван Юнгиль уехал из Киото раньше, не дождавшись ответа Хидэёси. Оказанный в Японии приём не оставлял сомнений в надвигавшейся опасности, и об этом нужно было сообщить в Сеул как можно раньше, опередив заместителя-соперника. Дождавшись ответа Хидэёси, Ким Сонъиль с посольством тоже отправился в обратный путь.

Во время остановки на острове Цусима он обсудил с руководством дома Со содержание послания и без труда убедил его в том, что в таком виде передавать его в Сеул нельзя. В перевод документа, адресованного корейскому

Замок Нагоя (гравюра)

правителю, сообща внесли изменения. Во-первых, все унизительные для него этикетные выражения были заменены на более достойные. Во-вторых, переформулирована цель военного похода Хидэёси и смягчено его требование к Сеулу. В оригинале говорилось о покорении династии Мин и выдвигалось требование к Сончжо возглавить корейское войско для участия в этом походе вместе с японской армией. В исправленном варианте фигурировало уже не «покорение», а «вхождение» на территорию Китая, и от корейского правителя требовалось не воевать, а лишь пропустить японцев через свою территорию. С японской стороны самое активное участие в подделке текста принимал буддийский монах Кэйтэцу Гэнсо (1537–1611), служивший дому Со и сопровождавший корейское посольство.

В Сеуле глава посольства и его заместитель в соответствии со своей групповой принадлежностью представили правителю Сончжо два разных доклада. «Западник» Хван Юнгиль утверждал, что угроза со стороны Японии реальна и следует готовиться к войне, а «восточник» Ким Сонъиль докладывал, что особой угрозы он не заметил, и если Япония и планирует какие-то действия, то не в ближайшее время. По итогам обсуждения было решено, что оснований для активной реакции на угрозу недостаточно, а повышенная тревожность может только навредить делу, вызвав переполох среди отвыкших воевать корейских военных, поэтому масштабных оборонительных мероприятий объявлять не стали.

Несколько смущало то, что даже в исправленном тексте говорилось о намерении Хидэёси «войти в Китай», поэтому вставал вопрос: надо ли сообщать об этом династии Мин? И если да, то в какой форме. Здесь тоже возобладал замешанный на придворном высокомерии отстранённый подход: судя по всему, новый японский правитель — необразованный и взбалмошный варвар, принимать его угрозы всерьёз — значит рисковать своей

репутацией в глазах китайского сюзерена. Не может же этот неизвестно откуда взявшийся воевода на самом деле думать о нападении на китайскую империю, многократно превосходящую его по всем параметрам. Скорее всего, рассудили в Сеуле, всё закончится пустыми разговорами, а корейскому двору в Пекине ещё долго будут припоминать этот паникёрский доклад. Кроме того, корейская элита опасалась подозрений со стороны Китая в сговоре с японцами больше, чем самой японской угрозы, поэтому в Пекин сообщили, что имеются противоречивые сведения о возможном нападении со стороны Японии, и заверили китайского императора, что его корейский вассал верен своему долгу и не поддерживает с японцами никаких контактов. Отправленный с этим докладом Ким Ён Нам прибыл в Пекин в мае 1591 года и, выполнив поручение, вернулся обратно.

Несмотря на то что при дворе корейского правителя в целом победила точка зрения восточной группировки, на совещании всё же решили укрепить небоеспособные форты в южных провинциях Чолла и Кёнсан. Однако и эта полезная инициатива не смогла пробить брешь в сложившейся за годы мирной жизни бюрократической системе управления. На фоне общей непопулярности всех видов трудовой повинности на местах нашлась масса критиков бестолковой центральной власти и бесполезной траты денег, поэтому решение так и осталось на бумаге. Как раз в это время японцы ударными темпами заканчивали строительство мощного замка Нагоя. Единственным удачным шагом корейского правительства перед началом войны можно считать назначение Ли Сунсина (1545–1598) командующим Левым флотом провинции Чолла. Впоследствии этот талантливый флотоводец доставил японцам массу неприятностей.

Обсудив исправленное послание Хидэёси, корейское руководство направило ему дипломатичный ответ, в котором подчёркивалось, что Китай и Корею связывают долго-

временные связи, подобные отношениям между родителями и ребёнком. На планы Хидэёси этот ответ уже не мог оказать никакого влияния.

Летом 1591 года молодой глава клана Со Ёситоси предпринял последнюю попытку избежать войны. Прибыв в Пусан, он встретился с местным губернатором и попросил его довести до сведения Сеула искреннее желание Японии заключить мирный договор и вывести прибрежную торговлю по линии Пусан — провинция Цусима на более высокий, межгосударственный уровень. Однако и эта миссия не принесла результата. Во второй половине года торговая резиденция в Пусане, где постоянно останавливались иностранные купцы, начала быстро пустеть — в преддверии войны японцы покидали Корею.

Хидэёси планировал начать военную операцию весной 1591 года, но этому помешал ряд обстоятельств. Несколькими месяцами раньше в провинциях Дэва и Муцу вспыхнул мятеж, на подавление которого ушёл целый год. А затем у Хидэёси начались потери близких людей. В январе 1591 года заболел и умер его ближайший соратник и правая рука, сводный брат Хидэнага (1540–1591). У Хидэёси вообще было мало родственников, и смерть самого опытного и боеспособного из них лишила его важной опоры. В это же время высшей точки достиг его конфликт с чайным мастером Сэн Рикю, завершившийся самоубийством последнего. В течение месяца Хидэёси потерял двух близких людей, занимавших важное место в созданной им системе власти. А в начале августа судьба нанесла ему ещё один, самый тяжёлый удар — умер его единственный сын и наследник Цурумацу (1589–1591).

Все эти обстоятельства не повлияли на планы Хидэёси завоевать окружающий мир, но сдвинули их во времени. Девятого марта 1591 года он провёл совещание, на котором решался вопрос о военной операции на материке. В нём участвовали пять главных полководцев Хидэёси:

Токугава Иэясу, Мори Тэрумото, Укита Хидэиэ, Маэда Тосииэ и Уэсуги Кагэкацу. Трое из них (Токугава, Маэда и Уэсуги) владели землями на востоке страны и двое (Мори и Укита) — на западе. Все понимали, что главное бремя войны ляжет на западные провинции и лишит их доходов от международной торговли, поэтому в этой части страны воинственные планы Хидэёси пользовались наименьшим одобрением. Зная это, он заранее заручился поддержкой восточных военачальников Токугава и Маэда в обмен на мобилизационные послабления. Эта тактика сработала, и участники совещания утвердили план нападения на материк.

Извещение о предстоящем походе командиры всех уровней получили в сентябре 1591 года, а приказ о выступлении — четыре месяца спустя, в январе 1592 года. Всем предписывалось прислать в столицу заложников и приступить к подготовке. Главную роль в предстоящей войне Хидэёси отвёл двум своим воспитанникам, Като Киёмаса (1562–1611) и Кониси Юкинага (1558–1600). Первый служил ему с одиннадцати лет, второй — с девятнадцати. После завоевания острова Кюсю они получили в совместное владение провинцию Хиго и приняли христианство. В случае успеха им были обещаны огромные владения на материке, которые сделали бы их крупнейшими в стране землевладельцами с доходом выше, чем у Токугава Иэясу.

Приказ Хидэёси был принят к исполнению, хотя далеко не все командиры разделяли его мечты о покорении заморских стран. Например, Сатакэ Ёсинобу (1570–1633), хозяин самой восточной из всех участвовавших в походе провинции Хитати, в одном из писем жаловался, что «расходы несёт немалые, а выгоды никакой». Некоторые военачальники низшего и среднего звена высказывались ещё резче — чем отправляться в неведомую даль на такие испытания, уж лучше сразу покончить жизнь самоубийством (Фройс, 1977). Тем не менее письменных свиде-

тельств о саботаже или уклонении от выполнения приказа не сохранилось.

Всё время, пока шли военные приготовления, Хидэёси не забывал извещать соседние страны о своих претензиях и требовать подчинения. Летом 1591 года он отправил португальскому наместнику в Индии письмо с требованием, чтобы испанский король лично прибыл в Японию. В сентябре того же года он потребовал от испанского губернатора Филиппин признать вассальную зависимость от Японии и платить ей дань. В этом письме Хидэёси назвал себя «человеком, которому предначертано править всем восточным и западным миром». Он известил испанского губернатора, что Корея и острова Рюкю уже объявили себя вассалами Японии и платят ей дань, что не соответствовало действительности. Предвидя возможность неподчинения европейских наместников в странах Азии, Хидэёси приказал своим полководцам готовиться к карательной экспедиции на Филиппины.

В августе 1591 года вышел его указ о переписи населения с указанием сословной принадлежности (*мибун тосэйрэй*), ставший предвестником всеобщей мобилизации. В нём говорилось о необходимости разграничить крестьянское и воинское сословия, каждому из которых предстояло внести свой вклад в победу. Одновременно с этим была проведена перепись всех земель, объявленных собственностью императорского дома, от имени которого Хидэёси ими распоряжался.

Тоётоми Хидэёси

В рамках подготовки к войне было про-

ведено перераспределение высших должностей. Смерть малолетнего сына остро поставила вопрос о наследнике, и Хидэёси после некоторых размышлений решил сделать преемником своего 23-летнего племянника Хидэцугу, ближайшего на тот момент и достаточно молодого родственника. Двадцать восьмого декабря 1591 года он официально объявил, что уступает племяннику придворную должность регента вместе со столичной резиденцией Дзюракутэй и поручает ему выполнение своих прежних обязанностей. Приняв титул *тайко* (Великий регент или Великий канцлер)[46], правитель объявил, что намерен полностью посвятить себя покорению соседних стран. Таким образом, война в Корее началась на год позже запланированного.

Агрессия в Корее: начало

В том, что амбиции Хидэёси толкнули его на завоевание Китая, нет ничего удивительного. В течение веков китайская империя доминировала в регионе и оказывала на соседние страны огромное культурное и политическое влияние. Для Кореи вассальная зависимость от Китая, отправка в Пекин посольств и выплата дани были привычными элементами мироздания. Китайские правители на независимость Кореи не покушались и не стремились её завоевать, но визитами тоже не жаловали, считая её одним из своих провинциальных вассалов. Государственное управление в Корее было выстроено по китайскому образцу и имело выраженный централизованно-бюрократиче-

[46] Изначально придворный титул *тайко* присваивался ушедшему со своей должности *кампаку* и означал просто «регент в отставке», но позднее, в эпоху Токугава, его значимость возросла, и регент стал «великим».

ский характер. Корейский престол передавался по наследству, его обладатель возглавлял правительство, состоявшее из шести управлений (министерств). Бюрократический аппарат был чрезвычайно разветвлённым и имел сугубо гражданскую направленность, а вооружённые силы занимали в нём незначительное место. Они были разделены на пять военных округов (Правый, Левый, Центральный, Передний и Задний) во главе с гражданскими чиновниками. В военном ведомстве, копировавшем структуру гражданских министерств, должности делились на пять рангов — от главнокомандующего до местных военных ревизоров. Занимавшие их чиновники не специализировались в военном деле и в этом смысле ничем не отличались от своих гражданских коллег.

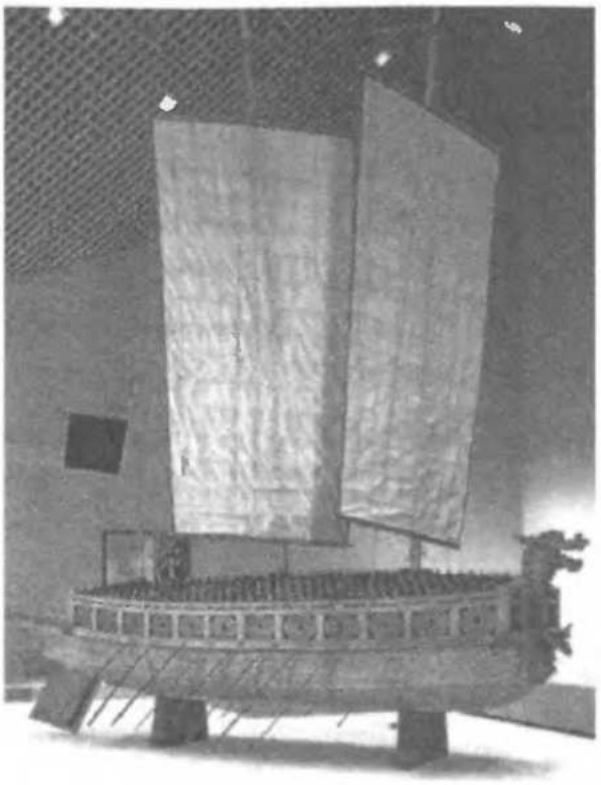
Военно-политическая организация Японии в тот момент имела совершенно иной характер. Страной правила закалённая в столетних междоусобицах воинская элита, потреблявшая большую часть материальных ресурсов и тратившая их на укрепление своей власти. Статус и влияние любого военачальника определялись не его придворным рангом, а исключительно численностью войска, которое он мог собрать. Слабые зачатки гражданского управления едва просматривались в нескольких вольных городах и провинциях с традициями религиозно-повстанческого движения. Принципиальные различия в административном устройстве и полное отсутствие знаний друг о друге предопределили характер взаимоотношений между двумя странами.

Хидэёси исходил из того, что сможет подчинить себе Корею и использовать её против Китая так же легко, как он делал это во внутренних войнах, когда вчерашние союзники или вассалы противника охотно переходили на его сторону и обращали оружие против своих бывших соратников. Он полагал, что за счёт корейского населения сможет пополнить свою армию, запасы оружия и про-

довольствия, которые в противном случае пришлось бы доставлять из Японии. Это была первая и самая большая ошибка. Вторая заключалась в переоценке своих сил. В конце XVI века население Японии составляло не более 15–16 млн человек, в Корее жило около 5 млн, а в Китае — 150 млн человек. Даже если не считать португальскую и испанскую колонии на Филиппинах, которые Хидэёси тоже хотел покорить, Корея и Китай по численности населения превосходили Японию в 10 раз. В эпоху холодного оружия, когда превосходство в живой силе имело решающее значение, нужно было очень верить в себя, чтобы начинать войну при таком соотношении сил, да ещё на территории противника. В этом смысле корейские чиновники были недалеки от истины, когда говорили, что если Япония нападёт на Поднебесную, то это будет похоже на попытку улитки разбить скалу.

На стороне японской армии были два преимущества. Во-первых, инициатива, которую всегда получает нападающая сторона, и, во-вторых, собственно военное превосходство (боевая выучка, тактика, качество оружия). В последнем аспекте наибольшее значение имело ручное огнестрельное оружие, практически неизвестное в Корее. Японские копья были длиннее корейских, а мечи отличались высоким качеством стали и невероятно острой заточкой, поэтому на материке они очень ценились и стоили в пять раз дороже, чем в самой Японии.

Слабости же японского плана заключались во второстепенных на первый взгляд деталях, которые проявились не сразу, а по мере того, как война стала затягиваться. Во-первых, это отсутствие опыта войн с внешним противником. За всю историю японцы лишь дважды встречались на поле боя с представителями иных культур: в 663 году (объединённые силы династии Тан и корейского государства Силла) и в XIII веке (нападение монголов на Японию). Оба столкновения имели разовый характер



Транспортный корабль 1592 года (макет)

и ничем не обогатили японскую стратегию и тактику. В течение столетий японцы вели внутренние войны, в которых противники говорили на одном языке и руководствовались одними и теми же представлениями о том, что хорошо и что плохо. В Корее им предстояло столкнуться с народом другой страны, отношение которого к завоевателям принципиально отличалось от того, к чему они привыкли на родине. Незнание языка, корейских обычаев и традиций, климата и местности, на которой предстояло воевать, также работало против них.

Огромное значение имела удалённость театра военных действий. Остров Цусима от порта Нагоя отделяли 120 км морского пути, ещё 100 км нужно было преодолеть до Пусана. Всего — 220 километров, на маломерных парусно-гребных судах, поперёк течения Куросио и при сезонных ветрах, которые помогали на пути в Корею лишь дважды в год — в начале весны и осени. От Пусана до Сеула надо было преодолеть ещё 330 километров, а до границы с Китаем — 800. Воевать на таких расстояниях японцам ещё не приходилось.

Всего в состав экспедиционного корпуса было мобилизовано 250 тысяч человек — самое большое войско в истории Японии. Для продовольственного обеспечения в порт Нагоя завезли 300 тысяч *коку* риса (45 тысяч тонн).

Отправление первых отрядов на Корейский полуостров было назначено на 1 марта, но многие задержались в пути и опоздали. В феврале 1592 года заболел и сам Хидэёси, поэтому начало кампании сдвинулось на две недели. Начиная с середины марта сотни судов, дождавшись попутного ветра, флотилиями покидали порт Нагоя и шли к острову Цусима, а оттуда брали курс на Пусан.

Весь экспедиционный корпус был разделён на 9 крупных соединений, по численности примерно равных современной дивизии. Каждое имело свой порядковый номер и состояло из подразделений, возглавляемых разными командирами.

Соединение № 1. Командиры: Со Ёситоси, Кониси Юкинага и др. Численность 18 700 чел.

Соединение № 2. Като Киёмаса и др. (22 800 чел.).

Соединение № 3. Курода Нагамаса, Отомо Ёсимунэ (11 000 чел.).

Соединение № 4. Мори Ёсинари, Симадзу Ёсихиса и др. (14 000 чел.).

Соединение № 5. Фукусима Масанори, Тёсокабэ Мототика и др. (25 000 чел.).

Соединение № 6. Кобаякава Такакагэ и др. (15 700 чел.).

Соединение № 7. Мори Тэрумото (3000 чел.).

Соединение № 8. Укита Хидэиэ (1000 чел.).

Соединение № 9. Тоётоми Хидэкацу и Хосокава Тадаоки (11 500 чел.).

Таким образом, списочная численность экспедиционного корпуса составляла 158 700 человек (Накано, 2008). Первыми на материк отправились части под командованием Като Киёмаса и Кониси Юкинага. Прибыв на остров Цусима, Кониси отправил в Пусан своего представителя с сообщением о предстоящей высадке японской армии и просьбой к корейскому градоначальнику оказать содействие в продвижении к китайской границе. Передовые отряды должны были заложить в Пусане резиденцию для

Хидэёси, обустроить дороги и подготовить всё необходимое для прибытия и размещения остальных соединений. В случае отказа от содействия корейской стороне предлагалось готовиться к бою. Посланник вернулся 7 апреля и передал, что градоначальник Пусана Чон Баль ответил отказом и намерен защищать город.

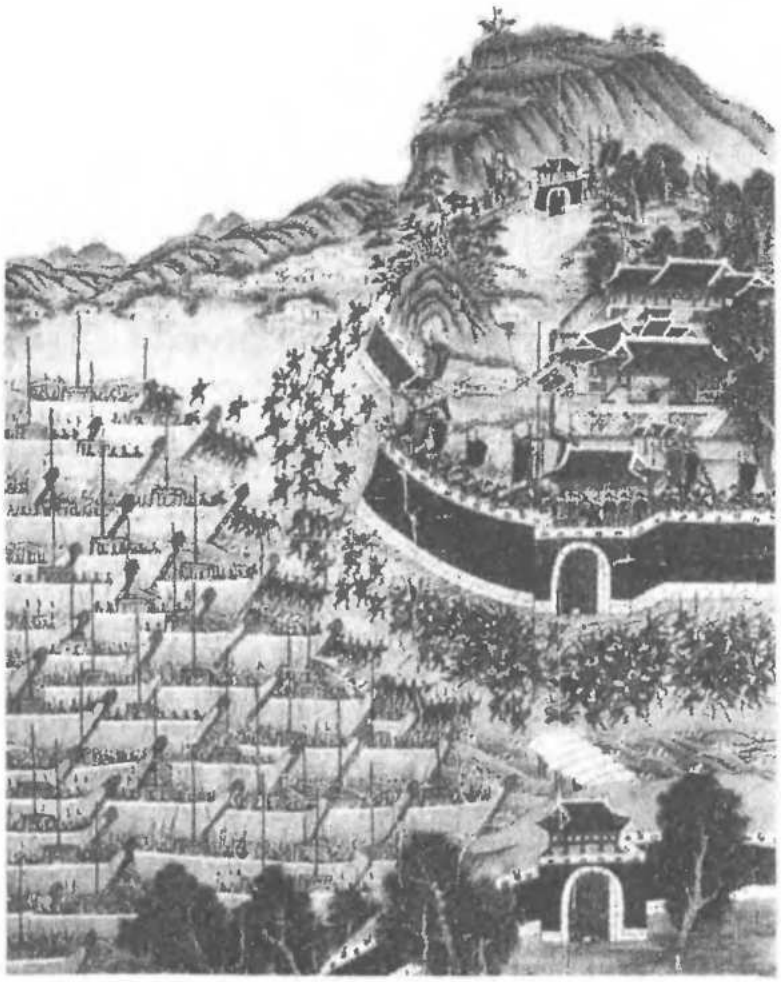
С острова Цусима Кониси отправился вместе со своим родственником Со Ёситоси, тоже христианином, женатым на его дочери. Двенадцатого апреля 1592 года первое соединение под командованием этих двух командиров на 700 кораблях подошло к корейскому побережью и высадилось в Пусане. Чон Балю ещё раз было предложено сдать город без боя, на что он ответил, что сам не может принять такого решения — нужно согласие правительства, а на это потребуется время.

Штурм городской крепости начался утром следующего дня. По данным Л. Фройса, штатный гарнизон Пусана насчитывал всего 600 человек, но Чон Баль успел провести в городе мобилизацию и существенно его пополнить. Впрочем, это не повлияло на результат — к полудню город был взят, а все его жители, включая женщин и детей, убиты. Несмотря на приказ Хидэёси не восстанавливать против себя местное население грабежами и убийствами, привычный образ действий на чужой территории взял верх, и война в Корее началась с массовой резни. Один из японских командиров писал в своём дневнике, что в Пусане было убито около 30 тысяч человек. Христианская заповедь о милосердии, которой, по идее, должны были следовать Со и Кониси, не спасла жизни мирных горожан, моливших о пощаде.

Жестокость нападавших отчасти объяснялась разницей в организации городских укреплений. В Японии горожане жили в призамковых поселениях за пределами укреплённых фортов, поэтому нападение на форт не обязательно сопровождалось уничтожением города. Так бы-

вало часто, но не всегда. В Корее же, как и в Китае, города обносились общей крепостной стеной, поэтому при нападении противника все горожане должны были участвовать в оборонительных действиях и, соответственно, в случае поражения поголовно уничтожались.

Узнав о падении Пусана, комендант соседнего форта Тоннэ бежал из города, его примеру последовал командовавший местной флотилией Пак Хён. Оборону крепости взял на себя другой командир, Сон Санхён, которого Со Ёситоси хорошо знал по предыдущим приездам в Корею. Окружив форт, он предложил давнему знакомому безопасный отход, но тот отказался и погиб во время штурма. Вслед за Пусаном и Тоннэ так же легко был взят Ульсан.



Штурм Пусана (гравюра)

Через 6 дней после Со и Кониси, 18 апреля, в Пусане высадилось соединение Като Киёмаса и двинулось на север, к городу Кёнчжу, а следом за ним — отряд под командованием Курода Нагамаса (1568–1623), сына Курода Камбэй. Он пошёл в том же направлении, но вдоль реки Нактоган.

Весть о японском нападении дошла до Сеула через 5 дней, 17 апреля. Главнокомандующим сухопутными войсками был спешно назначен столичный чиновник Ю Соннён (1542–1607), но в результате придворных интриг он вскоре был смещён.

Слухи об ужасной резне, устроенной японцами в Пусане и Тоннэ, деморализовали гарнизоны следующих фортов, стоявших на пути японской армии, и обратили их в бегство. Взяв Ульсан, Кониси Юкинага предложил его коменданту И Ёнсону стать посредником в переговорах с Сеулом о капитуляции. Он помнил приказ Хидэёси: конечная цель похода — Китай. Исходя из привычных ему реалий, Кониси полагал, что капитуляция корейского правителя сделает его вассалом Хидэёси и заставит обратить оружие против северного соседа. И Ёнсон согласился и отправился в Сеул, но из опасения, что будет казнён как предатель, скрыл правду, сказав, что с риском для жизни бежал из японского плена и готов бороться с захватчиками.

Курода Нагамаса

Через три недели после начала втор-

жения части Кониси, Като и Курода соединились у реки Ханган неподалёку от Сеула. По пути к столице 18-тысячное войско Кониси разгромило под Чхунчжу высланный навстречу 8-тысячный корейский отряд. Этот бой, ставший последним для корейского полководца Син Ипа (1546–1592), вновь продемонстрировал полное преимущество японцев в тактике и вооружениях.

Сначала объединённые силы Като, Кониси и Курода атаковали и взяли штурмом Кэсон, третий по величине город страны и бывшую столицу государства Корё, тем самым лишив Сеул надежд на поддержку с тыла, а затем двинулись к столице. Их приближение вызвало в городе панику и массовое бегство. Страна рушилась, как карточный домик. Корейский правитель Сончжо вместе с домочадцами бежал из столицы далеко на северо-запад и укрылся в крепости Ыйджу, наиболее удалённой от маршрута продвижения японских войск. Оттуда он отправил в Пекин гонца с мольбой о помощи. Перед уходом из Сеула он приказал поджечь главный продовольственный склад, и этот пожар стал сигналом к началу беспорядков — горожане начали жечь городские конторы, в которых хранились списки и адреса жителей. В корейском обществе, делившемся на аристократов, простолюдинов и рабов, каждая семья имела закреплённый за ней статус и адрес проживания. Столетия жёсткого бюрократического правления приучили корейцев к порядку и послушанию, но при первых же признаках краха системы недовольство низов выплеснулось наружу.

Стихия всеобщего разрушения набирала силу и быстро перекинулась на дворец правителя. Семейное хранилище династии Сончжо с ценностями было разграблено, а сам дворец сожжён. Вместе с ним погибли официальные хроники правящего дома за последние двести лет, ценные рукописи и древние манускрипты. Такая же судьба постигла резиденции наследного принца, военного министра и других аристократов.

В сражении за Сеул собранные наспех силы под командованием Ким Мёнвона (1534–1602) не смогли оказать японцам серьёзного сопротивления, а сам командующий уже в начале боя бежал, переодевшись в чужое платье. Полный разгром и потеря столицы окончательно деморализовали тех, в ком ещё теплилась надежда. Три южные провинции из четырёх (Кёнсан, Чхунчхон и Канвон) почти полностью перешли под контроль японцев, некоторую самостоятельность сохранила лишь провинция Чолла. После Сеула армия Кониси двинулась на северо-запад, к Пхеньяну, за которым открывался прямой путь к китайской границе, а Като Киёмаса — на северо-восток, в населённую чжурджэнями провинцию Хамгён.

Одержав по пути ещё одну победу на реке Имчжин, Кониси подошёл к Пхеньяну и отправил гонца к министру внешних сношений И Докхёну с предложением встретиться и обсудить дальнейшие планы. Министр согласился и прибыл на переговоры. Японский полководец предложил ему объявить себя правителем Кореи, прекратить сопротивление и пропустить японскую армию к китайской границе, но чиновник отказался, сославшись на многолетние связи своей страны с династией Мин.

Кониси Юкинага

Обороной Пхеньяна командовал Ли Иль, ему помогали гражданские чиновники Юн Дусу (1533–

1601) и бежавший из Сеула Ким Мёнвон. Защитить не имевший серьёзных укреплений город силами 10 тысяч человек не представлялось возможным, поэтому корейское командование в ожидании подкрепления из Китая решило сдать Пхеньян без боя и отступить в соседний форт Сунан. Пятнадцатого июня Кониси Юкинага вошёл во второй по величине город Кореи. В Пхеньяне было решено закрепиться и сделать его опорным пунктом для дальнейшего продвижения на север. На городские склады было завезено 15 тысяч тонн риса и начаты работы по строительству внешних укреплений. Кониси отправил своего посланника к Сончжо с предложением вернуться в столицу, объявить о капитуляции и подписать мирное соглашение. Но его призыв остался без ответа — Сончжо ждал помощи из Пекина.

Династию Мин в тот момент возглавлял 29-летний император Ваньли, правивший с 9-летнего возраста. Государственным делам он уделял не слишком много внимания, поэтому период его правления в китайской истории считается не самым удачным, в том числе и в военном отношении. Достаточно сказать, что защищавшая столицу армия при штатной численности 120 тысяч человек в действительности насчитывала не более 20 тысяч (Нихон сэнси, 1995).

Нельзя сказать, что японская агрессия стала для Китая полной неожиданностью; слухи о военных приготовлениях Японии регулярно доходили до Пекина. В 1591 году прибывший на Рюкю китайский торговец узнал об агрессивных планах Хидэёси и, вернувшись на родину, сообщил об этом своему правительству. Корейский лекарь, попавший в плен к японским пиратам, написал о том же своим друзьям и родственникам в Корею. Наконец, наследный принц правителя Рюкю специально отправлял в Пекин курьера с предупреждением о готовящемся нападении со стороны Японии. Так что намерения Хидэёси ни для кого не были секретом.

За годы своего правления китайский правитель Ваньли ни разу не был в Корее и не очень-то доверял своему южному вассалу, поэтому известие о высадке японцев в Пусане не вызвало с его стороны каких-либо действий. В Пекине не исключали сговора между Сончжо и Хидэёси, однако сообщения о захвате японцами Сеула, бегстве корейского монарха и его мольба о помощи не вписывались в теорию заговора, поэтому династия Мин решила прийти на выручку. Регулярная китайская армия под командованием Ли Жусуна в тот момент воевала с мятежниками в Бохайском княжестве и не могла выступить в Корею, поэтому для начала против японцев было решено послать ополченцев, набранных в приграничных с Кореей провинциях.

Их сбор был назначен в провинции Ляодун, куда прибыл китайский военный министр. В конце июня 5-тысячный китайский отряд был сформирован и выступил в Корею. Девятнадцатого июля он соединился с отступившими из Пхеньяна корейскими силами под командованием Юн Дусу и Ким Мёнвона. Сражением за возврат второго города страны руководил опытный китайский полководец Цзу Ченьсюнь, которому до этого не приходилось воевать с японцами. Тем не менее перед сражением он был спокоен и уверен в своей победе. Однако выбить японцев из Пхеньяна силами наспех собранного ополчения не удалось. Бой получился упорным и кровопролитным: плотный ружейный огонь из-за умело выстроенных укреплений вынудил нападавших отступить с большими потерями, а Цзу Ченьсюнь потерял в бою своего первого заместителя.

Стало ясно, что японцы — серьёзный противник, которого провинциальными силами не одолеть, нужно привлекать регулярное войско. В ставку Цзу Ченьсюня прибыл считавшийся знатоком Японии придворный чиновник Шень Вэйцзин и предложил договориться с японцами о перемирии, сославшись на то, что Кониси Юкинага уже

несколько раз об этом говорил. Китайский военачальник согласился, и в августе того же года состоялись переговоры. Кониси выдвинул свои условия: династия Мин признаёт Хидэёси полновластным правителем Японии и его право на все корейские земли к востоку от реки Тэдонган. Шень Вэйцзин пообещал передать эти требования императору Ваньли и дать ответ не позднее чем через 50 дней.

Первый дипломатический контакт выявил переговорные позиции японцев: за Кореей они признавали единственное право — на безоговорочную и полную капитуляцию, а условия раздела её территории должны были обсуждаться с Китаем. Этой линии японская сторона неизменно придерживалась и в дальнейшем.

Шень Вэйцзин отбыл в Пекин, и на этом активные боевые действия в окрестностях Пхеньяна прекратились. Но в других районах страны они продолжались. Дальше всех продвинулся Като Киёмаса, дошедший до пограничной с Китаем северо-восточной провинции Хамгён. Здесь находились приёмные сыновья корейского правителя, Имхэгун и Кванхэ-гун, которых он отправил сюда перед тем, как оставить Сеул. При приближении японцев сосланный в Хамгён опальный корейский аристократ поднял на мятеж местных джурдженей, недовольных притеснениями центральной власти, и с их помощью захватил в плен сыновей Сончжо. На встрече с Като Киёмаса в городе Хверён он заявил, что готов помогать японской армии, и передал ему сыновей корейского правителя, за что был назначен управителем северо-восточной части провинции.

Таким образом, к осени 1592 года японская армия взяла под контроль большую часть Кореи. По выражению Л. Фройса, сообщения о победах на материке «вызывали у Хидэёси бурю радости, граничащей с потерей самоконтроля». Казалось, ещё немного, и его мечта о покорении великого Китая сбудется. Своему племяннику Хидэцугу он отправил распоряжение начать подготовку

к предстоящему триумфу. В письме говорилось, что через три года японский император должен переехать в Пекин, взять на себя управление китайской империей и вступить во владение десятью окружавшими столицу провинциями. Вместо него на японский трон следует посадить кого-то из наследных принцев, и Хидэцугу должен сам заняться этим вопросом.

Като Киёмаса

Мысль завоевателя летела вперёд, не зная преград. После победы над Китаем он собирался переехать на материк и подготовить конкретный план захвата земель сначала в Индии, а затем в Западной Азии. В частном письме, адресованном одной из придворных дам, Хидэёси писал, что в Китае он намерен построить себе резиденцию в портовом городе Нинбо на берегу Восточно-Китайского моря. Правителем Кореи он планировал назначить племянника Хидэцугу или Укита Хидэиэ.

Успех японской армии в первые полгода войны был обеспечен двумя главными факторами — их подавляющим превосходством в боевой тактике и качестве вооружений, с одной стороны, и общей военной отсталостью Кореи — с другой. Отработанная за долгие годы междоусобных войн боевая выучка японцев подкреплялась качеством оружия, в первую очередь огнестрельного. Японские стрелки открывали огонь издалека, с расстояния до 500 метров, а на 100 метрах резко увеличивали его плотность. Низкая прицельность стрельбы из аркебуз

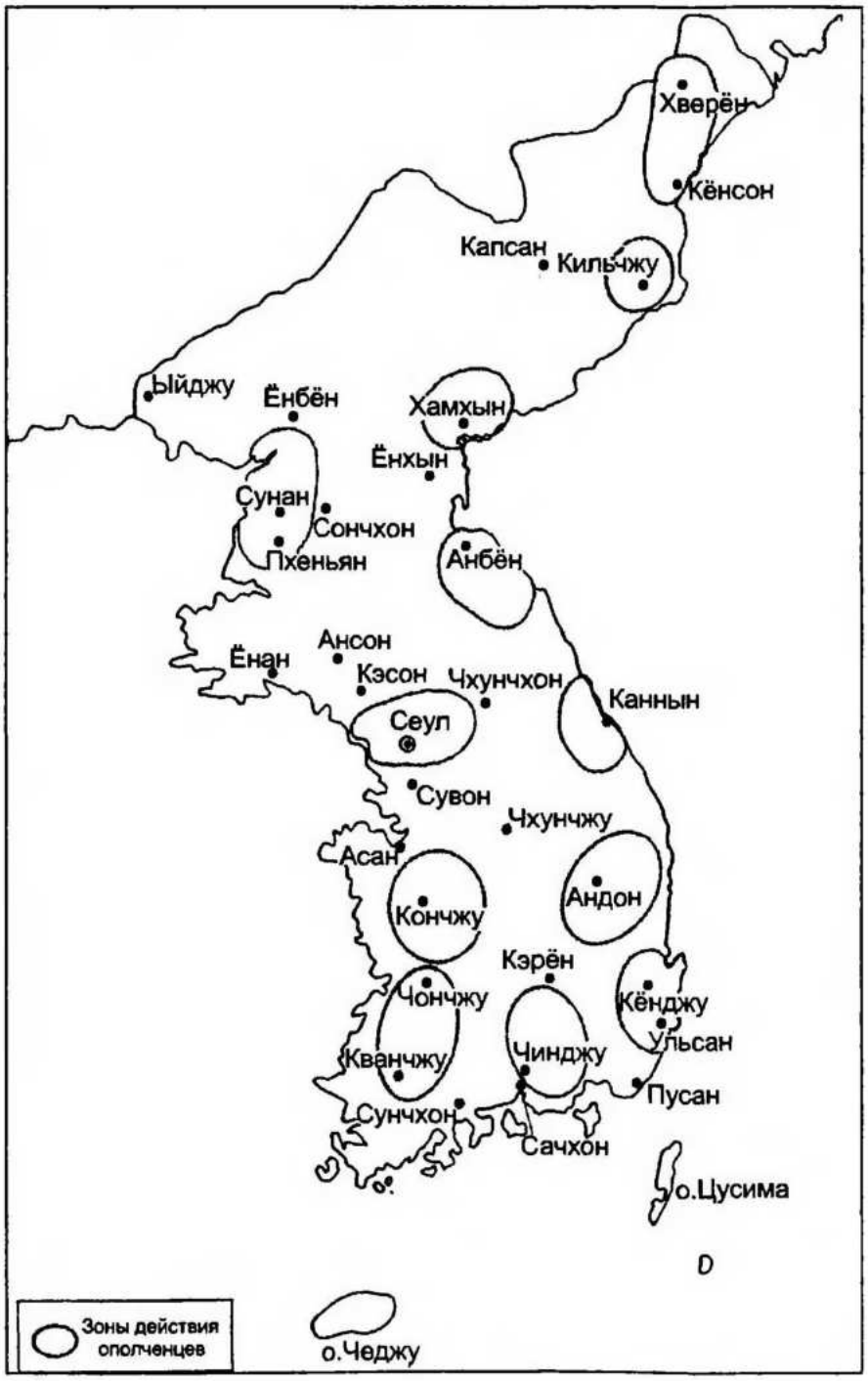
компенсировалась её залповой интенсивностью, и корейцам приходилось начинать бой под градом пуль, летевших хотя и бессистемно, но очень плотно. Для этого японские оружейники уменьшили калибр и вес пули до 9,4 грамма. Преимущество японской армии сказывалось также в качестве холодного оружия — японские копья были намного длиннее корейских и позволяли поражать противника с большего расстояния, а мечи отличались невероятно острой заточкой и в ближнем бою наносили большой урон живой силе противника. Вооружённая цепами корейская конница мало что могла противопоставить такому оружию.

Быстрому продвижению японской армии способствовала также слабая защищённость южных рубежей Кореи, не готовившейся к войне на этом направлении. До этого главные угрозы корейской столице обычно исходили с севера — в 1583 и 1587 годах регулярное войско успешно отразило нападение чжурдженей, а в 1588 году нанесло им поражение на их собственной территории. Да и само войско, по свидетельству корейского чиновника, состояло в основном из сыновей бедняков, у которых не было денег, чтобы откупиться от воинской повинности (Кан, 1984).

Правда, на море дела у японцев обстояли намного хуже. В мае — июне 1592 года талантливый корейский флотоводец Ли Сунсин (1545–1598), командовавший «водным войском» левой (восточной) полупровинции Чолла, одержал на море четыре победы подряд и затопил около 150 кораблей, чем сильно подпортил японский триумф. В целом японские корабли превосходили корейские в манёвренности, но уступали им в размерах и вооружении. Изначально они строились для доставки людей и грузов на материк, поэтому по части вооружения и оснащённости проигрывали корейскому флоту, в котором особенно выделялись *кобуксоны* (букв. «корабль-черепаха»).

Это были крупные по тем временам, хорошо вооружённые парусно-вёсельные корабли (20–30 м в длину, 5 м

в ширину и 2,3 м в высоту). В каждом борту они имели по 22 отверстия для установки пушек калибра 120 и 160 мм, которых у японцев вообще не было. Обшитые металлическими пластинами борта и палубная надстройка *кобуксонов* хорошо защищали их от возгорания при обстреле



Районы активности корейского ополчения

ядрами и зажигательными стрелами. Борта «корабля-черепахи» прикрывали также выдававшиеся далеко вперёд металлические шипы, которые не позволяли подойти к нему вплотную и взять на абордаж. С учётом того, что именно абордажная атака считалась основным приёмом морского боя, эти защитные шипы давали корейским морякам большое преимущество. Поняв, что проигрывает на море, командование японское армии изменило тактику и в дальнейшем старалось готовить смешанные операции с одновременным использованием морских и сухопутных сил.

На фоне поражений регулярной армии в корейских деревнях начали формироваться отряды самообороны. Один из первых призывов к сопротивлению был написан уже 20 апреля, менее чем через неделю после высадки японцев в Пусане. И чем дальше на север продвигались японские войска, тем больше партизанских отрядов оставалось у них за спиной. В июне 1592 года местный предводитель Квак Чжэу (1552–1617) поднял крупное восстание в тылу и нанёс японцам чувствительный удар, перерезав их коммуникации и снабжение. Необученные и плохо вооружённые отряды корейских ополченцев нередко распадались после первого же столкновения с японцами, но со временем их становилось всё больше, а их организация и боеспособность постепенно возрастали.

Реализуя полностью захватившую его идею, Хидэёси планировал с самого начала лично руководить боевыми действиями на материке. Во главе передовых ударных соединений японской армии стояли хотя и лично ему преданные, но ещё молодые и недостаточно опытные командиры: самому старшему из них Кониси Юкинага исполнилось 34 года, Като Киёмаса — 30, Со Ёситоси — 24.

Хидэёси прибыл в порт Нагоя 25 апреля с намерением сразу же выйти в море с ближайшим отрядом, но отправка была в самом разгаре, судов не хватало, а на острове оставалось ещё много проблем, поэтому выезд пришлось

отложить до июня. Восемнадцатого июня Хидэёси отправил на имя Като Киёмаса письменное распоряжение, в котором детально прописал, что нужно сделать в первую очередь: принять меры к розыску бежавшего корейского правителя; вернуть в Сеул горожан и восстановить мирный образ жизни; предотвратить убийства и грабежи местного населения; обеспечить послушание корейцев; начать строительство гостевой резиденции в корейской столице, привести в порядок дорогу от Пусана до Сеула и поставить вдоль неё постоялые дворы.

В июне сезонные ветры сменили направление, и корабли перестали выходить из Нагоя. Теперь нужно было ждать до конца августа или начала сентября. В окружении Хидэёси мнения относительно его выезда в Корею разделились — Исида Мицунари идею горячо поддержал, а Токугава Иэясу и Маэда Тосииэ посчитали её опрометчивой: до наступления холодов останется не так много времени, роза ветров переменчива, и вообще правителю опасно оставлять страну, объединённую под его началом всего два года назад. Оба соратника изъявили готовность отправиться на материк вместо Хидэёси и взять на себя руководство боевыми действиями. Такого же мнения придерживался и молодой император Гоёдзэй, писавший в письме Хидэёси: «Ваш выезд в страну Корё сопряжён с большими трудностями и морскими опасностями. Не будет ли благоразумнее ограничиться отправкой туда Ваших вассалов? Полагаю, что в интересах двора и безопасности государства Вам следует оставаться в Японии и осуществлять руководство победными боевыми действиями отсюда. Такое Ваше решение меня бы чрезвычайно обрадовало» (Ямамото, 2013).

В итоге выезд в Корею было решено отложить до следующего года, а вместо Хидэёси на материк отправились Исида Мицунари (1560–1600), Масита Нагамори (1545–1615) и Отани Ёсицугу (1558–1600). Хидэёси сообщил об этом своей матери, по обычаю того времени отправив

письмо прислуживавшей ей старшей даме: «Свой выезд в Корею я отложил до марта следующего года, когда, говорят, море должно успокоиться. До этого времени буду находиться в Нагоя. Командовать вместо себя отправил наместника, а в Нагоя велел начать работы по переустройству замка. Мой выход в море перенесён на более спокойное время, так что Вам не о чем беспокоиться» (Ямамото, 2013).

В группе посланников Хидэёси старшим был назначен Исида Мицунари. Он и передал командирам соединений последние распоряжения главнокомандующего: на занятых корейских землях ввести японские порядки; правителя Сончжо вернуть в Сеул, а крестьян — в деревни; обеспечить им мирную жизнь и производительный труд. Провести перепись корейских земель, определить нормы рисового оброка для деревень, уездов и провинций, обеспечить снабжение японской армии местным продовольствием.

Языковому барьеру Хидэёси поначалу не придавал большого значения, полагая, что если обучить корейских крестьян японской слоговой азбуке, то для доведения приказов до местного населения этого будет достаточно. Однако, прислушавшись к советам более сведущих соратников, распорядился отправить в Корею группу буддийских монахов, часто бывавших на полуострове и хорошо знавших письменный китайский язык. На островах провинции Цусима было приказано собрать всех японцев, знавших корейский язык, и отправить на материк переводчиками. Буддийский монах Анкоку Дзиэйкэй в своих письмах из Кореи сообщал, что обучает детей японскому языку. Вряд ли эта просветительская деятельность имела сколько-нибудь значимый масштаб, но после окончания войны использование японского языка в Корее было запрещено специальным указом.

Наладить сколько-нибудь эффективное управление на захваченных территориях японцам не удалось. Мори

Тэрумото, прибывший в Корею во втором эшелоне, получил задание заняться хозяйственным обустройством занятых территорий и дорожным строительством. В письмах на родину он сетовал, что Корея — большая страна, а людей у него слишком мало. В занятых японцами населённых пунктах комендантам давали по одному переводчику; людей для решения административных задач катастрофически не хватало, и мобилизации местного населения тоже не спасали ситуацию — наслышанные о жестокости японцев, корейцы массово бежали в леса, многие становились партизанами. Через несколько месяцев после начала войны в корейских деревнях почти не осталось мужчин. Старики, женщины и дети не могли заменить их на полях, запасы продовольствия стали быстро сокращаться. Японское командование издавало на местах распоряжения с требованиями вернуться в селения и возобновить полевые работы, угрожая смертью всем, кто не подчинится, но эти приказы не очень помогали.

В разгар боёв, в июле 1592 года, в Нагоя пришло сообщение, что тяжело заболела мать Хидэёси, и он срочно выехал в столицу. Путь предстоял неблизкий — от Нагоя до Киото более 600 километров. Пока Хидэёси был в дороге, мать умерла. После похорон он намеревался сразу вернуться в Нагоя, но получил послания от двух императоров — вышедшего в отставку Огимати и действующего Гоёдзэй. Оба просили его

Император Огимати

не покидать столицу. Хидэёси прислушался к просьбе и на месяц отложил отъезд, но пояснил, что его отсутствие плохо сказывается на моральном состоянии армии, поэтому совсем остаться он не может. В октябре он вернулся на Кюсю и провёл там следующие три месяца.

В январе 1593 года в его планы снова вмешались обстоятельства — скончался император Огимати, и следующие несколько недель ушли на переписку с его внуком. Лишившись поддержки опытного деда, 21-летний император Гоёдзэй после похорон снова попросил Хидэёси отложить выезд в Корею, чтобы не оставаться вдвоём с его таким же молодым и неопытным племянником. Вероятно, Хидэёси и сам понимал, что в такой ситуации не стоит уезжать из страны. В середине февраля он известил своего племянника Хидэцугу, что откладывает свой отъезд в Корею до весны, а в середине апреля с китайским командованием было достигнуто соглашение о перемирии, и необходимость его выезда снова отпала.

Но перед заключением перемирия в Корее произошло много событий. После переговоров с Шень Вэйцзином Кониси Юкинага остался в Пхеньяне ждать ответа от династии Мин на свои требования. В Пекине они вызвали гнев и возмущение. Ни о каком сотрудничестве с Японией в разделе территории Кореи, исконного вассала Китая, не могло быть и речи. Ответом японской стороне должно было стать направление регулярного китайского войска, возвращения которого из Бохая в Пекине ожидали к осени. В октябре Ли Жусун наконец вернулся, был назначен главнокомандующим и начал готовиться к корейскому походу.

Через 90 дней после августовских переговоров, в ноябре 1592 года, Шень Вэйцзин привёз Кониси Юкинага ответ китайской стороны. В нём говорилось, что японская армия должна немедленно прекратить боевые действия в Корее, ликвидировать все построенные ею укрепления,

вернуть сыновей правителю Сончжо и покинуть полуостров. О разделе Кореи в ответе не было сказано ни слова. Закончившиеся вполне ожидаемым провалом переговоры были использованы китайской стороной, чтобы выиграть время, необходимое для военных приготовлений.

В конце декабря Ли Жусун с 43-тысячной армией подошёл к Пхеньяну, окружил его и начал готовиться к штурму. Регулярная китайская армия, в отличие от корейской, имела опыт боевых действий и даже крупную по тем временам артиллерию — закупленные у голландцев

Стрельба из пушки (гравюра XIX в.)

120- и 160-миллиметровые пушки. Под Пхеньяном к китайской армии присоединились корейские отряды под командованием Ли Иля и Ким Ынсо.

Штурм города начался утром 6 января 1593 года и продолжался весь день. Пхеньян защищали Кониси Юкинага и Со Ёситоси с силами от 10 до 15 тысяч человек. Одну десятую часть составляли стрелки, вооружённые огнестрельным оружием. Имея преимущество в живой силе, китайская армия упорно шла вперёд. Несмотря на шквальный ружейный огонь, она сумела захватить первый рубеж обороны — внешнюю городскую стену — и вынудила японцев отойти назад. Пушечные ядра с грохотом крушили деревянные укрепления и подрывали боевой дух японцев, никогда не имевших дела с орудиями такого калибра. Японские потери в тот день составили более 1600 человек, но решающей победы китайская армия добиться не сумела. Помня, что его главная задача — вернуть Пхеньян, Ли Жусун оставил окружённым в городе японцам коридор для отхода, и под покровом темноты они им воспользовались, в ту же ночь бежав из города по льду реки Тэдонган.

Защищавшие Пхеньян японские части уже давно испытывали большие трудности с продовольствием, обмундированием и боеприпасами. В начале зимы рядовой состав был переведён на двухразовое питание, а нехватка зимней одежды и обуви привела к массовым обморожениям пальцев на руках и ногах. Одни бойцы не могли ходить, другие — держать оружие. Неподготовленное ночное отступление из Пхеньяна привело к большим потерям — шедшие по льду и снегу в соломенных сандалиях японцы получали новые обморожения. Брать с собой больных и раненых было невозможно, их оставляли умирать. Бежавшие из Пхеньяна части ничем не напоминали передовые отряды японской армии, которая полгода назад пришла сюда победным маршем.

Оставив город, Кониси двинулся на соединение с ближайшим к нему отрядом Отомо Ёсимунэ (1558–1610), но его накануне дезинформировали, сообщив, что Пхеньян пал, а Кониси Юкинага погиб. Получив это известие, Отомо оставил свою позицию и ушёл на юг. Впоследствии он вместе с Симадзу Тадатоки и Хата Тикаси был наказан конфискацией земельных владений.

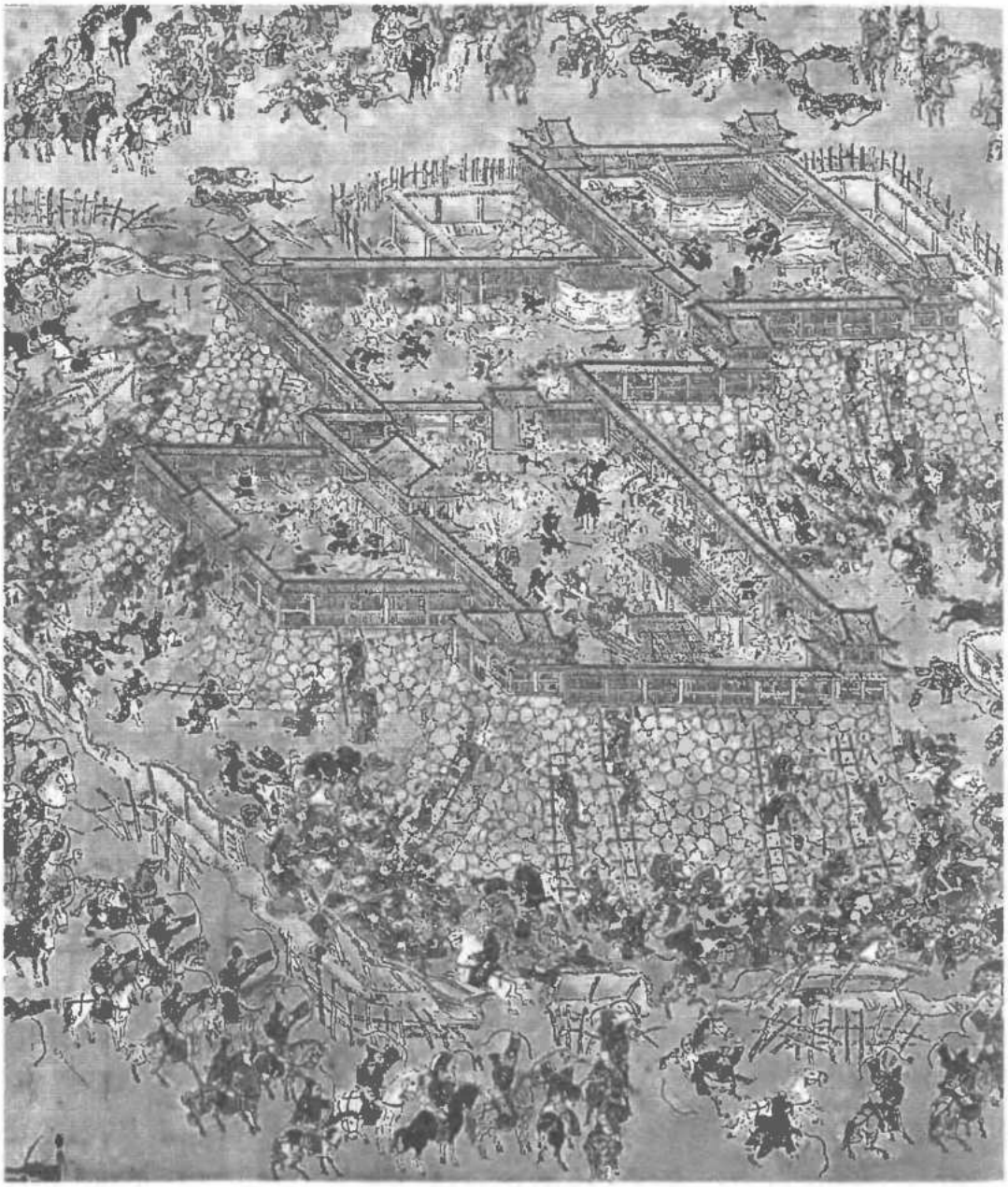
Като Киёмаса под давлением тех же проблем со снабжением, к которым добавилось усилившееся партизанское движение, тоже отступил из провинции Хамгён к Сеулу. Холод, голод и военные неудачи повлияли на настроения японских командиров — в их внутренней переписке стали появляться высказывания о том, что Хидэёси следует пересмотреть своё решение о нападении на Китай (Накано, 2008).

Поражение японской армии под Пхеньяном вдохнуло новые силы в корейское движение сопротивления Ыйбён (Армия справедливости). В начале февраля 1593 года крупный отряд ополченцев под командованием Квон Юля захватил форт Хэнчжу рядом с Сеулом. Не желая мириться с постоянной угрозой, японское командование отправило в Хэнчжу 30-тысячную армию под командованием Укита Хидэиэ, но ему не удалось отбить укрепление у повстанцев.

Изгнав японцев из Пхеньяна, Ли Жусун вопреки общепринятой тактике не стал их преследовать. Он вообще занимал умеренную позицию в отношении войны с японцами, полагая, что их изгнание из Кореи должно достигаться соразмерными средствами, без ненужных жертв и усилий. Через три недели, в конце января, он подошёл со своей армией к Сеулу и начал готовить штурм столицы. С командующим китайской артиллерией у него произошла размолвка, в результате чего Ли Жусун остался без огневой поддержки. Это снизило ударную мощь штурмовавших город частей и помогло японцам удержать Сеул.

Эта победа подсластила горечь последних поражений, а потерпевший неудачу Ли Жусун вернулся со своим войском в Пхеньян.

Два месяца боевых действий в суровых зимних условиях истощили силы обеих сторон. С февраля 1593 года противостояние приняло позиционный характер — никто не предпринимал активных действий. На фоне наметив-



Объединённые китайско-корейские силы штурмуют японский форт (гравюра)

шегося затишья уставшие от десятимесячной войны японские подразделения начали стягиваться к Сеулу, ставшему их оплотом в центральной части страны. К концу февраля в корейской столице и вокруг неё собралась японская армия численностью около 50 тысяч человек. Ни разместить, ни прокормить такое количество людей не представлялось возможным, поэтому часть сил была переброшена в соседний Кэсон[47].

Китайский переговорщик Шень Вэйцзин вновь начал встречаться с Като и Кониси и предлагать им перемирие, но обманутые в прошлом году японцы держались настороже, поэтому первые контакты результатов не дали. Династия Мин проводила в Корее собственную линию, не особенно принимая в расчёт интересы корейской стороны, настроенной на войну с японскими захватчиками до их полного изгнания. Обещая, что будет требовать от них именно этого, китайское командование на деле исходило в первую очередь из собственных интересов и возможностей. К весне 1593 года его главным приоритетом стало прекращение боевых действий.

В середине марта китайцам удалось уничтожить главный рисовый склад японской армии в Сеуле, что резко осложнило её положение. Без продовольственного снабжения удержать столицу было невозможно, но и уходить из неё тоже опасно — противник наверняка начал бы преследование и нанёс удар в спину. Эта ситуация ускорила переговорный процесс, и в итоге стороны договорились о перемирии на следующих условиях:

1) Китай берёт на себя обязательство отправить в Японию посольство для заключения мирного договора.
2) Китайские части отводятся севернее Кэсона.

---

47 Небольшой город северо-западнее Сеула.

3) Японская армия оставляет Сеул и уходит на юг, в Пусан.
4) Японское командование возвращает корейскому правителю двух его сыновей.

С японской стороны переговоры в Сеуле вели главные распорядители Хидэёси в ранге *бугё* — Исида Мицунари, Масита Нагамори и Отани Ёсицугу. Получив от них доклад о состоянии армии и ситуации со снабжением, Хидэёси утвердил решение о перемирии и отводе войск на юг полуострова.

В ходе переговоров Шень Вэйцзин обещал, что Китай признает японский контроль над четырьмя южными провинциями Кореи, и это давало возможность обеим сторонам представить условия перемирия в выгодном для себя свете: японское командование могло доложить Хидэёси, что китайское войско остановлено на линии Сеул — Кэсон и вскоре он будет принимать посольство из Пекина, что должно свидетельствовать о победе японцев. А китайский главнокомандующий мог сообщить своему императору, что японцы отброшены на юг Корейского полуострова и угроза нападения на Китай устранена. Корейский правитель мог рассчитывать на возвращение сыновей, но целостность его страны по-прежнему оставалась под большим вопросом.

Восемнадцатого апреля, после 11-месячной оккупации Сеула, японские части оставили корейскую столицу, и через два дня в неё вошла китайская армия. От города к тому времени почти ничего не осталось — после бегства из Пхеньяна армия Кониси вырезала большую часть враждебного ей населения и сожгла жилые кварталы. Весной в городе начался чудовищный голод, который мало кто смог пережить. По воспоминаниям очевидцев, Сеул был завален трупами, убирать их было некому. Под весенним солнцем они начали разлагаться, погрузив город в невыносимое зловоние.

За год боевых действий в Корее наибольшие потери понесли части под командованием Кониси Юкинага (погибло около 65% личного состава) и Като Киёмаса (45%), остальные соединения потеряли меньше — от четверти до трети бойцов (Нихон сэнси, 1995). Причём от голода, холода и болезней умерло гораздо больше, чем погибло на полях сражений.

После заключения перемирия китайская армия ушла из Кореи, ей на смену были высланы небольшие гарнизоны для защиты фортов, построенных вдоль демаркационной линии. Боевые действия в это время не велись, хотя корейская сторона на них настаивала. Снабжение китайских защитников провиантом было возложено на местное население, и корейские управители изымали последнее у голодавших крестьян. Во вторую военную весну посевные работы на полях почти не велись, что усугубило и без того катастрофическую ситуацию с продовольствием. Согласно корейским хроникам, в 1593 году в стране свирепствовал дикий голод, повсеместно сопровождавшийся актами каннибализма (Мики, 1991).

Оставляя Сеул, японцы взяли с собой китайских переговорщиков и сыновей Сончжо в качестве заложников — их должны были вернуть корейскому правителю после возвращения посольства из Японии. Восьмого мая китайская делегация во главе с Шень Вэйцзинем отправилась на встречу с Хидэёси. При этом цели и содержание предстоящих переговоров стороны представляли себе поразному. Исида Мицунари и сопровождавшие его Кониси Юкинага, Масита Нагамори и Отани Ёсицугу исходили из того, что отправка посольства означала признание Китаем своего поражения и готовность принять японские условия. Китайские же представители намеревались аргументировать свою позицию в споре с придворной «партей войны» в Пекине тем, что после потери Пхеньяна и Сеула противник готов договариваться об уходе из Кореи и эту

возможность надо использовать. Кроме того, китайскому посольству представлялась редкая возможность побывать в Японии и своими глазами увидеть, что в ней происходит. В действительности же главная причина состояла в том, что японцы не имели сил воевать в северной части Кореи, а китайцы — в южной. Обеим армиям требовалась передышка.

С подачи японского командования согласие Китая на отправку посольства было представлено Хидэёси как первый успех, поэтому в мае 1593 года он разослал своим командирам письма с благодарностями за службу. Но заканчивать на этом войну он не собирался — династия Мин не была покорена, а значит, главная цель не достигнута.

И ещё один важный момент: в понимании Хидэёси заключённое перемирие не распространялось на отношения с Кореей. В ожидании китайского посольства он отдал приказ уничтожить крупный форт Чинджу, контролировавший главный тракт в провинции Чолла[48]. В октябре 1592 года японцы пытались его захватить, но потерпели поражение и были вынуждены отступить. В соседних с Чинджу уездах активно действовали отряды корейских партизан общей численностью до 15 тысяч человек. Они регулярно атаковали караваны с провиантом и оружием, отправляемые из Пусана в Сеул, чем доставляли японцам много неприятностей. В марте 1593 года Хидэёси вместе с разрешением на отступление потребовал захватить главный город в провинции Чолла и взять её под контроль.

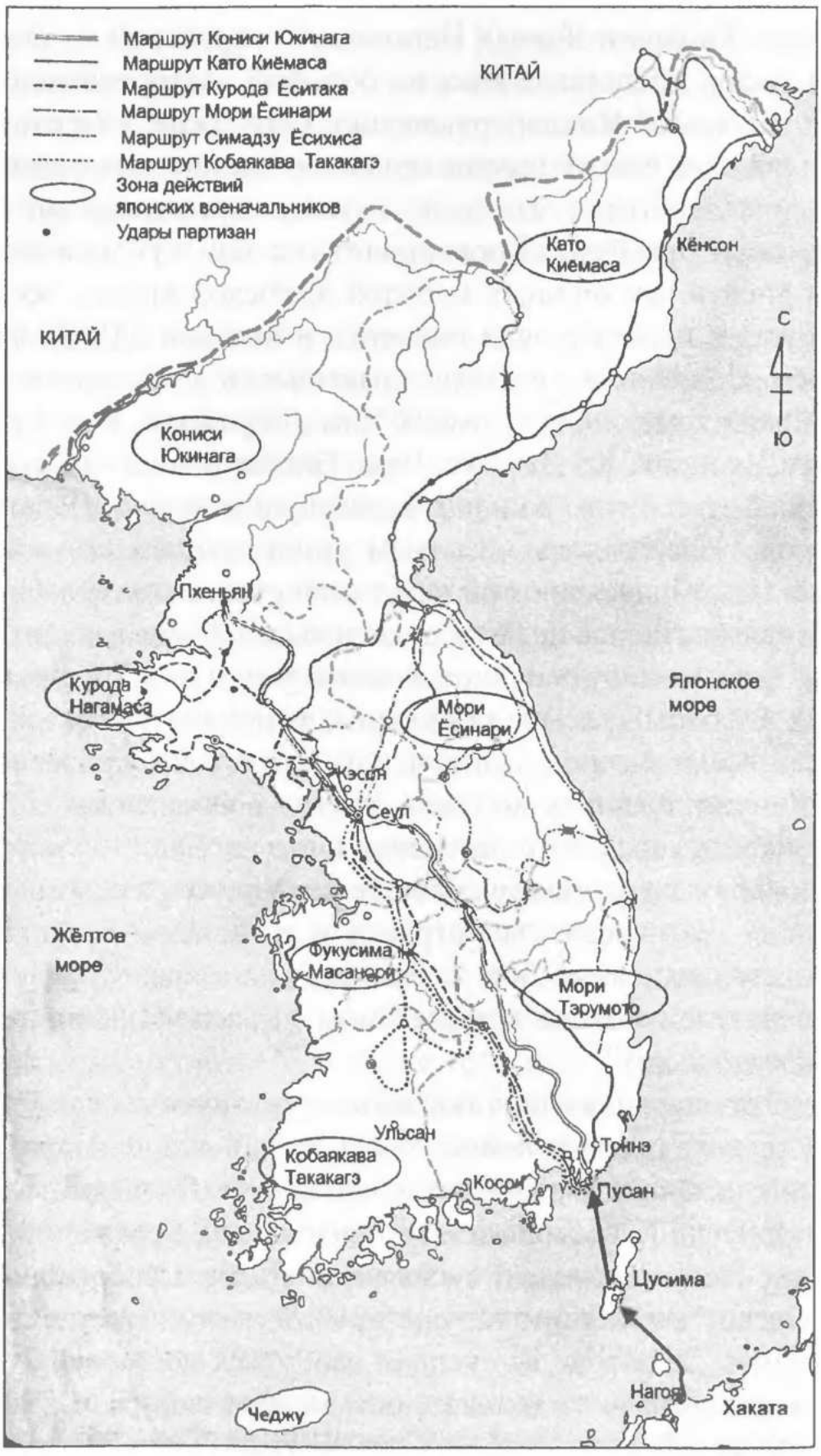
Сражение за Чинджу в июне 1593 года стало одним из самых крупных за всё время войны в Корее. С японской стороны в нём участвовало 50 тысяч человек — части под командованием Кониси Юкинага, Като Киёмаса,

---

[48] В Японии провинцию Чолла в то время называли «красной» (*акагуни*). Для Хидэёси, не умевшего читать сложные иероглифы, корейские провинции раскрасили на карте в разные цвета, и провинции Чолла достался красный. Отсюда и название.

Укита Хидэиэ и Курода Нагамаса. С корейской — более 70 тысяч, представленных по большей части ополченцами. Обороной Чинджу руководил Хван Джин. Обе стороны возвели вокруг города земляные насыпи и поставили на них защитные изгороди, активно применяли артиллерию и аркебузы. Кровопролитные бои продолжались 10 дней и закончились победой японской армии, но защитники города стояли насмерть и нанесли ей большой урон. Под Чинджу погибли практически все старшие корейские командиры, а имена Ким Джунмина, Кан Хабо, Ким Чхониля, Ко Джунхо, Чхве Генхве и многих других героев этой битвы вошли в корейскую историю. Падение города завершилось массовым уничтожением его жителей. Из семидесяти с лишним тысяч участников сражения в живых осталось не более десяти тысяч. Собрав по домам всё сколько-нибудь ценное, японцы увели с собой домашних животных, засыпали колодцы, вырубили деревья и сожгли всё, что горело. Они выполнили приказ Хидэёси — в Чинджу пленных не брать. За год войны, показавший стойкость корейского населения и его готовность умереть в борьбе с захватчиками, отношение Хидэёси к нему изменилось. Что нашло своё отражение в японских хрониках, где десятидневные бои за Чинджу и массовое убийство его жителей называются «мятежом в Красной провинции» (*акагуни икки*).

Эта операция стала последним сухопутным сражением первого периода войны, после неё японские подразделения начали возвращаться на архипелаг. Японский флот, потерпевший несколько чувствительных поражений на море, сильно поредел, судов не хватало, и собравшиеся в Пусане командиры тянули жребий, кому возвращаться первым. Далеко не все успели вернуться до наступления зимы. Спасаясь от холодов, оставшиеся собирали в лесу дрова и разбирали дома, чтобы пережить зиму и дождаться возвращения на родину. Через год в Корее осталось лишь



Маршруты японской армии в войне 1592–1593 годов

26 тысяч человек для охраны 14 построенных японцами фортов. Китайские войска также покинули Корейский полуостров.

Перемирие

С наступлением перемирия оставшиеся в Корее японцы начали массово охотиться на экзотичных для Японии тигров, мясо и внутренние органы которых считались целебными. Добывать лекарственное сырьё распорядился сам Хидэёси, и ему отправляли его в бочонках, пересыпав солью. Однако вскоре мясо стало поступать в таких количествах, что охоту пришлось запретить. Планируя править Кореей долгие годы, Хидэёси хотел по-хозяйски тратить ценный лекарственный ресурс.

В конце июля 1593 года в Пусан вновь прибыл Исида Мицунари с последними директивами от главнокомандующего: продолжать строить укрепления, держать под контролем захваченную часть страны; составить подробные карты, территорию разбить на зоны и назначить ответственных; подготовить дороги к использованию в боевых условиях; обеспечить возвращение в деревни корейских крестьян и организовать справедливое распределение собираемого продовольствия.

В конце июня, в разгар боёв за Чинджу, в Пусан вернулось китайское посольство, пробывшее в Японии полтора месяца. Хидэёси принял его в Нагоя 23 мая, но аудиенция носила чисто ритуальный характер — условия мирного договора на ней не обсуждались. Сформулировав семь главных пунктов соглашения, Хидэёси сначала отправил их в Киото на утверждение императору; свой ответ он передал китайским гостям в конце июня. Письма, написанные Хидэёси своей матери и племяннику накану-

не приёма, показывают, что он не сомневался в легитимности китайского посольства и связывал с его прибытием надежды на дипломатическое завершение первого этапа войны. О предстоящем заключении мирного договора он заранее известил императора, а своим полководцам разослал письма с требованием соблюдать корректность по отношению ко всем представителям династии Мин. Хотя в действительности с легитимностью посольства было не всё в порядке — верительная грамота его главы Шень Вэйцзина была выдана не канцелярией китайского императора, а написана в Корее в полевых условиях. Двадцать восьмого июня текст Хидэёси был доставлен в Нагоя и вручён китайским представителям. Он состоял из семи пунктов и назывался «Мирный договор Японии с Великой династией Мин» (*Даймин нихон кова дзёяку*). Под ним стояли подписи Исида Мицунари, Масита Нагамори, Отани Ёсицугу и Кониси Юкинага. Требования Хидэёси состояли в следующем:

1. Глава династии Мин отправляет свою жену в распоряжение императора Японии.
2. Китай и Япония восстанавливают торговые отношения на межгосударственном уровне.
3. Министры Китая и Японии обмениваются письменными клятвами о мире.
4. Четыре южные провинции Корейского полуострова остаются под контролем Японии, а четыре северные вместе с Сеулом возвращаются Корее[49].
5. Корейский наследный принц с одним или двумя приближёнными переезжает жить в Японию.

[49] Отходившая к Японии южная часть Корейского полуострова была названа в документе словом Тёсэн, а северная — Корё (прежнее японское название Кореи). Этим подчёркивалось, что на полуострове появляются два корейских государства.

6. Захваченные в плен сыновья Сончжо возвращаются к отцу.
7. Китайский император гарантирует отсутствие враждебных действий по отношению к Японии со стороны вассальной Кореи.

Представления Хидэёси о ситуации на Корейском полуострове и отношениях со странами материка были явно оторваны от действительности. Во-первых, он был уверен, что одержал победу и может диктовать свои условия. Во-вторых, эти условия, сложившиеся в ходе междоусобных войн, были заведомо неприменимы в отношениях с другими странами. Например, очевидно, что требование отправить в Японию заложниками членов правящих династий Кореи и Китая не могло быть принято ни при каких условиях. Столь же нереальным выглядело представление Хидэёси о полной и абсолютной зависимости Кореи от Китая. Он был уверен, что приказа китайского императора будет достаточно, чтобы Корея смирилась с оккупацией половины страны, а её правитель стал вассалом Китая и Японии одновременно.

Получив документ, китайское посольство 28 июня 1593 года отправилось в обратный путь. Его сопровождал буддийский священнослужитель Найто Дзёан (1550–1626), которому было поручено привезти из Китая ответ. Тридцатого августа он выехал из Сеула в Пекин, но добрался лишь до провинции Ляодун. Здесь его задержало китайское командование, представлявшее интересы пекинских противников мирного договора с Японией. Посланнику было сказано, что получить аудиенцию у китайского императора он сможет только в одном случае — если представит документ, в котором Япония признаёт своё поражение в войне и капитулирует. В другие переговоры династия Мин вступать не будет.

После многочисленных встреч и консультаций японские представители пришли к выводу, что единственный способ донести условия Хидэёси до китайского императора состоит в том, чтобы придать им требуемую форму. Другими словами, изменить текст Хидэёси таким образом, чтобы он удовлетворял требованиям китайской стороны, то есть капитулировать на бумаге. Поскольку исходиый документ был подписан находившимися в Корее военачальниками, то и новый вариант мог быть ими заверен, так что технически это оказалось выполнимым. На принятие этого решения и его исполнение ушло 15 месяцев.

Поддельный текст был написан на китайском языке, которого Хидэёси не знал, и составлен так, чтобы вызвать самые светлые чувства у китайского императора. В нём говорилось, что японский правитель Тоётоми Хидэёси признаёт себя вассалом великой китайской империи и хотел выразить это стремление через правителя Кореи. Однако корейская сторона не смогла выполнить его поручение и была за это наказана военной акцией; никаких намерений воевать с великой империей Мин у Хидэёси нет и никогда не было. Заканчивалось послание его просьбой к китайскому императору присвоить ему титул правителя Японии и обещанием исправно выполнять обязанности вассала. Использованные в тексте скромно-уничижительные обозначения первого лица в сочетании с превосходно-вежливыми формами в адрес императора Ваньли и множество благодарственных пожеланий не оставляли сомнений — новоявленный японский правитель изо всех сил стремится стать одним из вассалов китайской империи.

Невозможно представить, что рядовой исполнитель Найто Дзёан, сговорившись с китайской стороной, написал поддельный документ по собственной инициативе, без ведома ближайших соратников и доверенных

лиц Хидэёси — Кониси, Като и Исида. Это значит, что через полтора года боевых действий на чужой земле они готовы были рисковать головой ради того, чтобы эту войну прекратить или, по крайней мере, отсрочить её возобновление. Хидэёси шёл уже пятьдесят седьмой год, поэтому максимально возможная затяжка переговорного процесса представлялась им самым оптимальным вариантом.

Найто Дзёан прибыл в Пекин с поддельным текстом в декабре 1594 года. Его тщательно расспросили о планах и намерениях японского правители в отношении Китая. Ответы посланника не противоречили содержанию документа: Тоётоми Хидэёси не испытывает враждебных чувств к великому Китаю, просит императора Ваньли признать его законным правителем Японии и восстановить торговлю между двумя странами на межгосударственном уровне. Удовлетворённый этой информацией, китайский двор распорядился готовить в Японию посольство для передачи положительного ответа.

Главой посольства был назначен придворный чиновник Ли Цзунчен. В ноябре 1595 года он прибыл из Пекина в Пусан и начал готовиться к отправлению в Японию. Здесь он узнал, как всё обстоит на самом деле с японскими планами, и понял, что его миссия добром не кончится. В марте следующего года китайский чиновник бросил посольство и бежал из Пусана. Его место занял заместитель главы посольства Ян Фансян, а помощником был назначен Шень Вэйцзин. В состав делегации вошли также корейские представители Хван Син и Пак Хончжан.

В ожидании ответа из Китая Хидэёси занимался внутренними делами, курсируя между столицей и островом Кюсю. Оставшихся на боевом дежурстве в Корее командиров он настраивал на продолжение боевых действий и требовал не терять бдительности. Вот текст одного из

таких писем, адресованного Татибана Мунэсигэ (1567–1643).

Ранее я неоднократно просил вас заботиться о вверенном вам форте, и сейчас повторяю эту просьбу. Не думаю, что нам удастся заключить мир с династией Мин, поэтому всех командиров оставляю на прежних местах. Даймё из северных и восточных провинций [Японии] сейчас несут службу в столице, охраняя и поддерживая Фусими и другие объекты, поэтому у вас положение не самое худшее. Планирую отправить вам на помощь новые части, чтобы окончательно взять под контроль провинцию Чолла и сломить местное сопротивление. Если правитель Мин обратится с соответствующим прошением, я готов предложить мирные условия, но расслабляться прежде времени и терять бдительность недопустимо. Надеюсь на исполнение вами своих обязанностей наилучшим образом. Более подробные указания вам передадут Исида Мицунари и Масита Нагамори.

P.S. Перед самой отправкой этого письма [из Японии в Корею] выехал Окада Кацугоро. Я подробно его проинструктировал, он вам всё передаст (Садзима, 2013).

Наступил 1595 год. С момента передачи требований Китаю прошло полтора года, а ответа всё не было, и Хидэёси начал подумывать о возобновлении боевых действий. На этот раз он решил поручить командование экспедиционным корпусом своему племяннику Хидэцугу. В начале 1595 года *кампаку* с 7-тысячным отрядом прибыл в Нагоя и начал готовиться к походу, но тут из Кореи пришло сообщение, что японского посланника приняли в Пекине и по результатам аудиенции в Японию будет отправлено китайское посольство. Военные приготовления были приостановлены.

Перед приёмом китайских послов Хидэёси разослал находившимся в Корее командирам распоряжение из трёх пунктов[50]. Судя по содержанию, оно предназначалось для передачи китайской стороне и отражало изменения в подходе Хидэёси к заключению мирного договора по сравнению с сентябрём 1593 года. В первом пункте он сообщал, что готов простить корейского правителя за первоначальное непослушание и сделать шаг навстречу. Для этого наследник корейского престола должен был прибыть в Японию, стать вассалом Хидэёси и получить от него назначение на пост наместника четырёх южных провинций Кореи. Во втором пункте, адресованном уже не только корейской, но и китайской стороне, он обещал в этом случае ликвидировать 10 из 14 японских фортов в южной части страны. В третьем пункте содержалось прежнее требование в полном объёме восстановить торговлю с Китаем. Приступить к выполнению соглашения предлагалось немедленно. Таким образом, по замыслу Хидэёси, Япония получала нового корейского вассала и южную часть страны, а в японо-корейско-китайских отношениях устанавливался тот порядок, на который он рассчитывал с самого начала. По сравнению с семистатейным проектом договора 1593 года подход Хидэёси изменился в двух важных пунктах: во-первых, он уже не планировал идти войной на Китай и, во-вторых, был готов передать управление южной половиной Кореи местному правителю, если он согласится стать его вассалом.

---

[50] Официальное название документа: *Тёсэн сагун но сё ни сатосу, даймин, тёсэн то нихон вахэй но дзёмоку* (К сведению командиров Левого корейского войска – об условиях мирного соглашения между Японией, Китаем и Кореей).

Проблема наследника

Как уже говорилось, первый сын у Хидэёси родился в 1589 году, но в августе 1591 года мальчик умер, не дожив до двух лет, и Хидэёси снова остался без наследников. Он продолжал править страной в ранге *тайко*, а официальным преемником назначил своего племянника Хидэцугу. Семь лет назад Хидэёси приблизил его, сделав своим приёмным сыном и дав свою фамилию. Кроме Хидэцугу у него было ещё шесть приёмных воспитанников, в разное время принятых на воспитание из других воинских домов, но по степени родства Хидэцугу, сын родной старшей сестры Хидэёси, был самым близким.

Таблица

Приёмные сыновья Хидэёси

Имя	Дата усыновления	Происхождение
Хидэкацу (1568–1586)	1576 г.	Сын Ода Нобунага
Хидэясу (1574–1607)	1584 г.	Сын Токугава Иэясу
Хидэцугу (1568–1595)	1584 г.	Племянник Тоётоми Хидэёси
Хидэкацу (1569–1592)	1585 г.	Сын Миёси Ёсифуса
Хидэтоси (Кобаякава Хидэаки, 1582–1602)	1585 г.	Сын Киносита Иэсада
Хатидзёномия (1579–1629)	1586 г.	Сын наследного принца Санэхито
Хидэиэ (1572–1655)	1587 г.	Сын Укита Наоиэ

В августе 1593 года случилось то, на что уже никто не надеялся, — наложница Ёдо родила Хидэёси второго сына. Позднее, в день совершеннолетия, мальчика назвали именем Хидэёри, под которым он и вошёл в историю. Перед Хидэёси снова встал вопрос: как быть с наследником? Взрослый племянник или новорождённый сын? Проблема вышла на первый план, и правитель энергично взялся за её решение: через месяц после рождения сына он встретился с племянником и предложил поделить всю территорию страны в пропорции четыре к одному (80% земель передавались Хидэцугу, 20% — новорождённому сыну). Упоминание об этом разговоре содержится в единственном источнике — дневнике придворного аристократа Ямасина Токицунэ (*Токицунэ кёки*) — и не подтверждается другими документами. Однако независимо от достоверности упоминания этот план не был реализован.

В октябре того же года Хидэёси говорил одному из своих соратников, что намерен упрочить династию политическим браком, организовав помолвку сына с такой же малолетней дочерью племянника. В этом случае Хидэцугу должен был опекать сына Хидэёси до его совершеннолетия, а затем уступить ему своё место. Таким образом, вырисовывались контуры первых трёх поколений династии Тоётоми. Однако в тот момент сам Хидэцугу отсутствовал в столице, а после его возвращения Хидэёси, видимо, передумал, потому что к этому варианту больше не возвращался.

Судя по имеющимся свидетельствам, в период с августа 1593 года по июнь 1595 года отношения Хидэёси с племянником не были омрачены какими-либо подозрениями или интригами. Через месяц после рождения второго сына Хидэёси племянник отправил матери новорождённого письмо с поздравлениями по случаю благополучного исхода, а в последующие полтора года Хидэёси и Хидэцугу

неоднократно встречались, вместе выезжали любоваться сакурой, смотрели представления театра Но и присутствовали на церемониях и званых ужинах. Маленький сын Хидэёси вместе с матерью жил в это время в замке Осака, Хидэцугу — в столичной резиденции Дзюракутэй, а Хидэёси — в Фусими. И географически, и психологически правитель занимал положение посередине между сыном и племянником.

В апреле 1595 года он потерял ещё одного родственника — от болезни умер Хидэясу, 16-летний брат Хидэцугу, и Хидэёси по этому поводу отправил племяннику письмо с соболезнованиями. Однако очевидно, что рождение сына не могло не изменить отношение правителя к взрослому родственнику, поскольку из единственного кандидата в преемники он превратился в конкурента и главную угрозу для его малолетнего сына. Понимал это и Хидэцугу, тяжело переживавший двусмысленность создавшегося положения. Постоянно находившийся при нём старейшина Маэно Нагаясу (1528–1595) писал: «*кампаку* понимает, что ему следует уйти в отставку и покинуть Дзюракутэй, но не может на это решиться и ежедневно пьёт, находясь в мире грёз» (Сэнгоку, 2008). С этим нездоровым состоянием связывается и выезд Хидэцугу на лечение в Атами, на известный горячий источник.

Безусловно, Хидэёси опасался за судьбу своего единственного сына. Он хорошо помнил, как он сам двенадцать лет назад использовал малолетнего внука Нобунага в своих целях, и понимал, что после его смерти то же самое может произойти и с его наследником.

Во второй половине июня 1595 года в окружении Хидэёси появились слухи о том, что племянник Хидэцугу становится неблагонадёжным. Во время выездов на охоту он якобы встречается с симпатизирующими ему военачальниками и обсуждает с ними возможность захвата вла-

сти. Об этом говорится в биографии Хидэёси, написанной летописцем Ота Гюити[51].

Дальнейшая хронология событий в биографии выглядит следующим образом. Через несколько дней после появления тревожных слухов, 3 июля 1595 года, в резиденцию Дзюракутэй прибыла группа представителей Хидэёси во главе с Исида Мицунари для проведения расследования. Хидэцугу совершил положенный молитвенный обряд, поклялся всеми богами и написал подписанную кровью грамоту, в которой отрицал наличие злого умысла против Хидэёси. Придворная хроника *Оюдоно никки* («Записки в купальной комнате») сообщает, что одновременно с этим Хидэцугу пожертвовал крупные суммы императору и нескольким аристократическим домам. С какой целью он это сделал, неизвестно, но этот шаг мог усилить подозрения, поскольку в годы междоусобиц такие пожертвования часто делались перед крупными акциями, чтобы заручиться поддержкой императора и столичной знати или хотя бы обеспечить их нейтралитет в предстоящем конфликте. С учётом возможных хронологических неточностей в летописи Ота Гюити эти пожертвования вообще могли быть единственным фактом, на котором строилось обвинение. Летом 1595 года Хидэёси находился на пике могущества и прочно держал в руках власть. Несмотря на недовольство части воинской элиты тяготами войны в Корее, вряд ли в стране нашлись бы желающие посягнуть на его лидерство.

Тем не менее сбор компромата на племянника продолжился. Через два дня после допроса в Дзюракутэй Исида Мицунари доложил Хидэёси, что Мори Тэрумото сообщил ему в письме: весной 1594 года в его владения приезжал вассал Хидэцугу по имени Сираэ Нарисада и привёл

---

[51] *Тайкосама гунки но ути* («Выдержки из военной биографии Великого регента»), написана в годы Кэйтё (1596–1615).

местных военачальников к присяге на верность *кампаку*. Исида счёл это подозрительным, поскольку местные командиры подчинялись дому Мори, а тот состоял на службе у Хидэёси. Почему доклад Мори о подозрительных действиях племянника был написан только год спустя, остаётся неясным. Более того, его появление в разгар расследования может свидетельствовать о спланированном характере акции.

Восьмого июля в Дзюракутэй прибыла ещё одна делегация. Миябэ Кэйдзюн, бывший приёмный отец Хидэцугу, и трое его старейшин передали хозяину резиденции распоряжение Хидэёси: чтобы рассеять сгустившиеся вокруг него подозрения, он должен прибыть в замок Фусими на встречу с ним. Племянник согласился и отправился в путь, взяв с собой лишь 200–300 человек личной охраны. В источниках указываются и другие, отличающиеся в деталях версии этого события, но все авторы сходятся в том, что Хидэцугу должен был покинуть свою укреплённую резиденцию и прибыть на встречу с Хидэёси без войска, которое могло бы его защитить.

Однако встреча с правителем не состоялась. Хидэцугу поселили в усадьбе одного из вассалов Хидэёси и объявили его следующее распоряжение — постричься в монахи и отбыть в храмовый комплекс на горе Коя. Ссылка. Личная гвардия в монастыре не нужна, поэтому её отправили обратно в столицу, а сам Хидэцугу с 11 адъютантами под присмотром людей Хидэёси 10 июля поднялся на священную гору. Новому монаху-отшельнику дали буддийское имя Дои и определили в Сэйхо[52], главный храм школы Сингон. За два дня до этого его домочадцы, наложницы и прислуга были заключены под домашний арест, а затем под конвоем переведены в форт Камэяма, расположенный в 26 километрах от столицы.

---

[52] Современное название – храм Конгобу (*Конгобудзи*).

Закончив приготовления, приступили к последнему акту драмы. Тринадцатого июля два приближённых Хидэцугу получили приказ покончить с собой. Одним из них был уже упоминавшийся старейшина Сираэ Нарисада. Вместе с ними ушли из жизни члены их семей. На следующий день то же самое были вынуждены сделать ещё два вассала Хидэцугу. Поняв замысел Хидэёси, остальные соратники *кампаку* бежали в удалённые восточные провинции.

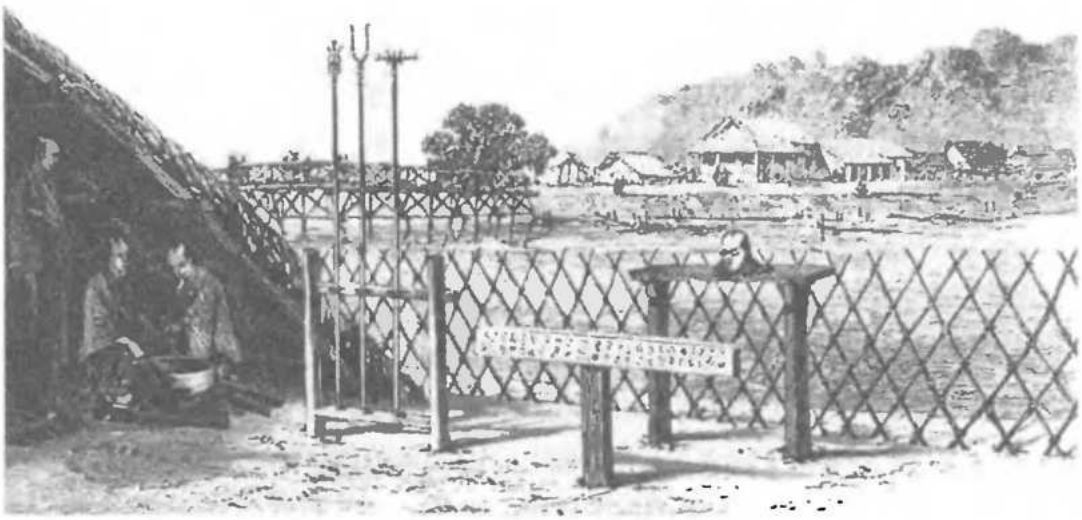
Пятнадцатого июля настал черёд самого племянника. На гору Коя с вооружённым отрядом прибыл Фукусима Масанори и передал опальному родственнику приказ уйти из жизни. Настоятель храма Сэйхо попробовал предотвратить приговор, заявив, что на священной горе Коя даже приговорённые к смерти преступники имеют право на помилование, но получил ответ, что если он не хочет лишиться своего храма, то ему лучше не вмешиваться.

Приговор был исполнен в тот же день, 15 июля. Личные адъютанты *кампаку* Ямамото Томоносукэ, Ямада Сандзюро и Фува Бансаку изъявили желание умереть раньше своего господина и попросили его ассистировать им. Он согласился. Четвёртый адъютант, Когэн Гэнрю, убил себя сам, а пятый, Сасагэ Сигэмаса, помог своему господину, после чего покончил с собой. Меч, которым была отсечена голова Хидэцугу, стал реликвией и сегодня экспонируется в музее Осакского замка, а имена пяти вассалов Хидэцугу вошли в список героев, исполнивших традиционный воинский ритуал *дзюнси* (букв. «смерть вослед»).

На следующий день голова племянника была доставлена в Фусими и предъявлена Хидэёси. Арестованных домочадцев Хидэцугу 31 июля перевезли из Камэяма в столицу и 1 августа огласили приговор. Большую часть своей жизни Хидэёси был известен как хитроумный военачальник и дальновидный политик, предпочитавший

гибкость грубой силе. По крайней мере, он не раз проявлял эти качества, пока шёл к власти, убирая с дороги одного противника за другим. Но в ситуации с племянником он поступил предельно жестоко и последовательно, вырубив под корень весь его род.

Второго августа 1595 года в столичном квартале Сандзё-кавахара огородили площадку и выкопали вокруг неё ров. В её центре была установлена голова Хидэцугу, а затем на площадку вывели женщин из его ближайшего окружения и их детей, всего 39 человек. Среди них были жена, трое сыновей и дочь Хидэцугу, а также его наложницы и прислуга — в основном молодые девушки, к которым он был очень неравнодушен. Одиннадцати из них не исполнилось ещё и двадцати лет. Сначала на глазах у матерей казнили четверых детей, а затем и всех остальных. В источниках говорится, что убийство ни в чём не повинных женщин и детей вызвало крики протеста у некоторых горожан. В числе погибших оказалась и дочь придворного аристократа Кикутэй Харуиэ (1539–1617), состоявшего в дружеских отношениях с Хидэёси. Мать попыталась спасти свою дочь, но Хидэёси остался непреклонен; более того, сам аристократ как родственник преступницы был



Голова казнённого

сослан в провинцию Этиго под надзор Уэсуги Кагэкацу, но через год получил помилование и вернулся в столицу.

Всех казнённых похоронили в общей могиле, на которой был установлен камень с надписью «Измена Хидэцугу». Всего в связи с этим делом покончили с собой или были казнены более 70 человек, в том числе пятеро детей. Вслед за расправой над домочадцами племянника Хидэёси приказал разрушить и замок Дзюракутэй, который сам с большим воодушевлением строил девять лет назад. Сегодня от замка Дзюракутэй в Киото ничего не осталось, и даже его местоположение точно не известно. До переезда в столицу Хидэцугу жил в замке Хатиман в провинции Оми — он также был разрушен по приказу Хидэёси. Правитель словно стремился стереть саму память о человеке по имени Тоётоми Хидэцугу.

За 5 лет до этих событий, в 1590 году, умерла сестра Хидэёси, в 1591 году — младший брат Хидэнага, а в 1592 году — мать Омандокоро. Из трёх племянников Хидэёси в живых оставался один Хидэцугу. Казнив единственного взрослого родственника и его семью, Хидэёси до предела сузил круг людей, которые в будущем могли бы стать опорой для его династии. Теперь все его надежды и чаяния сосредоточились на малолетнем сыне Хидэёри. Соперников в борьбе за власть у мальчика больше не было, но в случае его смерти погибала и вся династия.

Был ли в действительности заговор Хидэцугу? Точно ответить на этот вопрос сегодня невозможно. Как уже говорилось, единственным источником информации служит биограф Хидэёси, описавший эти события полтора десятка лет спустя. Надо также иметь в виду, что под влиянием конфуцианской традиции средневековые летописцы были склонны оправдывать действия правителей. Объясняя причины конфликта, Ота Гюити много раз упоминает о неблагодарности Хидэцугу по отношению к Хидэёси и негативных чертах его характера — вспыльчивости,

жестокости, склонности к самоуправству, а также о ненадлежащем исполнении им государственных обязанностей. Однако все эти качества, вполне типичные для самураев XVI века, сами по себе вряд ли могли служить достаточным основанием для его убийства, не говоря уже о членах семьи. Реальных же фактов, подтверждающих существование заговора Хидэцугу, биограф не приводит. Да и сам Хидэёси в письмах соратникам ничего о них не говорит. Можно не сомневаться, что если бы такие факты существовали, их бы обязательно огласили, чтобы как-то объяснить казнь третьего человека в стране. Кроме того, если бы измена действительно существовала, то Хидэцугу был бы казнён публично, а не сослан в монастырь с последующим разрешением уйти из жизни вдали от посторонних глаз, по всем правилам воинского ритуала и с сохранением чести.

Вероятнее всего, действительная причина устранения заключалась в терзавших Хидэёси опасениях за судьбу малолетнего сына и его недовольстве племянником, который не сделал ничего, чтобы эти опасения развеять. Обладай Хидэцугу умом и проницательностью своего дяди, он мог бы добровольно отказаться от претензий на наследство в пользу Хидэёри и уехать отшельником в какой-нибудь монастырь, чтобы о нём забыли. Хидэёси умер тремя годами позже, и останься Хидэцугу в живых, он ещё мог бы вернуться в политическую жизнь, ведь ему было всего 27 лет.

Но этого не произошло, и племянник Хидэёси с «нелёгкой руки» летописца остался в японской истории как сугубо отрицательный персонаж, «регент-убийца» (*сассё кампаку*). После выхода в свет хроники Ота Гюити он превратился в изменника, забывшего все благодеяния, которыми его осыпал Хидэёси. Племяннику припомнили все его действительные проступки и прегрешения и добавили выдуманных. Повторяясь в последующих дневни-

Тоётоми Хидэцугу

ках, письмах и хрониках, они сложились в мрачный образ психованного убийцы-самодура. Среди приписываемых Хидэцугу проступков числятся: запрещённая охота на священной горе Коя, да ещё в компании наложниц (женщинам запрещалось появляться в святых местах); буйные непристойные развлечения; убийство случайных путников. Современники вспомнили, что ещё в выговоре, который Хидэёси объявил своему 16-летнему племяннику за поражение от Токугава в боях при Комаки и Нагакутэ, говорилось о его высокомерии и самоуправстве. Об этом можно прочитать в хронике *Тайкоки* (автор Одзэ Хоан), в записях Луиса Фройса и у многих других авторов. Но все эти факты пополнили историю жизни Хидэцугу много лет спустя после его смерти, поэтому многие историки сомневаются в их достоверности. К числу главных скептиков принадлежит и один из ведущих специалистов по эпохе междоусобных войн Овада Тэцуо.

Вряд ли племянник Хидэёси чем-то сильно выделялся среди современных ему военачальников. Повышенное внимание к нему со стороны летописцев объясняется двумя главными факторами — высоким статусом и обстоятельствами смерти. И тем, и другим он обязан своему выдающемуся родственнику. С 1582 по 1590 год Хидэцугу принимал участие во всех походах и сражениях Хидэёси, при этом воевал не лучше и не хуже других: иногда побеждал, иногда терпел поражения. Любил и коллекционировал оружие, увлечённо занимался бое-

выми упражнениями, но никакими особыми талантами не блистал и не совершал поступков, о которых вспоминают потомки.

Некоторые авторы высказывают кажущееся правдоподобным предположение, что вспышка ненависти и подозрительности со стороны Хидэёси была умело подогрета его ближайшим окружением, в первую очередь Исида Мицунари. Это может объяснить причину казни всех домочадцев Хидэцугу, но если это и так, то всё равно остаётся вопрос о её истоках. Сторонники этой версии называют расхождения во взглядах на войну в Корее (Хидэцугу и император Гоёдзэй относились к ней без энтузиазма)[53], большие траты и долги племянника в связи с реконструкцией замка Дзюракутэй и т. д. Однако всего этого явно недостаточно для того исхода, который имел место в действительности. Подлинные причины конфликта и сегодня во многом остаются неизвестными, хотя некоторые предположения о них кажутся весьма вероятными.

Судя по активности, с которой Хидэёси после ликвидации племянника взялся за обеспечение будущего своего единственного сына, главная причина всё-таки была связана с беспокойством за его судьбу. В конце июля он вызвал в столицу Токугава Иэясу и Мори Тэрумото, двух самых влиятельных военачальников на востоке и на западе страны соответственно. Дав ещё одну клятву верности Хидэёси и его малолетнему сыну, они обязались бессменно охранять Хидэёри: в случае необходимости одному из них вернуться на родину второй должен был оставаться в замке Фусими в обязательном порядке (Хонда, 2010).

---

[53] О том, что Хидэцугу открыто критиковал военный поход на материк, сообщает составленная в провинции Овари местная хроника *Буко ява* («Вечерние рассказы о воинских подвигах»). Однако дата её составления неизвестна, и в некоторых исследованиях доказывается её поддельный характер.

В августе 1596 года для Хидэёри была построена в столице отдельная усадьба, а в следующем месяце императорский двор издал указ о проведении обряда совершеннолетия для мальчика, которому едва исполнилось три года. Обычно это делалось в 12–13 лет, но Хидэёси не мог и не хотел ждать.

Двадцать пятого декабря того же года мальчика и его мать с большими почестями перевезли из замка Фусими в новую столичную усадьбу. Их сопровождала пышная конная кавалькада — все главные полководцы страны, почтительно следовавшие за паланкином сына правителя, наглядно демонстрировали расклад сил на политическом олимпе. А через три дня в императорском дворце состоялась и сама церемония совершеннолетия, на которой

Вельможа в паланкине

мальчику присвоили взрослое имя Хидэёри и придворный аристократический ранг (неполный четвёртой ступени). Участие в этом мероприятии стало вторым в его короткой жизни посещением императорского дворца, что также было беспрецедентным событием. Далеко не каждый крупный военачальник удостаивался чести хотя бы раз в жизни «подняться в императорскую обитель» — в этом смысле сын Хидэёси сразу возвысился над многими из них. Его следующий визит в императорский дворец состоялся в мае 1598 года, когда не достигшему 5-летнего возраста мальчику был присвоен третий придворный ранг и должность Среднего советника (*тюнагон*).

Судя по всему, Хидэёси пришёл к выводу, что в вопросе о судьбе наследника надёжнее будет полагаться не на одного человека, хотя бы и родственника, а на группу наиболее надёжных соратников. Их коллективная ответственность и взаимный контроль должны были обеспечить его безопасность. Через несколько дней после смерти племянника Хидэёси создал правительство, состоявшее из двух руководящих органов — совета «великих старейшин» (*тайро*) и совета управляющих (*бугё*).

Старейшинами были назначены шесть крупнейших военачальников и землевладельцев страны: Кобаякава Такакагэ, Маэда Тосииэ, Токугава Иэясу, Мори Тэрумото, Уэсуги Кагэкацу и Укита Хидэиэ. От дома Мори в совет вошли сразу два представителя — Кобаякава Такакагэ и его племянник Мори Тэрумото. Среди старейшин самым старшим по возрасту был 62-летний Кобаякава, а самым молодым — 23-летний Укита Хидэиэ. Через два года Кобаякава умер, и число старейшин сократилось до пяти.

В совет управляющих (*бугё*) тоже вошли самые преданные, но не столь авторитетные и менее значимые в военном отношении соратники Хидэёси: Исида Мицунари, Нагацука Масаиэ, Масита Нагамори, Асано Нагамаса и Маэда Гэньи. Совет старейшин должен был обсуждать

Мори Тэрумото

и принимать наиболее важные решения, а совет управляющих — претворять их в жизнь. Можно сказать, что Тоётоми Хидэёси впервые в истории Японии ввёл общепринятое сегодня разделение властей на законодательную (парламент) и исполнительную (правительство). Административные должности *тайро* и *бугё* закрепились в системе государственного управления и продолжали существовать вплоть до конца XIX века. При сёгунах Токугава должность *тайро* соответствовала уровню современного главы правительства, а должность *бугё* — уровню министра.

Укита Хидэиэ

Первым указом созданного Хидэёси совета старейшин стало нормативное уложение для воинского сословия (*Осакадзётю кабэгаки,* букв. «Записи на стенах замка Осака»), изданное на следующий день после казни семьи Хидэцугу, 3 августа 1595 года. В нём излагались некоторые правила будущей мирной жизни. В частности, главам воинских домов запрещалось вступать между собой

в союзы, а ведущие к этим союзам политические браки могли заключаться только с личного одобрения Хидэёси. Документ запрещал также вооружённые конфликты между военачальниками и вводил строгую иерархию. «Малые имена» (*сёмё*, мелкие и средние феодалы) должны были беспрекословно подчиняться «большим именам» (*даймё*, крупным военачальникам и землевладельцам). Регламентировались также некоторые другие стороны воинской жизни. Тот факт, что уложение было составлено советом *тайро*, придавал ему абсолютную законодательную силу и в то же время поднимал авторитет его авторов, за которыми официально признавалось право издавать документы, регламентирующие жизнь всего воинского сословия. Издание нормативного уложения Хидэёси было, с одной стороны, продолжением традиции, введённой ещё Ода Нобунага, а с другой — законодательной мерой, на которую ориентировались Токугава Иэясу и его наследники в последующую мирную эпоху.

Война в Корее: заключительный этап

Всё это время на Корейском полуострове продолжалось затишье, а в Пекине шла неспешная подготовка к отправке второго посольства в Японию. Его руководителем был назначен придворный чиновник Ян Фансян. В середине июня 1596 года он покинул Пусан и через месяц прибыл в японский порт Сакаи. Приём посольства был намечен на начало августа, но 12 июля в Японии произошло мощное землетрясение с эпицентром в районе Внутреннего моря и острова Сикоку. Три дня японскую столицу и её окрестности сотрясали толчки силой от 7 до 8 баллов. Напора стихии не выдержали многие крупные храмы и даже основательный замок Фусими. В районе эпицентра погибло

около двух тысяч человек. Посчитав стихийное бедствие знаком неба, император по совету астрологов сменил девиз правления — в 1596 году закончилась эпоха Тэнсё и началась эпоха Кэйтё.

Приём китайского посольства состоялся на месяц позже запланированного, в начале сентября. Хидэёси встречал гостей в замке Осака, лучшем из своих сооружений. Император Ваньли прислал ему указ о назначении японским *ваном*, то есть вассальным по отношению к Китаю правителем Японии. К указу прилагался шёлковый наряд ярко-красного цвета и головной убор. Будь Хидэёси более искушён в тонкостях китайского этикета, он обратил бы внимание, что присланное одеяние ясно указывало на его подчинённое положение, но сам он в этом не разбирался, а желающих подсказать по понятным причинам не нашлось. Поэтому хозяин замка перед приёмом облачился в присланные одежды и занял центральное место в зале. По левую руку от него сидели Токугава, Маэда и другие *тайро*, по правую — заморские гости. Приближённым Хидэёси китайский император также пожаловал соответствующие их статусу ранги. Правитель Поднебесной вовсе не хотел задевать чьё-либо самолюбие — он просто выполнил просьбу, содержавшуюся в акте о капитуляции, который ему привёз японский посланник.

После трапезы хозяин приёма порадовал гостей выступлением артистов жанра *сарugаку*. Вопросы войны, мира и двусторонних отношений за ужином не обсуждались, поэтому формальная часть приёма прошла корректно и доброжелательно. Проблемы начались позже, когда написанное на *камбуне* послание Ваньли перевели на японский язык и зачитали Хидэёси. По свидетельству современника, после фразы «Нашим особым распоряжением назначаю тебя правителем Японии» Хидэёси вспотел, покраснел и начал громко браниться, а от его макушки словно пошёл пар (Фройс, 1977). Говорят, что Кониси Юкинага,

предвидя скандал, заранее просил монаха, переводившего текст на японский язык, сгладить самые острые углы и заменить некоторые этикетные выражения, но тот не решился взять на себя ответственность и зачитал всё как есть.

В своём послании китайский император приветствовал желание Хидэёси стать его вассалом и войти в зону процветания под эгидой Китая. Отвечая на сфальсифицированный тезис о том, что в войне на полуострове виноват исключительно правитель Кореи, китайский император выражал надежду, что Хидэёси проявит мудрость и великодушие по отношению к корейскому народу, подобно тому как он сам проявил великодушие по отношению к Хидэёси. Даже если корейский народ в чём-то и был не прав, писал Ваньли, то нет никакого смысла его сурово наказывать, ибо это не принесёт ему, Хидэёси, никакой практической пользы. Доказать свою мудрость и великодушие он должен был выводом японских войск с Корейского полуострова и ликвидацией всех построенных там укреплений. Что же касалось восстановления в полном объёме торговых отношений между Китаем и Японией, то в этой просьбе было отказано, ибо подразумевалось, что провинциальный вассал не может на равных торговать с метрополией.

Ответ китайского императора привёл Хидэёси в ярость. Его первым намерением было казнить отвечавшего за переговоры Кониси Юкинага, но Исида Мицунари и его окружение, участвовавшие в фальсификации наравне с Кониси, сумели погасить первый порыв гнева. Они убедили Хидэёси, что послание китайского императора было согласовано со всеми представителями японской стороны, а не только с Кониси, так что ответственность должно было разделить всё руководство экспедиционного корпуса, в том числе и ближайшие соратники *тайко*. Убедившись, что первый тур переговоров провалился, Хидэёси не стал вдаваться в детали, выяснять, на каком

этапе произошёл сбой, и наказывать виновных — им предстояло ещё воевать. В дипломатическом ведомстве династии Мин к протокольным мероприятиям относились строже — когда выяснилось, как появился на свет акт о капитуляции, китайский переговорщик Шень Вэйцзин был казнён.

Таким образом, ни одно из требований Хидэёси, изложенных сначала в семи-, а затем в трёхстатейном послании, не было принято китайской стороной. Большая часть этих требований до Пекина просто не дошла. И даже великодушный жест Хидэёси, отказавшегося от нападения на Китай и согласившегося на половину Корейского полуострова, остался неоценённым. В таких условиях не оставалось ничего другого, кроме как возобновить боевые действия.

Это решение Хидэёси принял сразу после посольского приёма, но приближавшаяся зима не позволила начать их немедленно. Приказ об отправке экспедиционного корпуса был издан в январе 1597 года, но перед этим на острове Кюсю произошло ещё одно событие, изменившее общую атмосферу в регионе.

В октябре 1596 года в порт Нагахама (провинция Тоса на острове Сикоку) зашёл испанский галеон «Сан Фелипе», следовавший из Манилы в Мексику. Попав в жестокий шторм, торговое судно получило повреждения, совершило вынужденный заход в ближайший порт и затонуло. Экипаж и пассажиры спаслись, большую часть груза тоже успели вынести на берег. Хозяин провинции Тёсокабэ Мототика доложил о происшествии Хидэёси и приготовился встречать его посланника. Прибыв на место, Масита Нагамори опечатал груз, арестовал экипаж и пассажиров, среди которых было несколько христианских миссионеров, и составил для Хидэёси доклад, в котором говорилось, что в провинции Тоса задержаны европей-

ские пираты, разбойничавшие в Перу и на Филиппинах, а теперь прибывшие в Японию для сбора информации и подготовки к нападению на её порты.

На характер доклада сильно повлияла обстановка, сложившаяся к тому времени на острове Кюсю. По мере усиления христианского влияния там резко возросло число инцидентов на религиозной почве — японские христиане жгли буддийские храмы и жестоко третировали монахов. Для снижения напряжённости Хидэёси издал в 1587 году указ о запрете миссионерской деятельности, но он не выполнялся, поэтому в западной части страны всё оставалось по-прежнему. В 1593 году к прежним миссионерам добавилось ещё и Общество святого Франциска, быстро распространявшее своё влияние на острове Кюсю. Засилье иноземной религии вызывало глубокое недовольство буддийского духовенства, в поддержке которого нуждался Хидэёси. Ему рассказали, что ведущие европейские страны рассылают по миру христианских проповедников, которые обращают местное население в свою веру и тем самым готовят почву для последующей колонизации. Случай с испанским галеоном пришёлся как нельзя кстати и был использован в борьбе с европейской религией.

Восьмого декабря 1596 года Хидэёси издал второй указ о запрете христианства, но на этот раз он был настроен решительно и потребовал действий. Столичному наместнику Исида Мицунари было приказано выявить и арестовать всех последователей европейской религии и публично казнить. Всего было задержано 24 человека — семь францисканцев и четверо членов Общества Иисуса; религиозная принадлежность остальных неизвестна. В число арестованных попал и один из проповедников, прибывших на галеоне «Сан Фелипе». В Киото христиан провезли по городу, а затем должны были публично отрезать им носы и уши, но приговор был смягчён, и палач ограничился только мочками ушей. В Осака и Сакаи их

тоже по разу провезли по городу, после чего отправили в Нагасаки, главный торговый порт на острове Кюсю. Всю сухопутную часть пути (более 600 километров) арестованные шли пешком.

Во время этапирования христиан сопровождали два крещёных японца-послушника, Франциск из Исэ и Педро Сукэдзиро. Прибыв на место, они изъявили желание разделить судьбу мучеников-единоверцев и отдать жизнь за христианское учение. Послушников включили в группу приговорённых, число которых, таким образом, возросло до 26 человек. Все они были мужчинами в возрасте от 12 до 64 лет (20 японцев, 4 испанца, по одному португальцу и мексиканцу). В Нагасаки один из местных военачальников пожалел 12-летнего Людовика Ибараки и предложил сохранить ему жизнь в обмен на отречение от христианства, но мальчик не согласился променять полагавшийся мученику рай на бренное земное существование. Тем более что арестованным вместе с ним родственникам — отцу, брату и дяде — никто спасение не предложил.

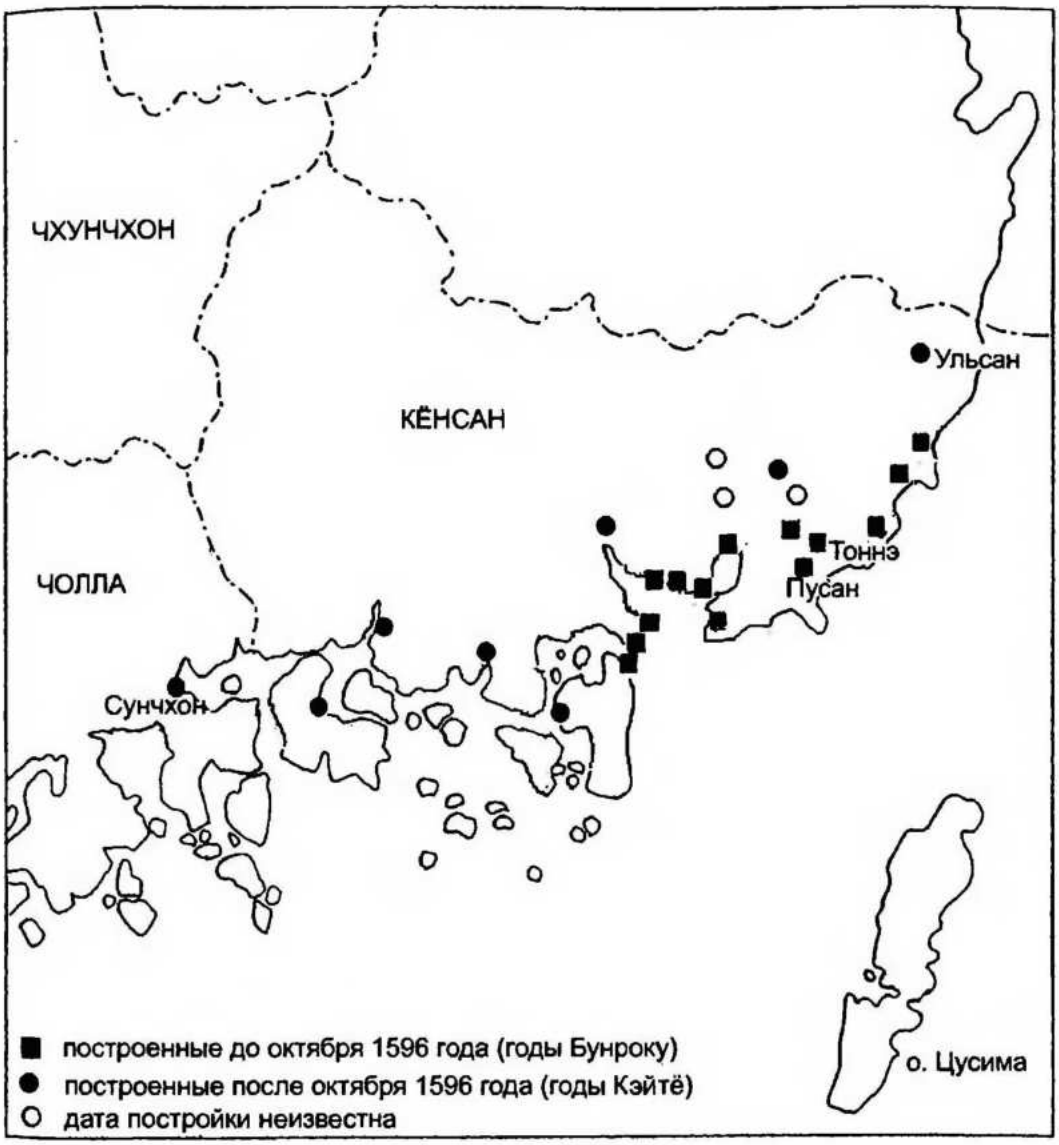
Утром 5 февраля 1597 года мученики, попросившие казнить их так же, как Иисуса Христа, пришли на гору Нисидзака, где до этого казни никогда не проводились. В 10 часов утра их подняли на кресты и убили копьями. В Нагасаки христиан было больше, чем где бы то ни было, именно поэтому его и выбрали для публичной казни. Городской наместник во избежание беспорядков запретил жителям покидать в этот день свои дома, но, несмотря

Франциск Ксавье

на это, 4 тысячи человек пришли на гору, чтобы своими глазами увидеть праведную смерть мучеников. Некоторые из приговорённых обратились к ним со словами поддержки и подтвердили свою готовность умереть за веру.

Первая в японской истории казнь христиан для страны в целом прошла незамеченной, но в Европе благодаря отчётам миссионеров получила большой резонанс. Католическая церковь приобщила погибших к лику святых и объявила 5 февраля Днём 26 японских мучеников. Христианская община в Западной Японии также была потрясена казнью. Присутствовавшие на ней горожане разобрали пропитанную кровью одежду казнённых и передали её европейским миссионерам. Вскоре она, как Туринская плащаница, стала священной реликвией и объектом поклонения местных христиан. Впоследствии, когда гонения на европейскую религию приняли массовый характер, на горе Нисидзака состоялось ещё более 600 казней.

Сразу после событий в Нагасаки вышел указ Хидэёси о возобновлении боевых действий в Корее. Общая численность мобилизованных составила 142 тысячи человек. Основные силы высадились в Пусане в апреле, ровно через 5 лет после начала войны. На этот раз старшим командирам была поставлена более скромная задача: взять под полный контроль 4 южные провинции, в первую очередь — «красную» Чолла. В отличие от первого этапа теперь война велась тотальными методами — японская армия никого не щадила, забирала с собой всё ценное, а остальное предавала огню. Массовые убийства и грабежи мирного населения были и на первом этапе войны, но тогда они совершались вопреки приказам Хидэёси, а теперь — в соответствии с ними. О распоряжении главнокомандующего никого не



Японские форты в Корее

щадить говорится в дошедшем до нас дневнике японского командира Окоти Хидэмото[54].

На втором этапе войны поначалу повторилась история пятилетней давности — японская армия вновь начала одерживать в Корее лёгкие победы. Провинциальный военный ревизор Вон Гюн (1540–1597), занявший место брошенного в тюрьму по его доносу Ли Сунсина, оказался никуда не годным флотоводцем и 15 июля 1597 года потерпел сокрушительное поражение в заливе Чхильчжоннян у

[54] Источник *Тёсэнки* («Корейские записи»).

острова Коджедо от японских командиров Тода, Кониси, Като и Симадзу. Учтя печальный опыт борьбы с корейскими *кобуксонами*, японцы за годы перемирия пополнили свой флот более крупными кораблями, борта и надстройки которых тоже были обшиты металлическими листами. Несмотря на численное превосходство, Вон Гюн проиграл морское сражение и погиб. После этого Ли Сунсин был срочно выпущен из тюрьмы и восстановлен в прежней должности.

Получив из Кореи сообщение о намерении Хидэёси возобновить боевые действия, династия Мин в феврале 1597 года начала готовить войско для изгнания японцев

Маршруты выдвижения китайской армии

с полуострова. Дойдя до Сеула, оно разделилось и двинулось на юг тремя разными маршрутами: 1) восточным — через Чхунджу и Андон на Кёнджу (цель — взять Ульсан); 2) южным — через Санджу (цель — Чинджу); 3) западным — через Чонджу (цель — Намвон). Принципиальное отличие от первого этапа войны заключалось в том, что на этот раз китайская армия наступала с севера на юг на позиции, защищаемые японскими частями. Ареной боевых действий на этом этапе стала южная оконечность Корейского полуострова.

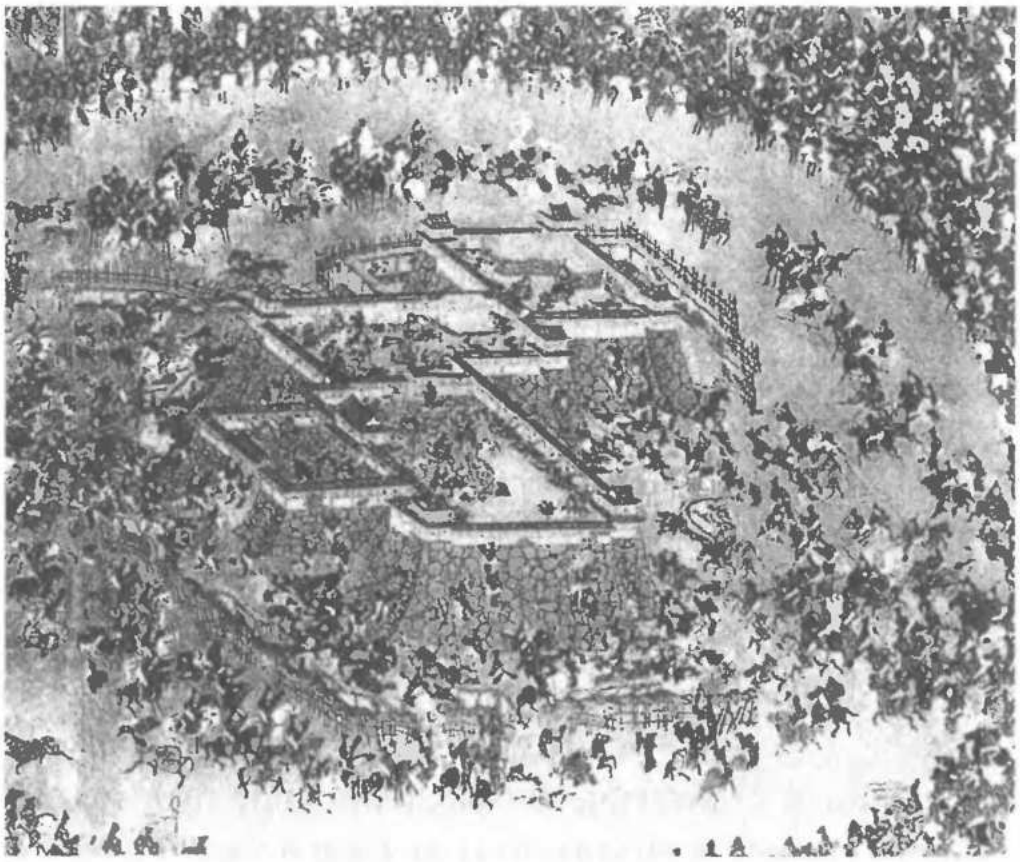
В июне китайская армия достигла намеченных рубежей и захватила город Намвон в провинции Чолла. Японское командование, от которого Хидэёси потребовал контроля над провинцией, сосредоточило под Намвоном крупные силы. Пятнадцатого июля после ожесточённого штурма город пал, а все его жители были уничтожены. Очевидец сражения писал: «На рассвете стали видны бесчисленные трупы [корейцев], словно песок, усыпавшие обочины дорог. Смотреть на это было невозможно» (Камигайто, 2002).

Переброска японских частей в Корею к тому времени ещё не закончилась — она продолжалась до конца июля 1597 года. После завершения высадки преимущество стало переходить к японской армии, и к сентябрю она взяла под контроль большую часть провинций Чолла и Кёнсан, а её отдельные отряды вышли к северной границе провинции Чхунчхон. Получив доклады от своего командования, династия Мин в конце года направила в Корею ещё 140 тысяч человек.

В середине декабря произошло сражение за Ульсан, ставшее самым крупным событием второго этапа войны. Расположенный в 70 километрах севернее Пусана, этот крупный стратегически важный форт был захвачен японской армией в августе того же года и удерживался силами примерно в 10 тысяч человек. В середине декабря

44-тысячная китайская армия, усиленная 13-тысячным корейским корпусом, подошла к Ульсану и окружила его. Штурм городских укреплений начался 22 декабря и продолжался трое суток в условиях адского холода. Двадцать пятого декабря китайские командиры дали своим бойцам передохнуть и на следующий день возобновили сражение. Двадцать шестого и двадцать седьмого декабря их яростный, но прямолинейный штурм был продолжен.

Нападавшие волнами шли вперёд и сотнями гибли под плотным ружейным огнём, которым их встречали японцы с городских стен. Силы оборонявшихся были уже на исходе, когда отряд Мори Хидэмото классическим манёвром *годзэмэ* нанёс нападавшим удар в тыл и вынудил их отступить. В сражении за Ульсан объединённые корейско-китайские силы потеряли около 20 тысяч человек, в то время как потери японцев составили немногим более



Сражение за Ульсан (гравюра)

тысячи. Третьего января на помощь гарнизону подошло подкрепление, и угроза падения Ульсана миновала. Одержав победу, японские полководцы не стали преследовать отступавшего противника, за что несколько командиров, в том числе Курода Нагамаса и Хатисука Иэмаса, впоследствии понесли наказание.

Мори Хидэмото

Выпущенный из тюрьмы корейский флотоводец Ли Сунсин (1545–1598) снова проявил чудеса полководческого таланта и с тринадцатью кораблями, уцелевшими после поражения Вон Гюна, 14 сентября 1597 года одержал победу в морском бою в заливе Мённян. Он продолжал успешно действовать на море и доставлять японцам неприятности даже после того, как японское и китайское командование договорились о прекращении боевых действий. Считается, что Ли Сунсин — единственный в мире флотоводец, за всю жизнь не проигравший ни одного морского сражения. Сражённый пулей из аркебузы, он погиб в самом конце войны, уже после того, как японский экспедиционный корпус получил приказ о возвращении на родину. Это произошло в ноябре 1598 года в морском бою при Норянджине, который Ли Сунсин тоже выиграл. Имя этого флотоводца и сегодня пользуется в Корее огромным уважением, в центре Сеула ему воздвигнут огромный памятник.

Хидэёси планировал воевать до победного конца. В августе 1597 года он отправил одному из своих командиров в Корее письмо, в котором писал, что собирается прибыть на полуостров и возглавить боевые действия, однако и на этот раз выезд не состоялся. В декабре у него

Памятник Ли Сунсину в Сеуле

появился кашель непонятного происхождения и невралгические боли. Хидэёси чувствовал себя плохо и не принимал никого, кроме ближайших соратников. Его встреча с Мори Тэрумото в декабре 1597 года стала одним из редких исключений (Фукуда, 2014). Весной 1598 года Хидэёси планировал расширить боевые действия и направить для этого в Корею распорядителей в ранге *бугё* Исида, Масита и Нагацука с новыми силами, но болезнь помешала этим планам.

Пятнадцатого марта 1598 года Хидэёси устроил грандиозный выезд на природу, чтобы высадить присланные ему в подарок 700 саженцев сакуры и полюбоваться уже распустившимися деревьями в окрестностях храма Дайдо. Любование цветами совместили с массовой чайной цере-

монией, второй по масштабам после знаменитой *Китано тяною* 1587 года. На мероприятие были приглашены жёны главных полководцев Хидэёси вместе с домашними и прислугой; общее число участников превысило 1300 человек. Погода выдалась прекрасная — дожди наконец прекратились, небо расчистилось; прибывавшие один за другим паланкины высаживали гостей Хидэёси у восьми специально выстроенных по этому случаю просторных чайных домиков.

Этот выезд на природу стал для него последним. Пятого мая состояние правителя резко ухудшилось, и больше он из Фусими никуда не выезжал. Поначалу симптомы болезни вроде указывали на дизентерию, поэтому его окружение особенно не волновалось. Однако в конце месяца Хидэёси уже почти не вставал и быстро терял аппетит. В надежде побороть недуг он распорядился перенести в Фусими главный павильон храма Конгобу со священной горы Коя, но и это не помогло — болезнь быстро прогрессировала. Окружённый вниманием и заботой домочадцев правитель почти ничего не ел, невероятно исхудал и ослаб. К нему приглашали самых известных синтоистских священников, они возносили молитвы и совершали у постели больного оздоровительные обряды, но улучшения не наступало. К концу июня исход болезни стал ясен и самому Хидэёси, и его окружению. В письме от 20 июля он писал, что уже 15 дней ничего не ел и чувствует себя очень скверно. Португальский священник, навестивший Хидэёси в начале августа, «нашёл его лежащим среди фиолетовых подушек, столь слабым, что он почти утратил всякое сходство с человеком» (James Murdoch, A History of Japan During the Century of Early Foreign Intercourse, цит. по: Елисеев, 2008).

В последние дни главной заботой правителя стала судьба его 5-летнего сына и наследника Хидэёри, оставшегося в окружении взрослых и опытных военачальни-

ков. Начал он с того, что назначил его личными опекунами ближайших соратников в ранге *бугё* Исида Мицунари, Нагацука Масаиэ, Масита Нагамори, Асано Нагамаса и Маэда Гэньи. Их должны были контролировать «великие старейшины» (*тайро*) Токугава Иэясу, Маэда Тосииэ, Мори Тэрумото, Укита Хидэиэ и Уэсуги Кагэкацу. Указ о назначении двухуровневого опекунства был зачитан собравшимся в замке Фусими 15 июля. Пятого августа на специальной церемонии старейшины дали письменную клятву верности наследнику Хидэёси и скрепили её печатями, смоченными кровью. Одиннадцатого августа то же самое сделали распорядители *бугё*. Тоётоми Хидэёси к тому времени уже впал в забытьё и через неделю, 18 августа, мирно скончался в замке Фусими. Исходя из длительности и общих симптомов заболевания, современные врачи называют в качестве возможной причины смерти несколько заболеваний: 1) онкология органов пищеварения; 2) дизентерия; 3) туберкулёз; 4) полиневрит (болезнь бери-бери, нехватка витамина B_1). Его похоронили на территории храма Амидагаминэ в Киото (современный район Хигасияма).

За две недели до смерти Хидэёси собственноручно написал последний указ из пяти пунктов, ставший его завещанием.

1. Великие старейшины Токугава, Маэда, Мори, Уэсуги, Укита могут заключать политические браки с другими воинскими домами только по взаимному согласованию.
2. Ближайшие три года Токугава Иэясу надлежит оставаться в столице и заниматься государственными делами; управление его владениями поручить сыну Хидэтада.
3. Среди распорядителей главные — Маэда Гэньи и Нагацука Масаиэ. Остальные трое *бугё* должны по

очереди выполнять обязанности комендантов замка Фусими.

4. Управление замком Осака также возложить на распорядителей; обязанности комендантов выполнять по двое.
5. После переезда Хидэёри в Осака его вассалы должны переселиться в призамковый город вместе со своими семьями.

Первый пункт завещания был направлен на предотвращение конфликтов в воинском руководстве и повторял указ Хидэёси от 1595 года. Во втором пункте была особо выделена роль Токугава Иэясу — ему единственному из пяти *тайро* поручалось конкретное дело: три года оставаться в столице и заниматься государственными делами. С учётом предыдущих высказываний Хидэёси о спокойном характере Токугава, по всей видимости, он считал его самым подходящим для наделения властными полномочиями. В третьем пункте Хидэёси распределил свои симпатии между соратниками второго уровня — не столь сильными и влиятельными в военном плане, но лично ему преданными. Четвёртый пункт касался замка Осака, самого мощного укрепления в стране и цитадели наследника, призванной защищать его до последней возможности, а пятый — «пояса безопасности», который должны были образовать вассалы Хидэёси, расположив свои усадьбы вокруг этой цитадели.

В конце августа опекуны заказали крупному столичному храму молебен во здравие наследника, который было решено сделать регулярным и проводить ежемесячно третьего числа, в день рождения Хидэёри.

По традиции смерть правителя несколько недель держали в секрете. Пятого сентября в Корею было отправлено адресованное Кониси Юкинага и Со Ёситоси письмо за подписью четырёх *тайро* (Токугава, Маэда, Мори

и Укита). В нём говорилось, что в ближайшее время им предстоит начать мирные переговоры с китайским командованием. Дав клятву совместно служить интересам наследника Хидэёси, старшие полководцы не могли издавать важнейшее распоряжение в отсутствие пятого члена команды, Уэсуги Кагэкацу. Он в это время находился в своих восточных владениях и после смерти правителя сразу выехал в столицу. С его прибытием старшие опекуны собрались в полном составе и получили возможность издать приказ о прекращении боевых действий в Корее. Это произошло 16 октября 1598 года.

До этого времени боевые действия продолжались в обычном режиме, хотя разного рода слухи доходили как до японского, так и до китайского командования. В корейских хрониках того времени сохранились записи о том, что окончание войны могло быть вызвано смертью Хидэёси или нападением «южных варваров» на Японию (Фудзики, 2005). Последняя версия объяснялась слухами о том, что в Европе произошли какие-то крупные военные события[55], а в Японии начались преследования и казни христианских миссионеров, то ли готовивших, то ли организовавших нападение на эту страну.

Незадолго до указа о прекращении боевых действий объединённые китайско-корейские силы предприняли штурм фортов Сачхон, который оборонял Симадзу Ёсихиса, и Сунчхон (Кониси Юкинага), но в обоих случаях потерпели поражение и отступили с большими потерями. После этих неудач китайское командование заключило с Кониси соглашение о перемирии и отправило к нему заложников в знак того, что не будет препятствовать выводу японских частей из Кореи.

---

[55] Имеется в виду победа Англии в морском сражении 1588 года против испанской «непобедимой армады» и объявление независимости Нидерландов от Испании.

Однако объединённый корейско-китайский флот под командованием Ли Сунсина в этих переговорах не участвовал и продолжал блокировать побережье. Японским командирам пришлось собрать крупную группировку и прорываться на родину с боем при поддержке с моря. Это сражение, ставшее последним эпизодом войны, произошло в заливе Норянджин 19 ноября 1598 года и принесло японской стороне большие потери. Тем не менее морская блокада была прорвана, и японские части начали покидать Корейский полуостров. Вместе с приказом о прекращении боевых действий Токугава Иэясу отправил в Пусан 300 судов для перевозки личного состава. Общее руководство операцией по возвращению было возложено на Исида Мицунари. Судов катастрофически не хватало, поэтому возвращение растянулось на несколько месяцев. Как и пять лет назад, командиры отрядов тянули жребий, кому грузиться первыми. Последними на родину вернулись части Кониси Юкинага и Мори Тэрумото.

Известие об окончании войны было воспринято в японской армии с радостью. Больше всего бед и страданий она принесла корейскому народу, но и и для захватчиков тоже стала тяжёлым испытанием. Как писал Луис Фройс, «эта земля подвергла японцев неисчислимым испытаниям в виде тяжкого воинского труда и лишений, болезней, нехватки продовольствия и прочих напастей. Заболевшие не имели возможности получить хоть какую-то человеческую помощь или облегчение, в результате мало кому из них удавалось выжить» (Фройс, 1977). Основные продукты питания японцев — рис, бобы и *мисо* — доставлялись морем и хранились на двух крупных складах в прибрежной зоне, в Пусане и Тоннэ. Отсюда они распределялись по разным направлениям, но корейские ополченцы часто нападали на обозы.

Судя по сохранившимся документам, в японской армии с самого начала войны бывали случаи дезертирства. О его масштабах судить трудно, но, судя по тому, что некоторые сведения доходили до главнокомандующего, явление было не таким уж редким. В приказе Хидэёси от 26 сентября 1592 года говорится о необходимости найти и сурово наказать группу беглецов, без приказа покинувших расположение отряда (Накано, 2008). Некоторые японские командиры уходили на боевое задание и бесследно исчезали вместе с подчинёнными. Одни погибали в стычках с местным населением, другие старались тайком вернуться на родину, третьи попадали в плен или добровольно переходили на сторону противника. Корейцы принимали перебежчиков, поскольку получали от них полезные воинские знания и навыки. В китайских и корейских хрониках сохранились упоминания о том, что под влиянием голода и холода японцы сами переходили на сторону противника, но в японских источниках об этом не сообщается. Тем не менее современные историки признают слабую мотивацию и невысокий моральный дух японской армии во время корейской войны. «Боевой дух [японского] войска, оказавшегося на долгое время изолированным в чужой стране с незнакомой природой и климатом, в условиях острой нехватки продовольствия, которое перехватывалось корейцами, очевидно и стремительно падал. В конце концов многие из них окончательно его утрачивали и бежали от войны, это факт. Лечить раненных в бою не было никакой возможности, и почти все они бессильно и тихо ушли, исчезнув, подобно утренней росе, на этой чужой земле» (Ямагути, 1985).

В годы внутренних междоусобных войн доблесть японского воина оценивалась по количеству и качеству голов противника, добытых им на поле боя. Во время войны в Корее головы сначала представляли в службу тайного надзора (*мэцукэ*), а затем отправляли в Японию для окон-

чательного учёта и контроля. Однако расстояние и время, уходившее на доставку традиционных трофеев, заставили отказаться от привычного образа действий. Сохранить головы в сколько-нибудь приличном виде не удавалось, поэтому у побеждённых противников стали отрезать носы и уши. Помещали их в бочонки с солью или консервирующим рассолом — до тысячи штук в одну ёмкость — и отправляли на родину. Согласно сохранившейся справке службы тайного надзора, в период активных боевых действий, с 16 августа по 29 сентября 1597 года, соединение под командованием Курода Нагамаса представило в надзорную службу 5502 отрезанных носа (Накано, 2008). В среднем получается по 122 носа за каждый день боёв.

Смена привычного алгоритма учёта породила проблемы. Для работы с головами в Японии за долгие века была отработана процедура *куби дзиккэн* — их ранжировали по статусу и в соответствии с этим определяли вознаграждение победителю. А по носу или уху что скажешь? Во-первых, качество трофея: непонятно, кому принадлежит часть тела — боевому корейскому командиру или безобидному крестьянину. А во-вторых, количество. Чтобы завладеть головой противника, его нужно сначала победить в бою, а с носами и ушами — вовсе не обязательно. Некоторые этим широко пользовались. Например, Ямамото Ясумаса, один из командиров Като Киёмаса, был широко известен тем, что отрезал носы у всех корейцев, попадавшихся ему на пути, — у мужчин, женщин, стариков и даже у детей. Для этого их даже убивать было не обязательно. В дневниковых записях сохранились упоминания о том, что были случаи, когда о боевых заслугах отчитывались носами и ушами своих же погибших товарищей.

Присланные из Кореи доказательства японских побед после обработки и учёта свозились для захоронения в синтоистский храм Тоёкуни в Киото. Место захоронения так и называлось — «курган из ушей» (*мимид-*

зука); он вместил в себя 20 тысяч учтённых трофейных единиц. Всего же за время войны из Кореи в Японию было переправлено около 100 тысяч отрезанных носов и ушей.

Награбленное на корейской земле имущество и захваченных в плен людей привозили продавать в Пусан, куда съезжались многочисленные торговцы. Впрочем, некоторые из них, рискуя жизнью, пробирались в глубь страны и скупали «трофеи» на месте — так было дешевле. Всё купленное переправлялось в Японию и Макао и там продавалось уже по другой цене. В плен забирали и взрослых, и детей, но последних было намного больше — убить родителей и забрать на продажу детей считалось самым практичным вариантом. Перепродажей «трофеев» занимались не только японские торговцы, но и иностранцы, жившие на Кюсю и прилегающих к нему островах. Считается, что всего за годы войны из Кореи было угнано и продано в рабство от 20 до 30 тысяч человек, из них 5 тысяч вернулись на родину в первые девять лет после её окончания, когда Япония приступила к нормализации отношений с соседней страной.

Для Японии война в Корее стала беспрецедентным по масштабу событием. В следующий раз японская армия численностью в 150 тысяч человек высадилась на материк лишь триста лет спустя, в конце XIX века. Эта война не принесла ни одного из тех результатов, на которые рассчитывал начавший её Хидэёси. Добившись абсолютного успеха внутри страны, он потерпел полное фиаско за её пределами.

По годам правления в Корее эту войну называют Имчжинской, а в Японии — войной годов Бунроку и Кэйтё (*Бунроку, Кэйтё но эки*). За шесть с половиной лет, что она длилась, в Японии была проведена перепись земель, в связи с этим утвердились единые меры площади

и веса, был унифицирован и повышен до двух третей рисовый налог с крестьянских хозяйств, заложены основы военно-бюрократического управления, каким его видел Тоётоми Хидэёси. Его система власти опиралась на те же принципы, которым следовал Ода Нобунага, но в хозяйственно-экономическую область Хидэёси внёс много нового. Перепись земель, частичное изъятие у крестьян холодного оружия и более плотная привязка их к земле, запрет христианской деятельности и преследование пиратства — все эти реформы отражают его собственное понимание потребностей времени.

Для хозяйственно-экономической жизни страны одним из главных результатов агрессии на материке стало полное истощение человеческих и хозяйственных ресурсов, прежде всего в западных провинциях Японии. Экономическое ослабление этого региона оказало большое влияние на исход борьбы за власть, развернувшейся сразу после смерти Хидэёси. Наибольшую выгоду из этой ситуации извлёк Токугава Иэясу, пять провинций которого располагались далеко на востоке страны и в хозяйственном отношении не пострадали. Сохранив материальные ресурсы, Токугава обеспечил себе прочные позиции в дальнейшей борьбе за власть.

Японское вторжение принесло неисчислимые бедствия населению Кореи и колоссальный ущерб её хозяйству. Гибель сотен тысяч мирных жителей, разрушение городов и деревень, запустение полей и общий подрыв хозяйственно-экономической жизни страны продолжали сказываться ещё несколько десятилетий.

Согласно китайским хроникам, в корейской войне 1592–1598 годов не было победителей. В них говорится, что война началась по воле японского правителя и закончилась с его смертью. Китайские современники оценили свои потери в 100 тысяч человек (Кан, 1984), а японский экспедиционный корпус, по данным Луиса Фройса, по-

терял вдвое меньше (Фройс. 1977). За неимением других источников эти оценки можно лишь принять к сведению.

На фоне больших потерь, связанных с любой войной, были и небольшие приобретения. Японцы познакомились с некоторыми техническими достижениями китайской цивилизации. От пленных корейских ремесленников они переняли технику изготовления тонкого фарфора, обжига и укладки черепицы, а военные и монахи узнали о существовании гонга. На последнем этапе войны Хидэёси уже требовал от своих полководцев переправлять из Кореи в Японию лучших ремесленников вместе с материалами и инструментами. Большинство из них осели на острове Кюсю и прилегающих к нему малых островках. В местных хрониках сохранились упоминания о том, что через много лет после окончания войны в самых западных провинциях Японии продолжали рождаться потомки корейских переселенцев, по мере сил поддерживавших знание родного языка и традиций утерянной родины. Одно из таких упоминаний относится к концу XVIII века (Фудзики, 2005).

В корейских храмах японцы обнаружили множество хорошо изданных книг, отпечатанных неизвестным в Японии наборным шрифтом. Японские печатники наносили текст на бумагу ксилографическим способом: резчики вырезали из твёрдых пород дуба монолитные клише на целую страницу, с которых затем производилась печать. В Корее же для каждого иероглифа из меди отливалась отдельная форма, затем из них составлялся текст объёмом в одну страницу, который переносился на бумагу. Вывезенные из Кореи вместе с мастерами книги, шрифты и печатная техника сильно продвинули издательское дело в Японии.

Корейцы, в свою очередь, познакомились с ручным огнестрельным и холодным оружием японцев, их доспехами и более эффективной боевой тактикой. Поначалу они казнили всех попавших в плен японцев, но вскоре был издан

приказ о запрете казней на месте. Пленных оставляли в живых и определяли инструкторами. В силу необходимости навыки владения огнестрельным оружием были освоены корейцами гораздо быстрее, чем это произошло бы в мирное время.

Восстановление отношений

Японская агрессия в Корее оставила тяжёлое наследие в отношениях двух стран — слова «японец» и «враг» ещё долго были синонимами для нескольких поколений корейцев. Но отношения между правителями изменились гораздо быстрее, чем общественное сознание. Первые шаги в этом направлении были сделаны почти сразу после прекращения боевых действий, и в этом главная заслуга всё той же провинции Цусима. Её хозяин Со Ёситоси отправил в Корею своего посланника меньше чем через месяц после окончания войны — уже в декабре 1598 года. В марте следующего года Корею посетил его второй представитель, а в июне — третий. Корейцы их задерживали и отправляли в ставку китайского командования, где они становились военнопленными. Японские войска покинули Корею без мирного договора, поэтому формально любой прибывший с архипелага оставался противником.

После ухода японской армии Китай отозвал из Кореи основную часть своих сил, оставив 24 тысячи человек на случай повторной агрессии, поэтому все вопросы, касающиеся контактов с Японией, решались исключительно китайским командованием.

В течение всего 1599 года корейцы, задержанные на принадлежащих Японии островах, активно возвращались на родину, и клан Со им в этом не препятствовал,

хотя массовое бегство рабочей силы замедляло восстановление хозяйства в западных провинциях. Глава дома Со продолжал отправлять в Корею своих представителей, но все его попытки выйти на контакт оставались без ответа. В феврале 1600 года он пригрозил корейским властям, что если враждебное молчание продолжится, то к концу лета боевые действия могут возобновиться. Конечно, вопросы войны и мира выходили далеко за пределы компетенции хозяина небольшой островной провинции — угроза говорила лишь о его отчаянном положении.

В апреле того же года в Корею выехал очередной японский посланник — капитан судна по имени Исида Дзиндзаэмон с группой пленных китайцев. Прибыв в Пусан, он передал письмо за подписью четырёх японских *даймё*, адресованное корейскому министру иностранных дел. В нём говорилось о том, что хозяева западных провинций Японии не испытывают к Корее враждебных чувств, хотели бы в полном объёме восстановить добрососедские отношения и выражали сожаление по поводу упорного молчания корейской стороны. Ознакомившись с письмом, китайское командование наложило свою резолюцию и переправило его в Сеул. Положительно оценив возвращение соотечественников из Японии, китайское руководство посчитало восстановление отношений с агрессором делом преждевременным. А поскольку за безопасность Кореи отвечает китайская армия, то корейскому руководству было отказано в праве принимать самостоятельные решения.

В Сеуле тем временем искали выход из сложившейся ситуации: присутствие китайской армии действительно гарантировало безопасность, но истощало разорённую войной казну, из которой производилось содержание защитников. Кроме того, затянувшееся пребывание китайской армии вызывало при дворе опасения, что страна может вообще лишиться самостоятельности. Нормализация отноше-

ний с Японией могла бы помочь в решении обеих проблем, поэтому корейское руководство начало делать осторожные шаги в этом направлении. Но сначала нужно было убедиться в искренности японских намерений. Вернувшиеся из Японии репатрианты рассказали, что после смерти воинственного Хидэёси страной управляют три его министра (Токугава, Маэда и Укита) и что никто из них вроде не собирается воевать с Кореей. Поэтому, говорили они, если отправить в Японию своих представителей, то заключение мирного договора может быть вполне реальным.

После этого на остров Цусима с визитом был отправлен корейский чиновник, доставивший первый официальный ответ Сеула. Он прибыл во владения Со Ёситоси в мае 1600 года, за три с половиной месяца до сражения при Сэкигахара. Примерно в это же время в Корею вернулся конфуцианский священнослужитель Канхан, проживший в японском плену два с половиной года. После окончания войны он был переведён с острова Сикоку в столицу, где познакомился с японским конфуцианцем Фудзивара Сэйка (1561–1619), с 1593 года состоявшим на службе у Токугава Иэясу. Их встречи и беседы переросли в дружбу, которая впоследствии оказала существенное влияние на внешнюю политику Токугава. Фудзивара Сэйка, изучавший вывезенные из Кореи конфуцианские трактаты, глубоко заинтересовался обновлённым китайским учением и стал его последователем, убедив в его полезности и Токугава Иэясу.

Прибыв в 1600 году в Сеул, Канхан рассказал о гуманитарной направленности своих встреч с советником одного из лидеров страны и его глубокой заинтересованности популярным в Корее конфуцианским учением. Переданные им слова Фудзивара о том, что Токугава Иэясу отрицательно относится к внешним войнам и не будет воевать в Корее, произвели в Сеуле самое благоприятное впечатление.

В сентябре 1600 года китайская армия покинула Корею, и корейское руководство почувствовало себя свободнее во внешних делах. В Японии в том же месяце Токугава Иэясу победил западную коалицию в сражении на равнине Сэкигахара и фактически взял власть в свои руки. При Хидэёси за корейское направление отвечал Кониси Юкинага, но он воевал в составе западной армии против Токугава и погиб. Самый сведущий в корейских делах Со Ёситоси, как и остальные западные военачальники, тоже воевал против Токугава и не мог быть его доверенным лицом, поэтому на первых порах Иэясу пришлось самому заниматься внешней политикой.

Наступил февраль 1601 года. За последние 10 месяцев Корею не посетил ни один японский посланник. Эта пауза была вызвана военным конфликтом между Токугава и западной коалицией, расколовшим страну на два лагеря, но в Сеуле о нём не знали, поэтому начали беспокоиться: а вдруг вся предыдущая активность японских наместников из западных провинций была продиктована лишь их бедственным положением и не отражает намерений нового правителя? Что если смена власти на архипелаге приведёт к новому вторжению? Для получения информации было решено отправить делегацию на остров Цусима.

Примерно в это время Со Ёситоси добился встречи с Токугава и показал ему полученный в мае прошлого года единственный официальный ответ корейского правителя с благодарностью за возвращение корейских пленных. В продолжение усилий глава дома Со предложил найти и вернуть на родину какого-нибудь заметного корейского подданного и через него ещё раз подтвердить свои добрососедские намерения. Получив согласие, он выполнил свой план: в апреле 1601 года живший на острове Цусима грамотный корейский священнослужитель прибыл в Сеул и рассказал о положительных изменениях во внешней политике Японии.

Позиции соперничающих группировок при дворе корейского правителя по вопросу о Японии тоже разделились: одна выступала за то, чтобы ориентироваться на династию Мин и все вопросы решать через неё, а другая хотела большей самостоятельности, в том числе и во внешних делах. Соответственно, первая противилась нормализации отношений с провинцией Цусима (а речь шла только об этом), а вторая поддерживала курс на сближение.

В июне в Корею прибыл вассал дома Со по имени Татибана Томомаса с большой группой репатриантов (250 человек). В числе возвращённых был один корейский аристократ, дальний родственник правителя Сончжо. В сопроводительном письме, адресованном министру иностранных дел Ю Гуну, провинция Цусима вновь предлагала заключить мирное соглашение и наладить торговлю. Сончжо отправил в Пекин своего министра иностранных дел за разрешением, но получил отказ. Вернувшись в Сеул, министр написал Со Ёситоси ответ, объяснявший двойственность положения корейского руководства. В нём говорилось, что в Корее всё ещё остаётся 200-тысячная китайская армия, в связи с чем его страна не может самостоятельно решить вопрос о мирном договоре. Ложью об огромной китайской армии он рассчитывал удержать островного соседа от новой агрессии, если она готовилась.

Со Ёситоси

Провинция Цусима не сдавалась. В мае 1602 года её посланник доставил в Корею следующую группу репатриантов. Затем туда

снова выехал Татибана Томомаса с предложением о мирном договоре, а вскоре после его возвращения в Корею были отправлены ещё 229 вывезенных из страны корейских подданных. Наконец, в декабре 1602 года Татибана вновь прибыл в Сеул с новым предложением — направить в следующем году посольство, но уже не в провинцию Цусима, а в Киото, для встречи с Токугава Иэясу. Эта настойчивость дала обратный эффект и обеспокоила корейский двор — не замышляет ли сосед новую авантюру, в одностороннем порядке посылая в Корею одного представителя за другим? В эпоху, когда главной задачей любого посольства был сбор информации, такие опасения имели под собой почву. После серии японских визитов 1602 года Сончжо издал указ об укреплении южных рубежей страны, а корейский министр ответил главе дома Со, что заключение мирного договора в настоящий момент невозможно, поскольку тысячи рядовых корейцев, потерявших своих близких во время войны, всё ещё думают об отмщении (Камигайто, 2002).

Несмотря на царившую в Корее обстановку сомнений и подозрительности, в марте 1603 года Татибана Томомаса вернул на родину ещё 94 корейских подданных и передал министру иностранных дел очередную просьбу о заключении мирного договора. Сончжо вновь отправил посланника в Пекин и наконец получил оттуда положительный ответ: династия Мин не возражает против сближения Кореи с Японией, но возлагает на Сеул ответственность за последствия этого шага и рассчитывает, что войны на Корейском полуострове больше не будет.

В июне 1603 года в Сеул прибыл Янагива Сигэнобу, старейшина дома Со, с посланием, в котором говорилось, что в феврале этого года Токугава Иэясу стал сёгуном и уже в статусе легитимного правителя ещё раз призывает Корею заключить мирный договор. Японский представитель особо подчеркнул, что Токугава лично не участвовал

в боевых действиях и не отправил в Корею ни одного своего вассала, поэтому каким бы тяжёлым ни было прошлое, оно не должно препятствовать заключению соглашения с новым правителем. Отказ же корейской стороны от контактов может стать для него оскорбительным и привести к новым несчастьям, намекал японский посланник.

Полученное от Пекина разрешение и смена власти в Японии побудили корейское руководство к восстановлению отношений. Руководителю посольства было дано задание собрать информацию о ситуации в соседней стране и выяснить реальные намерения её руководства. Главой посольства Сончжо назначил буддийского монаха по имени Ючхон, во время войны командовавшего отрядом корейских ополченцев. В патриотизме героя освободительной войны сомневаться не приходилось; кроме того, корейская сторона понизила статус представительства, написав в сопроводительном письме, что Ючхон выезжает в провинцию Цусима как частное лицо, по просьбе своего религиозного наставника. В Пекин было отправлено пояснение, что делегация не имеет официального статуса и направляется на ближайший японский остров исключительно для сбора информации.

Узнав о предстоящем прибытии Ючхона в провинцию Цусима, Токугава потребовал сопроводить его в Киото. Поездка в японскую столицу и обратно заняла 10 месяцев. Встреча с Токугава состоялась в замке Фусими в марте 1605 года. Понимая, что не имевшую верительной грамоты и возглавляемую рядовым монахом делегацию нельзя считать официальным посольством, Токугава, тем не менее, устроил ей в столице пышный приём. Цель была вполне очевидна: преодолеть последствия внешнеполитического провала Хидэёси и укрепить собственную, ещё не полную власть над страной экономически выгодным международным соглашением. Повышение доходов от внешней торговли должно было повысить лояльность

удельных князей в наиболее проблемной западной части страны. Довольный встречей Токугава щедро наградил главу дома Со.

Через месяц после приёма корейской делегации Иэясу передал пост и звание сёгуна своему сыну Хидэтада вместе с курсом на поддержание мира в стране и за её пределами. Эта операция, как и многие другие, ему вполне удалась. Впрочем, сам он не собирался выпускать из рук бразды правления и продолжал принимать важнейшие решения, беспрекословно выполнявшиеся всеми, включая и его сына Хидэтада.

После торжественного приёма в японской столице корейская делегация отправилась в обратный путь в сопровождении всё того же Татибана Томомаса. Вместе с сопроводительным письмом от Со Ёситоси он доставил в Сеул ещё 1400 корейских репатриантов. С декабря 1605 года по март 1606 года посланники главы дома Со ещё дважды приезжали в Сеул и передавали его просьбы о заключении мирного договора. В марте 1606 года на высшем придворном совете было принято решение о заключении мирного договора с Японией. Его подписание было обставлено двумя условиями: соседняя страна должна была: 1) принести официальные извинения за агрессию; 2) выслать в Корею преступников, во время войны разрушавших фамильные усыпальницы правящей династии. В пояснении к первому пункту говорилось, что извинений местных военачальников вроде Со Ёситоси или Като Киёмаса будет недостаточно, необходимо волеизъявление на уровне правителя страны.

Для Токугава, не считавшего себя ответственным за войну в Корее, первое условие не стало камнем преткновения, тем более что формально он уже оставил пост. В ноябре 1606 года письмо с извинениями было написано от имени сёгуна Токугава Хидэтада, тоже, кстати, не воевавшего в Корее. Со вторым условием было сложнее, ибо установить конкретных виновников преступных деяний

по прошествии стольких лет было совершенно невозможно. Поэтому его обошли: вместе с миролюбивым письмом Со Ёситоси отправил в Корею двух разбойников, содержавшихся в местной тюрьме.

Добившийся выполнения всех требований правитель Кореи издал в январе 1607 года указ о направлении в Японию официального посольства для заключения мирного договора. Главе династии Мин он сообщил, что цель визита заключается в том, чтобы лично принять извинения Токугава и потребовать возвращения на родину очередной группы военнопленных.

Корейское посольство в составе 460 человек под руководством Е Угиля, с певцами, танцорами и музыкантами, в конце марта прибыло на остров Цусима, а затем вместе с Со Ёситоси отправилось на восток Японии, в новую столицу Эдо. Шестого мая в одноимённом замке состоялся официальный приём, после которого второй сёгун Токугава Хидэтада передал главе посольства официальный документ, в котором было записано, что Япония и Корея больше не находятся в состоянии войны. Затем посольство встретилось в Сумпу с Токугава Иэясу, после чего отправилось в обратный путь и в июне вернулось на родину. С момента окончания боевых действий прошло восемь с половиной лет — на два года больше, чем длилась сама война. В дальнейшем Япония и Корея продолжали поддерживать мирные отношения, и до начала XIX века корейские посольства ещё 12 раз появлялись в Эдо — обычно в связи с какими-то крупными событиями, например сменой поколений в правящей династии Токугава. В последний раз корейское посольство было отправлено в Японию в 1811 году.

Что касается отношений с Китаем, то они так и остались неоформленными. В 1644 году, когда династию Мин сменила у власти маньчжурская династия Цин, Япония уже закрылась от мира и перестала интересоваться внешними связями.

Несостоявшаяся династия

Таким образом, на восстановление отношений с Кореей ушло восемь с половиной лет, и Токугава Иэясу сыграл в этом процессе важную роль. Однако после 1598 года это направление деятельности было для него далеко не главным. О том, что Хидэёси вряд ли справится с болезнью, стало ясно уже в начале лета, и его предстоящий уход вселил тревогу в сердца соратников — в правящем лагере предстоял новый виток борьбы за власть, не суливший ничего хорошего.

Понимал это и сам Хидэёси. В пятёрке его главных соратников наибольшим авторитетом пользовались Маэда Тосииэ и Токугава Иэясу, превосходившие всех по возрасту и сроку службы у Хидэёси. Им он и доверил два главных поручения: Маэда должен был поселиться в замке Осака вместе с наследником и обеспечивать его личную безопасность, а Токугава — жить в Фусими и заниматься государственными делами.

Таблица

Возраст и срок службы *тайро*

Имя	Возраст	Срок службы у Хидэёси
Маэда Тосииэ	61 год	15 лет
Токугава Иэясу	56 лет	12 лет
Мори Тэрумото	45 лет	12 лет
Уэсуги Кагэкацу	42 года	12 лет
Укита Хидэиэ	26 лет	16 лет

За три года до этого Токугава Иэясу получил от императора полный второй ранг и должность Внутреннего ми-

нистра (*найдайдзин*). Выданная за Токугава замуж сестра Хидэёси к тому времени умерла, и он скрепил ослабевшие отношения новым политическим браком, выдав младшую сестру наложницы Ёдо за наследника Иэясу. Тот факт, что сестра приходилась родной племянницей Ода Нобунага, лишний раз подчёркивал преемственность политики Хидэёси. А девочку, которая родилась в этом браке, он объявил будущей невестой своего сына Хидэёри.

Ближайшие соратники Хидэёси начали присматривать друг за другом, когда он был ещё жив, а после его смерти подозрения и годами копившиеся личные антипатии стали быстро расти и набирать силу. На первом этапе детонаторами взрыва послужили два фактора: 1) подкреплённое большим опытом и высоким положением честолюбие Токугава; 2) конфликт между гражданскими распорядителями Хидэёси и его боевыми командирами.

В том, что за власть при малолетнем наследнике развернётся борьба, никто не сомневался, и главным претендентом здесь, безусловно, был Токугава Иэясу с его должностью «временно исполняющего обязанности правителя» и огромным доходом в два с половиной миллиона *коку* риса. Смерть Хидэёси дала ему хороший шанс избавиться наконец от статуса «вечно второго», который преследовал его всю жизнь. Сначала он 22 года был младшим партнёром в тандеме с Ода Нобунага, а затем, после 4 лет некоторой неопределённости, оказался в таком же качестве, но уже под началом Тоётоми Хидэёси. Теперь же у него появились реальные шансы стать первым и главным.

Уже через 10 дней после смерти Хидэёси четверо распорядителей *бугё* во главе с Исида Мицунари заключили тайный союз и поклялись сообща выступить против любого, кто нарушит клятву верности наследнику. С учётом того, что на одной из встреч они обсуждали возможность покушения на Токугава (*Морикэ мондзё*), понятно, против кого этот союз был направлен.

Токугава тоже начал создавать собственную коалицию. В последующие несколько месяцев он регулярно встречался с главами крупнейших воинских домов и договаривался об установлении долгосрочных партнёрских связей. Результатом этой активности стали пять политических браков с семейными кланами, во главе которых стояли Датэ Масамунэ, Като Киёмаса, Фукусима Масанори, Хатисука Иэмаса и Курода Нагамаса. За исключением Курода, все они были «людьми Хидэёси» и пошли на сближение с Токугава во многом из-за плохих отношений с группировкой, которую возглавлял Исида Мицунари. Остальные *тайро* и *бугё*, включая авторитетного Маэда Тосииэ, тоже наблюдали за политической активностью Иэясу с нарастающей тревогой. Как уже говорилось, Хидэёси в 1595 году запретил создание военных союзов и ведущие к ним политические браки, а в последнем указе ещё раз повторил, что такие браки могут заключаться только с общего согласия. Токугава, конечно, ни с кем не советовался и разрешения не спрашивал, чем усилил общие подозрения в свой адрес.

Маэда Тосииэ уже около двадцати лет страдал болями в области живота, а с лета 1598 года стало ухудшаться и его общее самочувствие. Тем не менее он нашёл в себе силы, чтобы в конце года выполнить последнюю волю Хидэёси и переехать в замок Осака. Поселившись рядом с его малолетним сыном, он фактически стал личным опекуном мальчика. Маэда руководил первой новогодней церемонией без Хидэёси в замке Осака и сидел на главном возвышении, держа на руках Хидэёри. Это были всем понятные символы его особого положения в пятёрке главных опекунов. По неписаным правилам контроль над замком, в котором жил наследник, давал право отдавать распоряжения от его имени. Мать мальчика Ёдодоно, считавшаяся хозяйкой огромного замка, полностью доверяла Маэда и откровенно не любила Токугава.

Появление рядом с наследником влиятельного старейшины добавило уверенности сторонникам Исида Мицунари и подтолкнуло их к решительным действиям. Скрытый до этого конфликт перешёл в открытую фазу — 19 января 1599 года в резиденцию Токугава прибыла представительная делегация и от имени остальных опекунов предъявила ему обвинение в нарушении клятвы. Под угрозой исключения из числа *тайро* от него потребовали объяснить свои действия и подтвердить лояльность наследнику Хидэёси. Токугава отверг все обвинения и отказался обсуждать вопрос с теми, кто, по его мнению, не имел на это права, но встретился с Маэда Тосииэ и постарался развеять опасения, заверив авторитетного *тайро*, что не имеет властных амбиций. В начале февраля состоялась примирительная встреча всех участников конфликта, на которой они подтвердили верность клятве, данной Хидэёси, и обменялись письменными гарантиями на этот счёт.

Состояние Маэда продолжало ухудшаться, и через месяц после примирительной встречи он умер. Сдерживать конфликт между группировками Исида и Токугава стало некому, и он вырвался наружу. Через неделю после смерти Маэда, 10 марта, семь воевавших в Корее боевых командиров (Като Киёмаса, Асано Юкинага, Курода Нагамаса, Фукусима Масанори, Тодо Такатора, Хатисука Иэмаса и Хосокава Тадаоки) совместно выступили против Исида Мицунари. Неприязнь к ему имела давние корни, но стала необратимой после того, как подчиняв-

Исида Мицунари

шаяся Исида служба тайного надзора (*мэцукэ*) представила Хидэёси доклад о сражении за Ульсан. Защищавшие город японские части одержали тогда общую победу и вынудили китайское войско отступить, но понесли тяжёлые потери и не стали преследовать противника, как того требовала боевая тактика. За это многие командиры получили от Хидэёси выговоры, а некоторые лишились части земельных владений. Оскорблённые несправедливым решением, они поклялись отомстить Исида и ждали удобного момента. В марте 1599 года такой момент настал.

Объединив силы, семеро военачальников атаковали городскую усадьбу Исида Мицунари, но один из соратников успел его предупредить, и он бежал в Киото, где укрылся в замке Фусими. Преследователи сожгли его усадьбу и окружили Фусими, потребовав выдать им беглеца. По иронии судьбы Исида нашёл спасение в резиденции своего главного противника Токугава. Авторитетный старейшина вступил с командирами в переговоры и убедил их, что целесообразнее пересмотреть отчёт о сражении за Ульсан и восстановить справедливость, чем просто убить обидчика. Он пообещал снять Исида с должности *бугё* и отправить его под домашний арест, что вполне соответствовало и его собственным интересам.

Все обещания были выполнены: 19 марта совет *тайро* подтвердил отсутствие упущений во время боевых действий со стороны Хатисука Иэмаса и Курода Нагамаса и снял с них взыскания, а командиру среднего ранга Хаякава Нагамаса был возвращён конфискованный у него форт в провинции Бунго. Спасённый от гибели Исида Мицунари официально извинился перед Токугава за январские подозрения и был отправлен под домашний арест в замок Саваяма в провинции Оми. Иэясу блестяще использовал конфликт между группой командиров Хидэёси и его главным тыловым распорядителем — удалив из столицы лидера оппозиции, он в то же время укрепил свой авторитет

в глазах воинской элиты. После смерти Маэда Тосииэ он остался единственным неформальным лидером в группе опекунов. Место Тосииэ в составе старейшин было передано его 36-летнему сыну Тосинага (1562–1614), но по авторитету он пока уступал остальным *тайро*.

В июле Токугава собрал всех воевавших в Корее старших командиров, поблагодарил их за службу и распустил по домам, объявив, что через год им надлежит снова прибыть в столицу. Иэясу продолжал заниматься государственными делами и жил в Фусими, втором по значению замке страны, в то время как остальные *тайро* — Мори Тэрумото, Уэсуги Кагэкацу, Укита Хидэиэ и Маэда Тосинага — вернулись в свои провинции. Именно в это время его за глаза начали называть *тэнка но тайро* (старейшина-правитель).

Очевидное для всех усиление Токугава, фактически взявшего власть в свои руки, вызвало неизбежную реакцию — его противники начали готовить контрмеры. На 9 сентября 1599 года в замке Осака была назначена одна из церемоний годового цикла, в которой должен был участвовать и Токугава. В конце августа *бугё* Масита Нагамори тайно с ним встретился и предупредил, что против него образовался заговор и в замке во время церемонии 9 сентября на него будет совершено покушение. Масита входил в группу соратников Исида, но поддерживал негласные контакты с Токугава. Обдумав ситуацию, Иэясу решил ехать на церемонию в замок Осака, но под усиленной охраной и в полной боевой готовности. Мероприятие прошло без происшествий, а участники заговора, имена которых назвал Масита Нагамори, были репрессированы: *бугё* Асано Нагамаса лишился своей должности и всех владений, а предполагаемые исполнители покушения Оно и Хидзиката были сосланы на восток.

В начале октября Токугава объявил, что начинает поход в провинцию Кага против Маэда Тосинага, который, по

его сведениям, тоже имел отношение к заговору. Поначалу хозяин провинции Кага был настроен принять вызов и попросил поддержки у Хосокава и Укита, с которыми вместе воевал в Корее, но после их колебаний, а затем и отказа пошёл с Токугава на мировую и трижды отправлял к нему своего представителя, чтобы уладить конфликт. В конце концов Иэясу удовлетворился его официальным извинением и отменил поход, но потребовал, чтобы Маэда и Хосокава отправили в Эдо заложников. Требование было выполнено.

В конце 1599 года Токугава переехал в западную часть замка Осака. Во-первых, это приблизило его к покоям наследника Хидэёси и позволяло быть в курсе того, что там происходит; во-вторых, сокращало разницу в статусе, ибо нахождение в главном замке страны само по себе имело политическое значение.

Новый 1600 год начался с тревожных сообщений с востока. Молодой военачальник Хори Хидэхару (1576–1606) доложил Токугава, что его сосед Уэсуги Кагэкацу, два года назад переехавший на новые земли, ведёт активные военные приготовления и поощряет мятежников в своей бывшей провинции Этиго, во владение которой вступил Хори Хидэхару. На требование Токугава прибыть в столицу и объяснить цель военных приготовлений Уэсуги ответил отказом, а его старейшина в начале мая прислал Иэясу оскорбительный по дерзости ответ, не оставлявший сомнений в том, что дом Уэсуги бросает ему вызов.

Уэсуги Кагэкацу

Через несколько дней Иэясу издал указ о подго-

товке к военному походу. Его целью было объявлено подавление мятежа Уэсуги в интересах наследника Хидэёси. Благородная цель позволила Иэясу мобилизовать военачальников из центральной части страны, которые в своё время дали клятву верности Хидэёси и при других обстоятельствах его бы не поддержали. С его стороны это был хорошо продуманный шаг.

Поход против Уэсуги начался 16 июня. Уход Токугава из столицы развязал руки его противникам — уже через 4 дня Исида Мицунари разослал военачальникам центральных и западных провинций письма с предложением объединить усилия и покончить с Токугава одновременным ударом с востока и запада. По некоторым сведениям, Исида координировал свои действия с Уэсуги и поддерживал с ним постоянную связь.

На этот призыв откликнулись все недовольные событиями последних двух лет, в основном военачальники из западных провинций страны. Помимо всего прочего, их объединяла неприязнь к Токугава за ту ловкость, с которой он использовал войну в Корее: не отправив на полуостров ни одного вассала, он закончил войну на посту главнокомандующего, в то время как все западные провинции были разорены.

К середине июля вокруг Исида Мицунари сложилась коалиция, в которую вошли три из пяти распорядителей *бугё* (Маэда Гэнъи, Масита Нагамори, Нагацука Масаиэ) и три из пяти «великих старейшин» *тайро* (Уэсуги Кагэкацу Мори Тэрумото, Укита Хидэиэ). В западные провинции был отправлен приказ о мобилизации, после которого в Осака начали прибывать командиры со своими отрядами. Помимо главных опекунов Хидэёри в состав коалиции вошли семь крупнейших воинских домов с годовым доходом более 200 тысяч *коку* риса: Мори, Симадзу, Укита, Кобаякава, Набэсима, Тёсокабэ, Маэда (Тосимаса, не путать с Тосинага). К концу июля общая численность запад-

ной армии достигла 100 тысяч человек. Легко захватив замок Фусими и взяв в заложники семьи ушедших вместе с Токугава командиров, западная армия выдвинулась на боевые позиции в провинции Мино и Овари.

Для Токугава консолидация его противников не стала неожиданностью. Он контролировал обширные территории на востоке страны и понимал, что в борьбе за столицу не сможет избежать конфликта с преданными Хидэёси военачальниками из западных и центральных провинций. Вызов со стороны дома Уэсуги он использовал для того, чтобы сделать своими союзниками как можно больше так называемых «командиров Хидэёси», которые в других обстоятельствах могли встать на сторону противника. Теперь же, когда они сами находились в боевом походе на востоке, а западная коалиция взяла их семьи в заложники, ситуация коренным образом изменилась.

Поддержка Токугава со стороны многих *даймё* объяснялась ещё одним фактором, возникшим после прихода Хидэёси к власти. Перепись земель, изъятие оружия у населения и многочисленные переназначения военачальников усилили роль его административного аппарата во главе с Исида Мицунари, Нагацука Масаиэ и другими *бугё*. Выступая за усиление центральной власти в интересах Хидэёси, они широко использовали конфискации и переназначения для наказания воевавших в Корее командиров. За годы войны так были наказаны западные кланы Симадзу, Хата, Отомо, Кобаякава и многие другие. Эта политика вызывала глухое недовольство воинской элиты, терявшей уверенность в своём будущем. Токугава же придерживался более традиционных взглядов и защищал права землевладельцев-наместников, чем привлёк на свою сторону многих из них.

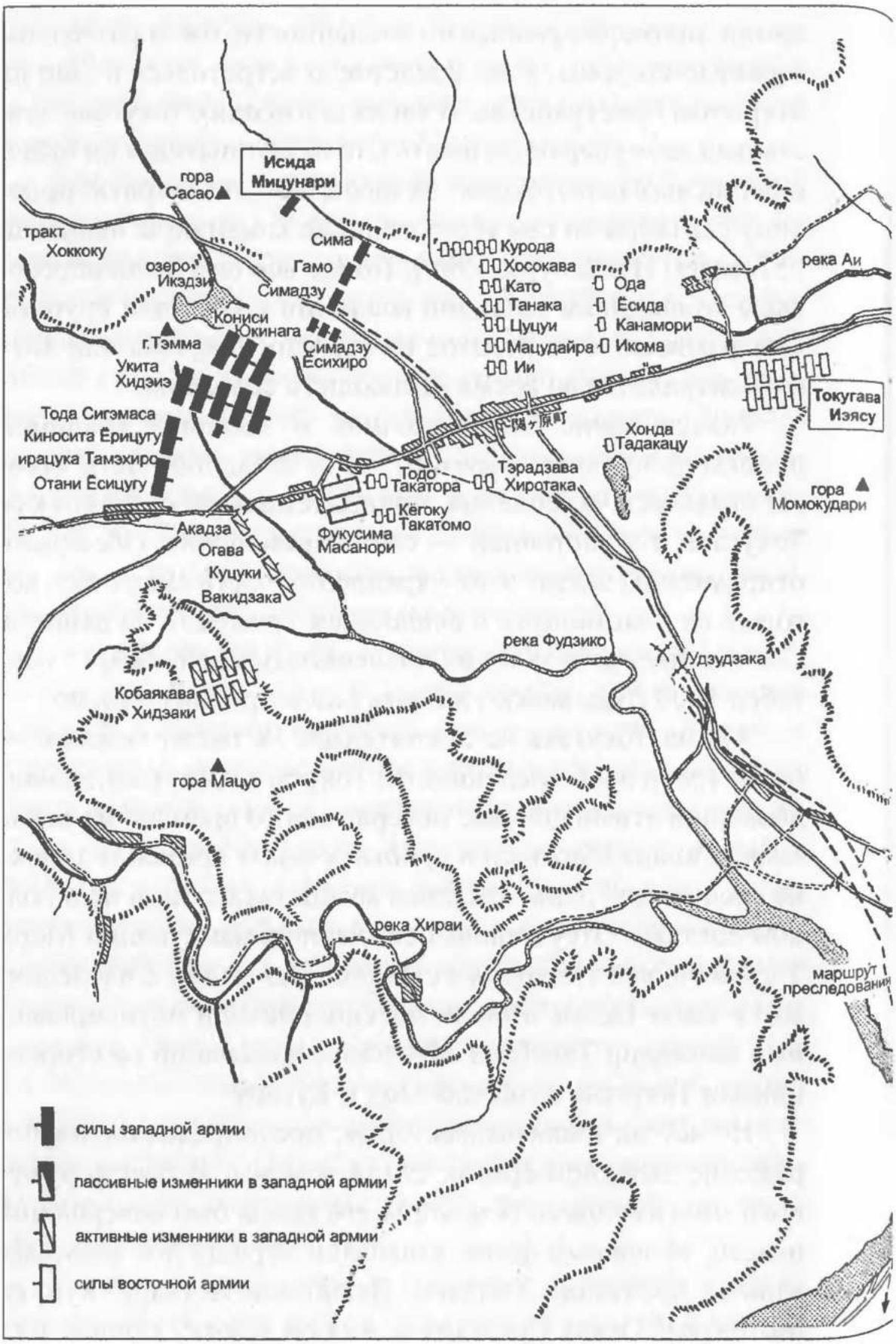
Отправив часть сил к границам владений Уэсуги, Иэясу уехал в свой замок Эдо и провёл там больше месяца, готовясь к сражению. Теперь западная и восточная

армии, примерно равные по численности, были разведены в разные стороны, и им предстояло встретиться в бою на открытом пространстве. В таких сражениях Токугава чувствовал себя увереннее всего. Столь же опытным он был и в негласных переговорах. За июль, август и первую половину сентября он сам и его старшие командиры написали 157 писем (Накамура, 1980). Почти все они были адресованы командирам западной коалиции и обещали крупное вознаграждение за переход на сторону Токугава или хотя бы нейтралитет во время решающего сражения.

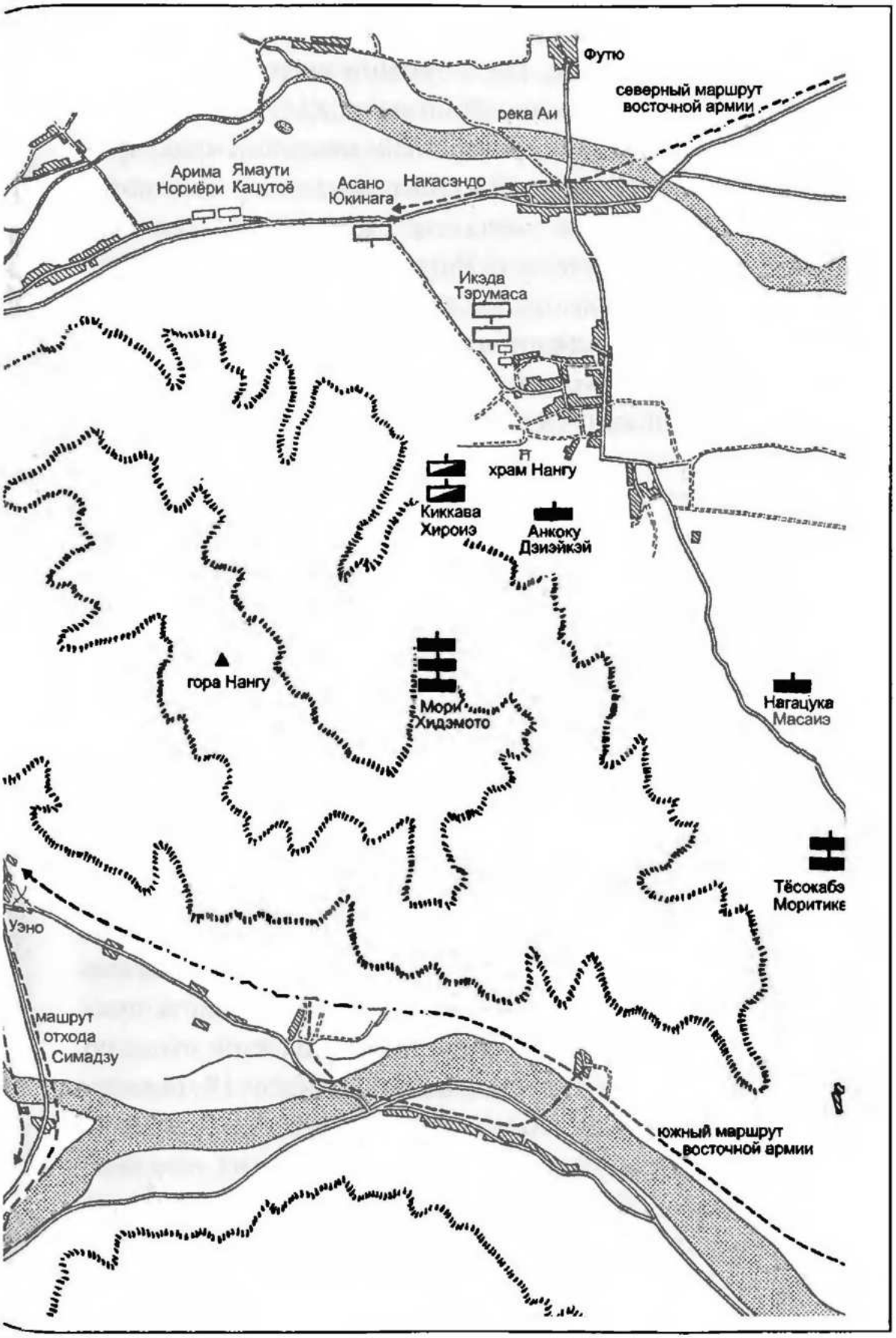
Размежевание сил восточной и западной коалиций происходило таким образом, что в западной части страны оказались укрепления, принадлежавшие сторонникам Токугава, а в восточной — союзникам Исида. Обе армии отправили на захват этих укреплений часть своих сил, которые не участвовали в решающем сражении на равнине Сэкигахара; из-за этого их численность в день боя, 15 сентября 1600 года, можно назвать лишь приблизительно.

Армия Токугава не досчиталась 38 тысяч человек — более трети всей численности. Токугава Хидэтада, командовавший этими силами, потерял много времени на осаде замка Санада Масаюки и прибыл к месту сражения только на следующий день. Западная армия также была не в полном составе. Отсутствовал её главнокомандующий Мори Тэрумото, всё это время остававшийся рядом с наследником в замке Осака, а также боеспособный и мотивированный командир Татибана Мунэсигэ, воевавший со сторонниками Токугава в городах Оцу и Кусацу.

Но всё же главным фактором, предопределившим поражение западной армии, стали измены. В разгар упорного многочасового боя, когда его исход был совершенно неясен, её южный фланг атаковали отряды под командованием Кобаякава Хидэаки, Вакидзака Ясухару, Куцуки Мотоцуна, Огава Сукэтада и Акадза Наоясу общей численностью от 15 до 20 тысяч человек, что резко изменило



Диспозиция восточной и западной армий



перед сражением на равнине Сэкигахара

баланс сил в пользу восточной армии. Кроме активных измен были и пассивные. Так, в течение всего боя не сдвинулся с места командовавший силами дома Мори западный командир Киккава Хироиэ, также имевший предварительную договорённость с Токугава. Из-за него в позиции наблюдателей остались западные отряды под командованием Тёсокабэ Моритика, Нагацука Масаиэ и Анкоку Дзиэйкэй. Таким образом, число участников сражения с западной стороны уменьшилось ещё на 8–10 тысяч человек. Когда стало ясно, что восточная армия одерживает победу, все они покинули поле боя и ушли в соседние провинции.

После победы Токугава Иэясу вернулся в Осака и доложил наследнику Хидэёси о том, что мятежники разбиты и в стране восстановлен порядок. Обе коалиции — и восточная, и западная — объявили, что действовали в интересах династии Тоётоми: Токугава охранял их от мятежа Уэсуги, а Исида — от амбиций Токугава. Военная победа на равнине Сэкигахара сделала Токугава Иэясу распорядителем всех материальных ресурсов страны и позволила приступить к созданию собственной системы власти.

Следующие два года ушли у него на урегулирование отношений с военными союзниками (*фудай даймё*) и противниками (*тодзама даймё*). Союзникам были значительно расширены земельные владения, а противники либо ушли из жизни, либо потеряли большую часть принадлежавших им земель. Совокупный рисовый доход со всех угодий страны в то время составлял около 18 миллионов *коку* (27 млн центнеров), из них более 6,3 млн *коку* (9,45 млн центнеров) принадлежало участникам западной коалиции. Таким образом, после военной победы Токугава перераспределил в свою пользу треть рисового дохода страны.

После этого можно было приступать к созданию собственной системы власти, как до него это делали Ода

Нобунага и Тоётоми Хидэёси. Единственным источником легитимных полномочий по-прежнему оставался императорский дом. В феврале 1603 года Токугава Иэясу указом императора Гоёдзэй был назначен на высший воинский пост и получил право на создание собственного правительства. С 1573 года страна жила без сёгуна и его «полевой ставки» (*бакуфу*), что на фоне четырёхсотлетней истории сёгуната выглядело как отклонение от нормы. Возврат к привычной форме воинского правления позволял объявить курс на восстановление утраченных ценностей и потребовать от воинской элиты подчинения во имя мира и порядка. Как и другие шаги Токугава на пути к власти, этот тоже выглядел вполне логичным, своевременным и направленным на общее благо.

Через два года Иэясу ушёл в отставку, передав высший воинский пост своему сыну Хидэтада, а сам переехал в Сумпу и взял себе не использовавшееся ранее звание *огосё*[56]. Вся власть по-прежнему оставалась в его руках, поэтому это слово быстро стало синонимом верховного правителя, хотя в замке Эдо жил и принимал положенные ему почести сёгун Хидэтада. В 1605 году династии Тоётоми и Токугава формально сравнялись: в каждой было теперь по два поколения — Хидэёси и Хидэёри против Иэясу и Хидэтада. И если бы 63-летний Иэясу вдруг заболел или умер, то в Эдо оставался законно назначенный императором правитель. Воинской элите было объявлено, что властные полномочия сёгуна и *бакуфу* необходимы для поддержания мира и порядка в стране, чего требовал и к чему стремился в своё время Тоётоми Хидэёси. И следовательно, означали верность его заветам и его наследнику.

---

[56] Словом *госё* называли в то время место, где жил император. В сочетании с префиксом вежливости *о-* звание Иэясу можно понимать как почтительное наименование резиденции верховного правителя.

Единение своих помыслов с интересами наследника Хидэёси Токугава подкрепил сразу после назначения на пост сёгуна в 1603 году, организовав помолвку 10-летнего мальчика со своей 6-летней внучкой Сэнхимэ, дочерью Хидэтада. Таким образом, с 1603 по 1615 год Япония жила в условиях двоевластия: за стенами замка Осака практически безвыездно жил и взрослел сын Хидэёси, который ничем не управлял, но получал положенные наследнику формальные почести, а реально страной руководил *огосё* Токугава Иэясу через своего сына и его правительство.

В 1600 году, после Сэкигахара, 7-летнему Хидэёри были выделены три провинции в столичном районе (Сэццу, Кавати и Идзуми) с годовым доходом в 657 тысяч *коку* риса, что вполне соответствовало его статусу и позволяло вести безбедную жизнь. Но эти земли выделил ему Токугава, что в какой-то степени ставило сына Хидэёси в один ряд с другими *даймё*, точно так же получившими от Токугава дарственные грамоты на владение землёй.

Ближайшее окружение Хидэёри видело происходившие во власти изменения и понимало их смысл, но ничего не могло сделать. Уйдя в отставку, Иэясу в 1605 году передал свою должность Правого министра 12-летнему сыну Хидэёси, что позволило ему опередить в придворной табели о рангах сёгуна Хидэтада, занимавшего должность Внутреннего министра. Однако все понимали, что это чисто декоративное и довольно слабое утешение.

По случаю назначения Хидэтада на высший воинский пост была устроена пышная церемония, но Хидэёри и его мать её проигнорировали и даже формальных поздравлений не прислали. При других обстоятельствах это могло бы вылиться в прямой конфликт, но Иэясу не стал обострять ситуацию, помня о поддержке, которой пользовался наследник Хидэёси в западной части страны. Наоборот, он изъявил желание нанести визит в замок Осака и поздравить мальчика с назначением на должность Правого

министра. Однако его мать Ёдодоно снова ответила отказом. Иэясу пришлось довольствоваться тем, что Хидэёри принял одного из его младших сыновей, Тадатэру. Такие уколы по самолюбию могущественного правителя — единственное, что могли сделать опекуны наследника.

Ёдодоно, мать Хидэёри

В конце марта 1611 года Иэясу инициировал смену императоров — Гоёдзэй уступил место на троне своему сыну Гомидзуноо, и по этому случаю во дворец съехалась вся воинская знать. *Огосё* тоже прибыл на торжества, предварительно пригласив Хидэёри встретиться и обсудить государственные дела. Мать юноши, больше всего опасавшаяся за жизнь сына, согласилась отпустить его в столицу при условии, что его будут сопровождать Като Киёмаса и Асано Юкинага. Говорят, что Като ухитрился пронести во внутренние покои замка Нидзё кинжал, чтобы убить Иэясу в случае нападения на Хидэёри, а Асано во время встречи оставался снаружи и следил за обстановкой.

Вызвавшая усиленные меры предосторожности встреча 69-летнего Токугава Иэясу и 17-летнего Тоётоми Хидэёри длилась два часа и прошла без происшествий. Её участники согласились, что в стране должны царить мир и порядок, а мятежи и междоусобицы следует навсегда исключить. Это решение было оформлено в виде указа *бакуфу* и стало законом для воинской элиты. В течение следующего года все военачальники страны письменно поклялись, что будут его соблюдать, тем самым присягнув на верность

новой власти. Правительственный указ содержал всего три пункта:

1. Беспрекословно выполнять все распоряжения *бакуфу*.
2. Не поднимать оружие против вышестоящих.
3. Не применять военную силу при решении спорных вопросов.

Указ был разослан всем *даймё*, кроме Тоётоми Хидэёри. Освобождение от присяги говорит о том, что в 1611 году сёгунат Токугава признавал его особое положение и считал соправителем Иэясу. Двоевластие в стране продолжалось.

Сторонники Хидэёри рассчитывали, что в день совершеннолетия юноша будет назначен на должность *кампаку*, которую занимал в своё время его отец, и это обеспечит ему возвращение к власти после смерти Иэясу. Но усиление конкурента не входило в планы Токугава, поэтому в 1612 году по его инициативе регентом был назначен ни на что не претендовавший 22-летний аристократ Такацукаса Нобухиса (1590–1621).

Император Гоёдзэй

По мере взросления Тоётоми Хидэёри дух соперничества между двумя центрами власти усиливался. С одной стороны, юноша всё больше осознавал себя законным наследником, которого с помощью политических манипуляций отстранили

от власти. Многие крупные *даймё*, в том числе и те, кто в 1600 году сражался на стороне Токугава, считали претензии Хидэёри справедливыми. С другой стороны, за прошедшие 10 лет новая власть во главе с опытным *огосё* прочно взяла страну под контроль, и никто не видел, каким образом это можно изменить. Многие надеялись, что перемены станут возможны после смерти Иэясу.

Он и сам понимал, что теперь его главным противником стало время. Пока наследник взрослел, оно было на стороне опытного политика, позволяя ему постепенно, буквально по кирпичику, выкладывать здание новой власти. Но в декабре 1612 года Иэясу исполнилось 70 лет, и никто не знал, сколько времени ему ещё отпущено. И никто не взялся бы предсказать, чем в случае его смерти закончится противостояние между двумя наследниками — Хидэтада и Хидэёри. Первый хоть и занимал высший воинский пост, не имел особых боевых заслуг и воспринимался воинской элитой как сугубо гражданский правитель; в этом смысле он не имел преимуществ перед сыном Хидэёси. Кроме того, претензии на власть начал демонстрировать один из младших братьев сёгуна Мацудайра Тадатэру (1592–1683), амбиции которого поддерживал его тесть, влиятельный Датэ Масамунэ. В общем, вопрос с двоевластием в стране беспокоил стареющего Иэясу и требовал решения.

Токугава Иэясу

После 1610 года начали умирать сторонники

Хидэёри. В 1611 году ушли из жизни лично преданные ему Като Киёмаса, Хорио Ёсихару и Асано Нагамаса. В 1613 году умерли Икэда Тэрумаса и Асано Ёсинага, а в 1614 году — Маэда Тосинага. Все они при жизни демонстрировали верность клятве, данной в своё время Тоётоми Хидэёси, и готовность защищать его сына в случае опасности. Уменьшение числа влиятельных покровителей Хидэёри меняло баланс сил в пользу Токугава и внушало тревогу опекунам наследника. Все понимали, что время работает против Иэясу и может подтолкнуть его к решительным действиям. В ходе переписки с верными ему воинскими домами Хидэёри обсуждал растущую угрозу и предоставление ему военной помощи в случае столкновения с *бакуфу*.

В общем, так всё и произошло. Весной 1614 года случился инцидент с надписью на колоколе столичного храма Хоко. Храм, построенный в своё время Тоётоми Хидэёси, был разрушен землетрясением 1596 года, и через 18 лет усилиями Хидэёри его наконец восстановили. В память об этом событии был отлит новый колокол с выгравированной на нём надписью. В одном из содержавшихся в ней выражений — *кокка анко* («стабильность в государстве») — второй и четвёртый иероглифы вместе составляли имя Иэясу, но были разделены. В магической практике того времени разрыв имени человека ассоциировался с его проклятием, поэтому состоявшее из четырёх иероглифов выражение привлекло внимание. Автор надписи, буддийский монах Сэйкан, утверждал, что не имел в виду никакой крамолы, но, судя по дальнейшим действиям Иэясу, он увидел в этом событии удобный повод.

В столицу выехала группа учёных-конфуцианцев во главе с Хаяси Радзан. Изучив надпись, они пришли к выводу, что иероглифический ряд может быть истолкован в нежелательном для правителя смысле и подлежит исправлению. Надо сказать, что составление иероглифических

сочетаний со скрытым смыслом в то время было довольно распространённым поэтическим занятием и высоко ценилось в кругах специалистов, поэтому не исключено, что при желании в надписи действительно что-то можно было усмотреть. Получив заключение конфуцианских экспертов, Иэясу 18 августа потребовал от Хидэёри отложить церемонию открытия храма вплоть до решения вопроса с надписью. В столице об открытии было широко объявлено заранее, поэтому приказ *бакуфу* вызвал в городе большое замешательство.

Хидэёри отправил к Иэясу с разъяснениями Катагири Кацумото (1556–1615), который состоял в хороших отношениях с правителем, и автора надписи, монаха Сэйкан. Однако Иэясу принял посланников жёстко: автора крамольной надписи сразу взяли под стражу, а Катагири во встрече было отказано. Ему вручили письменное послание для передачи Хидэёри и отправили обратно. Оно состояло из трёх пунктов: 1) Хидэёри должен покинуть замок Осака и переехать в новые владения, которые ему выделит *бакуфу*; 2) как и остальные удельные князья, он должен построить в Эдо усадьбу и отправить туда свою семью на постоянное место жительства; 3) в силу невозможности быстрого выполнения этих условий Хидэёри должен сразу отправить в Эдо свою мать Ёдодоно в качестве заложницы.

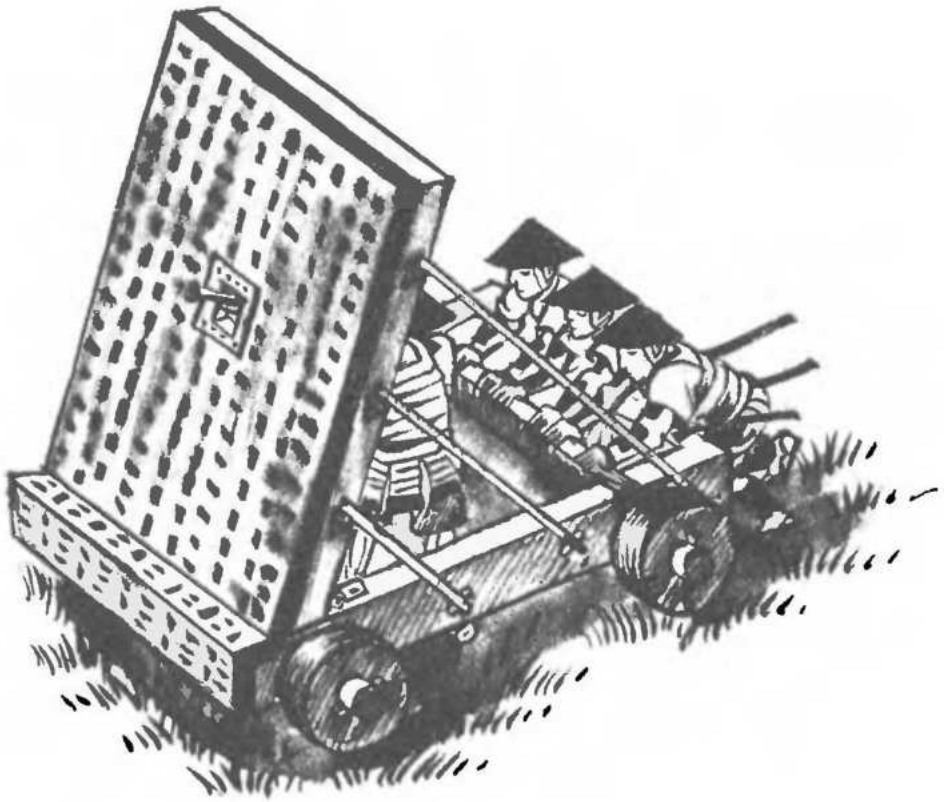
По сути, Токугава потребовал от Хидэёри признать себя уже не наследником Хидэёси с особым статусом и полномочиями, а рядовым *даймё* и полностью ему подчиниться. Конфликт перешёл в новую фазу, когда про надпись на колоколе уже не вспоминали.

Как и следовало ожидать, ультиматум Токугава вызвал в окружении наследника взрыв негодования. Первой жертвой гневной реакции стал посланник Катагири Кацумото, попытавшийся сгладить конфликт и уговорить Хидэёри рассмотреть требования Иэясу. Его обвинили в предатель-

стве и изгнали из замка, а один из командиров Хидэёри решил расправиться с предателем и напал на городскую усадьбу Кацумото. Благодаря вмешательству посредников её хозяин остался в живых, но был лишён всех владений и сослан в монастырь.

Узнав о том, как отнеслись к его требованию в лагере Хидэёри, Иэясу 26 сентября издал указ о военном походе, и к началу ноября 200 тысяч человек были готовы к выступлению.

Сторонники Хидэёри тоже начали готовиться к войне заранее. Сразу после получения ультиматума, в сентябре 1614 года, потенциальным союзникам были разосланы письма с просьбой о помощи, а в замок начали завозить огнестрельное оружие и запасы продовольствия, оборудовать на стенах боевые ходы и дополнительные стрел-



Передвижная защитная платформа

ковые вышки, нанимать безработных самураев. Денег в замке Осака было достаточно, поэтому несколько месяцев приготовления шли полным ходом. Однако ни один из крупных кланов, поддерживавших контакты с Хидэёри (в первую очередь Маэда, Фукусима, Хосокава, Симадзу) не пришёл ему на помощь. Откликнулись только те, кто пострадал от Токугава и не связывал с ним никаких надежд (кланы Санада, Тёсокабэ, Ода, Гото, Сэнгоку, Акаси и др.). Таких тоже было немало, поэтому к концу октября в окрестностях Осака собралось более 100 тысяч человек.

Бои в городе и вокруг него начались 19 ноября и продолжались больше месяца — до 21 декабря. В японской истории они известны как «зимняя кампания в Осака» (*Осака фую но дзин*). Многочисленные сторонники Хидэёри не могли поместиться внутри замка, поэтому бои шли на большой площади вокруг него. В течение трёх недель нападавшие вели обстрел замка из закупленных у европейцев крупнокалиберных длинноствольных пушек. За 10 дней до Нового года обе стороны истощили запас сил и заключили мирное соглашение. По его условиям армия Токугава снимала осаду и гарантировала полную неприкосновенность всем обитателям замка в обмен на обещание засыпать внешние и внутренние рвы и разрушить Вторую и Третью усадьбы (*Ниномару* и *Санномару*). Единственный ров, который разрешалось оставить, окружал Главную усадьбу (*Хоммару*), где жил Хидэёри с матерью.

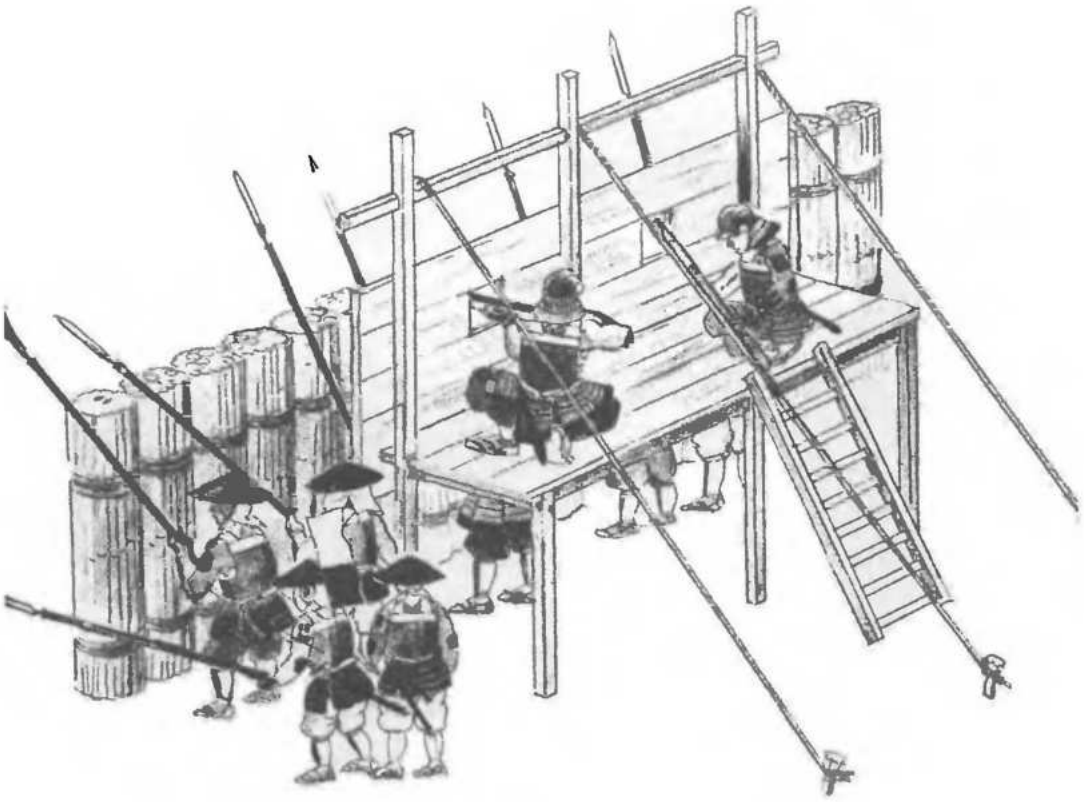
Оставив в столице для контроля 150 тысяч своих сторонников, Иэясу вернулся к себе в Сумпу. После Нового года вокруг замка Осака начались земляные работы. Они шли медленно и часто срывались, так как многие воевавшие на стороне Хидэёри командиры считали соглашение ошибкой и саботировали его выполнение. В городе и его окрестностях, куда съехались тысячи самураев, начались пожары, грабежи и захваты заложников.

Замок Осака

В марте Иэясу снова потребовал от Хидэёри либо выехать из замка на новые земли, либо распустить наёмное войско, чтобы восстановить в городе порядок. В любом случае он лишался последней защиты и попадал в полную зависимость от Токугава. Отправляя на переговоры в Сумпу своих посланников, Хидэёри требовал от них понизить уровень напряжённости и сделать всё, чтобы избежать возобновления боевых действий и выиграть время. При этом не распускал своих сторонников и готовился отразить новое нападение. В начале апреля Иэясу разослал военачальникам центральных провинций приказ объединить силы и выбить из Осака поддерживавших Хидэёри наёмных командиров. Формально боевые действия и на этот раз должны были вестись не против сына Хидэёси, а против тех, кто грабит город. Однако смысл распоряжения был всем понятен. Вскоре после этого к Токугава прибыл посланник Оно Харунага с сообщением, что Хидэёри не может принять его требований и покинуть Осака. Это стало основанием для повторного нападения на замок.

Двадцать второго апреля 1615 года в замке Нидзё состоялся военный совет, на котором был разработан план

действий, а 6 мая в Осака начались бои. Общая численность сил Токугава составляла 155 тысяч человек, на стороне Хидэёри воевали от 60 до 70 тысяч. Трёхкратное превосходство сил *бакуфу* и лучшее вооружение сыграли свою роль — бои продолжались всего два дня, 6 и 7 мая. Но это короткое сражение, состоявшее из множества яростных схваток в разных частях города, по масштабу и числу погибших с обеих сторон не уступало битве на равнине Сэкигахара. Под впечатлением от этих событий летописцы храма Тодай в два раза завысили численность обеих армий, записав, что на стороне Токугава сражались 300 тысяч человек, а на стороне Хидэёри — 150 тысяч (Сонэ, 2013). Об ожесточённости боёв свидетельствует также тот факт, что за два дня погибли почти все главы воинских домов, защищавших Хидэёри (Санада Юкимура, Оно Ясунага, Гото Матахэй, Кимура Сигэнари,



Защитные приспособления для пехоты (штурм замка Осака, 1615 год)

Сэнгоку Хидэнори и др.). По оценкам современников, армия Хидэёри потеряла до 20 тысяч человек убитыми. Некоторые его командиры, в том числе Ода Ёринага, покинули город ещё до начала сражения, другие перешли на сторону Токугава уже в ходе боя.

Во второй половине дня 7 мая Хидэёри сам облачился в доспехи и выехал из ворот замка, чтобы своим присутствием поднять боевой дух соратников, но по совету Оно Харунага сначала отложил выезд, а затем и вовсе его отменил. Из полученных в тот день сообщений от курьеров стало ясно — силы *бакуфу* одерживают победу и надеяться ему больше не на что.

Относительно последних минут жизни Тоётоми Хидэёри есть разные сведения. Согласно общепринятой версии, он и его мать Ёдодоно покончили с собой в Главной усадьбе замка 8 мая во второй половине дня. Однако в написанных через неделю письмах Мори Тэрумото и

Замок Осака сегодня. Главная пагода

Набэсима Наосигэ, непосредственно участвовавших в боях, говорится о том, что это произошло вечером 7 мая (Фукуда, 2014). После того как ассистент *кайсяку* ударом меча отсёк голову Хидэёри, Главная усадьба была подожжена изнутри и горела так, что багровые отблески на фоне вечернего неба были видны из Киото, за 30 километров.

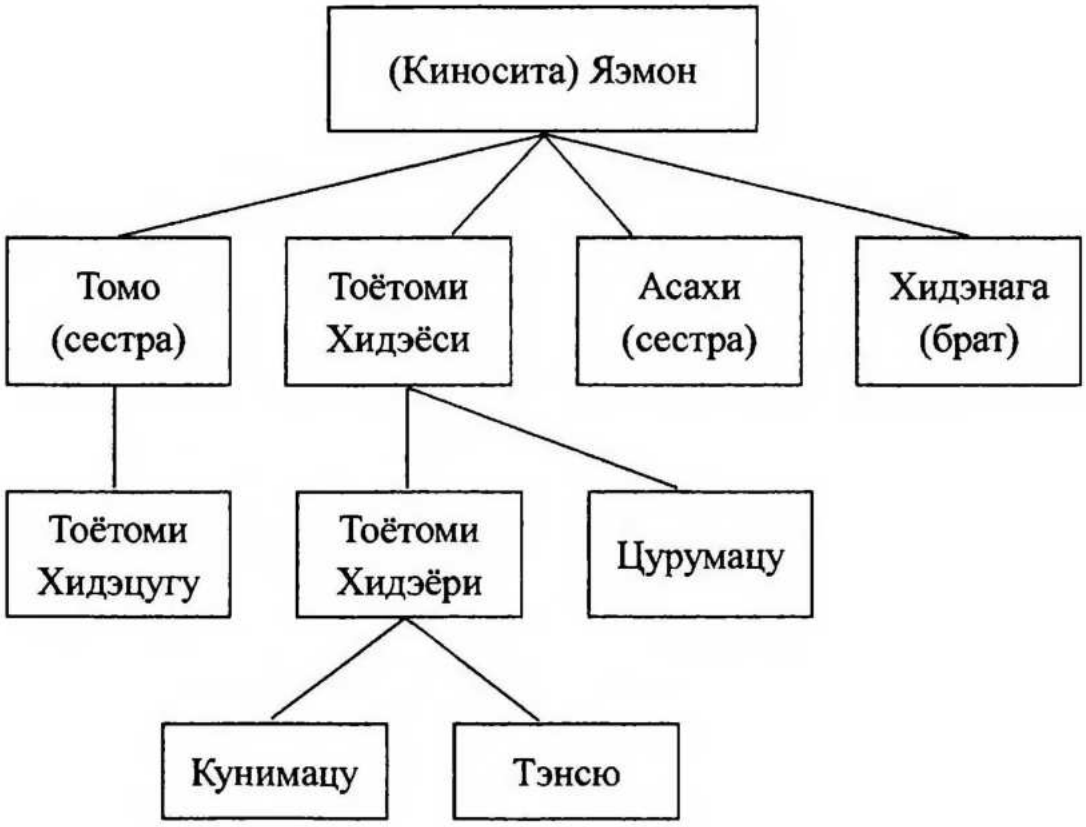
По литературным источникам, утром 8 мая Хидэёри был ещё жив и надеялся на помилование. Постоянно находившийся рядом с ним Оно Харунага якобы передал эту просьбу Иэясу через его внучку Сэнхимэ, жену Хидэёри, но получил отказ; по одним сведениям, Иэясу сам отказал в просьбе, по другим — оставил её на усмотрение Хидэтада с тем же результатом. Эта версия обычно воспроизводится в художественных произведениях и фильмах, посвящённых событиям 1615 года. Многолетнее противостояние двух центров власти, ожесточённость последнего сражения и принципиальная несовместимость интересов двух династий заставляют усомниться в том, что Тоётоми Хидэёри мог позволить себе на что-то надеяться. Принять условия Токугава и стать одним из многих *даймё* он мог дважды — в августе 1614-го и в марте 1615 года. Но он этого не сделал, поэтому нет оснований считать, что в мае 1615 года сын предыдущего правителя передумал.

Тоётоми Хидэёри

Более правдоподобным кажется вариант с преднамеренной дезинформацией

противника о том, что Хидэёри ещё жив, — его приближённым требовалось время, чтобы спрятать останки молодого господина и избавить его от посмертного унижения. Что косвенно подтверждается сохранившимися упоминаниями о том, что утром 8 мая на месте Главной усадьбы замка Осака уже дымились развалины, а также тем, что голова Хидэёри так и не была найдена. Вероятнее всего, её сожгли в одной из стрелковых башен. Из-за этого по стране ещё долго ходили слухи о том, что молодому наследнику удалось бежать из окружённого замка и остаться в живых. Останки его матери Ёдодоно были найдены и идентифицированы.

В официальном браке у Хидэёри не было детей, но от наложниц он имел 7-летнего сына Кунимацу и 6-летнюю дочь. Девочка выросла и ушла в монастырь (монахиня Тэнсю), а её брат через две недели после гибели отца был найден и убит.



Династия Тоётоми

Смерть Хидэёри поставила точку в 25-летней истории династии Тоётоми. После этого у Токугава Иэясу не осталось соперников — его потомки находились у власти следующие два с половиной столетия, до 1867 года.

Итоги

Тоётоми Хидэёси умер на 62-м году жизни, и большую её часть был мало кому известным военачальником среднего уровня. Вступив в борьбу за власть в 45-летнем возрасте, он через 8 лет поднялся на её вершину и ещё 8 лет единолично управлял страной. В японской истории он остался как близкий соратник Ода Нобунага, сумевший победить многочисленных конкурентов в борьбе за право называться его преемником и основавший собственную династию. За 28 лет службы под началом Нобунага он прошёл хорошую школу боевой тактики, освоил политическую науку управления людьми и глубоко проникся жаждой власти — как конечной цели любого военачальника. Влияние, которое оказал на него Нобунага, невозможно переоценить.

В военном деле Хидэёси перенял у него несколько важнейших для того времени организационно-тактических принципов, которые помогали ему побеждать:

- обеспечение численного превосходства над противником;
- тщательность подготовки операций;
- наступательный характер боевых действий;
- оперативность реагирования на возникающие угрозы.

Хидэёси продолжил усилия Нобунага по созданию постоянной армии и переводу служилого самурайства из

наследственных уделов ближе к резиденции главнокомандующего, под его постоянный контроль. Он полностью воспринял и продолжил практику своего учителя в области перераспределения захваченных земель между подчинёнными командирами и их переводов из одного удела в другой. Со временем такие переназначения и переезды стали неотъемлемой частью воинской службы.

Из новшеств, внесённых Хидэёси в военную тактику, в первую очередь следует отметить сверхбыстрое перемещение живой силы на пределе физических возможностей. Немыслимая для противника скорость марш-бросков Хидэёси во многом обеспечила ему победы в двух важнейших сражениях — при Ямадзаки против Акэти Мицухидэ и при Сидзугатакэ против Сибата Кацуиэ. В обоих случаях пехотинцы Хидэёси показали рекордную для того времени скорость пешего передвижения.

В отличие от Ода Нобунага Тоётоми Хидэёси был мастером длительной и тщательно организованной осады хорошо укреплённых фортов и замков и — шире — вообще специалистом по длительным операциям. Впрочем, эта особенность характеризовала не столько самого Хидэёси, сколько его начальника, предпочитавшего скоротечные решающие схватки.

В чём Хидэёси безусловно превосходил своего учителя, так это в умении работать с людьми и привлекать их на свою сторону исключительно мирными, дипломатическими способами. За свою жизнь он переманил к себе на службу огромное число командиров и военачальников всех уровней, с которыми ему поначалу предстояло воевать. Эта черта характера, сыгравшая большую роль в его конечном успехе, сформировалась в молодые годы, когда будущему правителю страны приходилось прислуживать другим людям и выполнять их желания. В жизни Нобунага такого периода не было, отсюда и разница в манере действий.

Их методы хозяйственно-экономического управления также имели сходства и различия. Так же как Нобунага, Хидэёси всячески поощрял свободное перемещение товаров и людей между уездами и провинциями, строил и ремонтировал дороги, убирал заставы, на которых с путников взимали пошлины, снижал налоги в тех случаях, когда это соответствовало его политическим целям.

Главное же отличие между ними заключается во внимании, которое эти два полководца уделяли жизни низших сословий японского общества. Если Нобунага занимался в основном регламентацией деятельности своих прямых вассалов, то есть непосредственно подчинявшихся ему военачальников высокого ранга, то Хидэёси в силу выпавших на его долю задач пришлось много заниматься

Памятник Тоётоми Хидэёси

организацией жизни низших сословий, составлявших большинство населения страны. Самые известные примеры — его указы об изъятии у крестьян холодного оружия и о запрете христианства.

Несмотря на огромную разницу в происхождении и характерах, Хидэёси сумел стать достойным преемником Нобунага и выполнить ту задачу, которую ставил перед собой его предшественник. И тем самым доказал, что по совокупности личных качеств ему не уступает. Правда, в конце жизни он, как и Нобунага, заметно изменился. Высшая власть сделала его жёстче и беспощаднее — как к своим, так и к чужим; истории с племянником Хидэцугу и чайным мастером Сэн Рикю хорошо это показывают.

С учётом темпов развития средневекового общества объединение Японии прошло сравнительно быстро — за несколько десятилетий, но при этом его этапы отличались высокой степенью преемственности: Тоётоми Хидэёси воспринял и развил многое из того, что делал Ода Нобунага, а Токугава Иэясу сохранил важнейшие принципы управления, заложенные его предшественником. Преемственность этого процесса стала одной из причин, обеспечивших стабильное развитие японского общества в последующую эпоху, когда страной правили 15 поколений династии Токугава.

Литература и источники

На русском языке

Асмолов В. К. Имджинская война 1592–1598 годов и корейский воин XVI–XVII веков (электронная версия).

Елисеев Д. Хидэёси, строитель современной Японии. СПб.: Евразия, 2008.

Искендеров А. А. Тоётоми Хидэёси. М.: Наука, 1984.

Ламерс Й. П. Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага. СПб.: Евразия, 2012.

Прасол А. Ф. Объединение Японии. Ода Нобунага. М.: Восточная литература, 2015.

Прасол А. Ф. От Эдо до Токио и обратно: культура, быт и нравы Японии в эпоху Токугава. М.: Астрель-Корпус, 2012.

Спеваковский А. Б. Самураи — воинское сословие Японии. М.: Наука, 1981.

Тернбулл С. Самураи. М.: Астрель, 2008.

На японском языке

Источники

Адзаи сандайки (Хроника трёх поколений Адзаи).

Акэти гунки (Военная хроника Акэти).

Асакура симацуки (Записи о делах Асакура).

Бэссё нагахаруки (Дневник Бэссё Нагахару).

Канэми кёки (Дневник Ёсида Канэми).
Киккавакэ мондзё (Записи дома Киккава).
Киккава кафу (Генеалогия дома Киккава).
Коё гункан (Военная летопись [провинции] Каи).
Микава моногатари (Летопись [провинции] Микава).
Морикэ мондзё (Записи дома Мори).
Мэйсё гэнкороку (Записи о деяниях и высказываниях великих полководцев).
Нихон цусин (Японские записи, автор Гнекки-Сольдо Органтино).
Оюдоно но уэ но никки (Записки в купальной комнате).
Сагимори никки (Дневник Сагимори).
Сибата гассэнки (Хроника боевых действий Сибата).
Сисэн кибун (Повествование о четырёх сражениях).
Сокэнки (Ода гунки) (Военная хроника [дома] Ода).
Тайкоки (Записи о Великом регенте).
Тамонъин никки (Летопись храма Тамонъин).
Тёсэнки (Корейские записи).
Токицунэ кёки (Дневник [Ямасина] Токицунэ).
Тэнсёки (Хроника годов Тэнсё).
Уваи Каккэн никки (Дневник Уваи Каккэн).
Харэтоё коки (Хроника [Кадзюдзи] Харэтоё).
Эхон тайкоки (Иллюстрированная биография Великого регента).

Литература

Аримицу Югаку. Нихон но дзидайси. Сэнгоку но тиики кокка 12 = Эпохи в японской истории. Региональные государства эпохи междоусобных войн. Т. 12. Ёсикава кобункан, 2003.

Асао Наохиро и др. Иванами кодза нихон цуси 11. Кинсэй 1 = Полный курс японской истории Иванами. Т. 11: Новое время. Ч. 1. Иванами сётэн, 1993.

Асао Наохиро. Тайкэй нихон но рэкиси (8). Тэнка тоицу = Серия «История Японии». Т. 8. Объединение страны. Синсё, 1993.

Вакасаки Кэн, Яманака Сёдзи. Нихон но гассэн 40 = Сорок японских сражений. Тоё кэйдзай симпося, 2010.

Дзусэцу сэнгоку гассэнсю = Эпоха междоусобных войн. Иллюстрированное описание сражений. Гаккэн, 2013.

Ёнэтани Хитоси. Коки вако кара Тёсэн сэнряку э // Тэнка тоицу то тёсэн синряку 13 = От пиратских нападений позднего периода к агрессии на Корейском полуострове // Объединение страны и агрессия в Корее. Ёсикава кобункан, 2003.

Икэ Сусуму. Нихон но дзидайси. Тэнка тоицу то тёсэн синряку 13 = Эпохи в японской истории. Объединение страны и агрессия в Корее. Ёсикава кобункан, 2003.

Икэгами Рёта. Дзусэцу сэнгоку бусё = Воины периода *сэнгоку*. Иллюстрированное издание. Синкигэнся, 2010.

Иматани Акира. Сэнгоку даймё то тэнно = Крупнейшие военачальники и император в эпоху междоусобных войн. Кодансяа гакудзюцу бунко, 2001.

Исии Сусуму. Тюсэй бусидан = Средневековые воинские дружины. Кодансяа гакудзюцу бунко, 2011.

Камигайто Кэнъити. Бунроку, кэйтё но эки = Война годов Бунроку и Кэйтё. Кодансяа, 2002.

Кан Хан. Канъёроку. Тёсэн дзюся но нихон ёкурюки = Японские дневники интернированного корейского монаха. Хэйбонся, 1984.

Канэко Кэнтаро. Курода Дзёсуйдэн = Повествование о Курода Дзёсуй. Косё, 1916.

Касая Кадзухико. Сэкигахара гассэн. Иэясу но сэнряку то бакухан тайсэй = Сражение при Сэкигахара. Стратегия Иэясу и система *бакухан*. Кодансяа, 2008.

Китадзима Мандзи. Хидэёси но тёсэн синряку = Нападение Хидэёси на Корею. Ямакава сюппан, 2002.

Кобаяси Тигуса. Тайко Хидэёси то Хидэцугу бохан = Хидэёси и измена Хидэцугу. Тикума сёбо, 1996.

Конлан Томас. Дзусэцу сэнгоку дзидай. Буки, богу, сэндзюцу хякка = Эпоха междоусобных войн. Иллюстрированная энциклопедия вооружений, доспехов и военной тактики / Яп. ред. Овада Тэцуо. Хара сёбо, 2013.

Кувата Тадатика. Тайко но тэгами = Письма Великого регента. Кодансha, 2006.

Ямадзи Айдзан. Тоётоми Хидэёси. Т. 1–2. Иванами сётэн, 1996.

Куно Масаси. Асикага Ёсиаки сэйкэнрон // Тотиги сигаку 23 = Правление Асикага Ёсиаки // Историография [преф.] Тотиги. Вып. 23. 2009.

Кэсарэта Хидэёси но дзидзицу — Токугава сикан о коэтэ = Вычеркнутые из жизни Хидэёси факты. Критика трактовки Токугава / Под ред. Ямамото Хирофуми и др. Касива сёбо, 2013.

Марусима Кадзухиро. Сэнгоку даймё но гайко = Дипломатия военачальников в эпоху междоусобных войн. Кодансha, 2013.

Масухара Исаму. Нобунага нэндайки = Хроники Нобунага. Собунся, 2012.

Мацуда Киити, Кавасаки Момота. Хидэёси то бунроку но эки = Хидэёси и война годов Бунроку. Тюо коронся, 1991.

Мики Сакаэ. Тёсэн игакуси оёби сиппэйси = История корейских болезней и медицины. Сибункаку сюппан, 1991.

Минэгиси Сумио, Катагири Акихико. Сэноку бусё, гассэн дзитэн = Полководцы и сражения эпохи междоусобных войн. Ёсикава кобункан, 2005.

Накано Хитоси. Бунроку, кэйтё но эки // Сэнсо но нихонси 16 = Война годов Бунроку и Кэйтё // История Японии в войнах. Т. 16. Ёсикава кобункан, 2008.

Накано Хитоси. «Тоири» то хэйхокю тайсэй // Тэнка тоицу то тёсэн синряку 13 = Вторжение в Китай и система пополнения войска // Объединение страны и Корейская война. Ёсикава кобункан, 2003.

Нисигая Ясухиро. Ода Нобунага дзитэн = Энциклопедия Ода Нобунага. Токёдо сюппан, 2000.

Нисимата Фусао. Сиротори но гундзигаку. Тикудзёся но ситэн кара кангаэру сэнгоку но сиро = Штурм укреплений. Форты периода междоусобных войн глазами их создателей. Гаккэн, 2013.

Нихон сэнси. Тёсэнъэки = Военная история Японии. Корейский поход / Ред. Самбо хомбухэн. Токума бунко, 1995.

Ногами Яэко. Хидэёси то Рикю = Хидэёси и Рикю. Синтё бунко, 1969.

Нукии Масаюки. Хидэёси то татакатта тёсэн бусё = Корейские полководцы, воевавшие с Хидэёси. Рокко буккусу, 1992.

Овада Тэцуо. Акэти Мицухидэ = [Полководец] Акэти Мицухидэ. Пи-Эйч-Пи синсё, 1998.

Овада Тэцуо. Сэнгоку бусё = Полководцы эпохи междоусобных войн. Тюо коронся, 1993.

Овада Тэцуо. Тоётоми Хидэцугу: сассё кампаку но хигэки = Тоётоми Хидэцугу: трагедия «регента-убийцы». Пи-Эйч-Пи синсё, 2002.

Овада Тэцуо. Хидэёси но тэнка тоицу сэнсо = Война Хидэёси за объединение страны. Ёсикава кобункан, 2006.

Одзава Томио. Сэнгоку бусё но юигондзё = Завещания полководцев эпохи междоусобиц. Бунгэй сюндзю, 2010.

Окуно Такахиро. Асикага Ёсиаки = [Сёгун] Асикага Ёсиаки. Ёсикава кобункан, 1960.

Ота Гюити. Синтё коки. Гэндайгояку = Хроники Нобунага в переложении на современный язык / Пер. Накагава Тайко. Кадокава, 2013.

Садзима Акико. Бунрокуэки но кова но урагава // Ицувари но Хидэёси-дзо о бутиковасу = За кулисами мирного договора годов Бунроку // Разрушить ложный образ Хидэёси. Касива сёбо, 2013. С. 171–198.

Сайто Синъити. Сэнгоку дзидай но сюэн = Конец эпохи междоусобных войн. Тюо коронся, 2005.

Сасама Ёсихико. Дзусэцу сэнгоку гассэнсю = Иллюстрированное описание сражений. Гаккэн, 2013.

Сасама Ёсихико. Дзусэцу нихон сэндзин сахо дзитэн = Иллюстрированная энциклопедия японской боевой стратегии и тактики. Касива сёбо, 2014.

Симмура Идзуру. Нихон кириситан бункаси = История христианства в Японии // Симмура Идзуру дзэнсю = Полное собрание сочинений Симмура Идзуру. Т. 6. Тикума сёбо, 1973. С. 435–440.

Сонэ Юдзи. Осака но дзин то Тоётоми Хидэёри = Штурм Осака и Тоётоми Хидэёри. Ёсикава кобункан, 2013.

Сэнгоку бусё но рирэкисё = Биографии полководцев эпохи междоусобиц / Куриэтибу суито. Такарадзимася, 2013.

Сэнгоку бусё но сибо синдансё = Посмертные диагнозы полководцев эпохи междоусобиц / Сост. Нисии Сидзу. Экс-Ноулидж, 2012.

Сэнгоку бусиндэн. Рэкиси гундзо сиридзу 66 = Дух воинов эпохи *сэнгоку*. Серия «Исторические портреты». Вып. 66. Гаккэн, 2008.

Сэнгоку гассэн тайдзэн. Гэкокудзё но хонрю то гунъю но татакаи. Дзёкан = Полное описание сражений периода *сэнгоку*. Главные направления меняющейся эпохи и сражения крупнейших полководцев. Вып. 1. Гаккэн, 1997.

Сэнряку, сэндзюцу, хэйки тайдзэн. Нихон сэнгокухэн = Стратегия, тактика, вооружение. Полное описание эпохи междоусобных войн. Гаккэн, 2011.

Такаянаги Мицуёси. Сэнгоку сэнки 3. Хоннодзи но хэн, Ямадзаки но татакаи = Военные хроники периода *сэнгоку*. Инцидент в храме Хонно и сражение при Ямадзаки. Сюндзюся, 1958.

Танигути Кацухиро. Ода Нобунага касин дзиммэй дзитэн = Именной словарь вассалов Ода Нобунага. Ёсикава кобункан, 2010.

Танигути Кацухиро. Ода Нобунага гассэн дзэнроку = Полная хроника сражений Ода Нобунага. Тюо корон синся, 2002.

Тэнкабито Нобунага кара Хидэёси э = От Нобунага к Хидэёси // Нихон рэкиси тэмбо. Дайнанакан = Обзор японской истории. Т. 7 / Под ред. Кувата Тадатика. Обунся, 1981.

Уранагасэ Такаси. Тюкинсэй нихон кахэй рюцуси. Торихики сюдан но хэнка то ёин = История денежного обращения в Японии в Средние века и Новое время. Эволюция средств оплаты и её внутренние причины. Кэйсо сёбо, 2001.

Фройс, Луис. Нихонси = История Японии / Пер. Мацуда Киити, Кавасаки Момота. Т. 1–5. Тюо коронся, 1977.

Фува Сюнсукэ. Курода Камбэй но сёгай = Жизнь Курода Камбэй. Асука сюппанся, 2013.

Фудзики Хисаси. Сэнгоку но сахо = Установления эпохи междоусобиц. Коданся, 2008.

Фудзики Хисаси. Тэнка тоицу то тёсэн синряку. Ода то Тоётоми сэйкэн но дзицудзо = Объединение страны и вторжение в Корею. Механизм власти Ода и Тоётоми. Коданся, 2005.

Фудзимото Масаюки. Нобунага но сэнсо. Синтё коки ни миру сэнгоку гундзигаку = Война Нобунага. Описание военной тактики в Хрониках Нобунага. Коданся гакудзюцу бунко, 2003.

Фукуда Тидзуру. Тоётоми Хидэёри. Ёсикава кобункан, 2014.

Фусао Нисимата. Сэнгоку но гунтай = Воины эпохи междоусобных войн. Гаккэн, 2012.

Хаттори Тосиро. Эйютати но бёсё синдан. Соно бёки, сэйкаку га нихон но рэкиси о каэта = Диагнозы героев: характеры и болезни, изменившие историю Японии. Пи-Эйч-Пи кэнкюдзё, 1983.

Хонда Такасигэ. Токугава Иэясу. Ёсикава кобункан, 2010.

Хори Син. Сёкухоки окэнрон = Высшая власть при Нобунага и Хидэёси. Адзэкура сёбо, 2011.

Эбара Масахару. Нихон но дзидайси. Икки но дзидай 11 = Эпохи в японской истории. Период мятежей. Т. 11. Ёсикава кобункан, 2003.

Ямагути Масаюки. Тёсэн сайкёси. Тёсэн кирисутокё но бунка кэнкю = История западной религии в Корее. Изучение корейской христианской культуры. Юдзанкаку, 1985.

Ямада Куниаки. Сэнгоку но кацурёку = Выживание в эпоху междоусобиц // Нихон но рэкиси. Сэнгоку дзидай. Хатикан =

История Японии. Эпоха междоусобных войн. Т. 8. Сёгаккан, 2008.

Ямамото Хирофуми. Тэнкабито но иккю сирё. Хидэёси мондзё но синдзицу = Первоисточники объединителей страны. Подлинный смысл письменных документов Хидэёси. Касива сёбо, 2009.

Ямамото Хирофуми, Хори Син, Сонэ Юдзи. Ицувари но Хидэёси-дзо о утиковасу = Разрушить ложный образ Хидэёси. Касива сёбо, 2013.

На английском языке

Boxer C. R. The Christian Century in Japan, 1549–1650. Berkeley, University of California Press, 1951.

Хронологический указатель

Год	Месяц	Возраст	Событие
1537	февраль		Рождение в провинции Овари, в семье крестьянина по имени Яэмон.
1554		17	Начало службы у Ода Нобунага.
1561		24	Брак с Онэ, приёмной дочерью Асано Нагакацу.
1564		27	Работа в провинции Мино с союзниками Сайто Тацуоки.
1565		28	Первое письменное упоминание имени Хидэёси (в связи с вкладом в победу Ода Нобунага над Сайто Тацуоки).
1570	апрель	33	Участие в походе Нобунага против Асакура и отступление из провинции Этидзэн с арьергардными боями.
1573	август — сентябрь	36	Участие в победном походе Нобунага против Адзаи и Асакура. Получение замка Одани, трёх уездов в провинции Оми и выход на уровень *сэнгоку даймё*. Смена фамилии Киносита на Хасиба.
1574		37	Окончание строительства и переезд в замок Нагахама.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1575		38	Участие в походах Ода Нобунага.
1576		39	Участие в походах Ода Нобунага.
1577	февраль сентябрь октябрь ноябрь декабрь	40	Участие в походе Нобунага в провинцию Кии. Участие в походе против Уэсуги Кэнсин и конфликт с Сибата Кацуиэ. Назначение ответственным за западное направление и начало войны против Мори. Покорение провинций Харима и Тадзима. Захват замка Кодзуки.
1578	июнь	41	Мятеж Бэссё Нагахару и потеря замка Кодзуки.
1580	январь	43	Победа над Бэссё Нагахару и повторный захват провинции Харима.
1581	октябрь	44	Захват замка Тоттори и покорение провинции Инаба.
1582	март июнь октябрь декабрь	45	Поход в провинцию Биттю и осада замка Такамацу. Гибель Ода Нобунага. Мирный договор с Мори. Победа над Акэти Мицухидэ в сражении при Ямадзаки. Совещание в Киёсу и дипломатическая победа над Сибата Кацуиэ. Символические похороны Ода Нобунага в столице. Победа над Ода Нобутака в замке Гифу.
1583	апрель май		Победа над Сибата Кацуиэ в сражении при Сидзугатакэ. Гибель Нобутака, третьего сына Нобунага.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1583	июль	46	Победа над Такигава Кадзумасу в замке Нагасино.
	сентябрь		Начало строительства замка Осака.
1584	март	47	Поход против Ода Нобукацу и Токугава Иэясу.
	апрель		Поражение от Токугава в боях при Комаки и Нагакутэ.
	ноябрь		Сепаратный мир с Нобукацу.
1585	март — апрель	48	Поход в провинцию Кии против Нэгоро и Сайка. Первый указ об изъятии оружия у крестьян. Предписание храмовому комплексу на горе Коя.
	август		Победа над Тёсокабэ Мототика и захват острова Сикоку. Победа над Сасса Наримаса в провинции Эттю. Назначение на должность регента императорского двора (*кампаку*).
	сентябрь		Победа над Мицуги Ёрицуна в провинции Хида.
	октябрь		Указ о запрете междоусобиц на острове Кюсю (*Собудзирэй*).
1586	февраль	49	Начало строительства столичного замка Дзюракутэй.
	март		Указ о распределении земель на острове Кюсю.
	май		Отправка к Токугава Иэясу младшей сестры.
	июнь		Начало боевых действий Симадзу против Отомо на острове Кюсю.
	июль		Решение о войне против Симадзу.
	октябрь		Подчинение Токугава Иэясу дипломатическими мерами.
	ноябрь		Указ о запрете междоусобиц в районе Канто (*Собудзирэй*).

Год	Месяц	Возраст	Событие
1586	декабрь	49	Поражение вассалов Хидэёси от Симадзу на острове Кюсю.
1587	май июнь июнь сентябрь	50	Победа над кланом Симадзу и захват острова Кюсю. Встреча с Со Ёсисигэ и требование к правителю Кореи прибыть в Японию. Первый указ о запрете миссионерской деятельности. Завершение строительства столичной резиденции Дзюракутэй.
1588	апрель июль август август октябрь	51	Церемония открытия замка Дзюракутэй в присутствии императора. Смена фамилии Хасиба на Тоётоми. Указ об изъятии оружия у населения и запрете пиратства. Встреча с представителем дома Ходзё. Послание одному из правителей Рюкю с требованием признать вассальную зависимость от Японии. Возвращение сёгуна Асикага Ёсиаки в столицу. Письмо корейскому правителю с требованием прибыть в Японию.
1589	май октябрь ноябрь	52	Рождение первого сына Цурумацу. Визит Со Ёсисигэ в Сеул. Инцидент в уезде Нумата между вассалами Ходзё и Сатакэ. Объявление войны дому Ходзё.
1590	февраль март март июль	53	Смерть сестры Асахихимэ. Начало боевых действий против Ходзё. Отправка корейского посольства в Японию. Капитуляция Ходзё. Прибытие корейского посольства в Киото.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1590	август ноябрь	53	Подчинение Датэ Масамунэ и контроль над провинциями Дэва и Муцу. Приём корейского посольства. Разрыв с Ода Нобукацу и конфискация его земель.
1591	январь февраль март март май август сентябрь октябрь декабрь	54	Приказ о строительстве морского флота для войны в Корее. Смерть младшего брата Хидэнага. Самоубийство чайного мастера Сэн Рикю. Мятеж в провинциях Дэва и Муцу. Возвращение корейского посольства в Сеул. Доклад об итогах поездки в Пекин. Смерть единственного сына Цурумацу. Подавление мятежа в Дэва и Муцу, завершение объединения страны. Начало строительства замка Нагоя на острове Кюсю. Передача должности *кампаку* племяннику Хидэцугу с присвоением Хидэёси звания Великого регента (*тайко*).
1592	январь март апрель май май — сентябрь июль август октябрь	55	Объявление военной мобилизации. Выезд Хидэёси в Нагоя. Высадка экспедиционного корпуса в Корее, захват Пусана и Тоннэ. Захват Сеула. Серия поражений японского флота от Ли Сунсина. Смерть матери Хидэёси. Перемирие с китайским командованием в Корее. Нарастание партизанского движения, перебои со снабжением.
1593	январь	56	Поражение японской армии под Пхеньяном.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1593	март апрель май июнь август	56	Прибытие в Сеул Исида Мицунари и решение об отступлении на юг. Отход на юг Корейского полуострова и строительство укреплений. Приём китайского посольства, семистатейный проект мирного договора. Сражение в Чинджу. Рождение второго сына и возвращение Хидэёси в Киото.
1594	январь декабрь	57	Подделка письменной капитуляции Хидэёси (исполнители: Шень Вэйцзин, Кониси Юкинага, Найто Дзёан). Прибытие Найто Дзёан в Пекин.
1595	июнь июль август ноябрь	58	Слухи о заговоре племянника Хидэцугу. Принуждение племянника к самоубийству. Массовая казнь близких Хидэцугу, разрушение замка Дзюракутэй. Прибытие китайского посла Ли Цзунчена в Пусан.
1596	март июль сентябрь декабрь	59	Бегство Ли Цзунчена из Пусана. Прибытие китайского посольства в Сакаи. Землетрясение в столичном районе. Приём посольства в замке Фусими и провал мирных переговоров. Второй указ о запрете христианства.
1597	январь февраль июль август август	60	Приказ о возобновлении боевых действий в Корее. Казнь в Нагасаки 26 христиан. Победа японского флота над Вон Гюном. Ожесточённые бои в провинции Силла. Смерть последнего сёгуна династии Асикага.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1598	январь апрель август октябрь ноябрь декабрь	61	Отступление китайской армии от Ульсана. Начало болезни. Смерть Хидэёси. Приказ Токугава об окончании боевых действий в Корее. Морское сражение в заливе Норянджин. Победа и гибель Ли Сунсина. Возвращение экспедиционного корпуса из Кореи.
1599			Отправка в Корею посланников дома Со и их арест.
1600	апрель сентябрь		Отправка первой группы корейских репатриантов и освобождение японских посланников. Битва при Сэкигахара. Окончательный уход китайской армии из Кореи.
1603	февраль май		Назначение Токугава Иэясу на пост сёгуна. Разрешение Пекина на заключение мирного договора с Японией.
1604	май		Отправка в Японию посольства Ючхона.
1605	январь		Возвращение посольства Ючхона. Назначение сёгуном Токугава Хидэтада. Назначение Тоётоми Хидэёри на должность Правого министра.
1606	март		Решение об отправке в Японию посольства и заключении мирного договора.
1607	май		Приём корейского посольства в Эдо и заключение мирного договора.
1611	март		Встреча Токугава Иэясу с Тоётоми Хидэёри.

Год	Месяц	Возраст	Событие
1614	апрель август декабрь		Инцидент в храме Хоко. Высылка из Осака наместника *бакуфу* Катагири Кацумото. Штурм Осакского замка и капитуляция Тоётоми Хидэёри.
1615	май		Второй штурм Осакского замка, самоубийство Хидэёри.

Научно-популярное издание

Прасол Александр Фёдорович

ОБЪЕДИНЕНИЕ ЯПОНИИ

ТОЁТОМИ ХИДЭЁСИ

Корректор *Е. А. Соседова*
Верстка *О. Б. Русакова*
Обложка *И. И. Мамыкин*

ООО «Издательство ВКН»
107497, Москва, ул. Бирюсинка, д. 6, к. 1–5
(495) 374-59-68
www.east-book.ru
www.muravei.ru
E-mail: muravei@muravei.ru

Подписано в печать 09.06.2016.
Формат 84x108 $^{1}/_{32}$. Усл. печ. л. 24,36.
Тираж 500 экз. Заказ № 6659.

Эта книга — вторая часть трилогии, посвящённой объединению Японии в конце XVI века. Центральное место в ней занимает жизнь и деятельность Тоётоми Хидэёси, одного из самых популярных персонажей японской истории. Сын простого крестьянина, в 17 лет примкнувший к воинскому сословию, он за счёт личных качеств сумел победить своих более именитых соперников и стать первым единовластным правителем страны. Книга рассказывает о том, как это произошло.

ISBN 978-5-9906061-7-3